

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

INTERNATIONAL RESEARCH

Society. Politics. Economics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общество. Политика. Экономика.



Құрметті оқырмандар!

Сіздердің назарларыңызға «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының екінші нөмерін ұсынамыз. Нөмердің негізгі тақырыбы: «Диаспоралар. Жерлестік. Қауымдастықтар».

Журнал Қазақстан мен Оңтүстік Кореяның ғылыми қауымдастығының бастамасының негізін салған диалог алаңына айналды. Бұл ынтымақтастықты дамытуда Қазақстан және Корея ғалымдарының кездесуін ұйымдастырған профессор *Ким Герман Николаевичтің* еңбегі зор. Бұл кездесу Қазақстан корей ассоциациясының, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің Кореитану орталығының қолдауымен, «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналы және Қазақстан Республикасындағы Корея Республикасы елшілігінің Корея мәдени орталығының ұйымдастырылуымен 2010 жылдың 26 наурызында «Қазақстан Республикасы мен Корея Республикасы: ғылыми қауымдастық серіктестігі» атты халықаралық ғылыми семинар шеңберінде өтті.

Бұл іс-шара Оңтүстік Кореядағы Қазақстан жылына орай өткізілді. Бұл іс-шара туралы «**Ғылыми семинарлар**» айдарында және Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының ресми сайтында толыққанды мәлімет ала аласыз.

Екі жақты қарым-қатынасты орнатуда көмек көрсеткені үшін Қазақстандағы Корея Республикасының Елшілігінің Кеңесшісі *Чин Ки Сок* мырзаға және Қазақстан корей ассоциациясының Президенті *Ким Роман Ухенович* мырзаға өз алғысымызды білдіреміз.

Журналдың осы нөмерінде жас ғалым-зерттеушілердің еңбектері жарияланған «**Жас ғалымдар**» атты жаңа айдар пайда болды.

Гранада университетінің Бейбітшілік және шиеленістерді реттеу институтының Қазіргі заманғы тарих кафедрасының профессоры *Хосе Анхель Руис Хименеспен* сұхбаттың бастамашы болған және оны жүргізген Редакциялық Кеңес мүшесі, профессор *Татьяна Дронзинаға* (София, Болгария) өзіміздің шексіз алғысымызды білдіреміз. Осындай сұхбаттарды журналдың «**Кітап авторларымен сұхбат**» айдарында жариялауды жалғастырамыз.

Негізгі авторы және құрастырушысы Редакциялық Кеңес мүшесі *Поле-таев Дмитрий Вячеславович* (Мәскеу, Ресей) болып табылатын әлеуметтік жобаларды ұйымдастыру және өткізу – журналдың тағы бір бағытын құрайды. «**Әлеуметтік жобалар**» айдарында біздің журналдың әлеуметтік жобаларымен танысуға болады.

Редакциялық Кеңес мүшелеріне тартымды жобалар мен қолдау көрсеткені үшін алғысымызды білдіреміз!

*Құрметпен,
Журналдың баспагері,
әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
Ракишева Ботагөз Исләмқызы
Журналдың бас редакторы,
саясаттану ғылымдарының докторы
Кожирова Светлана Басейқызы*

Dear readers!

We would like to introduce the second issue of the magazine «**International Research. Society. Politics. Economics.**» The key topic of this issue is «**Diasporas. Associations. Communities.**»

The magazine has become the venue for the representatives of academic communities of Kazakhstan and South Korea to begin their cooperation. This is the virtue made by *Kim German Nikolayevich*, Member of the Editorial Board, who organized the meeting of Kazakhstan and South Korean scholars. This meeting was held March 26, 2010 in Astana within the framework of international scientific seminar «**Republic of Kazakhstan and Republic of Korea: Scientific Community Partnership**», which was organized by our magazine and Korean Cultural Center of the Embassy of Republic Korea to Republic of Kazakhstan with the support of the Embassy of Republic Korea to Kazakhstan, the Kazakhstan Koreans' Association, Institute for Comparative Social Research CESSI-Kazakhstan, Center for Korean Studies under the Kazakh National University named after Al-Farabi. This event was held within the Year of Kazakhstan in South Korea. More detailed information can be found under the magazine heading «**Scientific Seminars**» and on the website of the Institute for Social and Political Research.

We would also like to thank Mr. *Jin Kee Seok*, Counsellor of the Embassy of Republic Korea to Kazakhstan and Mr. *Kim Roman Ukhenovich*, President of the Kazakhstan Koreans' Association for their assistance in establishing bilateral relations.

New headings have been introduced in this magazine issue. One of them is «**Young Scholars**» where the works of young researchers and scholars are presented.

The interview with *Jose Angel Ruiz Jimenez*, Professor, Department of Contemporary History, Peace and Conflicts Institute, University of Granada (Granada, Spain) has been initiated and facilitated by *Tatyana Dronzina*, Member of the Editorial Board, Professor (Sofia, Bulgaria). We do appreciate Tatyana Dronzina's help. We will continue publishing such interviews in the magazine under the heading «**Interviews with authors of books**».

Another new direction in the magazine development has become organizing and implementing social projects. The main author and designer of these projects is *Poletaev Dmitry Vyacheslavovich*, Member of the Editorial Board (Moscow, Russia). The magazine heading «**Social Projects**» introduces the details of this new direction.

We would like to thank the members of the Editorial Board for their interesting projects and support!

Sincerely yours,
Rakisheva Botagoz Islyamovna,
Candidate of Sociological Sciences,
Magazine publisher

Kozhirova Svetlana Bassegovna,
Doctor of Political Sciences,
Editor-in-Chief

Дорогие читатели!

Предлагаем Вашему вниманию второй номер журнала «**Международные исследования. Общество. Политика. Экономика**». Основная тема номера: «**Диаспоры. Землячества. Сообщества**».

Журнал стал площадкой, где начали свое сотрудничество представители научного сообщества Казахстана и Южной Кореи. Большая заслуга в этом профессора *Ким Германа Николаевича*, члена Редакционного совета журнала, который организовал встречу казахстанских и корейских ученых. Эта встреча прошла в Астане в рамках международного научного семинара «**Республика Казахстан и Республика Корея: партнерство научного сообщества**» 26 марта 2010 г., который был организован нашим журналом и Корейским культурным центром Посольства Республики Кореи в Республике Казахстан при поддержке Посольства Республики Кореи в Казахстане, Ассоциации корейцев Казахстана, Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, Центра корееведения КазНУ им. Аль-Фараби. Данное мероприятие было проведено в рамках Года Казахстана в Южной Корее. Более подробно об этом мероприятии можно узнать на страницах журнала в рубрике «**Научные семинары**» и на сайте Института социально-политических исследований.

Хотелось бы также поблагодарить за помощь в налаживании двухсторонних отношений Советника Посольства Республики Кореи в Казахстане господина *Чин Ки Сок* и Президента Ассоциации Корейцев Казахстана господина *Ким Романа Ухеновича*.

В этом номере журнала появились новые рубрики, одна из них «**Молодые ученые**», где представлены работы начинающих ученых-исследователей.

Интервью с *Хосе Анхель Руис Хименесом*, профессором кафедры современной истории Института мира и урегулирования конфликтов Университета Гранады (Гранада, Испания) было инициировано и воплощено в жизнь членом Редакционного Совета, профессором *Татьяной Дронзиной* (София, Болгария), за что мы искренне благодарим её. Подобные интервью мы будем продолжать публиковать на страницах журнала в рамках рубрики «**Интервью с авторами книг**».

Еще одним новым направлением деятельности журнала стала организация и проведение социальных проектов, главным автором и разработчиком которых является Член Редакционного Совета *Полетаев Дмитрий Вячеславович* (Москва, Россия). В рубрике «**Социальные проекты**» можно подробно познакомиться с социальными проектами нашего журнала.

Благодарим Членов Редакционного Совета за интересные проекты и за поддержку!

*С уважением,
Ракишева Ботагоз Исламовна,
кандидат социологических наук,
Издатель журнала*

*Кожирова Светлана Басейовна,
доктор политических наук,
Главный редактор журнала*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

Халықаралық ғылыми-сараптамалық және ақпараттық журнал

Бастырушы:

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты
(Қазақстан)

Бас редактор:

Кожирова Светлана,
саяси ғылымдар докторы

Бас редактордың орынбасары:

Тукаева Дариға,
халықаралық мемлекеттік басқару магистрі

Шығарушы редактор:

Руднева Евгения, социология бакалавры

Дизайнер:

Мақсурина Гүлмира

Корректор:

Әдіханова Венера

Аударма:

Колобаев Руслан (ағыл.)
Жолдыбалина Алуа (қаз.)

Редакция алқасы:

Калмыков Сергей,
философия ғылымдар кандидаты
Сәдуақасова Айгүл,
әлеуметтану ғылымдар докторы
Пак Марина, психологияның магистрі
Жолдыбалина Алуа, ізденуші
Мәжитова Айнұр, әлеуметтану бакалавры
Ахметжанова Наила, агрономия магистрі
Еркебаева Гүлден, әлеуметтану бакалавры
Шалова Гүлден, әлеуметтану бакалавры

Қаржылық-әкімшілік бөлімі:

Бекетаева Дамиля

Негізгі серіктес:

Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер
институты ЦЕССИ-Қазақстан

Журнал жылына 4 рет басылып шығады.

Редакцияның мекен-жайы:

000001, Астана, Абай даңғылы 86 (30), 1 кеңсе.
Телефондары: 466 234, 457 002, 457 003
Электрондық адрес: ispr@ispr.kz
Сайт: www.ispr.kz

Басуға 7 сәуір 2010 жылы қол
қойылды. Пішімі 170x260 мм.
Таралымы: 1000 дана
ЖШС "PRINT COM INT"
баспаханасында басылған.

Жазылу индексі: 74270

Журнал ақпарат және архивтер Комитеті
мен Қазақстан Республикасы Мәдениет
және ақпарат министрлігінде тіркелген
№ 10291- Ж. куәлігі

Авторлардың көзқарасы мен редакция
ұстанымының үйлесуі міндетті емес.

Журнал материалдарын пайдаланған кезде
міндетті түрде дереккөздер көрсетілуі тиіс.

МАЗМҰНЫ

Редакциядан 3

Теория және методология сұрақтары

ГОЛУНОВ С. В. Шекаралық қауіпсіздік:
тұжырымдамалау мәселелері 12

Оңтүстік Кореядағы Қазақстан жылы

КИМ Г. Н. Посткеңестік корей диаспорасының
ұлттық идентификациясының және этникалық сана-
сезімінің эволюциясы 22

КИМ САНГ ЧХОЛЬ Орталық Азиядағы дәстүрлі
қауымдардың ауысуы мен ажырауы. 15 ғасырдан
бастап 30

МАРМОНТОВА Т. В. Экономика саласындағы
Оңтүстік Корея мен Қазақстанның өзара
әрекеттесуі 38

РАКИШЕВА Б., ТУКАЕВА Д. К. Қазақстандағы
қазіргі заманғы Оңтүстік Корея имиджі: қоғамдық
пікір сауалнамасының нәтижелері 42

ШАЙМАРДАНОВА Н. Ж. Соғыстан кейінгі
Кореяның саяси және мәдени жаңаруының негізгі
кезеңдері 46

ЧО ЫН-ДЖОН 2010 жылы ЕҚЫҰ-на Қазақстанның
төрағалығы және Оңтүстік Корея-Қазақстан
серіктестігінің болашағы 54

Қазақстан

КОЖИРОВА С. Б.
ҚХР-ның диаспоралық саясаты 62

Ресей Федерациясы

БОГАТУРОВ А. Д. Орталық Азиядағы халықаралық
орта және саяси реформалау 72

КАДЫРБАЕВ А. Ш. Посткеңестік Орталық
Азиядағы диаспоралар. Дүнгендер 78

МОЛОДЫХ Л. Л. Шығыстың көпқұрамдық қоғамы:
неоколониализм әлемдік жүйесі жағдайындағы
диаспоралар 86

СИНИЦЫН Ф. Л. КСРО-ның жер аударылған
халықтарының диаспоралары: құрылуы мен қазіргі
жағдайы 96

Грузия

ЗУРАБИШВИЛИ Т. Грузиялық жаңа диаспора мен
ақша аударымдары 110

Жас ғалымдар

СЛАВЕЦКИЙ В. Ю. Польшаның сыртқы
саясатындағы этникалық поляктар
диаспоралары 118

ЖОЛДЫБАЛИНА А. С. АҚШ-тың және Еуроодақ
елдерінің сараптамалық талдау орталықтарының
(think tank) даму тенденциясы 127

Кітап авторларымен сұхбат

Балқан мәселесі: сарапшы көзқарасы
(Хосе Анхель Руис Хименес) 136

Әлеуметтік жобалар 141

*Журналдың ғылыми семинарлар
айдары* 148

Түйіндеме 154

Кітапқа шолу 162

*Тарихшылар Форумы туралы
ақпараттық хат* 168

Авторлар үшін ақпарат 170

РЕДАКЦИЈАЛЫҚ КЕҢЕС

Редакциялық кеңестің төрағасы:
ЦЕССИ – Қазақстан Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институтының директоры, ИСПИ-Қазақстан Бағдарламасының директоры, әлеуметтік ғылымдар кандидаты
Ракишева Ботагоз Исләмқызы

Алексеевко Александр Николаевич – Шығыс гуманитарлық институты демографиялық зертхана меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Өскемен, Қазақстан)

Анджей Вержбицкий – Варшава Университеті Саясаттану ғылымдары институтының қызметкері, Шығыс (Посткеңестік) зерттеулер кафедрасы, гуманитарлық ғылымдар кандидаты (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – Маулан Абул Калам Азад атындағы азиаттық зерттеу Институтының қызметкері, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Калькутта, Үндістан)

Арто Лукканен – Ренвалл Институты Ресей және Шығыс Еуропа зерттеуінің үйлестірушісі, адъюнт-профессор, саясаттану ғылымдарының докторы (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – Лондон университеті шығыс және африканың зерттеулер Мектебі жанындағы заманауи Орталық Азия мен Кавказ Орталығының төрағасы, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Грегори Глиссен – Нью-Мексико Университеті Ұлттық қауіпсіздікті зерттеу Бағдарламасының директоры, профессор, саясаттану ғылымдарының докторы (АҚШ, Германия)

Жүнісова Жаңылжан Қасымқызы – ҚР Парламенті мәжілісінің Ақпараттық-талдау бөлімі секторының меңгерушісі, саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан)

Донг Янг – Ресей институты, Шығыс Еуропа мен Орталық Азия Қытай Әлеуметтік ғылымдар академиясы директорының орынбасары, профессор (Бейжің, Қытай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – Иркут мемлекеттік университеті әлем тарихы және халықаралық қарым-қатынастар кафедрасының профессоры, «Диаспоры» журналы редакторының орынбасары, «Ішкі Азия» Зерттеу Орталығының директоры, тарих ғылымдарының докторы (Иркутск, Ресей).

Каюм Кесиж – Людвиг Максимилиан Институты профессоры, Батыс Еуропа еуропалық мәдени орталықтар Федерациясының төрағасы, саясаттану ғылымдарының докторы (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ корейтану кафедрасының профессоры, тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Коркут Туна – Стамбул университеті Гуманитарлық факультетінің деканы, түркітілдес

халықтар әлеуметтанушылары Одағының Президенті, профессор (Стамбул, Түркия)

Косимшо Искандаров – Тәжікстан Республикасы мемлекеттік қызметкерлердің біліктілігін көтеру Институты мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет Зерттеу Орталығының директоры, Тәжікстан Республикасы Шығыстану және жазба мұралар ғылыми Академиясы Институтының тарих және аймақтық шиеленіс зерттеулер бөлімінің меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы (Душанбе, Тәжікстан)

Ма Венпу – Бейбітшілік және қарусыздандыру Бүкілқытайлық халықтық ассоциациясының (CPAPD) вице-президенті, Қытай Халық Республикасы Ұлттық Халықтық Конгресі шетел ісі бойынша төрағасының орынбасары, профессор (Бейжің, Қытай)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – миграциялық зерттеулер Орталығының (Ж.А. Зайончковская Орталығы) сарапшысы, Ресей Ғылым Академиясы Халықшаруашылық болжау институты миграцияны сараптау мен болжау зертханасының бас ғылыми маманы, экономика ғылымдарының кандидаты (Мәскеу, Ресей)

Раса Алишаускиене – Baltic Sarveys /The Gallup Organization зерттеу институтының бас директоры, әлеуметтану профессоры (Вильнюс, Литва)

Сара О’Хара – Ноттингем университеті әлеуметтік ғылымдар факультеті деканы, география профессоры (Ноттингем, Ұлыбритания)

Сыроежкин Константин Львович – Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы стратегиялық зерттеулер Қазақстан институтының аға ғылыми қызметкері, профессор, саясаттану ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Татьяна Дронзина – Климент Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саясаттану ғылымдарының докторы (София, Болгария)

Уильям Фиерман – Орталық Азия зерттеулер факультетінің профессоры, Индиана штатының университеті, саяси ғылымдарының докторы (PhD) (Блумингтон, АҚШ)

Уяма Томохико – Хоккайдо университеті славян зерттеулері Орталығының профессоры (Хоккайдо, Жапония)

Хаяти Тюфекчиоглу – Стамбул университеті Еуразия Институтының директоры, әлеуметтік ғылымдар докторы, профессор (Стамбул, Түркия)

Эм Гу-хо – халықаралық зерттеулер факультеті профессоры, Азиаттық-тынықмұхиттық зерттеулер Орталығының директоры (Сеул, Оңтүстік Корея)

INTERNATIONAL RESEARCH

Society. Politics. Economics

International Research Magazine

Publisher:

Institute for Socio-Political Research
(Kazakhstan)

Editor-in-chief:

Kozhirova Svetlana,
Ph.D (Political Science)

Deputy Editor-in-chief:

Tukayeva Dariga, MPA

Copy Editor:

Rudneva Yevgeniya, Bachelor of Sociology

Designer:

Maksurina Gulmira

Proofreader:

Adykanova Venera

Translators:

Kolobayev Ruslan (English)
Zholdybalina Alua (Kazakh)

Editorial Staff:

Kalmykov Sergei,
Candidate of Science (Philosophy)
Sadvakassova Aigul, Ph.D (Sociology)
Pak Marina, Master of Psychology
Zholdybalina Alua, Ph.D Candidate
Mazhitova Ainur, Bachelor of Sociology
Akhmetzhanova Nailiya, Master of Agronomy
Yerkebayeva Gulden, Bachelor of Sociology
Shalova Gulden, Bachelor of Sociology

Financial Department:

Beketayeva Damilya

The main partner:

Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan

The magazine is issued four times a year.

Address:

of. 1, 86 (30) Abai Avenue,
000001, Astana, Kazakhstan
Tel.: 466 234, 457 002, 457 003
Email: ispr@ispr.kz
Website: www.ispr.kz

Signed for printing April 7, 2010

Format 170x260 mm.

Circulation: 1000 copies

Printed LLC "PRINT COM INT "

Subscription index: 74270

The magazine was registered by Committee
of Information and Archive, Ministry of Culture
and Information of the Republic of Kazakhstan.
License № 10291- ZH

The authors' point of view should not always be
concurrent with the publisher's opinion.
No materials of this magazine maybe used or
reproduced without reference

CONTENT

From the Publisher 3

Issues of theory and methodology

GOLUNOV S.V. Border security: problem of
conceptualization 12

The year of Kazakhstan in South Korea

KIM G. N. Evolution of the national and ethnic identity
of the post soviet Korean Diaspora 22

KIM SANG-CHEOL The Transformation and
Separation of Central Asian Traditional Communities.
From 15th Centuries..... 30

MARMONTOVA T. V. Cooperation of South Korea and
Kazakhstan in economical field 38

RAKISHEVA B., TUKAYEVA D. Modern image of
South Korea in Kazakhstan: Results of the Poll..... 42

SHAIMARDANOVA N. ZH. The main stages of
political and cultural modernization
of post-war Korea 46

CHO EUN-JEONG OSCE Chairmanship of Kazakhstan
in 2010 and the prospect of South Korea-Kazakhstan
Partnership 54

Kazakhstan

KOZHIROVA S. B. Diaspora policy of PRC..... 62

Russian Federation

BOGATUROV A. D. International environment and
political reformations in Central Asia..... 72

KADYRBAYEV A. SH. Diasporas in former Soviet
Central Asia. Dungans 78

MOLODYKH L. L. Complex society of the East:
diasporas in conditions of international system of
neocolonialism 86

SINITSYN F. L. Diasporas of deported nations of the
USSR: formation and modern conditions 96

Georgia

ZURABISHVILI T.

New Georgian Diaspora and money transfers..... 110

Young scholars

SLAVETSKIY V. YU. The ethnic Poles Diasporas
in the Poland foreign policy..... 118

ZHOLDYBALINA A.S. Think tanks development's
trends of the U.S. and EU 127

Interviews with authors of books

Balkan Question: Expert's View
(Jose Angel Ruiz Jimenez) 136

Social Projects 141

Magazine Scientific Seminars..... 148

Summary 154

Book review 162

*Information letter
about Forum of Historians*..... 168

Information for Future Authors 170

EDITORIAL BOARD

Head of the Editorial Board:

Rakisheva Botagoz Islyamovna,

Director, Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan;

Program Director, Institute for Socio-Political
Research ISPR-Kazakhstan,
Candidate of Science (Sociology)

Alekseyenko Aleksandr Nikolayevich –

Head, Demography Laboratory,
Eastern Humanitarian Institute, Ph.D (History),
Professor (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Andrzej Wierzbicki – Fellow, Institute of Political
Science, Warsaw University, Department of
the Eastern (Post-Soviet) Studies;
Candidate of Science (Humanitarian Science),
(Warsaw, Poland)

Anita Sengupta – Fellow, Maulana Abul Kalam Azad
Institute of Asian Studies,
Ph.D (Political Science), Professor
(Kolkata, India)

Arto Luukkanen – Coordinator, Russian and East
European Studies, Renvall Institute, Adjunct
Professor, Ph.D (Political Science)
(Helsinki, Finland)

Bhavna Dave – Chair, Center of Contemporary Central
Asia and the Caucasus under the School of
Oriental and African Studies, University of
London; Ph.D (Political Science), Professor
(London, Great Britain)

Gregory Gleason – Director, National Security
Studies Program, University of New-Mexico,
Professor, Ph.D (Political Science)
(U.S.A., Germany)

Junussova Zhanylzhana Khassymovna – Head, Sector
of the Information and Analytical Department,
Majilis of Parliament of the Republic of
Kazakhstan; Ph.D (Political Science),
Professor (Astana, Kazakhstan)

Dong Xiaoyang – Deputy Director, Institute of Russian,
Eastern European and Central Asian Studies
under the Chinese Academy of Social Sciences,
Professor (Beijing, China)

Dyatlov Viktor Innokentyevich – Professor,
Department of the World History and
International Relations, Irkutsk State
University; Deputy Editor-in-Chief,
Magazine "Diasporas"; Director, Research
Center "Internal Asia", Ph.D (History)
(Irkutsk, Russia)

Kayyum Kesici – Professor, Ludvig-Maximilian
Institute; Chairman, Federation of the
European Cultural Centers of Western Europe;
Ph.D (Political Science)
(Munich, Germany)

Kim German Nikolayevich – Professor, Department
of Korean Studies, Kazakh National University
named after al-Farabi, Ph.D (History)
(Almaty, Kazakhstan)

Korkut Tuna – Dean, Humanitarian School,
Istanbul University; President, the Union of
Turkish World Sociologists, Ph.D (Sociology),
Professor (Istanbul, Turkey)

Kossimsho Iskandarov – Director, Research
Center for Public Administration and
Public Service, Institute of Advanced
Training of Public Officers (IAT PO) of
the Republic of Tajikistan; Chairman,
Division of History and Regional Conflicts,
Institute of Oriental Studies and Written
Heritage of the Academy of Sciences of the
Republic of Tajikistan; Ph.D (History)
(Dushanbe, Tajikistan)

Ma Wenpu – Vice-President, Chinese People's
Association for Peace and Disarmament
(CPAPD); Vice-Chairman, Foreign Affairs
Committee of the National People's
Congress of the Chinese People's Republic,
Professor (Beijing, China)

Poletaev Dmitry Vyacheslavovich –
Expert, Center of Migration Studies
(J.A. Zaionchkovskaya's Center);
Leading Researcher, Laboratory of
Migration, Institute of Economic Forecasting
of Russian Academy of Sciences, Ph.D.,
Candidate of Science (Economics)
(Moscow, Russia)

Rasa Alisauskiene – General Director, Research
Institute, Baltic Surveys /The Gallup
Organization, Ph.D (Social Sciences),
Assistant Professor (Vilnius, Lithuania)

Sara O'Hara – Dean, Faculty of Social Sciences,
School of Geography, Nottingham
University, Professor of Geography
(Nottingham, United Kingdom)

Syroezhkin Konstantin Lvovich – Senior
Researcher, Kazakhstan Institute for
Strategic Studies under the President of the
Republic of Kazakhstan, Professor, Ph.D
(Political Science), (Almaty, Kazakhstan)

Tatyana Dronzina – Professor, Department
of Political Science, Kliment Ohridski
University of Sofia; Ph.D (Political Science)
(Sofia, Bulgaria)

William Fierman – Professor, Department of
Central Eurasian Studies, Indiana University,
Ph.D (Political Science) (Bloomington, USA)

Uyama Tomohiko – Professor of Central Asian
Studies, Slavic Research Center, Hokkaido
University (Hokkaido, Japan)

Hayati Tufekcioglu – Director, Eurasian Institute,
Istanbul University, Ph.D (Sociology),
Professor (Istanbul, Turkey)

Um Gu-ho – Professor, Graduate School of
International Studies; Head, Hanyang
University's Asia-Pacific Research Center
(APRC) (Seoul, South Korea)

Издатель:Институт социально-политических
исследований (Казахстан)**Главный редактор:**Кожирова Светлана,
доктор политических наук**Зам. главного редактора:**Тукаева Дарига,
магистр государственного управления**Выпускающий редактор:**

Руднева Евгения, бакалавр социологии

Дизайнер:

Максурина Гульмира

Корректор:

Адыханова Венера

Перевод:Колобаев Руслан (анг.),
Жолдыбалина Алуа (каз.)**Редакционная коллегия:**Калмыков Сергей,
кандидат философских наук
Садвакасова Айгуль,
доктор социологических наук
Пак Марина, магистр психологии
Жолдыбалина Алуа, соискатель
Еркебаева Гульден, бакалавр социологии
Ахметжанова Наиля, магистр агрономии
Мажитова Айнуур, бакалавр социологии
Шалова Гульден, бакалавр социологии**Финансово-административный отдел:**

Бекетаева Дамиля

Основной партнер:Институт сравнительных социальных
исследований ЦЕССИ-Казахстан

Журнал выходит 4 раза в год.

Адрес редакции:000001, Астана, Пр. Абая 86 (30), оф. 1
Телефоны: 466 234, 457 002, 457 003
Электронная почта: ispr@ispr.kz
Сайт: www.ispr.kz

Подписано в печать 7 апреля 2010 года.

Формат 170x260 мм. Тираж: 1000 экз.

Отпечатано в типографии ТОО "PRINT COM INT"

Подписной индекс: 74270Журнал зарегистрирован
Комитетом информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан.
Свидетельство № 10291- Ж.Точка зрения авторов не обязательно
совпадает с позицией редакции.
При использовании материалов журнала
ссылка обязательна.**СОДЕРЖАНИЕ***От редакции* 3*Вопросы теории и методологии***ГОЛУНОВ С. В.** Пограничная безопасность:
проблема концептуализации 12*Год Казахстана в Южной Корее***КИМ Г. Н.** Эволюция национальной идентичности и
этнического самосознания постсоветской корейской
диаспоры 22**КИМ САНГ ЧХОЛЬ** Трансформации и разделение
традиционных общин Центральной Азии, начиная с
15 века 30**МАРМОНТОВА Т. В.** Взаимодействие Южной Кореи
и Казахстана в сфере экономики 38**РАКИШЕВА Б., ТУКАЕВА Д. К.** Современный
имидж Южной Кореи в Казахстане: результаты
опроса общественного мнения 42**ШАЙМАРДАНОВА Н. Ж.** Основные этапы
политической и культурной модернизации
послевоенной Кореи 46**ЧО ЫН-ДЖОН** Представительство Казахстана
в ОБСЕ в 2010 г. и перспектива южнокорейско-
казахстанского партнерства 54*Казахстан***КОЖИРОВА С. Б.**
Диаспоральная политика КНР 62*Российская Федерация***БОГАТУРОВ А. Д.** Международная среда и
политическое реформирование
в Центральной Азии 72**КАДЫРБАЕВ А. Ш.** Диаспоры в постсоветской
Центральной Азии. Дунгане 78**МОЛОДЫХ Л. Л.** Многосоставное общество
востока: диаспоры в условиях мировой системы
неоколониализма 86**СИНИЦЫН Ф. Л.** Диаспоры депортированных
народов СССР: образование и современное
состояние 96*Грузия***ЗУРАБИШВИЛИ Т.** Грузинская новая диаспора и
денежные переводы 110*Молодые ученые***СЛАВЕЦКИЙ В. Ю.** Диаспоры этнических поляков
во внешней политике Польши 118**ЖОЛДЫБАЛИНА А. С.** Тенденции развития
аналитических центров США и
стран Евросоюза 127*Интервью с авторами книг*Балканский вопрос: взгляд эксперта
(Хосе Анхель Руис Хименес) 136*Социальные проекты* 141*Научные семинары журнала* 148*Резюме статей* 154*Книжное обозрение* 162*Информационное письмо
о Форуме историков* 168*Информация для авторов* 170

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета: Ракишева Ботагоз Ислямовна,

директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, директор Программ ИСПИ-Казахстан, кандидат социологических наук

Алексеевко Александр Николаевич – заведующий демографической лабораторией Восточного гуманитарного института, доктор исторических наук, профессор (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Анджей Вержбицкий – сотрудник Института Политических наук Варшавского Университета, кафедра Восточных (Постсоветских) исследований, кандидат гуманитарных наук (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – сотрудник Института азиатских исследований им. Мауланы Абул Калам Азада, доктор политических наук, профессор (Калькутта, Индия)

Арто Лукканен – координатор исследований России и Восточной Европы Института Ренвалл, адъюнт-профессор, доктор политических наук (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – Председатель Центра современной Центральной Азии и Кавказа при Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, доктор политических наук, профессор (Лондон, Великобритания)

Грегори Глиссен – директор Программ исследований Национальной Безопасности Университета Нью-Мексико, профессор, доктор политических наук (США, Германия)

Джунусова Жанылжан Хасымовна – заведующая сектором Информационно-аналитического отдела Мажилиса Парламента РК, доктор политических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Донг Янг – заместитель директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии Социальных наук, профессор (Пекин, Китай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, зам. главного редактора журнала «Диаспоры», директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», доктор исторических наук (Иркутск, Россия).

Каюм Кесижи – профессор Института Людвига Максимилиана, Председатель Федерации европейских культурных центров Западной Европы, доктор политических наук, профессор (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – профессор кафедры корееведения, КазНУ им. Аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Коркут Туна – декан Гуманитарного факультета Стамбульского университета, Президент

Союза социологов тюркоязычных стран, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Косимшо Искандаров – директор Исследовательского центра государственного управления и государственной службы Института повышения квалификации государственных служащих (ИПКГС) Республики Таджикистан, заведующий отделом истории и исследований региональных конфликтов Института востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, доктор исторических наук (Душанбе, Таджикистан)

Ма Венпу – вице-президент Всекитайской Народной Ассоциации за Мир и Разоружение (СРАПД), заместитель председателя Комитета по иностранным делам Национального Народного Конгресса Китайской Народной Республики, профессор (Пекин, Китай)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории Анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук, кандидат экономических наук (Москва, Россия)

Раса Алишаускиене – генеральный директор исследовательского института Baltik Sarveys / The Gallup Organization, профессор социологии (Вильнюс, Литва)

Сара О'Хара – декан факультета социальных наук, университета Ноттингем профессор географии (Ноттингем, Великобритания)

Сыроежкин Константин Львович – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, профессор, доктор политических наук (Алматы, Казахстан)

Татьяна Дронзина – профессор кафедры политологии Софийского университета им. Климента Охридского, доктор политических наук (София, Болгария)

Уильям Фиерман – профессор Факультета Центрально-Азиатских Исследований, Университет штата Индиана, доктор политических наук (PhD) (Блумингтон, США)

Уяма Томохико – профессор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Хоккайдо, Япония)

Хаяти Тюфекчиоглу – директор Института Евразии Стамбульского университета, Профессор, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Эм Гу-хо – профессор факультета международных исследований, Директор центра Азиатско-тихоокеанских исследований (Сеул, Южная Корея)

ПОГРАНИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

ГОЛУНОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Доктор политических наук, научный сотрудник программы Мари Кюри, отделение по исследованию международных границ, Даремский университет (Дарем, Великобритания)

В настоящее время термин «пограничная безопасность» является весьма популярным концептом, используемым как исследователями, так и практиками. Мода на этот термин периодически возникает в связи с обострением проблем безопасности, имеющих выраженное трансграничное измерение: конфликтами на Ближнем Востоке и в Северной Ирландии, ситуацией в Ираке после свержения режима Саддама Хусейна и т. п. В России словосочетание «пограничная безопасность» чаще всего употребляется в связи с проблемой формирования пограничной политики по отношению к новым рубежам, в США – в контексте укрепления национальной безопасности после терактов 11 сентября 2001 г., в ЕС – как составная часть политики, направленной на создание барьера против притока нелегальных мигрантов и наркотиков.

В то же время количество теоретических работ в области пограничной безопасности пока относительно невелико, и они, как правило, не претендуют на полный охват проблемы. К тому же значительная часть исследований, все же пытающихся решить эту задачу, принадлежит аналитикам, связанным с властными структурами. Такие работы чаще всего основываются на официально принятых точках зрения, и серьезные попытки критического осмысления проводимой властями политики в них, как правило, не предпринимаются. Значительное место в подобных трудах уделено эмпирическому описанию проблем и сложившихся механизмов их решения, субъективная сторона функционирования которых практически не подвергается анализу. Таким образом, исследования в области пограничной безопасности пока находятся, в основном, на эмпирическом уровне; теоретические обобщения в большинстве случаев касаются лишь частных аспектов данной тематики.

Тем не менее, с учетом имеющихся теоретических достижений и опыта наиболее последовательных вариантов пограничной политики различных стран, попытаемся определить сущность феномена пограничной безопасности и очертить круг связанных с этим феноменом проблем, требующих концептуального решения.

Для определения сущности пограничной безопасности необходимо уточнение ряда характеристик, имеющих ключевое значение для определения сущности явления. В числе таких важнейших характеристик сам феномен границы и выполняемые последней функции, территориальные рамки, перечень важнейших акторов и, разумеется, входящие в повестку пограничной безопасности проблемы.

Сама по себе граница важна не столько как формальная разделительная линия, но как маркер пределов государственного суверенитета и проекция функций стоящих за ней государственных институтов. В числе прочего, данные институты используют режим границы и приграничной зоны как средство регулирования трансграничного сообщения (усиливая барьеры или ослабляя их), а также сбора доходов (таможенных пошлин и т.

п.). Наконец, регулирование режима границы государство и его агентства могут использовать и для демонстрационного эффекта, дабы показать свою мощь или эффективность своему населению, утратить потенциальных противников или нарушителей правопорядка и т. п.

Все упомянутые функции имеют как объективные, так и субъективные измерения. Например, барьерность и контактность могут определяться, с одной стороны, формальными правилами и определенной деятельностью обеспечивающих их выполнение государственных органов, с другой – психологическим восприятием границы. Даже самая открытая граница между странами ЕС на уровне массового часто ощущается на уровне массового сознания как барьер, и потому уровень экономического взаимодействия между сопредельными территориями в большинстве случаев в несколько раз ниже, чем между соседними территориями одной и той же страны^[1]. С другой стороны, сам факт существования границы и охраняющих ее структур (руководствующихся в своей деятельности карательными нормами) устрашает многих потенциальных нарушителей и заставляет их отказаться от своих намерений даже тогда, когда статистически шанс избежать обнаружения и наказания гораздо больше, чем обратное (это касается, к примеру, контрабанды тяжелых наркотиков). Таким образом, «субъективное измерение» роли границ в рассматриваемом контексте не менее важно, чем объективное, и требует самого серьезного учета при оценке эффективности пограничной безопасности и планировании пограничной политики.

Вопрос о географических рамках пограничной безопасности весьма непрост. Могут ли эти рамки, по крайней мере в некоторых отношениях выходить за пределы определенной законодательством зоны, на которую распространяется пограничный режим? Если могут, то какие критерии позволили бы избежать неоправданного увеличения зоны охвата пограничной безопасности и связанных с ней ограничений? Данный вопрос имеет высокое практическое значение. К примеру, для столь большой страны как Россия включение в пограничную зону всех приграничных регионов могло бы нанести серьезный ущерб развитию экономики и социальной активности примерно на половине территории всей страны, которую такие регионы охватывают.

Как показывает зарубежный опыт, пограничная безопасность может обеспечиваться в самых различных пространственных рамках: на самой границе, в пограничной зоне (включая такие их эквиваленты, как аэропорты, железнодорожные станции, морские порты), на значительных трансграничных магистралях, примыкающих к границе административных регионах и районах и даже за их пределами. Таким образом, четко определить оптимальные пределы, на которые должна распространяться пограничная безопасность, довольно сложно. Представляется более важным то, какими полномочиями наделяются действующие в данных территориальных пределах структуры по отношению к находящимся в этой же особой зоне людям и организациям: производить проверки документов и транспортных средств, ограничивать въезд в такую зону, выдавать разрешения на экономическую деятельность и т. п. Чем шире та зона, в которой отвечающие за ПБ структуры имеют серьезные разрешительно-запретительные полномочия, тем большими могут оказаться негативные побочные эффекты пограничной безопасности для участников трансграничного сообщения и для развития приграничных территорий.

Следующим важнейшим параметром ПБ является ее проблемное наполнение. Те проблемы, которые, по нашему мнению, могут интерпретироваться как вызовы, должны быть связаны, прежде всего, с грубыми, как правило, массовыми и влекущими за собой серьезные политические, социальные

[1] Подробнее см.: Голунов С. Пограничная безопасность в ЕС // Международные процессы, 2009, № 2. - <http://www.intertrends.ru/twenty/005.htm>

и экономические последствия нарушениями устанавливаемых национальным и международным законодательством правил пересечения линии границы, ввоза через нее товаров, других предметов, животных и растений, а также несоблюдением режима пограничной (или карантинной) зоны.

Более конкретно такие проблемы с некоторой долей условности можно разделить на четыре группы. Первая из них носит военный характер и заключается в защите рубежей государства от военной агрессии. Вторая представлена вызовами, которые связаны с нелегальными трансграничными потоками: наркотрафиком и другими видами контрабанды, нелегальной миграцией и миграцией нежелательных людей (например, подозреваемых в экстремистской деятельности), распространением трансграничных эпидемий. Объединяющим признаком третьей группы являются неблагоприятная обстановка вокруг границы, в частности, возникающие в приграничье социально-экономические кризисы, острые социальные конфликты, сепаратистские и ирредентистские движения, а также политические и другие осложнения в связи с территориальными претензиями сопредельной стороны.

Данная классификация, также как и некоторые другие, предлагаемые в нашей работе, является в известной мере условной, ибо ряд проблем может быть включен одновременно в несколько групп: например, обострение этносоциальной напряженности в приграничье под влиянием деятельности трансграничных группировок экстремистов возможно квалифицировать и как «потоки», и как «неблагоприятную обстановку»; вмешательство государства в дела соседней страны путем поставки оружия действующим в такой стране повстанцам – ко всем трем категориям сразу.

При анализе проблематики пограничной безопасности не следует забывать и о ее побочных эффектах – проблемах, которые являются «оборотной стороной» ужесточения пограничного режима: помехах трансграничному сообщению, возникновении условий для коррупции и вымогательства, связанных с жесткостью пограничного режима, бюрократических препятствиях в решении трансграничных экологических проблем и реагирования на чрезвычайные ситуации и т. п.

Большинство прочих, косвенно связанных с границей проблем, не имеющих очевидной остроты или прямо не связанных с контролем над соблюдением правового режима границы и пограничной зоны, по нашему мнению, вполне обоснованно может быть выведено за рамки пограничной безопасности. Такие вопросы перегружают ее повестку, ставя задачи, которые относятся, в основном, к другим сферам и решаются иными силами и средствами или в рутинном (а не экстренном) порядке.

В связи с этим следует обратить внимание на стереотипы восприятия повестки пограничной безопасности, ведущие к ее неоправданному расширению. Первым из них является секьюритизация, то есть целенаправленное конструирование проблем как относящихся к сфере безопасности, надделение их смыслом вызовов безопасности^[2]. Чаще всего секьюритизацией тех или иных проблем занимаются политики или ведомства, заинтересованные в получении дополнительных чрезвычайных полномочий или финансирования, повышении своего формального или неформального статуса. Свою роль в секьюритизации играют и устоявшиеся стереотипы, характерные для определенных политических и профессиональных кругов (например силовых структур), формируемые СМИ и общественным мнением. Между тем, как показывает практика, значительная часть секьюритизируемых проблем может быть решена в рутинном порядке без чрезвычайных мер или экстренного выделения дополнительных ресурсов

[2] Классической работой, в которой исследуется феномен секьюритизации, является монография: Buzan B.; Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, 1998.

тем или иным структурам. В том же плане показателен и опыт Евросоюза, который в 2000-е гг., по сути дела, десекуритизировал (т. е. перестал рассматривать в качестве угрозы) проблему миграции из Восточной Европы, в 1990-е гг. рассматривавшуюся как едва ли не самую серьезную проблему его пограничной безопасности^[3].

Другого, близкого рода искажением можно считать явление, которое автор предлагает именовать бордеризацией / «опограничиванием» проблем безопасности, то есть неадекватном представлении о том, что данная проблема должна решаться, прежде всего, на границе и методами ПБ. В качестве такого рода проблем в России зачастую рассматриваются, например, те же неконтролируемая миграция и наркоторговля, при том что подавляющее большинство мигрантов из стран СНГ и других государств въезжает в страну вполне легально, а эффективность границ как «фильтра» против наркотрафика не только в России, но и в подавляющем большинстве стран мира измеряется лишь мизерными процентами^[4].

На наш взгляд, феномен бордеризации проблем безопасности коренится не только (и, возможно, даже не столько) в заинтересованности отвечающих за охрану границу силовых структур в получении дополнительных ресурсов и повышении своего статуса, но также в психологической потребности социальных групп в четких границах, которые воспринимаются как защита от потенциально опасных внешних влияний (даже если на самом деле эти границы эффективной защитой не являются). Именно в таком ключе можно трактовать желание некоторых российских политиков и других общественных деятелей построить пограничные заборы на южных границах страны для защиты от нелегальной миграции и наркоторговли^[5]: первая не является серьезной проблемой пограничной безопасности РФ (на всех границах страны вместе взятых ежегодно задерживается лишь чуть более 8 тыс. нарушителей), тогда как для борьбы со второй пограничные стены эффективным средством не являются (наркотики чаще возятся контрабандой через пункты пропуска)^[6].

В сфере ПБ действует большое число акторов и их агентов, включая государство, индивидов, различные организации негосударственного сектора, не исключая трансграничные преступные группировки. В круг полноценных акторов целесообразно включить и приграничные административные образования (например, области и районы РФ), которые хотя и подчинены государству и центральным властям, но во многих ситуациях имеют свои специфические интересы (часто не совпадающие с интересами центра) и могут по многим вопросам проводить в достаточной мере автономную политику.

Государство в рассматриваемом случае представлено как властями различных уровней, определяющих общие параметры пограничной политики и отдающими обязательные для исполнения распоряжения, так и многочисленными структурами, вовлеченными в обеспечение пограничного режима: пограничной, таможенной и миграционной службами, карантинными инспекциями, армией, полицейскими формированиями и т. п. Именно оно играет доминирующую роль в процессе обеспечения пограничной безопасности и несет за него ответственность. Ввиду своего ключевого положения в рассматриваемой сфере государство имеет очень большие возможности реализовывать свои интересы в ущерб другим акторам (особенно иностранным). Только в развитых демократических странах, обладающих реально независимыми законодательной и судебной властями,

[3] Подробнее см.: Голунов С. Указ. соч.

[4] См.: Голунов С. В. Дилемма «безопасность-сотрудничество» в пограничных политиках России и Казахстана // Мировая политика: взгляд из будущего. – <http://convention2008.risa.ru/paper/CentrAsia/320>.

[5] См., например: Павлова Н. В Челябинск прибыли депутаты Госдумы, чтобы проверить, как охраняется граница с Казахстаном // Новый Регион – Челябинск. – <http://www.nr2.ru/chel/82700.html>, 13.09.2006.

[6] Подробнее см.: Голунов С. Вперед в прошлое? Пограничные стены в Азии и Африке // Мировая экономика и международные отношения, 2009. № 11. С. 85–93.

таким акторам в довольно значительном количестве ситуаций удается открыто и успешно отстаивать собственные интересы. В других случаях отстаивание зачастую происходит в скрытой форме с использованием теневых механизмов: так, серьезно ущемляющие интересы жителей приграничья ограничения на трансграничную экономическую деятельность или пересечения границы преодолеваются путем контрабанды или с использованием коррупционных связей.

В контексте ПБ важнейшую роль играют индивиды, выступающие в разном качестве и выполняющие различные функции. Их можно классифицировать по разнообразным критериям, например, по гражданству (граждане «своего» государства и иностранцы), законопослушности (законопослушные люди и нарушители), характеру их связи с границей (трансграничные путешественники, жители приграничных районов, нарушители границы или режима ее пересечения и т. п.). Возможны и еще более подробные классификации^[7].

Индивиды зачастую оказываются наименее защищенной категорией: им в большинстве случаев довольно сложно отстаивать те интересы, которые противоречат интересам государства и представляющих его структур. Вместе с тем, именно представители этой группы акторов являются для системы пограничной безопасности основной категорией нарушителей, на борьбу с которой эта система нацелена в первую очередь. Неудивительно, что при прохождении как законопослушных граждан, так и нарушителей закона через пограничный контроль происходит довольно своеобразное преломление: законопослушные субъекты в большей или меньшей степени рассматриваются как потенциальные нарушители, в то время как последние пользуются презумпцией невиновности. Как результат такого преломления, нарушитель (после успешного пересечения границы) может легко приобрести статус законопослушного субъекта, тогда как законопослушный субъект иногда становится жертвой «презумпции виновности», неся финансовые потери, моральные издержки и т. п.

В целом несколько более широкие возможности (материальные и другие ресурсы) для отстаивания своих интересов имеют негосударственные организации, включая ведущие трансграничную коммерческую деятельность предприятия и гуманитарные организации. В сходном контексте можно упомянуть государственные учреждения, не занятые обеспечением пограничной безопасности, но ведущие экономическую или гуманитарную трансграничную деятельность. Особую разновидность данной группы акторов представляют преступные группировки различного калибра: от мелких объединений до могущественных мафий. Граница нередко становится для подобных групп (так же как и для индивидуальных нарушителей) источником дохода, значительную часть которого составляет именно плата за сложность преодоления пограничного контроля. В то же время, наличие вызова со стороны трансграничной преступности дает структурам, занятым охраной границы, смысл существования и право претендовать на получение дополнительных ресурсов. Возникает опасность возникновения порочного круга, в котором усиление одной из сторон противостояния косвенно подпитывает другую, причем эффективность борьбы с нарушителями растет далеко не пропорционально вкладываемым в систему пограничной безопасности средствам^[8]. В одних случаях (например, жесткого противостояния государства с получающими поддержку извне боевиками) такая эскалация представляется почти неизбежной, в других (в особенности, при борьбе с контрабандой промышленных товаров) спо-

[7] См., например: Martinez O.J. Border people: life and society in the U.S.-Mexico borderlands. Tucson, 1994. P. 129.

[8] Данное явление на примере американско-мексиканской границы показано в работе: Годунов С.В. Безопасность американско-мексиканской границы: опыт пограничной политики США // США – Канада: экономика, политика, культура, 2008, № 4. С. 32-47.

собно помочь прекратить ее сбалансированное сочетание взаимосвязанных «позитивных» и ограничительных мер (с большим упором на первые), направленных на оптимизацию не только режима пересечения границы, но и социальной и экономической политики страны.

Еще одной специфической группой акторов можно считать приграничные административно-территориальные единицы уровня провинций и ниже. Хотя их власти подчинены вышестоящим, такие территории имеют особые интересы, часто расходящиеся с интересами центральной бюрократии (так же как интересы приграничных районов – с интересами правительств региональных центров). Те проблемы, которые кажутся последнему (или региональным центрам) незначительными по своей масштабности, для приграничных территорий могут оказаться гораздо более важными. К примеру, препятствия для развития приграничного сотрудничества способны принести потери во внешнеторговом товарообороте, мизерные в масштабах всей страны, но довольно существенные для провинции или района; неудобства же пограничного режима для жителей небольших населенных пунктов в приграничье могут рассматриваться на локальном уровне как очень серьезная проблема, а на национальном — как незначительная и потому не стоящая особого внимания. Способы защиты приграничными территориями своих интересов могут быть различными: от лоббирования своих решений на более высоком уровне или даже открытых правовых конфликтов с вышестоящими властями (в развитых демократических государствах дело может доходить до судебных тяжб между региональными и центральными властями) до неформального игнорирования «спускаемых сверху» решений, в том числе терпимого отношения к тем «теневым» практикам, которые применяются участниками трансграничного взаимодействия для обхода существующих формальных ограничений.

Вышеупомянутые группы акторов могут вступать во взаимоотношения с представителями своей же или любой другой группы, причем эти отношения могут носить и позитивный (сотрудничество или «симбиоз»), и негативный (конфликт) характер. К примеру, обеспечивающие пограничную безопасность государственные структуры взаимодополняют друг друга, однако при этом между ними нередко возникают межведомственные противоречия. Те же структуры противостоят нарушителям пограничного режима, но при этом (как уже неоднократно отмечалось выше) косвенно зависят от их существования, а в некоторых случаях и фактически вступают с ними в коррупционные отношения. Как правило, государственные органы активно взаимодействуют с населением приграничья в охране рубежей, всячески стараясь опереться на его разноплановую поддержку; вместе с тем, местное население может выражать открытое недовольство слишком жестким или, напротив, мягким пограничным режимом, а также оказывать поддержку нарушителям границы. Столь же неоднозначно могут складываться взаимоотношения между государством и трансграничными путешественниками, центральными властями и приграничными территориями, нарушителей закона друг с другом и с местным населением приграничья и т. п.

Интересы различных акторов (включая представителей одной и той же группы) по отношению к вышеупомянутым проблемам безопасности могут довольно существенно различаться. Приграничные сообщества зачастую гораздо более терпимо (а нередко и откровенно положительно), чем государство, относятся к различным видам активности контрабандистов, в некоторых ситуациях (особенно если в приграничье преобладают представители этнического меньшинства, которое представляют мигранты) — к нелегальной миграции. Даже, казалось бы, однозначно воспринимаемые как «зло» угрозы военного вторжения и терроризма, межэтнические конфликты, тер-

риториальные претензии и контрабанда оружия могут рассматриваться частью приграничных сообществ как нечто позитивное, позволяющее им защитить свои интересы, ущемляемые государством или другими сообществами. В то же время, государство нередко более снисходительно относится к побочным эффектам системы пограничной безопасности: нарушениям трансграничного сообщения, коррупции и вымогательству на границе и т. п., чем приграничные сообщества и трансграничные путешественники.

Такое многообразие порою противоречащих друг другу интересов вынуждает либо искать консенсус, либо делать выбор между ними, который чаще оказывается в пользу государства, нежели приграничных сообществ или индивидуальных трансграничных путешественников, особенно иностранных. Одним из наиболее серьезных и непростых выборов, который приходится делать в процессе формирования пограничной политики, является дилемма «безопасность-сотрудничество»: ужесточение пограничного режима практически всегда создает те или иные помехи для легального трансграничного сообщения (что влечет за собой порою существенный экономический ущерб), тогда как его либерализация открывает дополнительные возможности для нарушителей. Тезис о том, что «граница должна быть проницаемой для законопослушных людей и непроницаемой для нарушителей» довольно банален: он провозглашается пограничными службами самых разных государств – от России и США до Непала, – однако остается во многом декларативным. Во многих конкретных ситуациях все происходит с точностью до наоборот: от ограничений страдают законопослушные люди, тогда как нарушители прекрасно пользуются уязвимостями в системах пограничного и таможенного контроля.

Возможно, противоречие между интересами безопасности и сотрудничества в перспективе удастся хотя бы отчасти разрешить за счет использования на границе новейших технических средств, однако нынешний уровень их развития позволяет обеспечить достаточно быструю (для того чтобы не вызвать коллапс трансграничных потоков) и полноценную проверку лишь небольшой части путешественников и грузов. Приходится прибегать к проверке небольшой части потоков на основе или случайного выбора, или подозрений, что, по-прежнему, возлагает основную ответственность на человеческий фактор. При этом часть контрабандистов используют самые изощренные приемы сокрытия нелегального груза, что еще больше осложняет задачу правоохранительных органов, даже оснащенных современным оборудованием. Теоретически ситуацию может исправить появление только принципиально новых устройств с гораздо большей эффективностью и быстродействием, что представляется делом пока еще неблизкого будущего.

С учетом существующего международного опыта можно предложить две классификации подходов решения дилеммы «безопасность-сотрудничество» в пограничной политике. Обе эти классификации достаточно условны и предлагают скорее идеальные модели, ибо пограничные политики конкретных стран, как правило, неоднозначны и порою противоречивы.

Первая из таких классификаций, основанная на функциональном признаке, рассматривает четыре возможных варианта соотношения барьерности и контактности:

- 1) слабая барьерность и слабая контактность. Как правило, такое соотношение может свидетельствовать либо о слабости одного или обоих сопредельных государств и утере им(и) контроля над пограничьем, либо об отсутствии у сторон интереса к поддержанию сколько-нибудь интенсивного трансграничного сообщения. Данный сценарий нередко проявляется в пограничной политике слабых африканских государств, многие из которых де-факто не контролируют свои рубежи;

- 2) сильная барьерность и слабая контактность. Такой вариант избирается закрытыми от внешнего мира государствами (КНДР, в прошлом – СССР и т. п.) или странами, стремящимися обезопасить себя от военного вторжения либо проникновения боевиков с сопредельной территории (например, Израилем или Индией по отношению к Пакистану). В подобных случаях создается разветвленная инфраструктура, позволяющая отслеживать и пресекать практически каждое пересечение границы вне пунктов пропуска, сообщение же через эти пункты жестко регулируется и часто сводится к минимуму. Преимуществом такой модели является возможность взять под эффективный контроль трансграничные потоки и свести к минимуму нелегальную активность; однако при этом на оборудование границы тратятся огромные средства, приграничные территории лишаются важной возможности для своего развития в виде сотрудничества с сопредельной стороной. Кроме того, могут создаваться благоприятные условия для роста коррупции в органах, ответственных за пограничный и таможенный контроль;
- 3) модель, сочетающая слабую барьерность и сильную контактность, часто используется интеграционными объединениями (например ЕС), компенсирующими либерализацию режима внутренних границ ужесточением контроля над внешними рубежами. Ослабление пограничных барьеров открывает перспективы для развития трансграничного сообщения, в том числе создает дополнительные возможности для мелкого и среднего бизнеса, который, как правило, страдает от упомянутых барьеров значительно больше, чем бизнес крупный. Однако либерализация пограничного режима и интенсификация трансграничных потоков способна создать для сопредельных государств ряд очень серьезных проблем, которые заключаются не только в расширении возможностей для деятельности трансграничной преступности или преступников, укрывающихся на территории соседнего государства (борьба с которыми по-прежнему остается серьезной проблемой даже для ЕС), но и опасность неконтролируемого перетока ресурсов между странами, серьезно различающимися между собой по экономическому потенциалу, уровню жизни и цен и т. п.;
- 4) по сравнению с перечисленными вариантами модель, сочетающая сильную барьерность с сильной контактностью, на первый взгляд, кажется оптимальной. Однако даже в тех случаях, когда она не только остается в области благих пожеланий и деклараций, но и частично воплощается на практике (к чему ближе всего находятся модели США и ЕС), в сфере ее реализации возникают серьезные проблемы. Во-первых, барьеризация границы в любом случае препятствует развитию трансграничного сообщения, дезорганизуя движимое естественным спросом и предложением движение рабочей силы (что стимулирует нелегальную миграцию и оседание мигрантов в стране-реципиенте), ставя труднопреодолимые препоны для малого и среднего бизнеса, понижая привлекательность трансграничных маршрутов для туристов, резко увеличивая расходы для тех соискателей виз, которые живут вдалеке от консульских учреждений и т. п. В чрезвычайных ситуациях (в том числе и в результате технических сбоев в работе пропускных пунктов) такие препятствия возрастают и могут привести к временному коллапсу трансграничного сообщения. Во-вторых, укрепление границы в сочетании с обеспечением высокой пропускной способности требуют огромных расходов, которые ложатся тяжелым бременем на бюджеты даже «богатых» государств, а остальным оказываются не по карману, вынуждая экономить либо на возведении барьеров, либо на модернизации пун-

тков пропуска. В-третьих, эффективность дорогостоящей системы безопасности во многом зависит от соседней страны, которая должна быть реально заинтересована в совместной борьбе с нелегальными трансграничными потоками; иначе нарушители получают слишком широкий простор для маневра с использованием территории сопредельного государства. Однако, как показывает практика, соседняя сторона зачастую не испытывает особого удовлетворения по поводу возведения барьеров на границе с ней, и потому далеко не всегда идет на широкомасштабное сотрудничество с инициатором укрепления рубежа.

Вторая из предлагаемых нами классификаций основана на более широком критерии приоритетности тех или иных концептуальных установок в пограничной политике. В данном случае (опять-таки, с некоторой долей условности) можно выделить следующие варианты такой политики:

- 1) **секьюритизаторский подход** исходит из принципа «чем больше безопасности, тем лучше». Это может выражаться в стремлении максимально расширить повестку ПБ, объявив угрозами едва ли не любые возникающие в этой сфере проблемы, увеличить размеры пограничной зоны, сконцентрировать на границе как можно больше различных государственных структур, полномочия которых нередко пересекаются. Такой подход преобладает, пожалуй, в большинстве стран мира, включая Россию, Индию, Израиль, Иран, Китай, КНДР, Саудовскую Аравию, Турцию и многие другие государства;
- 2) **оптимизаторский подход** нацелен на оптимальное распределение и использование ресурсов в сфере обеспечения ПБ (сторонники подобного подхода часто предпочитают термин «пограничный менеджмент»), затраты которых не должны существенно превышать эффективность достигаемых результатов. Поэтому штат охраняющих границу сил, как правило, относительно невелик, а полномочия менее обширны, но четче распределены между соответствующими ведомствами, чем в предыдущем случае. Такой подход прослеживается в пограничной политике ЕС и США, хотя в последние годы там наблюдается некоторый крен в сторону первого подхода (увеличение штата и полномочий ответственных за ПБ органов и т. п.);
- 3) **либеральный подход** рассматривает рубежи, прежде всего как препятствие трансграничному сообщению и ограничение свободы перемещения людей и, соответственно, предполагает отмену таких препятствий и ограничений. Подобное отношение к «внутренним» границам характерно для некоторых интеграционных объединений^[9], например ЕС или СНГ первой половины 1990-х гг.;
- 4) **кооперативный подход** подразумевает ставку на развитие широкого сотрудничества с сопредельной страной в сферах ПБ и поощрения трансграничных связей. Для этого, в числе прочего, требуется установление прямых контактов между соответствующими ведомственными структурами соседних государств и предоставление им обширных полномочий решать неотложные проблемы напрямую и максимально оперативно. Элементы данного подхода в наибольшей степени прослеживаются в пограничной политике ЕС на некоторых из его внешних границ (особенно со странами-кандидатами и потенциальными кандидатами), а также в американо-канадском сотрудничестве.

Как уже отмечалось выше, ни одна из рассмотренных выше моделей в чистом виде почти (быть может, за исключением крайне малочисленных случаев, таких как пограничная политика КНДР) не встречается на практи-

[9] Подобный подход разделяется и некоторыми западными неправительственными организациями, с точки зрения которых барьеры, ограничивающие свободу передвижения людей (в том числе и миграцию из развивающихся стран) являются злом и должны быть устранены. См., например: Noborder Network. – Режим доступа. – <http://www.noborder.org>.

ке; также ни одну из них нельзя считать наилучшим универсальным «рецептом», к внедрению которого должны стремиться все государства. Каждый из вариантов решения дилеммы «безопасность-сотрудничество» имеет свои преимущества и недостатки, по-разному проявляющиеся в конкретных ситуациях. Таким странам как Израиль и Индия очень рискованно проводить более либеральную пограничную политику, ибо это создало бы благоприятные условия для деятельности на их территории террористов и боевиков; в то же время, ужесточение режима внутренних и некоторых внешних границ ЕС нанесло бы неприемлемый ущерб его экономике и даже могло бы поставить под вопрос дальнейшее расширение Евросоюза. Но хотя пограничная политика конкретных стран во многом определена теми условиями, в которых они находятся, во многих случаях она может стать более сбалансированной с точки зрения учета интересов обеспечения пограничной безопасности и развития трансграничного сотрудничества. Поиск такого баланса является важной задачей как для исследователей, так и для практиков.

Подводя итог, можно сделать вывод, что определение пограничной безопасности должно учитывать несколько параметров: субъективность критериев определения уровня достаточности пограничной безопасности, целесообразность сужения ее повестки до узкого круга наиболее острых проблем, с которыми в основном имеют дело структуры, специализирующиеся в охране границ, и многообразие возможных вариантов ее обеспечения. Принимая во внимание эти условия, пограничную безопасность можно определить как приемлемое для правящей элиты и общественного мнения страны и ее приграничных территорий состояние защищенности пределов территории страны от опасных трансграничных потоков и условий, как правило, подразумевающих серьезное нарушение устанавливаемого государством пограничного режима и/или территориальной целостности страны. Упомянутое состояние достигается, главным образом, путем мероприятий, осуществляемых силами, которые специально ответственны за охрану границы и контроль над трансграничными потоками. По своей сути, обеспечение пограничной безопасности подразумевает ужесточение контроля над трансграничными потоками, и потому зачастую прямо или косвенно вступает в противоречие с целью развития трансграничных контактов. Определение оптимального соотношения этих приоритетов с учетом конкретных условий страны и ее соседей является одной из главных задач пограничной политики соответствующих государств.

* * *

Таким образом, имеющаяся теоретическая база и международный опыт пограничной политики показывают важность учета таких факторов, как субъективность критериев определения уровня достаточности пограничной безопасности, расплывчатость ее географических рамок и многообразие действующих в этой сфере акторов и их интересов, особенностей выполнения границей своих функций. При анализе вызовов пограничной безопасности целесообразно сужение ее повестки до узкого круга наиболее острых проблем, с которыми имеют дело в основном структуры, специализирующиеся в охране границ. Требуют тщательного изучения не только сами эти вызовы, но и побочные эффекты, которые становятся порождением системы безопасности: препятствия трансграничному сообщению, коррупция, вымогательство и т. п. В этой связи пограничную безопасность, как правило, целесообразно изучать вместе с особенностями и перспективами развития трансграничного сотрудничества. Соответствующие приоритеты должны адекватно и сбалансированно учитываться в пограничной политике в зависимости конкретных обстоятельств, в которых находятся те или иные проводящие эту политику страны.

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ*

КИМ ГЕРМАН НИКОЛАЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор, директор Центра корееведения, КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Формирование новой супраэтнической общности, известной под названием «советский народ» (сравни с «американской нацией») и нового типа советского человека «homo soveticus» достигло накануне развала СССР впечатляющих результатов. Советские корейцы, депортированные в 1937 г., в послесталинский период перестали ощущать себя дискриминированными по этническому признаку. Достаточно упомянуть, что многие корейские колхозники стали получать государственные награды – ордена и медали, высокие должности в правительстве, избираться депутатами Верховного совета. Из числа депортированных корейцев появилась целая плеяда известных ученых, деятелей культуры, искусства. Корейцы стремились быть во всем равными с другими народами СССР, будь то учеба в престижных московских вузах или служба в советской армии, куда путь им был закрыт до середины 1950-х годов. Ликвидация национальных школ, утеря родного языка, этнического своеобразия культуры не воспринималась ими трагически, ибо это касалось не только исключительно их, но и десятков других, так называемых национальных меньшинств.

Развал Советского Союза имел для корейцев, как и для многих других народов, непредсказуемые последствия, которые проявляются в настоящий момент. К таковым следует отнести, прежде всего, потерю единства общности советских корейцев, которая выражается в потере былой целостности единой этнической группы, разделении ее на части, проживающих в новых суверенных государствах. Общность советских корейцев заключалась не только в принадлежности к единому гражданству в СССР, но и в наличии таких единых национально-культурных очагов, как Корейский театр, межреспубликанская газета «Ленин кичи» («Коре ильбо»), общей национальной и этнической идентичности; русскоязычности. Статус гражданина СССР для советских корейцев был несравненно выше, чем нынешний «диаспорный статус» в постсоветских государствах.

Численность корейцев современного постсоветского пространства составляет около полумиллиона человек, из которых две трети сосредоточены в Узбекистане и Казахстане, а остальная часть в России. Незначительные корейские диаспоры есть в Киргизстане, в Украине, Туркменистане, Белоруси и т. д. Такое дисперсное расселение было predeterminedено как политикой депортации сталинской эпохи, так и миграционными процессами среди корейского населения. После депортации 1937 года из Дальнего Востока в Казахстан и Узбекистан корейцы были устроены в сельских местностях. В настоящий момент география расселения изменилась существен-

* В прошлом в литературе и обиходе широко использовался термин «советские корейцы», который подразумевал всю совокупность корейцев, проживавших в бывшем «едином и нерушимом Союзе». Параллельно бытовали этнонимы «коре сарам» и «чосон сарам», однако в последнее десятилетие на постсоветском пространстве и за рубежом широко распространение получило название и самоназвание «коре сарам».

ным образом, и корейцы превратились из аграрного в абсолютно доминирующее по численности урбанизованное население.

После развала Советского Союза и образования новых независимых государств начался новый этап в истории коре сарам. В отличие от других этнических групп, в том числе и русских, часть которых избрала стратегию миграции из бывших советских республик Средней Азии, корейцы предпочли остаться, но они, проживая на прежнем месте, оказались вынужденными вновь адаптироваться в условиях этнизирующихся постсоветских государств Центральной Азии^[1]. Эмиграция коре сарам в дальнюю за границу оказалась незначительной, и основная часть мигрантов переселялась в ближнее зарубежье, т. е. в другие постсоветские страны. Исход корейцев из Таджикистана, обусловленный гражданской войной, носил массовый и форсированный характер, и сами мигранты явились по существу военными беженцами.

Почти полуторазековую историю коре сарам можно рассматривать как историю перманентной территориальной подвижности и социальной мобильности, а их самих можно назвать вечными странниками. Переселение на русский Дальний Восток во второй половине XIX века; отселение и выселение из пограничных районов в северные регионы России в последней четверти XIX-го – начале XX века, депортация в Казахстан и Среднюю Азию в 1937-41 гг.; обустройство на новых землях, мобилизация в трудовую армию в 1941-53 гг.; оргнабор корейских колхозников для освоения новых пашенных земель и технических культур в Казахстане и Узбекистане в 1950-70 гг.; сезонная миграция, связанная с кобонджи (1960-1990)^[2], а также процессы урбанизации советских корейцев, кардинальные изменения социальной структуры – вот далеко не полный перечень вечного движения, пережитого коре сарам^[3].

Следует отметить, что корейцы в СССР были неоднородными в своем составе, и их можно условно разделить на три группы. К преобладающей по численности группе относятся потомки переселенцев преимущественно из северной части Корейского полуострова на русский Дальний Восток. Эта группа была представлена 2-5 поколениями. Ко второй группе относятся сахалинские корейцы. После окончания Второй мировой войны на Южном Сахалине остались свыше 47 тыс. корейцев. В настоящее время численность сахалинских корейцев в России, Казахстане и Узбекистане составляет более 35 тыс., и они представляют 1-3 поколение. Точная численность сахалинских корейцев и их потомков в Казахстане не поддается учету, и по предварительным оценкам может насчитывать 1-2 тыс. человек^[4]. Третья группа является самой малочисленной, но она очень заметна, так как ее представители хорошо владеют корейским языком. Эту группу составляют бывшие граждане КНДР, оставшиеся в Советском Союзе после учебы в вузах, прохождения аспирантуры, работы по контракту или перешедшие границу. Число корейцев третьей группы исчислялось несколькими десятками.

Исторический опыт показывает особенность корейских диаспор – исключительную способность к адаптации к новым политическим, социально-экономическим и культурным условиям. Коре сарам адаптировались дважды

[1] См.: Oka Natsuko, *The Korean Diaspora in nationalizing Kazakhstan: Strategies for survival as an ethnic minority*. In G. N. Kim & R. King (Eds.), *The Koryo Saram: Koreans in the former USSR*. Korean and Korean American Studies Bulletin, Vol. 23, 2001, 105-106; Diener A. *Homeland Conceptions and Ethnic Integration among Kazakhstan's Germans and Koreans*. Alexander C. Diener Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 2004. 180 P.

[2] «Кобончиль» – специфическое, присущее именно советским корейцам полулегальное занятие овощеводством и бахчеводством, основанное на групповом арендном подрае земли, руководимое лидером-бригадиром и связанное с сезонными территориальными миграциями. См.: Ли Г.Н. Записки наблюдателя о любви корейцев к земле. Бишкек, 2000. 320 с.; Бок Тхе Хен. Кобонджиль корейцев в Средней Азии. Манускрипт диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Бишкек, 200. – 140 л.; 권희영, 한 발레리 공저. (2004) 중앙아시아 초원의 유랑농업, 우즈베키스탄 고려사람의 고분지 연구. 한국정신문화연구원, 2004; Kim G.N. Кобончиль как вид этнического предпринимательства советских корейцев: Материалы международной конференции «Корейская диаспора в ретро и перспективе» 13-15 июля, 2007, Алматы, 2007, С. 14-19.

[3] См.: Kim Sun Hwa. Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965. 251 с.; Kho, Songmo. Koreans in Soviet Central Asia (Studia Orientalia, Vol. 61). Helsinki, 1985. 262 P.; Kim П.Г. Корейцы Республики Узбекистан. Ташкент, 1993. 175 с.; Kim Г.Н. Коре сарам: Историография и библиография. Алматы: Казак университети, 2000. 240 с.; Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: ИВ РАН, 2004. 464 с.

[4] Бок Зи Коу. Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы. Южно-Сахалинск, 1989. С. 5-17.

ды: в России и среднеазиатском регионе советского образца, и в обоих случаях достигли значительных успехов в создании своей жизнеобеспечивающей системы. Корейцев и в США, и в КНР, и в других странах считают *model minority* – образцовой диаспорой, достигшей ощутимых успехов в сфере бизнеса, в особенности малого и среднего, истэблшмента, на академическом поприще и даже в политике^[5]. Корейцев называют в последнее время азиатскими евреями, подчеркивая тем самым поразительную социальную мобильность и адаптивность, причем исследователи различают их форсированную аккультурацию от замедленной ассимиляции. Параллель с евреями, на мой взгляд, основывается также на схожести социальной функции, которую корейцы выполняют в полиэтническом обществе. Они, как и евреи, выступают в роли этноса-медиатора (*middleman minority*), играющего роль посредника между взаимодействующими этносами^[6].

Задача, поставленная в настоящей статье, заключается в поиске ответа на вопросы: каким образом идентичность и самосознание коре сарам трансформировались или сохранялись в историческом контексте; в чем проявляется этничность и какова структура этнического самосознания? Здесь мы придерживаемся следующей путеводной канвы. При переселении части этноса на новое место не только первое поколение иммигрантов, но и их потомки в той или иной мере сохраняют прежние отличительные, т. е. этнические свойства. Длительное проживание в иной стране трансформирует поколения иммигрантов в субэтнос – диаспору, отколовшуюся от основного этнического ядра, отличающуюся своеобразием культуры, образа жизни и языка. У представителей такого субэтноса (диаспоры) существует, как правило, двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к диаспоре.

Такой теоретический подход, на мой взгляд, подходит в нашем случае к коре сарам. С одной стороны, коре сарам имеют много общего с корейцами, проживающими на Севере и Юге Корейского полуострова. У них общие генетические корни, единый расовый и антропологический тип, многовековая общая история, культура и язык. Но, с другой стороны, коре сарам сильно отличаются от всех других корейцев. За прошедшие полтора столетия с момента переселения на русский Дальний Восток произошли значительные изменения в их менталитете, этнической культуре, языковой компетенции, социальном положении, образовании и даже во внешнем облике^[7].

Эволюция национальной идентичности и этнического самосознания коре сарам происходила, как мне представляется, в следующих основных этапах:

- I. Провинциальное самосознание корейских переселенцев на русский Дальний Восток.
- II. Антияпонская борьба, коммунистическое движение и пробуждение национального самосознания.
- III. Множественная идентичность периода национально-культурного строительства в СССР.
- IV. Сталинские репрессии и подавленное самосознание депортированного по этническому признаку народа.
- V. Дремлющее самосознание в период брежневского застоя.
- VI. Перестройка, ренессанс этничности и формирование постсоветского диаспорного самосознания.

[5] Min, Pyong Gap. A Comparison of the Korean Minorities in China and Japan // *International Migration Review* 26, 1992, P. 4-20; Kim, Rebecca. Looking Beyond the Model Minority Image: The Case of Korean American Immigrant Marriages and Families. Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association Annual Meeting, Sheraton Boston and the Boston Marriott Copley Place, Boston, MA, Jul 31, 2008. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p238689_index.html. Дата: 14.02.2010; Fang Gao. What it means to be a 'model minority': voices of ethnic Koreans in Northeast China // *Asian Ethnicity*, Vol.9, Issue 1, February 2008, pp. 55 – 67.

[6] Bonacich E. A Theory of Middleman Minorities // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 38. pp. 583-594; Cherry R. American Jewry and Bonacich's Middleman Minority Theory // *Review of Radical Political Economics*. Vol 22, 1990; pp.158-173.

[7] Ross King and German Kim. "The Northern Region of Korea as portrayed in Russian sources, 1860s-1913. Proceedings of the conference The Northern Region, Identity, and Culture in Korea. October 20 and 21, 2005, Harvard University, Center of Governmental and International Studies, Cambridge, MA, pp. 209-271.

VII. Радикальные изменения национальной идентичности и инновации в диаспорном самосознании постсоветских корейцев.

Предлагаемая мной периодизация носит рабочий характер, поэтому ее полновесная аргументация и развернутая интерпретация станут задачей отдельного исследования. Такое схематичное этапирование метаморфоз национальной идентичности и этнического (диаспорного) самосознания носит в данном случае лишь ограниченную, вспомогательную функцию.

Этничность, как известно, является сложной структурой этноформирующих факторов и производных этнических признаков. Поэтому, когда речь идет о диаспоре, интерес вызывают этнические признаки, то есть те специфические черты субэтнуса, которые отражают реально существующие различия между ним и этносом-ядром и другими окружающими этносами.

В качестве таких этнодифференцирующих признаков могут выступать самые разные характеристики: обряды и обычаи, язык, моральные и этические нормы, историческая память, религия, миф об общих предках, национальный характер и т. д. В эту группу включается сейчас этническое самосознание, которое долгое время не рассматривалось в качестве признака этноса. Н.Н. Чебоксаров, анализируя язык, территорию, совокупность черт культуры, присущую определенным этносам, утверждает: «Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражаются в виде вторичного явления – этнического самосознания, которое, в конечном счете, оказывается решающим для определения принадлежности отдельных личностей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результату действия всех основных акторов, формирующих этническую общность»^[8].

Потомки иммигрантов, длительно проживающие за пределами своей исторической родины (этнического ареала), обычно подвергаются ассимиляции, то есть растворению в доминирующей иноэтнической среде. Постепенное забвение родного языка, обычаев, этнической культуры приводит, в конце концов, к потере субэтносом чувства прежней этнической принадлежности. Этот процесс обычно завершается со сменой нескольких поколений. Однако диаспора не исчезнет до тех пор, пока ее члены воспринимают самих себя в антитезе «мы – они», причем под последними понимаются все остальные, включая этнос-ядро, от которого когда-то откололись их предки^[9].

Коре сарам никогда не пытались скрыть свою этническую принадлежность, и на вопрос о национальности давали ответ: «Кореец». Национальность – кореец, всегда записывалось в паспорта и другие официальные документы. Коре сарам не отказывались от своей принадлежности к корейской национальности даже в период сталинских репрессий. Но не только они себя так называли, но и все окружающие этносы также именовали их. Современные коре сарам проживают в основной массе в крупных городах, где повседневная жизнь стандартизируется, оставляя все меньшее пространство для этнической специфики. Среди урбанизированных корейцев неуклонно растет доля людей, родившихся в национально-смешанных семьях, у которых формируется двойственное этническое самосознание. У таких людей возможна слабая, размытая, маргинальная этническая идентичность.

Наиболее адекватно отражается в этническом сознании такой объективный признак этноса, как язык, однако и он представляет собой динамическую структуру, претерпевающую с течением времени и в силу иных обстоятельств существенные изменения. Предки переселенцев на русский

[8] Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. 1967. № 4. С. 99

[9] Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2; Текст одноименной лекции на сайте электронного журнала «Скеписис». - http://scepsis.ru/library/id_75.html

Дальний Восток и, следовательно, проживающих ныне корейцев Центральной Азии происходили в основной своей массе из провинции Северный Хамгён. Продолжительная изоляция от развивавшихся литературных языков, поглощение элементов диалектов малочисленных выходцев их южных провинций, затем консервация и наконец влияние русского языка привели к образованию лингвистического феномена, получившего название *коре мар*^[10]. В соответствии с социолингвистической терминологией, предложенной Г. Клоссом, можно говорить о *коре мар* как специфической форме «неприкрытого диалекта» (от немецкого – *obdachlos*, т. е. не имеющего крыши)^[11]. В отличие от диалектов Корейского полуострова, имеющих «крышу», прикрытие со стороны литературного корейского языка, диалекты *коре сарам*, оторванных от языкового ядра, лишены были такой защиты, что дает основание утверждать, что «*коре мар* – вариант корейского языка, сложившегося в условиях изоляции на основе двух северо-восточных диалектов корейского языка»^[12].

Проживание в различных типах иноэтнического окружения, закономерности языковых контактов привели к пополнению ограниченного лексического фонда *коре мар* заимствованиями из русского и других языков. *Коре мар* практически не знает письменной формы, не звучит в эфире и на театральной сцене, не используется в средствах массовой информации, не преподается в школах – он вымирает. Молодое поколение корейцев Центральной Азии не знает *коре мар*, и социолингвистические исследования однозначно говорят о том, что *коре мар* на грани вымирания, таким образом, будет утерян один из главных признаков этнического сознания и самоидентификации^[13]. Скорое полное забвение родного языка постсоветскими корейцами в Центральной Азии и России вполне предсказуемо, и здесь налицо так называемая частичная ассимиляция. Не так однозначно обстоит дело с потерей этнического самосознания и с полной ассимиляцией. Если не язык, не общность территории, не представление об исторической родине, не традиционная культура, то в чем же стержневой признак диаспорного самосознания? Для еврейской диаспоры, равно как и для всех евреев, иудейство составляет ее этническую суть и самый главный признак еврейства, но для *коре сарам* религиозное верование не являлось и не является таковым.

Воинствующий атеизм советского периода положил конец традиционным верованиям, религиям и ритуальным практикам корейцев, таким как шаманизм, буддизм, конфуцианство и даосизм. Подданство российской империи, кроме всего прочего предполагало принятие русского православия, единственной официально поддерживаемой властями конфессии. Корейцы сохранили до настоящих дней ритуальную оболочку в конфуцианской обрядности похорон и поминовения усопших. Старшее поколение передавало молодому лишь механический опыт проведения церемоний, не углубляясь в их религиозно-семантическое содержание. Вплоть до конца прошлого века некоторые *коре сарам* прежде чем принять важное решение о перемене места жительства, длительной и дальней поездки, поступления в институт, женитьбы и замужества обращались к посвященным, так называемым «паксу», которые по старым книгам, содержащим секреты геомантии, либо на бобах, за определенное вознаграждение пророчествовали и давали советы. Многие женщины-корейки сами раскладывают на картах «хватху» пасьянсы на исполнение желаний^[14].

[10] King, J. R. P. An introduction to Soviet Korean Language Research, 23(2), 1987, pp. 233-277.

[11] Kloss H. «Abstand languages and Ausbau languages» in Anthropological Linguistics. Harvard: Harvard Press, Vol. 9, No. 7 (Oct., 1967), pp. 29-41.

[12] Пак Н.С. Тенденции развития *коре мар*. - Известия НАН РК. Сер. общ. наук. № 6, 1995. С. 21-29.

[13] Herald Haarmann. Aspekte der koreanisch-russischen Zweisprachigkeit, Studien zur Gruppenmehr-sprachigkeit der Koreaner in der Sowjetunion, Hamburg, 1981.- 214 S.; Ross King. An Introduction to Soviet Korean. Language Research, vol. 23, no. 2, 1987, pp. 233-277.

[14] German Kim. Koryo Saram in Kazakhstan, Uzbekistan and Russia. – World Diasporas Encyclopedia. Kluwer Academic /

Массированное миссионерство южнокорейских церквей привлекло часть корейской диаспоры в лоно христианства в основном протестантского направления, однако численность таковых трудно поддается учету, ибо какой-либо официальной статистики не ведется, а пасторы не дают таких сведений. Попытку обосноваться в постсоветских странах осуществила в конце 1990-х г. муннисткая церковь, но она успеха не имела. В последние годы в Алматы и Бишкеке появились небольшие по численности буддийские общины. В целом же религия не имеет заметного влияния на жизнь корейцев в России, Казахстане и Узбекистане.

Значение и роль признаков в этническом самосознании диаспоры меняются в зависимости от особенностей историко-политической ситуации, от уровня консолидации, специфики этнического окружения. Утверждение, что у корейской диаспоры центр тяжести в системе этнических признаков сместился в обряды, обычаи и традиции, пока в большей степени априорно, нежели научно обосновано, хотя такая априорность не исключает его истинности. На самом деле, корейцы в полной мере ощущают себя иными, отличными от других, именно в дни древних народных праздников.

В жизни всех людей есть праздники, с которыми связана народная обрядность, прежде всего это касается рождения, совершеннолетия, круглых дат-юбилеев. Затем этническая специфика наглядно проявляется в свадебной обрядности, которая включает в себя пред- и послесвадебные церемонии. И наконец, наиболее устойчиво сохраняются традиции в похоронных и поминальных ритуалах. Корейцы в ЦА сохранили до настоящих дней основные аспекты народных традиций в праздниках и обрядах жизненного цикла. Коре сарам не забыли свои календарные народные праздники. Прежде всего, это дни весеннего (хансик) и осеннего (чхусок) равноденствия, когда все корейцы посещают могилы своих предков и родных. Старшее поколение внимательно следит за соответствием дней солнечного календаря с лунным, чтобы заранее предупредить членов семьи о наступающей дате поминовения. Знать ее необходимо для заблаговременного приготовления ритуальной пищи; инвентаря и материалов, необходимых для приведения в порядок могил усопших. На кладбище совершаются традиционные троекратные глубокие поклоны погребенным, воздается духам хранителям, разделяется совместная трапеза^[15].

Бум этнического самосознания, наступивший на закате XX века, получил научное название «этническое возрождение» или «этнический парадокс современности»^[16]. Первый взрыв интереса к своим этническим корням, культуре и языку произошел в горбачевский период «перестройки, гласности, демократизации». Распад СССР и советской государственно-политической системы повлекли за собой массовый «шок» и потерю устойчивой социальной идентичности. Именно в подобный период слома социальной системы этнос (диаспора) и семья взяли на себя функции стабилизации, консолидации и поддержки.

В советский период подавлялись всякие попытки самоорганизации этнических общин, в особенности диаспор, подвергшихся депортации. Корейцы, имевшие многовековой опыт сельской общины, перенесли ее структуру и функции на русский Дальний Восток. В Казахстане и Узбекистане были образованы самостоятельные переселенческие колхозы, в которых также сохранялись некоторые черты былой общины, к примеру, единоначалие и уважение к лидеру, наличие совета старейшин с консультативны-

Plenum Publishers, 2004, p. 990.

[15] Джабылгасинова Р. Ш. Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана. Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980, с. 43-73; Цой В. С. Современная культура и быт корейцев Казахстана. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1985.- 24 с.; Ли Г.Н. Обычаи и обряды корейцев СНГ. Москва, Ташкент, 2001.- 228 с.

[16] Smith A. The Ethnic Revival. London and New York: Cambridge University Press, 1981.- 240 p.

ми функциями, всеобщее участие в официальных праздниках, а также в обрядах жизненного цикла: дни рождения, свадьбы, 60-летние юбилеи, похороны и поминки. Для общинной организации присуща групповая трудовая деятельность и коллективное использование земельных участков, зданий и помещений, оборудования и рабочего инвентаря.

За последние два десятилетия в постсоветских странах были учреждены десятки корейских ассоциаций, обществ и культурных центров, основная цель которых заключалась в возрождении корейского языка, народных традиций и обрядов, изучении истории Кореи и корейской диаспоры, развитии национальной культуры, искусства, литературы, укреплении культурных и экономических связей с Южной Кореей^[17]. Несомненно, молодое поколение корейцев выросло в иных условиях, нежели их родители, а именно в условиях организованной культивации в диаспорной среде этнических признаков самосознания^[18].

Теперь уже путем научных экспериментов доказано, что процесс становления этнической идентичности индивидуума проходит в несколько этапов. Первые «проблески» диффузной идентификации с этнической (расовой) группой обнаруживаются у детей 3-4 лет, а «реализованной» этнической идентичности ребенок достигает в младшем подростковом возрасте, когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение^[19]. Корейская семья выступает в качестве главного хранителя традиционных ценностей, передаваемых из поколения в поколение. Правила поведения, как и социальный опыт вообще, кореец постигает в семье. С самого раннего детства, участвуя в важнейших ритуалах, или просто наблюдая за их проведением, он приобщается к сакральным аспектам этнической культуры. Корейская семейная обрядность базируется на конфуцианских церемониальных принципах, ибо по Конфуцию именно ритуал – фундамент всей человеческой деятельности. Что же является наиболее важным моментом во внутрисемейном пробуждении этнической идентичности корейских подростков? В социализации корейских детей всегда обращалось самое важное внимание на важность почитания старших по возрасту. Согласно конфуцианскому этикету, младший по возрасту, независимо от социального статуса, должен проявлять уважение к старшим, а дети обязаны почитать своих родителей. Акцент на ценность образования – вторая отличительная черта социализации, и родители, в свою очередь, должны сделать все, чтобы создать детям возможность получения хорошего образования. Этим объясняется факт того, что доля имеющих вузовское образование у корейцев в странах Центральной Азии превышает в два раза средний общенациональный показатель^[20].

Этническая идентичность более четко осознается, а знания о различиях между группами приобретаются раньше, если ребенок живет в полиэтничной среде. Межэтническое общение корейских детей в современных центральноазиатских странах дало им больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей диаспоры и других этнических групп.

У коре сарам за прошедшие полтора столетия сформировался определенный синтетический культурный генофонд, вобравший в себя элементы корейской, русской, среднеазиатской и европейской культур^[21]. Для корейцев в Казахстане характерны:

[17] Ассоциация корейцев Казахстана – 10 лет. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 345 с.; К 10-й годовщине Ассоциации корейских культурных центров Узбекистана. Ташкент: АКИЦ РУа, 2001.-167 с. ; Kim, G. N., & Khan, V. S. Korean Movement in Kazakhstan: Ten Years Later. - The Koryo Saram: Koreans in the Former USSR. Korean and Korean American Studies Bulletin. Vol. 12, No. 2. - New Haven: East Rock Institute, 2001. pp. 114-140.

[18] Kim German N. Kore Saram or Koreans of the Former Soviet Union in the Past and Present. - Amerasia Journal (USA). 2004, Vol. 29, Number 3, pp. 14-19.

[19] Ocampo K.A., Bernal M.E., Knight G.P. Gender, race, and ethnicity: the sequencing of social instances. - Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities. Albany: State University of New York, 1993, pp.11-30.

[20] Ким Г.Н., Сим Енг Соб. История проселения корейцев России и Казахстана. Вторая половина XIX в. – 2000. Алматы: КазНУ, 2000. 386 с.

[21] Kim, G. N., & Khan, V. S. Topical problems and prospects of Korean Diaspora in Central Asia. International Journal of Central Asian Studies Institute of Asian Culture and Development, № 5, 2000, pp. 45-61.

- сильная степень трансформации этнокультурного генетического фонда;
- протекание этого процесса в полиэтническом окружении;
- адаптация к культурам, существенно отличным от традиционной корейской культуры;
- выход за рамки мононационального сознания;
- высокий уровень аккультурации, граничащий с ассимиляцией;
- динамизм и интенсивность этих процессов.

С развалом СССР и возникновением новых суверенных государств встала проблема смены идентичности. Миллионы людей задались вопросом: “Если я не советский человек, то кто же?” Здесь надо подчеркнуть, что советская и нынешняя национальная идентичность качественно различны. Социологические опросы эпохи перестройки показывают поразительное различие в самоопределении русских и представителей других народов СССР (молдаван, украинцев, эстонцев). Если последние осознавали себя молдаванами, украинцами и т. д., то русские определяли себя – «советский человек». Распад Союза поставил на повестку дня проблему государственной стратегии формирования национальной идентичности. К середине 1990-х годов в России появляется концепция российской политической нации – «россияне». Понятие «россиянин» вошло в Конституцию и постепенно закрепляется в массовом сознании. Однако подобные концепты государств сограждан – «казахстанцев», «узбекистанцев» или «соукраинцев» пока еще не прижились в других постсоветских государствах.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Во-первых: исторический опыт показывает, что в иммигрантской общине, отколовшейся от этнического ядра и оказавшейся в иной стране, происходят эволюционные процессы ее идентичности и самосознания. Как правило, эти процессы растягиваются на несколько поколений, ибо они детерминируются как факторами имманентного характера, так и совокупностью и интенсивностью внешнего воздействия. Сохранение этнического самосознания зависит от наличия или отсутствия административного автономного образования, этнокультурного анклава, связей с исторической родиной, притока новых соотечественников-иммигрантов; доли межэтнических браков и детей, рожденных в них; от характера проводимой в стране проживания национальной и языковой политики и т. д.

Во-вторых, у корейцев, наравне со многими другими народами в бывшем Советском Союзе, кардинальные перемены в национальной принадлежности (гражданстве) произошли в кратчайшие сроки. Здесь речь идет скорее не об эволюции, а о коренной ломке привычного самосознания, как на индивидуальном, так и групповом уровнях. Диаспоры, как и все социальные структуры, подвижны, поэтому убедительным представляется утверждение С. Арутюнова о том, что «диаспора – это не только и не столько состояние, диаспора – это процесс развития от «еще не диаспоры» через «собственно диаспору» к «уже не диаспоре»^[22].

В-третьих, современным городским диаспорам, к коим относятся постсоветские корейцы, свойственны более высокие темпы ассимиляции и форсированной трансформации традиционного образа жизни. В XXI веке переходы из одной стадии генезиса диаспоры в другую, на которые в прежние времена уходили века, происходят гораздо интенсивнее и в ускоренном режиме. Прогнозируется, что смена многих этнокультурных признаков, таких как традиции, обычаи, родной язык, религия предков? будет протекать в урбанизированной и унифицированной среде в течение жизни одного-двух поколений.

[22] Арутюнов С.А. Диаспора - это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С.77.

THE TRANSFORMATION AND SEPARATION OF CENTRAL ASIAN TRADITIONAL COMMUNITIES FROM 15TH CENTURIES

KIM SANG-CHEOL

Ph. D of Arts, Research Professor of Institute of Central Asian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seul, South Korea)

I. Introduction

Usually Soviet Central Asian period was considered as a time of discontinuation or breaking point in the central Asian history. From the ancient local sedentary civilizations had flourished in the Central Asia and these civilizations absorbed various cultural factors from the east to the west, sedentary from nomadic communities. These cultural hybrid process developed multi-cultural and multidimensional values and characters of the present central Asian society.

In the history of central Asia the frequent changing of ruling dynasties could be interpreted as political discontinuity, in other side social and cultural tradition from the past appeared in the areas of intellectuals and knowledge systems could be considered continual factors which guarantee cultural continuity of central Asian communities by the beginning of 20th century.

Cultural Heritages from Persian, Arabic, Mongolian, Turkish and Russian dynasties delivered to the society of present central Asian countries and these cultural heritages and historical vestiges could be the standard to decide social & historical continuity or discontinuity. In this point the concept of Soviet Central Asia based on the assumption that Soviet Central Asian society was historical and social turning point from the past society. This time-serial approach and analysis may contain limitation to understand the foundation of present central Asian countries. And the acceptance process of Islamic religion & cultural factors in the sedentary and the nomadic would show many differences among present central Asian countries.

This research conducts diachronic analysis on continuity of central Asian culture, focusing on understanding the works of contemporary intellectuals and their contribution to succession of traditional or indigenous culture in their communities.

II. The Establishment of Central Asian Tradition before 15th Century

In the Heart region of central Asian sedentary civilizations, Mawarahn-Nahr, persianized sedentary groups and Turkic nomads had lived together by the 15th century. As the only people in Central Asia whose language is not Turkic, present-day Tajiks claim to be descendants of the early pre-Islamic inhabitants of the region. The Battle of Talas in 751 between the Abbasid Caliphate and the Chinese Tang Dynasty for controlling Central Asia was the turning point to conversion into Islam in the region. Islamisation of the region had profound impact on the native cultures in the region molding them as a part of Islamic civilization. Islamisation in the region has also had the effect of blending Islam into native cultures, creating new forms of Islamic practices, known as folk Islam or Persian & Arab mixed Islam.

For a century after the Battle of Talas, Islam took root in Bukhara. Under the Samanid Bukhara was a rival to Baghdad in its glory. The Samanid dynasty was an important Persian state and empire in Central Asia and Greater Khorasan, named after its founder Saman Khuda who converted to Sunni Islam despite being from Zoroastrian theocratic nobility. The Samanids not only revived Persian culture but they also determinedly propagated Sunni Islam.

Science in medieval central Asia is a term used in the history of science to refer to the science developed in the Islamic world between the 7th and 16th centuries. Scientists from the central Asian region were also known to develop many remedies that contributed much to the modern world of science. Most texts during this period were written in Arabic, most scientists were Mawanran-Nahr Muslims. Until the Mongol invasion of Central Asia in 13th century, Samarkand, Bukhara and Urgench flourished as centers of Islamic learning, culture and art in the region. Central Asian Islamic scientists and philosophers made an important impact on the development of European science in the ensuing centuries.

A branch of the Uyghur, occupying western Tarim Basin, Fergana Valley, Jungaria and parts of Kazakhstan bordering the Muslim Khwarazm Sultanate, converted to Islam no later than 10th century and built a federation with Muslim institutions called Kara-Khanlik, whose dynasties are called Kara-Khanids. The Islamized Karluk princely clan gravitated toward the Persian Islamic cultural zone after their political autonomy and suzerainty over Central Asia was secured during the 9-10th century. As they became increasingly persianized, they settled in the more Indo-Iranian sedentary centers such as Kashgar, and became detached from the nomadic traditions of fellow Karluks. Mongol invasion of Central Asia initially was composed of Genghis Khan's victory over and unification of the Mongol and Turkic central Asian confederations such as Merkits, Tartars, Mongols, Uyghur that eventually created the Mongol Empire.

Mongols employed many Muslims in various fields and increasingly took their advice in administrative affairs. Muslims became a favored class of officials as they were well educated and knew Turkish and Mongolian. After the Mongol conquest of Central Asia, the Barlas settled in Turkistan and intermingled to a considerable degree with the local Turkic and Turkic-speaking population, so that at the time of Timur's reign the Barlas had become thoroughly turkicized in terms of language and habits. Additionally, by adopting Islam, the Central Asian Turks and Mongols also adopted the Persian literary and high culture which had dominated Central Asia since the early days of Islamic influence. Persian literature was instrumental in the assimilation of the Timurid elite to the Perso-Islamic courtly culture. Persian literature was instrumental in the assimilation of the Timurid elite to the Perso-Islamic courtly culture. Due to the fact that the Persian cities were desolated by previous wars, the seat of Persian culture was now in Samarkand and Herat. These cities became the center of the Timurid renaissance.

Although the Timurids hailed from the Barlas tribe which was of Turkicized Mongol origin, they had embraced Persian culture, converted to Islam and resided in Turkestan and Khorasan. Thus, the Timurid era had a dual character, which reflected both the Turco-Mongol origins and the Persian literary, artistic, and courtly high culture of the dynasty. During the Timurid era, Central Asian society was bifurcated and had divided the responsibilities of government and rule into military and civilian along ethnic lines. At least in the early stages, the military was exclusively Turko-Mongolian, and the civilian and administrative element was almost exclusively Persian. The spoken language shared by all the Turko-Mongolians throughout the area was Chagatai Turkic. Already Timur was steeped in Persian culture and in most of the territories which he incorporated.

Persian literature occupied a central place in the process of assimilation of the Timurid elite to the Perso-Islamic culture. The Timurid sultans, especially

Šāhrukh Mīrzā and his son Mohammad Taragai Oloğ Beg, patronized Persian culture. Among the most important literary works of the Timurid era is the Persian biography of Timur, known as «Zafarnāme» written by Sharaf ud-Dīn Alī Yazdī, which itself is based on an older «Zafarnāme» by Nizām al-Dīn Shāmī, the official biographer of Timur during his lifetime. The most famous poet of the Timurid era was Nūr ud-Dīn Jāmī, the last great medieval Sufi mystic of Persia and one of the greatest in Persian poetry. In addition, some of the astronomical works of the Timurid sultan Ulugh Beg were written in Persian, although the bulk of it was published in Arabic. The Timurid ruler Baysunğur also commissioned a new edition of the Persian national epic Shāhnāme, known as Shāhnāme of Baysunğur, and wrote an introduction to it.

III. Cultural Continuity after 15th Century

1. Cultural Continuity between Timurids and Uzbek Khanate

Amir Timur initiated the last flowering of Mawarannahr by gathering in his capital, Samarqand, numerous artisans and scholars from the lands he had conquered. By supporting such people, Timur imbued his empire with a very rich culture. During Timur's reign and the reigns of his immediate descendants, a wide range of religious and palatial construction projects were undertaken in Samarqand and other population centers. The Timurid state broke into two halves after the death of Timur. The chronic internal fighting of the Timurids attracted the attention of the Uzbek nomadic tribes living to the north of the Aral Sea. In 1501 the Uzbeks began a wholesale invasion of Mawarannahr.

The Shaybanid dynasty traces its origins generally to the Shaybanids, descendants of Genghis Khan through his grandson Shayban (Shiban). By the 15th century, one branch of the Shaybanids moved south into Transoxiana, managing to oust the Timurids. Abu'l-Khayr Khan (who led the Shaybanids from 1428 to 1468) began consolidating disparate Uzbek tribes, first in the area around Tyumen and the Tura River and then down into the Syr Darya region. His grandson Muhammad Shaybani wrested Samarkand, Herat and Bukhara from Babur's control and established the short-lived Shaybanid Empire. After his death descendants would rule the Khanate of Bukhara until 1598 and the Khanate of Khwarezm (Khiva) until 1695. Under the Shaybanid's rule, Bukhara became a center of arts and literature and educational reforms were introduced. The Shaybanids instituted a number of measures to improve the khanate's system of public education. Each neighborhood of Bukhara had a hedge school, while prosperous families provided home education to their children. Children started elementary education at the age of six.

By 1510 the Uzbeks conquered almost of Central Asia, including the territory of the present-day Uzbekistan. Of the states they established, the most powerful, the Khanate of Bukhara, centered on the city of Bukhara. The khanate controlled Mawarannahr, especially the region of Tashkent, the Fergana Valley in the east, and northern Afghanistan. A second Uzbek state, the Khanate of Khiva was established in the oasis of Khorazm at the mouth of the Amu Darya. The Khanate of Bukhara was initially led by the energetic Shaybanid Dynasty. The Shaybanids competed against Iran, which was led by the Safavid Dynasty, for the rich far-eastern territory of present-day Iran. The struggle with Iran also had a religious aspect because the Uzbeks were Sunni Muslims, and Iran was Shia.

Near the end of the sixteenth century, the Uzbek states of Bukhara and Khorazm began to weaken because of their endless wars against each other and the Persians and because of strong competition for the throne among the khans in power and their heirs. At the beginning of the seventeenth century, the Shaybanid Dynasty was replaced by the Janid Dynasty. As European-dominated

ocean transport expanded and some trading centers were destroyed, cities such as Bukhara, Merv, and Samargand in the Khanate of Bukhara and Khiva and Urganch in Khorazm began to steadily decline.

The Uzbeks' struggle with Iran also led to the cultural isolation of Central Asia from the rest of the Islamic world. In addition to these problems, the struggle with the nomads from the northern steppe continued. In the seventeenth and eighteenth centuries, Kazakh nomads and Mongols continually raided the Uzbek khanates, causing widespread damage and disruption. In the beginning of the eighteenth century, the Khanate of Bukhara lost the fertile Fergana region, and a new Uzbek khanate was formed in Quqon.

2. The origin of cultural discontinuity: arrival of Russian

In the 18th century a new group, the Russians, began to appear on the Central Asian scene. As Russian merchants began to expand into the grasslands of present-day Kazakhstan, they built strong trade relations with their counterparts in Tashkent and, to some extent, in Khiva. For the Russians, this trade was not rich enough to replace the former transcontinental trade, but it made the Russians aware of the potential of Central Asia. Russian attention also was drawn by the sale of large numbers of Russian slaves to the Central Asians by Kazakh and Turkmen tribes. Russians kidnapped by nomads in the border regions and Russian sailors shipwrecked on the shores of the Caspian Sea usually ended up in the slave markets of Bukhara or Khiva. Beginning in the eighteenth century, this situation evoked increasing Russian hostility toward the Central Asian khanates.

Meanwhile, in the late eighteenth and early nineteenth centuries new dynasties led the khanates to a period of recovery. Those dynasties were the Qongrats in Khiva, the Manghits in Bukhara, and the Mins in Quqon. These new dynasties established centralized states with standing armies and new irrigation works. But their rise coincided with the ascendance of Russian power in the Kazakh steppes and the establishment of a British position in Afghanistan. By the early nineteenth century, the region was caught between these two powerful European competitors, each of which tried to add Central Asia to its empire in what came to be known as the Great Game.

Russian traders and soldiers began to appear on the northwestern edge of Kazakh territory in the 17th century, when Cossacks established the forts that later became the cities of Oral (Uralsk) and Atyrau. Russians were able to seize Kazakh territory because the khanates were preoccupied by Kalmyk, who in the end of 16th century had begun to move into Kazakh territory from the east. Forced westward in what they call their Great Retreat, the Kazakhs were increasingly caught between the Kalmyk and the Russians. Two of Kazakh Hordes were dependant on Oirat Huntaiji. In 1730 major Khan in the Lesser Horde, Abul Khayr, sought assistance from Imperial Russia. Although Abul Khayr's intent had been to form a temporary alliance against the stronger Kalmyk, the Russians gained permanent control of the Lesser Horde as a result of his decision. The Russians conquered the Middle Horde by 1798, but the Great Horde managed to remain independent until the 1820s, when the expanding Kokand Khanate to the south forced the Great Horde khans to choose Russian protection, which seemed to them the lesser of two evils.

In 1863, Russian Empire elaborated a new imperial policy, announced in the Gorchakov Circular, asserting the right to annex «troublesome» areas on the empire's borders. This policy led immediately to the Russian conquest of the rest of Central Asia and the creation of two administrative districts, the General-Gubernatorstvo of Russian Turkestan and that of the Steppe. Most of present-day Kazakhstan was in the Steppe District, and parts of present-day southern

Kazakhstan, including Almaty (Verny), were in the Governor-Generalship. In the early 19th century, the construction of Russian forts began to have a destructive effect on the Kazakh traditional economy by limiting the once-vast territory over which the nomadic tribes could drive their herds and flocks.

The final disruption of nomadism began in the 1890s, when many Russian settlers were introduced into the fertile lands of northern and eastern Kazakhstan. In 1906, the Trans-Aral Railway between Orenburg and Tashkent was completed, further facilitating Russian colonization of the fertile lands of Semirechie. Between 1906 and 1912, more than a half-million Russian farms were started as part of the reforms of Russian minister of the interior Petr Stolypin, putting immense pressure on the traditional Kazakh way of life by occupying grazing land and using scarce water resources. Starving and displaced, many Kazakhs joined in the general Central Asian Revolt against conscription into the Russian imperial army, which the tsar ordered in July 1916 as part of the effort against Germany in World War I. In late 1916, Russian forces brutally suppressed the widespread-armed resistance to the taking of land and conscription of Central Asians. Thousands of Kazakhs were killed, and thousands of others fled to China and Mongolia.

IV. Central Asian Indigenous Intellectuals in the Modernizing Period

1. Cultural & Reform Movements of Central Asian Indigenous Intellectuals

The demand for literacy and secular science increased with economic development and the growth of bourgeoisie society. From the 1880s, there was increasing interest in education. Russian indigenous schools opened on the invitation of a well-known statesman, Palvan Mirza bashi (Komil Khorezmi). The Russian teachers taught children arithmetic, Russian, and world history. Muslim teachers taught the maktab program. Maktab primary schools were operated in mosques, and here Imams taught children about famous men, the Arabic alphabet and how to read the Koran. The duration of this education was eight years.

The Jadids were Muslim Reformers within the Russian Empire in the late 19th century. Although their beliefs were manifold, one of their principle aims was the introduction of the *usul ul-jadid* or «new method» of teaching in the maktab of the Empire, hence the term Jadidism normally used to describe their programme. Some of the changes thus initiated, such as the introduction of benches, desks, blackboards and maps into classrooms, were perhaps merely cosmetic; others, such as the use of textbooks printed in Cairo, Kazan or Istanbul, were rather more substantial. Originating with the Tatars of the Volga and Crimea, it later spread to Central Asia, in particular the cities of Bukhara and Kokand. A leading figure was the Crimean Tatar İsmail Gasprali (Gasprinskiy) whose newspaper *Terc man* (Interpreter) was a major organ of Jadid opinion, together with the Azeri satirical Journal *Mollah Nasreddin*.

The echo of events from the Young Turk revolution (1905-1907) rolled into the Khiva Khanate. There was increased talk about the reformation of the country, the ways of democracy, and social progress. A movement for reformation began and was called jadidism (from Arabic *usuli-jadid*, new method). The leader of Khiva jadid was Islam-hoji. The jadid represented an attempt by the liberal bourgeois to change the government of Khiva by reform. They did not criticize Islam or the shariat and they demanded only that some innovations be instituted in the struggling education system and that greater attention be paid

to certain aspects of secular education. The bourgeois of Khiva also wanted to stop Russian peasants from migrating to the Khanate. In 1906 and in 1911 two modern schools opened in Khiva. The teachers used new teaching methods, but they also taught the children the principles of Koran and shariat as found in the maktabas. Nonetheless, the Moslem clergy were negative to such new schools. Meanwhile, the djadio movement worked to reform the old schools, and open more new ones.

The Jadids were treated with suspicion by the Russian Government, which disliked their connections with similar Muslim reform movements in the Ottoman Empire and British India, and suspected them of having Pan-Turkic and Pan-Islamic aims. The Jadids had many opponents amongst the ulama as well, normally known as Qadimists or devotees of the old. However the beliefs of so-called Qadimist thinkers have often been stereotyped and distorted, and their beliefs and aims were often not very different from those of the Jadids, who normally came from similar backgrounds and also counted many of the ulama in their ranks. Yeni Bukharlylar (Young Bukharians, Mladobukharians) was a jadid secret society founded in Bukhara in 1909. They took their name from the Young Turks, mixing their ideology with a violently revolutionary emphasis.

Alash Autonomy was a state that existed between December 13, 1917 and August 26, 1920, located roughly on the territory of present day Republic of Kazakhstan. The capital city was Semey (referred to at the time as Alashqala). In 1917 a group of secular nationalists called the Alash Orda Horde of Alash, named for a legendary founder of the Kazakh people, attempted to set up an independent national government - the Alash Autonomy. Alash leaders established Alash Orda, a Kazakh government, which was aligned with the White Army and fought against the Bolsheviks. In 1919, when the White forces were losing, Alash Autonomous government began negotiations with the Bolsheviks. In 1919–20 the Bolsheviks defeated the White Russian forces in the region and occupied Kazakhstan. On August 26, 1920, the Soviet government disbanded the Alash Autonomy, and established the Kyrgyz Autonomous Soviet Socialist Republic, which in 1925 changed its name to Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic and to Kazakh Soviet Socialist Republic in 1936.

2. Revolutionary Political Movement of Central Asian Indigenous Intellectuals

In 1917 the reformers appeared to have a chance to acquire some real power. A provisional Government of Jadid Reformers in the settled regions of Russian Turkestan was established in the city of Kokand, whilst a parallel organization in the Steppe, the Alash Orda, was set up in the city of Semipalatinsk. The Kokand Autonomy was brutally crushed by the forces of the Tashkent Soviet, and around 14,000 people were killed in the ensuing massacre, including many leading Jadids. In the early years of Bolshevik rule the authorities sought the assistance of the Jadids in pushing through radical social and educational reforms. Under Faizullah Khojaev they controlled the Government of the Bukharan People's Republic (1921-4) but this proved to be a false dawn. When the new 'national' boundaries were drawn up in 1924 Khojaev became the first President of the Uzbek SSR, but he was purged in the 1930s together with virtually the entire intelligentsia of Central Asia, including leading Jadid writers and poets such as Cholpan and Abdur Rauf Fitrat. The Jadids have now been rehabilitated as 'Uzbek National Heroes' in Post-Soviet Uzbekistan.

The Basmachi movement was a Muslim and largely Turkic uprising against Russian Empire and Soviet Russia rule in Central Asia. The movement started in 1916 during World War I as an anti-tsarist and anti-Russian revolt and it developed into a long-time civil war against the Soviets. The rebellion started in

the summer of 1916, when the Russian Empire government ended its exemption of Muslims from military service. Under these circumstances, Central Asians rose in a general revolt against Russian rule. The revolt resulted in a series of clashes and in brutal massacres committed by both sides.

After the October Revolution, some local leaders, like Faizullah Khojaev, allied with the Soviet Russia and assisted the Red Army in the capture of Bukhara and Khiva. Other leaders, like the former Emir of Bukhara, Mohammed Alim Khan, joined the Basmachi movement against the Soviets. The Basmachi had soon spread and multiplied across most of Turkestan. Much of Turkestan at the time was, ironically, not actually under Soviet Russia against which the Basmachi were rebelling, but under other regimes (Khorezm SSR and Bukharan People's Soviet Republic), albeit regimes that were allied with Soviet Russia.

The Red Army forces included Tatars and Central Asians, who enabled the invading force to appear at least partly indigenous. It has to be noticed that, unlike the anti-Bolshevik White Army, the Basmachi were not considered as allies by the Western Powers and did not receive any outside help. The Entente saw the Basmachi as potential enemies due to the Pan-Turkist or Pan-Islamist ideologies of some of their leaders.

By the early 1920s, the Basmachi Revolt had become so widespread that the Soviet government realized they risked losing their Turkestan territory. However, infighting among the Basmachi meanwhile made them weaker compared to the Soviet political establishment. Lenin's government made conciliations to national sentiment in order to quell the Turkestan's' objections to being politically a part of the Soviet Union. Altogether these measures diminished the appeal of the Basmachi movement and enabled the Red Army to overpower the Basmachi led by the former Emir of Bukhara.

The Soviet authorities adopted a double strategy to crush the rebellion: political and economic reconciliation with the creation of a voluntary militia composed by indigent Muslim peasants called the Red Sticks and the engagement of regular Muslim soldiers to fight the Basmachi. This Soviet strategy was successful once again and when, in May 1922, Enver Pasha rejected a peace offer and issued an ultimatum demanding that all Red Army troops be withdrawn from Turkestan within fifteen days, Moscow was well prepared for a confrontation. Enver himself was killed in a failed last-ditch cavalry charge on August 4, 1922, near Baldzhuan in Turkestan. Other Basmachi retreated to the Fergana Valley (1923-1924) and were directed by Sher Muhammad Bek (Kurshermat).

After losing their best commanders the Basmachi movement was destroyed as a political and military force and the few rebels remained decided to hide on the mountains and to start guerrilla warfare. The Basmachi revolt had largely died out by 1926. In the area of present-day Kyrgyzstan, the last seats of the Basmachi were destroyed in 1934. The indigenous leaders started to cooperate with Soviet authorities and large numbers of Central Asians joined the Communist Party, many of them gaining high positions in the government of the Uzbek SSR, a republic established in 1924 that included present-day Uzbekistan and Tajikistan. Uzbeks who remained practicing Muslims were deemed nationalist and often targeted for imprisonment or execution.

V. Conclusion

Before annexing of Russian Empire to central Asia the Persian, Arab, Mongol and Turkic cultural elements could keep continuity not in the level of governing groups or dynasties, but the community and culture of the ruled. This continuity of traditional & indigenous culture delivered to their descendants by various activities of contemporary intellectuals of each society with the form of inherited culture and knowledge.

Diachronically accumulated Persian - Arab - Mongolia - Turkish intellectual tradition had fused the Contemporary Central Asian countries and many of historical remains of sedentary civilizations became the basis of establishing historical & cultural authority of present Uzbekistan Republic, trying to revive & emphasize traditional values for stability of state structure. The Kazakh, who established common communities in the 15th century, showed differences in terms of cultural heritages and acceptance of non-domestic cultures. They received European Russian culture with the view of Tatar, serving in the executives of imperial Russia, so the tradition of Kazakh intellectuals could be activated after their annexation to Russian empire. With this historical process & background of community formation, the attitude to embrace Russian culture of Uzbek could not be identified with that of Kazakh.

The embracing of Islamic religion & cultural factors both community of Uzbek and Kazakh showed many differences in terms of character of religion and importing process. In the territory of present Uzbekistan historically localized Islam community of Tajik and Turkic naturally accepted Islam by the way religion and culture with the influence from historical Islamic religion center in central Asia. Instead the Kazakh changed their way of life by the pressure and results of expanding borderline and finally colonial policies. The contact with Russian empire resulted in the spread of russianized Islam by the Tatar Executives and missionaries and influenced the attitude of Kazakh traditional ruling group & intellectuals to importing advanced civilizations in their contemporary world.

In the Kazakh community intellectual tradition could be established no earlier than 15th century, when the Kazakh was independent from ruling of nomad Uzbek. So the Kazakh intellectuals couldn't share the intellectual tradition and culture of central Asian sedentary communities. Because Kazakh traditional intellectuals and ruling groups received European (Russian) factors by imperial Russian Tatar intellectuals, their affirmative stance to Russian system and culture could delivered to the intellectuals at the beginning of soviet Kazakh republic period.

References

- Akiner, Shirin.** Islamic Peoples of the Soviet Union. London: Kegan Paul International Ltd, 1983.
- Allworth Edward.** The Modern Uzbeks. From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- Bacon Elisabeth E.** Central Asians under Russian Rule. A Study of Cultural Change. New York: Cornell University Press, 1966.
- Kemper M., K gelgen A., Yermakov D.** Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Berlin: Schwarz, 1996.
- Olcott, Martha Brill.** The Kazakhs. Stanford University Press, 1987.
- Абусейтова М. Х. и др.** (2001). История Казахстана и Центральной Азии. Алматы: Дайк Пресс, 2001
- История Узбекекой ССР.** Издательство ФАН Узбекской ССР. том 1-4. Ташкент, 1967.
- Масанов Н. Э. и др.** История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк Пресс, 2001.
- Encyclopaedia Iranica.** <http://www.iranica.com>.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ И КАЗАХСТАНА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

МАРМОНТОВА ТАИСИЯ ВИКТОРОВНА

Кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
(Астана, Казахстан)

Современные государства составляют главный субъект международных отношений. Взаимоотношения между данными субъектами строятся в сферах политики, экономики, безопасности, в социальной и гуманитарной сферах. Область экономики составляет одну из ключевых сфер взаимодействия государств.

Республика Южная Корея - одна из наиболее развитых стран в Восточной Азии. Южная Корея является крупнейшим в мире судопроизводителем. На ее долю приходится около 45% мирового рынка. К наиболее сильным сторонам экономики Южной Кореи относится стабильный бюджетный профицит, так как корейский экспорт преобладал над японским из-за высокого курса иены.

Минусами экономической модели Южной Кореи следует считать высокую задолженность и чувствительность к международным передвижениям капитала. Кроме того, имеет место сильная конкуренция со стороны Японии.

Экономика Южной Кореи по состоянию на 2008 год является 13-й в мире по валовому внутреннему продукту (по паритету покупательной способности) и 15-й в мире по номинальному ВВП. Валовой национальный продукт на душу населения вырос со 100 долл. США в 1963 г. до более чем 20 000 долл. в 2005 г.

Ключевые направления южно-корейской экономики за 60-летнюю историю существования государства сильно изменились. В 1940-х гг. экономика страны опиралась преимущественно на сельское хозяйство и лёгкую промышленность. В течение следующих нескольких десятилетий акцент сместился в сторону лёгкой промышленности и производства товаров народного потребления, а в 70-х и 80-х гг. XX в. – в сторону тяжёлой промышленности. В течение 30 лет, после того как президент страны Пак Чон Хи в 1962 г. объявил начало первой пятилетки, экономика страны росла очень высокими темпами, а сама структура экономики сильно изменилась.

Бурный экономический рост в 80-х гг. замедлился к концу десятилетия. К тому времени экономический рост снизился до 6,5 % в год, а с ростом заработной платы населения выросла и инфляция.

Как и в других высокоразвитых странах, к началу 90-х гг. сфера услуг стала доминирующей в экономике страны, а сейчас она составляет две трети всего ВВП.

28 января 1992 г. были установлены дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Республикой Кореей. Экономические взаимоотношения Казахстана и Республики Кореи составляют существенную часть контактов между двумя странами. Важность корейского бизнеса для экономики нашей республики была отмечена на самом высоком уровне.

Основываясь на «Декларации об общих принципах отношений и сотрудничества» от 1995 г., которая была закреплена Совместным заявлением пре-

зидентов наших стран в 2003 году, Республика Корея и Республика Казахстан стремятся вывести свои межгосударственные связи на более высокий уровень, в том числе в таких отраслях, как энергетика, освоение минеральных ресурсов, наука и технологии. При этом они в полной мере используют имеющийся потенциал для экономической взаимодополняемости.

Об этом свидетельствуют результаты первого заседания Корейско-Казахстанского совместного комитета по сотрудничеству в области энергетики и минеральных ресурсов, которое было проведено 12 марта 2004 г. в Астане. По его итогам были подписаны Меморандум о взаимопонимании в области совместного развития Каспийских нефтяных проектов между Корейской национальной нефтяной корпорацией и Национальной компанией «КазМунайГаз», а также Соглашение о совместном исследовании в юго-восточном Казахстане между Корейской ресурсной корпорацией и Казахстанским комитетом геологии и охраны недр.

Так, еще в 2003 г. во время официального визита Президента РК Н. А. Назарбаева в Корею была отмечена важность участия среднего и малого бизнеса Кореи в экономике Казахстана. Учитывая положительные результаты, достигнутые Республикой Корея в процессе реформирования экономики, Президент Республики Казахстан во время официального визита призвал корейских бизнесменов поделиться своим большим опытом в индустриально-инновационном развитии, в сфере венчурного финансирования^[1].

Исходя из реальных перспектив Республики Казахстан в нефтегазовом секторе и большой потребности в инвестициях, казахстанская сторона пригласила Южную Корею принять участие в освоении нефтегазовых месторождений Каспия и передала южно-корейской стороне для ознакомления пакет с документами по госпрограмме освоения казахстанской части шельфа Каспийского моря. А так как корейское правительство активно занимается поиском новых источников энергоресурсов, интерес Сеула к нефтяным богатствам Каспия и потенциальному участию корейских компаний в их освоении вполне понятен. В настоящее время компании Samsung и «Севон хэви машинери» проводят маркетинговые и геотехнические исследования в Западном Казахстане для совместного производства нефтегазового оборудования, в частности буровых плавучих платформ. Президент Казахстана выразил надежду, что по завершении геолого-разведочных работ в казахстанском секторе каспийского шельфа будут заключены соответствующие контракты и созданы совместные предприятия. Не менее активно развивается сотрудничество между двумя странами в области электроэнергетики^[2]. Примером тому может служить намерение Корейской государственной энергетической корпорации построить в Уральске газотурбинную электростанцию стоимостью 15 млн. долл. США.

Привлечение Республики Кореи к инвестиционным проектам в энергетической сфере взаимовыгодно для обеих стран. Корея получает возможность новых поставок. Казахстан получает перспективных инвесторов и открывает путь на новые капиталоемкие азиатские рынки.

В интервью президента Республики Кореи Ли Мен Бака во время его визита в Казахстан в мае 2009 г. было особо обращено внимание на то, что Республика Корея и Республика Казахстан обладают взаимодополняющими экономическими потенциалами и являются обоюдозаинтересованными партнерами в долгосрочной перспективе, и что, нам необходимо стремиться к совместному процветанию путем тесного сотрудничества.

[1] Отношения Казахстана и Южной Кореи – http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/policy/cooperation/asia_africa/13

[2] Казахстан пригласил Южную Корею к совместному освоению Каспия – <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1068704820>

Казахстан, располагающий богатыми природными ресурсами, под руководством Президента Нурсултана Назарбаева поставил задачу войти в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира и успешно реализует свою Стратегию индустриально-инновационного развития до 2015 года.

В свою очередь, Республика Корея обладает большим опытом, активно внедряет ноу-хау в промышленности и занимает 13-е место в мире по показателям экономического развития.

Будучи крайне зависимой от импорта минеральных ресурсов, наша страна, не так давно относившаяся к разряду беднейших, сделав ставку на перспективные, экспортоориентированные отрасли, сумела переломить ситуацию всего за одно поколение.

Объединение этих достоинств двух стран, то есть природных ресурсов Казахстана и опыта Кореи, а также обмен этими преимуществами создают ряд синергетических эффектов на взаимовыгодной основе и обеспечивают реализацию стратегии «выигрыш за выигрыш»^[3].

Итак, мы видим, что обе страны имеют хорошие предпосылки для развития двустороннего сотрудничества в экономической сфере. Особый интерес для корейских компаний представляет энергетический сектор. Для Казахстана корейский бизнес интересен еще и в связи с положительным опытом Республики Кореи на пути реформирования экономики.

По официальным данным, товарооборот Казахстана с Южной Кореей в 2007 г. составил 843,3 млн. долл. В списке важнейших торговых партнеров Казахстана Республика Корея в 2007 году занимала 17-е место. Общий объем инвестиций Южной Кореи в казахстанскую экономику на 30 сентября прошлого года достиг 486,5 млн. долл. 50% этих инвестиций сосредоточено в строительном секторе, 32% – в торговле и ремонте автомобилей и бытовой техники^[4].

Несмотря на присутствие на казахстанском рынке целого ряда крупных южно-корейских компаний (в республике действуют 300 совместных предприятий с участием корейского капитала), нужно констатировать, что двусторонние отношения развиваются довольно слабо. В последние два года прослеживалась обратная тенденция к снижению экономического сотрудничества. Так, к 2008 г. объем товарооборота снизился до 700 млн. долл., при этом Казахстан экспортировал в Корею товаров и услуг на 350 млн. долл., а импортировал – на 348 млн. долл.

Хотя спад в развитии торговых отношений вполне объясним общим состоянием мировой экономики в связи с мировым экономическим кризисом, сейчас, когда экономический кризис идет на спад, государственные и частные компании Южной Кореи собираются увеличить инвестиции в рынок Казахстана.

Еще один критерий экономического сотрудничества – динамика инвестиций. Казахстан сегодня занимает лидирующее положение среди стран СНГ по объему привлекаемых иностранных инвестиций на душу населения. О благоприятном инвестиционном климате и имидже нашей страны свидетельствует факт включения Казахстана в двадцатку наиболее привлекательных стран мира по версии Всемирного банка. В 2008 г. по индексу ведения бизнеса Казахстан поднялся на 10 позиций вверх – с 80-го на 70-е место, в 2009 г. – до 64-го и в 2010 г. – до 63-го. Тем не менее, рейтинг нашей страны ниже, чем у Эстонии, Венгрии, Словакии, Польши, Грузии и других развивающихся стран^[5].

В 2007 г. корейский бизнес инвестировал в экономику Казахстана 780,7 млн. долл. Общий объем инвестиций – около 3 млрд. долл. В свою очередь,

[3] Ли Мен Бак: у Кореи и Казахстана есть опыт преодоления кризиса – <http://www.zakon.kz/58383-li-men-bak-u-korei-i-kazakhstana-est.html>

[4] Кунация Г., Бурбаева Б. Активизация корейского капитала – <http://www.zakon.kz/60178-jekspansija-kompanij-iz-juzhnoj-korei.html>

[5] Каримова А. Как Казахстан привлекает инвестиции – <http://www.wfin.kz/node/6663>

казахстанские капиталовложения в Корею составили 66,7 млн. долл. В Казахстане действуют свыше 300 совместных предприятий с участием корейского капитала^[6].

Так сегодня один из проектов, который стоит на повестке дня, – это строительство электростанции на Балхаше, стоимостью в 2,5 млрд. долл. В этом проекте доли акционеров распределены следующим образом: «Кориа Электрик» и «Самсунг» – суммарно 65%, фонд «Самрук-Қазына» – 25%, компания «Қазахмыс» – 10%. По проекту строительство электростанции должно быть завершено к 2014 г., и мощность ее должна составить от 1,2 тыс. мегаватт до 1,5 тыс. мегаватт.

Также корейцы планируют, совместно с фондом «Самрук-Қазына», вложить около 1 млрд. долл. в другие энергопроекты, в частности в проект по угледобыче^[7].

Благодаря своему выгодному положению, Казахстан представляет интерес для всех инвесторов независимо от географии. Можно констатировать, что для активизации инвесторов из Южной Кореи в Казахстане есть несколько причин. Первая из них связана со спецификой азиатского рынка. Власть и бизнес Южной Кореи хорошо справились с серьезными последствиями кризиса 1990-х гг., сегодня инвесторы из этой страны обращают внимание на другие рынки, особенно развивающиеся. К Казахстану они присматривались очень давно. Особенностью азиатских компаний при установлении контактов является «долгообдумывание». Южно-корейский бизнес имел очень большие шансы «зайти» в Казахстан, когда активы еще были дешевыми. Но бизнесмены долго раскачивались, а затем начался кризис, от которого они оправлялись три года. Интерес к Казахстану с их стороны снова возник два года назад, и 2007 г. можно назвать настоящим стартом больших южно-корейских инвестиций в Казахстан^[8].

Кроме того, нужно отметить, что из всех инвестиций в Казахстан, по данным 2008 г., две трети составляют инвестиции в сырьевой сектор экономики – в горнодобывающую промышленность и в геолого-разведочную деятельность. На обрабатывающую промышленность приходится чуть более 9%. К сожалению, и в прошлом году ситуация практически не изменилась. Поэтому сейчас главная задача, над которой работает ведомство, – формирование благоприятного инвестиционного климата и диверсификация структуры иностранных инвестиций.

Казахстан сегодня занимает лидирующее положение среди стран СНГ по объему привлекаемых иностранных инвестиций на душу населения.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сказать о том, что перспективы дальнейшего развития экономического сотрудничества двух стран представляются вполне перспективными. Приоритет здесь вполне явный – это отрасли с высоким уровнем капиталоемкости. И можно предположить дальнейший рост рынков после окончания экономической рецессии.

[6] Рахматуллина Г. Стратегия укрепления экономического сотрудничества между двумя странами // Казахстанско-корейское сотрудничество: состояние и перспективы: материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 29 апреля 2009 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов, Ян Гу Ли. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 168 с.

[7] Кунагия Г., Бурбаева Б. Активизация корейского капитала – <http://www.zakon.kz/60178-jekspansija-kompanij-iz-juzhnoj-korei.html>

[8] Кунагия Г., Бурбаева Б. Активизация корейского капитала – <http://www.zakon.kz/60178-jekspansija-kompanij-iz-juzhnoj-korei.html>

MODERN IMAGE OF SOUTH KOREA IN KAZAKHSTAN: RESULTS OF THE POLL

RAKISHEVA BOTAGOZ

Director of Programs of Institute of Social and Political Researches (ISPI-Kazakhstan), Candidate of Sociology (Astana, Kazakhstan)

TUKAYEVA DARIGA

Head of International Section of Institute of Social and Political researches (ISPI-Kazakhstan), Master of Public Government (Astana, Kazakhstan)

Specially for International Kazakhstan-Korean Science Conference «Republic of Kazakhstan and Republic of Korea: from establishment of diplomatic relations to strategic partnership» Institute of social and political researches (ISPI-Kazakhstan) has conducted a social research which main theme is studying of some aspects of modern image of Korea in mass consciousness of population of Kazakhstan. 1000 respondents have been questioned across Kazakhstan, sample included urban (55%) and country (45%) residents, men (45,8%) and women (54,2%), people of different ages (between 18 and 29 years old – 27,4%, between 30 and 45 years old – 35,0%, between 46 and 60 years old – 26,0%, over 61 years old – 11,6%), different nationalities (Kazakhs – 58,7%, Russians – 28,2%, representatives of other nationalities – 13,1%). Notably a mini model of Kazakhstan society has participated in a telephone survey and it allows to consider the sample as a representative one.

During social research respondents have been asked following question:

Tell us please, what do you associate South Korea with?

The question has been open and it has been supposed that respondents shall name the associations on their own. As it has been expected most Kazakhstan people associate South Korea with good equipment. In every house you can find washing machine, microwave, TV of telephone produced by Samsung, LG or Daewoo. More than a half, notably 52,1% of respondents have noted this indicator. We can add to this group 33,7% of respondents, which noted car production as the main association with the country. The third indicator, which has a stable association with brand of South Korea, are Korean TV series (17, 6%), and, of course Korean food is an emblematic image indicator – 17,1% of respondents have noted Korean food.

As is generally known, South Korean Medicine is one of the leading medicines in the world today. Answer of Kazakhstan people have proved this factor, answers involved the fact that the medicine is one the vivid associative criteria of South Korea's image (Chart 1).

What Kazakhstan people find interesting in South Korea? This question has been included in the interview. The respondents in the first place have noted Korean cinematography, theatres, film actors and directors, in the second place they have noted national food, unique nature of the country, its geographic position had been its third attractive indicator.

We would like to note that 16,4% of respondents noted «Korean economical miracle». And what is the most interesting a part of Kazakhstan people noted

ANSWERS	Percents *
Qualitative household appliances	52,1
Car production	33,7
TV Series	17,6
National food	17,1
Clothes	8,0
Medicine	5,9
Political difficulties	1,5
Culture	0,5
Korean people	0,4
A developed Korea	0,3
Martial arts (eastern martial arts)	0,2
I find difficulty in replying	11,9

Chart 1.
**Tell us please,
what do you
associate
South Korea with?**

* the sum is not equal to 100%, as the respondents could choose some answers

that South Koreans are an important component of countries image. This is an important indicator from the point of view of relations between people, citizens of two countries.

ANSWERS	Percents*
Cinematography (films), theatre, actors, directors	25,9
National food	25,0
Unique nature of the country, its geographical position and peculiarities	21,8
Historical places, architecture, monuments and other sights	18,1
«Korean economical miracle»	16,4
National culture (songs, dances, traditions, clothes)	13,7
Korean people on their own	11,6
Achievements in sport, sportsmen and sport events	10,9
Music, composers and performers	8,1
I am not interested in the country	22,3
I find difficulty in replying	13,6

Chart 2.
**Tell us please,
what do you find
interesting in
South Korea?
Which points listed
below is the most
attractive in this
country for you?**

* the sum is not equal to 100%, as the respondents could choose some answers

During the social research we wanted to know which TV serials Kazakhstan people prefer and what is the percentage of people watches Korean TV serials. It appears that 10% of people are stable admirers of Korean serials.

Percentage		Percentage	
1. Russia	74,1	7. Mexico	4,1
2. Turkey	22,2	8. Argentine	1,7
3. Kazakhstan	16,8	9. India	0,3
4. the USA	11,7	10. Italy	0,1
5. Brazil	10,3	11. Of little consequence	5,0
6. South Korea	9,0		

Chart 3.
**Serial of which
countries do you
prefer?**

* the sum is not equal to 100%, as the respondents could choose some answers

In the opinion of people the three major spheres to be developed in Kazakhstan and Korean relations economical sphere, including trade, political and health sphere.

Chart 4.
What do you think, in which spheres it is necessary to develop relations with South Korea?

ANSWERS	Percentage*
Economical relations (including trade)	59,8
Political relations	23,4
Public Health	21,5
Culture	17,7
Education	9,5
All spheres	0,3
Travel	0,3
I find difficulty in replying	14,2

* the sum is not equal to 100%, as the respondents could choose some answers

The main source of information about South Korea is TV. A major part of Kazakhstan people (64,7%) obtain information about the country via TV channels.

Chart 5.
What are your main sources of information about South Korea?

ANSWERS	Percentage*
TV	64,7
Newspapers and magazines	30,1
Internet	19,3
Radio	17,3
Family and friends	13,5
Embassy of Korea in Kazakhstan	1,7
No information	12,3
At work	0,3
I find difficulty in replying	6,3

* the sum is not equal to 100%, as the respondents could choose some answers

Being guided by our own knowledge about the country, its people, culture and politics we asked our respondents to evaluate the image of South Korea, give positive or negative estimation. It is necessary to note that 17,3% of respondents have found difficulty in giving the exact evaluation. Only 5,9% of respondents have noted the negative image of the country. A major part of people, namely 76,8% have estimated the image of the country as a positive. It necessary to note that such a positive image of South Korea is mainly based on positive relation to ethnic Koreans, the citizens of Kazakhstan who saved their language, culture, traditions and customs of their nation.

Chart 6.
Could you please tell what you think of the image of South Korea? Is it favorable or unfavorable?

ANSWERS	Percentage
Rather positive	34,8
Positive	42,0
Negative	3,5
Rather negative	2,4
I find difficulty in replying	17,3

The respondents have been also asked about the measures or events which could help to improve the image of South Korea in Kazakhstan.

The main suggestions are:

- 1) necessity of further broadening of cultural contacts;
- 2) broadening of information about the country in various sources;
- 3) development of trade relations;
- 4) development of tourism;
- 5) implementation of experience of South Korea in Kazakhstan (new technologies, including in medicine);
- 6) cancellation or facilitation of visa system;
- 7) studying the experience of South Korea in education sphere.

This sociological study has revealed the Kazakhstan people's great interest and good knowledge about South Korea, its achievements, culture, people and contemporary social, economic and political development. With this regard, we consider that such studies would strengthen cross-cultural dialogue and increase tolerance between Republic of Korea and Republic of Kazakhstan. Positive assessment of the South Korean development would also contribute to public diplomacy reinforcement. We hope that scientific approach to studying the foreign image of Republic Korea would promote peace and reconciliation between two states.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ПОСЛЕВОЕННОЙ КОРЕИ

ШАЙМАРДАНОВА НАЗИГУЛЬ ЖАСУЛАНОВНА

Кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры японоведения КазНУ им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Термин «модернизация» принято понимать как процесс обновления и совершенствования отсталого традиционалистского общества и государства в духе требований современного этапа развития, т. е. переход от традиционного общества к современному.

Новая волна исторической науки, выдвинувшая цивилизационный подход в качестве существенного дополнения формационному, различает три основных типа цивилизации: европейский (или техногенный), традиционный и внеисторический. В основе европейского типа лежит идея о непрерывном развитии или прогрессе, поэтому часто его называют прогрессивным; для него характерен рационализм, высокая степень научно-технического развития, престижность результативного труда, примат частной собственности, рыночные отношения, сложная социальная структура с активно действующими политическими партиями и гражданским обществом. Традиционный, или восточный, тип цивилизации имеет циклический характер развития, он основан на тесном переплетении прошлого и настоящего, на сохранении религиозных и социальных приоритетов; прогресс в таком обществе идет циклами и замедленно^[1].

Цивилизацию Кореи, как и цивилизации Японии и Китая, принято считать «конфуцианской цивилизацией», где сложились особые формы корпоративности, групповой идентичности, государственного патернализма и преобладает конфуцианская философско-этическая традиция. В настоящий момент, когда азиатские страны переживают период демократической трансформации, в основе которого лежит взаимодействие Востока и Запада, конфуцианские цивилизации также активно вовлечены в процессы модернизации и глобализации. Данные изменения сопровождаются не только перестройкой политических и экономических институтов, но и привнесением западных ценностей и ориентиров в элементы традиционной конфуцианской культуры.

Процесс модернизации отличается неравномерностью, поэтому его принято условно делить на волны или «эшелоны». Первый эшелон модернизации включает страны Западной Европы, Северную Америку и Австралию и относится к XVI – XVII вв.; второй эшелон включает Японию вместе с Россией, Германией и странами Восточной Европы и относится к концу XVIII – середине XIX века; третий эшелон модернизации – от середины XIX до середины XX в., включает страны Азии, Африки и Латинской Америки.

Так, Корея относится к группе стран третьего эшелона модернизации, где глобальные перемены начались после окончания второй мировой войны и главной составляющей которых выступает политический фактор.

[1] Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Кореи в период VI Республики: Дисс. Канд. ист. наук: 07.00.03. – Владивосток, 2000.

XX век для Корейского полуострова был сложным и одновременно важным периодом. Отсталая в политическом, экономическом и социальном плане страна подверглась японской оккупации, продолжавшейся 36 лет. Окончание второй мировой войны освободило Корею от японского господства, но вместе с тем явилось началом оккупации войсками СССР и США, которые способствовали разделению страны. Так, в 1948 г. при равной ответственности СССР и США произошел раскол корейской нации на два враждебных государства с различным социально-политическим строем: 15 августа 1948 г. – день основания Республики Корея, а 9 сентября 1948 г. – КНДР.

Центральным местом в процессе модернизации страны является переход к политической демократии. В случае с Южной Кореей становление конституционной модели развития было затруднено несколькими факторами.

Во-первых, Корея, в отличие от соседней Японии, к середине XX века не имела никакого опыта конституционализма. Страна на протяжении многих веков оставалась абсолютной монархией, а начавшаяся в 1919 г. аннексия Кореи, сопровождавшаяся гнетом со стороны японской администрации, еще более отодвинула момент перехода к демократии. Если в довоенной Японии можно говорить о наличии предпосылок трансформации общества (появление политических партий, становление гражданского общества), то на Корейском полуострове, напротив, возможности для демократического транзита были весьма ограничены. Так, российский исследователь А. Загорский, отмечал, что «внутренние препятствия становлению модернизаторских элит и осуществлению стратегии вестернизации в этой стране... оказались наиболее мощными во всем ареале Восточной Азии, тормозившими её развитие более жестко даже по сравнению с Китаем»^[2].

Колониальная политика Японии не позволила сформировать в Корее естественные политические и социально-экономические предпосылки для перехода к демократической системе правления в середине прошлого столетия. Поэтому осознание необходимости модернизации общества складывалось в Корее под влиянием внешнего фактора, а не внутреннего, что сделало бы этот переход более логичным. Кроме того, большая часть корейской интеллигенции была вытеснена за рубеж, следовательно, страна не имела политических лидеров, способных не только выдвинуть программу демократизации общества, но и повести за собой массы.

Во-вторых, после завершения второй мировой войны не последовало возвращения независимости Кореи. Вопрос о послевоенном устройстве Кореи неоднократно обсуждался на международных конференциях лидерами антигитлеровской коалиции. При этом на Ялтинской конференции США было предложено установить опеку над Кореей с участием Вашингтона, Москвы и режима Чан-Кайши. СССР согласился с предложением, отметив, что этот срок необходимо использовать для оказания помощи корейскому народу в достижении национальной независимости^[3].

Известно, что демократизация азиатских стран в большинстве своем проводилась «сверху», поэтому целью оккупационных сил, присутствовавших на полуострове, являлось создание правовой базы для перехода к демократической модели правления. В Корее образовалось консервативное течение, выступавшее за сохранение монархического режима на традиционных устоях общества, с одной стороны, и прокоммунистическое – с другой. Поэтому американская оккупация после создания южно-корейского государства выбрала Ли Сын Манна в качестве лидера республики, как человека ориентированного на сотрудничество и имевшего популярность среди местного населения.

[2] Загорский А.В. Тупики американской оккупационной политики // Республика Корея: становление современного общества. – М.: ИМЭИМО РАН, 1996. – С. 20-35.

[3] Торкунов А.В. История Кореи (Новое прочтение). – М.: Московский Государственный институт международных отношений, 2003. – 430 с.

После создания Южной Кореи начинается первый этап модернизации страны, когда острые противоречия перехода от традиционного общества к современному были особенно очевидны. Так, политическая культура и социально-экономическое положение Кореи требовали поэтапных мер демократизации общества. Экономические преобразования страны включали создание государственного сектора экономики, ликвидацию помещичьего землевладения и создание прослойки мелких земельных собственников, формирование основ рынка. Принятие Конституции Кореи в 1948 г., где были прописаны основные права человека и важный принцип демократии – наличие трех ветвей власти, является ключевым моментом в политической модернизации страны. Несмотря на тот факт, что отдельные положения Основного закона Кореи на деле не выполнялись, а некоторые противоречили друг другу, опыт конституционного развития был необходим.

Соединенные Штаты Америки, учитывая социально-экономическое положение, специфику политической культуры и пассивность корейского общества, понимали, что идея полной демократизации страны преждевременна.

Среди исследователей существуют разногласия относительно роли оккупационной политики в модернизации страны. По мнению А. Загорского, «Америка не дала практически никаких результатов с точки зрения содействия становлению демократического устройства общества и государства»^[4]. Толстокулаков И., напротив, утверждает что «политика военной администрации США обеспечила не только выбор нации в пользу политической модернизации традиционного общества, но и создание на юге полуострова основ демократии... Они послужили катализатором для длительного перехода к демократии»^[5].

В-третьих, Корейская война 1950-1953 гг. не только осложнила взаимоотношения Севера и Юга, но и явилась тормозом для дальнейшей политической и социально-экономической модернизации общества. Условия военного времени ограничили введенные права и свободы граждан, сократили полномочия гражданской администрации, приостановили развитие рыночной экономики. Кроме того, война укрепила политические позиции существующих режимов, как на юге, так и на севере страны.

I Республика, демократическая вначале, становилась все более авторитарной. Поправки к Конституции юридически закрепили в стране президентскую форму правления, т. е. политика Ли Сын Мана была направлена на усиление авторитарного режима в стране, что было свойственно организации корейского общества и в прошлом. Однако ухудшение экономического положения и чрезмерное узурпирование власти положили конец правлению Ли Сын Мана. Парламентская форма правления во II Республике и попытки администрации вернуть демократические права и свободы граждан выглядели оптимистично. Кроме того, к задачам власти относилось и развитие экономики. Однако в 1961 г. военные, испокон веков имевшие привилегированное положение в корейском обществе, устроили военный переворот и захватили власть.

Таким образом, оккупационные силы не смогли внедрить в Корею все институты демократии, как это было сделано в Японии, поскольку политическая модернизация еще не была востребована обществом, не соответствовала культуре конфуцианского типа, а гражданская война лишь замедлила и без того сложный процесс. Руководство I и II Республик также не смогли внедрить идею о необходимости политической модернизации в массы.

Несмотря на тот факт, что в послевоенной Корею главной составляющей модернизации был политический аспект, коренное переустройство общества в широком его понимании начинается с культуры, с осознания новых духов-

[4] Загорский А.В. Тупики американской оккупационной политики // Республика Корея: становление современного общества. – М.: ИМЭИМО РАН, 1996. – С. 20-35.

[5] Толстокулаков И.А. Политическая модернизация в Республике Корея (1945-1987 гг.) // Вестник ДВО РАН. – 2005. – №2. – С. 49-64.

ных ценностей, которые зарождаются в обществе задолго до экономических преобразований. Как отмечалось выше, в любую цивилизацию, стоящую на грани модернизации, обновления либо проникают извне, либо возникают в обществе самостоятельно.

Модернизация общества обычно способствует трансформации традиционных институтов и ценностей, поэтому в ходе модернизации всех сторон жизни государства огромное значение имеет способность традиционной культуры приспособиться, вписаться – причем в самые сжатые сроки – в канву меняющихся ценностей. В такой ситуации особенно важны степень зрелости традиционной культуры и уровень ее развития. Там, где традиционная культура носит незрелый, неразвитый и неустойчивый характер, она является серьезным препятствием для модернизации общества^[6].

Первые попытки культурной модернизации Кореи относятся к XVIII – XIX вв., когда сторонники учения соннихак и сирхак за основу трансформации брали только элементы национальной культуры. Затем в конце XIX в. последователи учения юсэн начали активную кампанию против современного развития страны, убеждая общество в том, что традиционная культура Кореи глубже любой другой. В середине прошлого столетия идея культурной модернизации снова стала актуальной. Так, очередной ее этап совпал с первым периодом политической трансформации общества.

Говоря о культурной модернизации корейского общества в послевоенный период, стоит отметить следующие особенности: если предыдущие культурные изменения носили половинчатый характер, то изменения середины XX века были масштабными, и правильней было бы назвать эти события не культурной трансформацией, а формированием новой корейской культурой.

Сегодня исследователи выделяют четыре основных слоя культуры Кореи: это исконно корейская, конфуцианско-китайская, японская и современная американо-европейская культурные традиции. Несмотря на важность всех составляющих корейской культуры, наибольшее влияние, пожалуй, оказало проникновение китайских религиозных систем – буддизма и конфуцианства^[7].

Известно, что при изучении проблемы «традиция-модернизация» важно учитывать религиозный фактор, в данном случае – влияние конфуцианской культуры на общественное развитие Кореи. Придя к власти, первый президент страны заявил, что превратит Корею в «горнило, где сплавятся воедино учения Конфуция и Христа», так как понимал, что базовой, фундаментальной основой традиционной культуры его родины является религия^[8]. Так, первым шагом новой власти было создание «Центра национального объединения», вслед за ним были созданы другие организации, в той или иной степени способствовавшие возрождению национальной культуры: «Лига всеобщей мобилизации сил страны», «Объединенный союз», «Общество культурных связей Кореи и США» и др.

В период послевоенной модернизации корейского общества можно выделить несколько тенденций. Сторонники первой, отстаивая консервативные взгляды, утверждали, что будущей основой Кореи должна стать только традиционная культура и связанная с нею самобытная демократия. Вторая тенденция отражала эстетические теории о «мировой республике искусства» и была представлена творческой интеллигенцией Кореи. И, наконец, третья тенденция, преобладающая в обществе, была выбрана правящей элитой страны, ориентированная на тесное сотрудничество с США и приобщение местного населения к элементам западной культуры.

[6] Марков В.М. Культура Республики Корея: основные этапы развития // Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России. – Владивосток: ДВГУ, 1999. – 448 с.

[7] Ултурганева В.С. О социальных, экономических и культурных особенностях современного корейского общества <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/45724>

[8] Марков В.М. Культура Республики Корея: основные этапы развития // Республика Корея. Традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России. – Владивосток: ДВГУ, 1999. – 448 с.

Понимание того, что залогом успешной модернизации является не перенос западной политической идеологии, а заимствование отдельных ее элементов, преломленных через национальный культурный опыт, пришло значительно позже.

Захват власти военными в начале 60-х гг. нельзя назвать случайным событием: согласно конфуцианскому учению, военные всегда занимали особое положение в корейском обществе. Корейская война дала возможность испытать вновь созданную послевоенную армию, а материальная помощь Соединенных Штатов Америки способствовала ее быстрой технической модернизации. Сила и влияние военных стали очевидны, когда в начале 60-х гг. власть уже не могла справиться с целым рядом политических и социально-экономических проблем, и они пошли на прямой захват власти.

Приход к власти военных и установление III Республики ознаменовали собой переход к следующему этапу модернизации Южной Кореи. Правление генерала Пак Чжон Хи привело к установлению авторитарного военно-бюрократического государства, выбранная им модель развития сочетала жесткий политический контроль с управляемым рыночным развитием. Несмотря на тот факт, что были сохранены отдельные институты демократии, регулярно проводились президентские и парламентские выборы, в стране шла непрерывная борьба за восстановление конституционной демократии, а власть была полностью сосредоточена в руках узкой группы людей. К основным функциям государства с этого момента относилось «эффективное подавление антиправительственных акций, но не забота о формировании реальной поддержки своих властных усилий со стороны населения»^[9].

Несмотря на очевидные ограничения личных свобод граждан и подавления любых демократических тенденций в обществе, «силовая» политика государства была близка Южной Корее, поскольку основывалась на привычных для общества нормах государственного и общественного управления, и означала возврат феодальных и колониальных форм правления.

Основными составляющими корейской идеологии периода III Республики стали национализм и антикоммунизм, но со временем антикоммунизм отошел на второй план, уступив место национализму. Его лозунги модернизации родины, национальной реконструкции, экономического роста, национальной мобилизации были новым элементом в корейской политической культуре того времени. Режим генерала Пак Чжон Хи оказался способным управлять не только политическими, социальными, но и экономическими процессами в стране.

Обеспечив политическую стабильность в государстве путем создания авторитарного режима, новая администрация сконцентрировала все свое внимание на экономической модернизации Кореи, результатом которой стал невиданный ранее экономический рывок, названный «корейским экономическим чудом». В качестве основных направлений корейской экономической политики выступили ориентация на экспорт, рациональное использование иностранных займов и инвестиций, опора на крупные фирмы, действующие под государственным контролем, поощрение сбережений и инвестиций в производство^[10]. Вероятно, именно этот экономический прорыв позволил стране в 90-х гг. завершить постепенную демократизацию общества.

Многие исследователи схожи во мнении, что именно конфуцианский «фактор» предопределил экономический успех страны: патронимия, корпоративный дух, уважительное отношение к власти и дисциплинированность корейцев, а также трудолюбие, бережливость, преданность и чувство долга способствовали скорее экономической, нежели политической модернизации общества. Другими словами, если демократические преобразования воспринимались корейским обществом без энтузиазма и скорее были навязаны оккупационными силами, то индустриализация экономики, напротив, шла

[9] Han Sung-Joo. *The Failure of Democracy in South Korea*. – Berkeley: Univ. of California Pr., 1974. – 124 p.

[10] Ланьков А.Н. *Корея. Будни и праздники*. – М.: «Международные отношения», 2000. – 480 с.

быстрыми темпами, так как основные элементы предпринимательства соответствовали традиционным культурным ценностям Кореи.

Несмотря на отдельные недостатки политики генерала, можно выделить и положительные моменты государственного управления. Так, Пак Чжон Хи отказался от попыток перенести на корейскую почву западную политическую традицию, идеологию и присущие ей институты. Признав либерализм «гибельным для страны», он настаивал на его «преломлении через национальный культурный и политический опыт». Другими словами, идеалу правового западного государства был противопоставлен «силланский коллективизм, основанный на конфуцианстве и общинной традиции». Отвергая принципы парламентской и либеральной демократии, Пак Чжон Хи одним из первых среди представителей конфуцианского мира разработал теорию «корейзированной» или «восточной» демократии, в условиях которой «народ играет определенную роль, но во главе общества должна стоять героическая, сильная личность»^[11].

Позже концепция Пак Чжон Хи получила название «административная демократия» и была раскрыта в его трудах «Путь нашей нации» (1962)^[12] и «Государство, революция и я» (1963)^[13]. Суть данной теории сводилась к тому, что «либеральную демократию надо поставить на здоровую националистическую основу».

Составная часть теории административной демократии – концепция «нового руководства», согласно которой в ситуации, когда требуются скорейшая модернизация и наращивание государственной мощи, роль лидера, который возглавит этот процесс, крайне важна. Естественно, в новых условиях страны может руководить только так называемая новая элита, которая и выдвигает героического лидера. Централизация власти в руках президента является единственно возможным выходом из сложившейся ситуации, так как «концентрация власти в руках одного человека приведет к персонификации власти и решение насущных проблем станет намного проще».

Вторым элементом идеологии была модернизация. Этот термин покрывал форсированное развитие общества и в экономической, и в социальной сфере. И хотя Пак Чжон Хи отождествлял уровень модернизации общества с уровнем демократии в нем, он делал это с учетом того, что демократия должна была быть поставлена на здоровую корейскую основу, а модернизация предполагала привнесение западной технологии и культуры при сохранении неизменными традиционной морали и общественных структур. Взяв за основу распространенную в то время в Европе «теорию модернизации», идеологи страны развивали ее так: для Кореи модернизация, в первую очередь, означает индустриализацию, наиболее благоприятные условия для которой может создать только сильное политическое руководство^[14].

Концепция чучхесонъ (национальной самобытности) тесно связана с независимостью нации, под которой понимается экономическое самообеспечение государства и его политическое самоопределение. Данная теория появилась в середине 60-х и окончательно оформилась к началу 70-х гг., когда корейская традиция политической культуры вышла на новый этап. Адаптация западной системы ценностей к традиционным условиям завершилась и началась выработка соответствующей требованиям времени «идеологии с корейской спецификой», построенной на национализме, опоре на собственные силы в экономике и относительной независимости во внешней политике. В дальнейшем эта идеология переросла в создание концепции национального субъективизма как синтеза «заимствованных политических институтов и элементов традиционной культуры».

[11] Толстокулаков И.А. Политическая модернизация в Республике Корея (1945-1987 гг.) // Вестник ДВО РАН. – 2005. – №2. – С. 49-64.

[12] Park Chung Hee. To Build a Nation. – W.: Acropolis Books, 1971. – 405 p.

[13] Park Chung Hee. The Country, the Revolution and I. – Seoul: Hollym, 1970. – 432 p.

[14] Асмолов К. Генерал Пак Чжон Хи. Очерк политической биографии // Сеульский Вестник. – 2003. – №77-80.

Идеология чучхесонъ доказывала необходимость укрепления сильной централизованной власти, существование иерархических отношений подчинения и возможность социальной гармонии на базе национального сознания и оправдывала авторитаризм как явление, изначально присущее корейской национальной культуре и региональной культуре в целом. Консервативность политической системы объяснялась спецификой социально-политического развития азиатских стран и ролью традиционных ценностей. Неоднократно подчеркивалось, что «самое опасное для азиатских государств – потерять все связи с традиционными ценностями».

Другими словами, правительство Пак Чжон Хи действительно старалось синтезировать традиционный идеологический механизм с теми элементами европейской общественной ментальности, которые воспринимались как главный источник экономического процветания и примата европейской цивилизации над остальными. Такой подход связан с тем, что для корейских патриотов был характерен своеобразный почвеннический комплекс. С одной стороны, они выросли под влиянием внешней среды (будь то Китай, Россия или Америка), с другой – очень пытались доказать, что у них есть что-то свое, и при этом не менее древнее, чем та традиция, которая оказывает влияние. Эта тенденция хорошо видна и на примере чучхесонъ, одним из важных элементов которого был лозунг «демократии корейского стиля», построенной на синтезе западной демократии и корейских национальных корней. Согласно Пак Чжон Хи, «нормы демократии должны соответствовать национальным политическим и культурным традициям»^[15].

В 1972 г. Пак Чжон Хи совершил конституционный переворот, вошедший в историю под названием «Юсин», или «Реформы обновления государства». Стоит отметить, что более точное значение этого слова – «реставрация», которое пишется теми же иероглифами, что и слово «реставрация» в японском словосочетании «реставрация Мэйдзи». Новая политическая система, или период IV Республики, сопровождался введением чрезвычайного положения, запретом любой политической активности, изданием президентских указов, которые были направлены на прямое удаление оппозиции, военными судами, вынесением большого числа приговоров по политическим статьям за нарушение указов президента, поэтому его принято считать временем крайне жесткого тоталитарного режима послевоенной корейской истории. Политическая система Юсин вызвала больше протестов, чем действия военных в период III Республики. Стагнация в экономике, инфляция и рецессия достигли своего апогея в конце 70-х гг., смерть же генерала Пак Чжон Хи в 1979 г. положила конец IV Республики.

Пришедший к власти генерал Чон Ду Хван в целом продолжал политическую и экономическую линию предшественника вплоть до 1987 г. Его правление принято считать авторитарным, однако менее жестким, чем предыдущие режимы. Конституция страны 1981 г. провозглашала больше свобод, однако по-прежнему давала очень много власти президенту.

Ситуация в Корее середины 80-х гг. существенно отличалась от послевоенной: управляемая авторитарным, но при этом эффективным в экономическом и социальном отношении режимом, страна совершила гигантский скачок. Из отсталой в экономическом плане страны Корея за 25 лет превратилась в одну из ведущих индустриально развитых стран Азии. Сложно отрицать, что возникновение среднего слоя, успешные шаги на пути формирования гражданского общества и относительная политическая стабильность являются результатом правления военных диктатур. Однако в середине 80-х гг. к пониманию, что данный политический режим изжил себя, пришли не только отдельные слои общества, но и представители большого бизнеса, не видевшие

[15] Асмолов К. Генерал Пак Чжон Хи. Очерк политической биографии // Сеульский Вестник. – 2003. – №77-80.

больше нужды в сохранении политической системы, весьма эффективно защищавшей их интересы ранее. Изменилась и позиция США, которые убедились, что политическую стабильность в стратегически важном для них регионе впредь можно поддерживать и более демократическими методами^[16].

Правление генерала Ро Дэ У кардинально отличалось от правления его предшественников, поэтому его сложно назвать военной диктатурой или авторитарным режимом. Более того, многие исследователи полагают, что в конце 80-х гг. был сделан серьезный шаг в сторону демократизации общества, хотя говорить о демократии в классическом понимании, конечно, все еще было преждевременно. Приход к власти Ким Ён Сам в 1992 г. ознаменовал собой возврат к гражданским правительствам в корейском обществе и постепенный отход армии от политики.

Суммируя вышесказанное, стоит обратить внимание на тот факт, что в послевоенном корейском обществе еще не созрели естественные предпосылки для перехода к демократии, и роль внешнего фактора сыграли оккупационные власти. Однако им удалось лишь заложить основы конституционализма, которые, получив некоторое развитие в период I и II республик, были сменены авторитарным правлением лидеров последующих республик. К тому же, не стоит забывать о психологической инертности большинства корейского общества с его нежеланием и невозможностью быстро приспособиться к изменениям в обществе и к переоценке привычных традиционных ценностей.

Можно предположить, что 50-ые гг. прошлого столетия были периодом борьбы за политическую стабильность; 60-ые гг. – периодом борьбы за экономическую стабильность и лишь 70-ые гг. стали временем поиска культурной идентичности^[17]. Правительство страны, активно внедряя в жизнь технические и организационные формы запада, словно консервировало традиционные духовные формы общества, будь то политические институты или культурные ценности. Все это существенно тормозило процесс вхождения национальной культуры в новые условия, а также было серьезным препятствием демократизации и становления гражданского общества. В послевоенной Корее модернизация экономики значительно опережала модернизацию духовной сферы и связанных с нею политических институтов.

Таким образом, время существования I и II Республик (1948-1961 гг.) в истории Кореи можно назвать периодом политического транзита, когда завершилось формирование основных институтов и конституционных основ демократии, но продолжалась борьба с авторитарными тенденциями, и все еще не был достигнут компромисс между национальными и западными элементами культуры. Следующий период модернизации общества (1961-1979 гг.) приходится на время III и IV Республик, когда авторитарный режим Пак Чжон Хи способствовал слиянию президентской и военной власти, а политическая система Юсин на непродолжительное время позволила преобладать либеральным тенденциям и дала надежды на возвращение к демократическим нормам. Несмотря на авторитарную политику генерала Пак Чжон Хи, нельзя не признать успех проводимых им мероприятий по модернизации экономики. Переход к V Республике означал начало очередного цикла модернизации (1980-1987 гг.), ознаменовавшийся приходом к власти военных во главе с Чон Ду Хван. Однако данный период был непродолжительным и отличался наличием демократических реформ. Лишь с установлением VI Республики (1988 г.) и приходом к власти гражданской администрации во главе с Ро Дэ У стало можно говорить о создании необходимых условий для дальнейшего социально-экономического развития и политической модернизации корейского общества.

[16] Ланьков А.Н. Корея. Будни и праздники. – М.: «Международные отношения», 2000. – 480 с.

[17] Tongshik R. The humanities and national identity: the case of Korea // Proceedings of symposium «Cultural Identity and Modernization in Asian Countries». – Tokyo: Kokugakuin University, 1983.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАЗАХСТАНА В ОБСЕ В 2010 ГОДУ И ПЕРСПЕКТИВА ЮЖНОКОРЕЙСКО- КАЗАХСТАНСКОГО ПАРТНЁРСТВА

ЧО ЫН-ДЖОН

Докторант факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)

1. Значение и перспектива председательства Казахстана в ОБСЕ в 2010 г.

*ОБСЕ в современном международном сообществе
и её эволюционное движение*

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) является одной из самых крупных региональных организаций в мире для обеспечения безопасности. Прежним названием этой организации, в состав членов которой входят 56 стран североамериканского континента, Европы и Центральной Азии, является Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). СБСЕ было создано по инициативе СССР и социалистических государств Европы как постоянно действующий международный форум для выработки мер уменьшения военного противостояния и укрепления безопасности в Европе. При этом нужно подчеркнуть, что державы североамериканского континента, такие как США и Канада, которые в ходе «холодной войны» противостояли социалистическим странам в Европе, также приняли участие в этой организации, чтобы избежать военных конфликтов и формировать систему устойчивой безопасности в общеевропейском пространстве. Основная цель организации – это предотвращение и урегулирование конфликтов в регионе и реализация мирного состояния в международных отношениях не только Европы, но и общего мира в целом через обеспечение совместной безопасности и взаимного доверия между государствами-членами организации. Кроме того, ОБСЕ (СБСЕ) уделяет большое внимание экономической и экологической безопасности, обмену человеческими ресурсами и гуманитарному сотрудничеству, включая демократию, права человека. Таким образом, ОБСЕ с момента своего образования постоянно прилагает усилия к тому, чтобы выработать общие взгляды по мировым вопросам между государствами-членами организации и согласовать интересы разных сторон из разных регионов мира. Все государства-участники ОБСЕ обладают равным статусом. Решения принимаются на основе консенсуса. Решения не носят юридически обязательного характера^[1], но имеют большое политическое значение.

Таким образом, с 1973 до начала 90-х гг. ОБСЕ/СБСЕ непрерывно развивалась как символ многосторонности в Европе и внесла немалый вклад в создание нового европейского порядка путём диалога, переговоров и сотрудничества в области политики, военной сферы, безопасности, экономики, прав человека и культурного обмена между европейскими странами.

[1] Есть такое мнение, что эффективность организации невысока, поскольку юридическая сила решений организации слишком слаба.

Как выше было упомянуто, самым большим вкладом организации считается то, что ОБСЕ/СБСЕ играла роль многостороннего консультативного механизма безопасности на основе взаимодоверия и разоружения в таких сложных условиях противостояния двух военно-политических блоков в мире – в условиях «холодной войны». К тому же, усилия для создания устойчивой системы безопасности в Европе, как ОБСЕ, способствовали созданию совместного механизма партнёрства и безопасности для обеспечения стабильности и интеграции и в других регионах. СБСЕ/ОБСЕ предложило конкретную концепцию и базовую модель безопасности на основе сотрудничества и контроля над вооружениями, и это стимулировало многосторонний диалог безопасности и переговоры по контролю над вооружениями в Южной Азии и азиатско-тихоокеанском регионе и открыло новую страницу всемирного диалога по безопасности. После распада «холодной войны» в азиатском регионе также появились такие региональные организации, как региональный форум АСЕАН^[2], Азиатско-Тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности^[3], Диалог по безопасности в СВА^[4] и т. д., в которых азиатские страны могут создавать стратегическое партнёрство и укреплять взаимовыгодное сотрудничество, как в ОБСЕ. Однако, в отличие от Европы, в Северо-Восточной Азии ещё не установлена региональная структура безопасности, с помощью которой возможно консолидировать этот регион, из-за того, что Соединенные Штаты Америки в большей степени сосредоточились на двустороннем сотрудничестве безопасности в СВА. Кроме того, страны в СВА имеют разные взгляды на региональную безопасность и систему безопасности. Однако в современной международной обстановке, где взаимозависимость между странами как никогда увеличивается и срочно требуется глобальное партнерство в борьбе с терроризмом, наркотиками, различными заболеваниями и крупномасштабными экологическими бедствиями, странам в СВА также придётся прийти к соглашению создать единую структуру совместной безопасности путём проведения активной многосторонней дипломатии. Естественно, Диалог по безопасности в СВА – это организация, деятельность которой нацелена на СВА, но она негосударственная организация, и поэтому сфера её деятельности также в какой-то степени ограничивается. С учётом этого, по мере изменения ситуации, связанной с безопасностью в СВА, крайне необходимо создать мирную структуру в этом регионе, в которой участвуют не только Юг и Север, но и соседние страны, как США, Япония, Китай, Россия и т. д., с целью настоящего окончания «холодной войны» в СВА, укрепления партнёрских условий на Корейском полуострове и подготовки предпосылок воссоединения Южной и Северной Кореи.

Значение и перспектива председательства Казахстана в ОБСЕ в 2010 г.

В конце 2007 г. Казахстан избран на пост председателя ОБСЕ на 2010 год. Поскольку ОБСЕ – это организация в которой западные страны, включая Соединенные Штаты Америки, играют главную роль, это событие имеет большое значение. С 1-го января этого года Казахстан уже начал работу в должности председателя ОБСЕ. Во время своего новогоднего обращения 2010 года Президент РК Н. А. Назарбаев отметил, что международный авторитет Казахстана увеличивается, благодаря председательству в ОБСЕ в 2010 г., и теперь Казахстану нужно достойно выполнять свои обязанности, упомянув, что 2010 год – это год председательства Казахстана в ОБСЕ. Кро-

[2] ASEAN Regional Forum

[3] The Council for Security Cooperation in the Asia-Pacific

[4] Northeast Asia Security Dialogue

ме того, Казахстан в качестве председателя ОБСЕ предлагал провести саммит ОБСЕ в этом году, и многие страны-члены ОБСЕ, включая Италию, Россию и Францию поддерживали эту идею. Последний саммит ОБСЕ состоялся около 10 лет назад, в 1999 г. в Стамбуле. И понятно, что уже пора переоценивать проблемы, стоящие перед государствами-членами, и уточнить будущие приоритеты согласно интересам всех членов ОБСЕ. Идея проведения нового саммита ОБСЕ в 2010 г. была предложена президентом Казахстана Н. А. Назарбаевым, поскольку в 2010 г. отмечаются 20-я годовщина подписания Парижской Хартии для новой Европы (1990), 35-я годовщина подписания Хельсинкского заключительного акта (1975) и 65-я годовщина окончания второй мировой войны. Предполагается, что во время саммита будут обсуждены вопросы безопасности в регионах, за которые отвечают ОБСЕ, и ситуация в Афганистане. Если предложение Президента Н. Назарбаева реализуется, то впервые в истории Президент США Барак Обама посетит Центральную Азию, и это станет важным шансом для подъема авторитета Казахстана в международном сообществе.

Казахстан, который обладает огромной территорией, богатыми природными ресурсами, при подготовке к председательству в ОБСЕ, неоднократно подвергался критике со стороны организаций по правам человека. Но специальный докладчик ООН по вопросам предотвращения пыток, профессор Манфред Новак, после изучения ситуации с соблюдением прав человека в Казахстане официально заявил, что решение доверить председательство Казахстану в ОБСЕ было правильным.

Казахстан – это молодая независимая страна, и до распада Советского Союза в начале 90-х гг. он был под влиянием коммунистического режима Советского Союза. Поэтому по сравнению с Европой пока низок уровень Казахстана по развитию прав человека и демократии. Но главное, что Казахстан постоянно прилагает усилия к тому, чтобы поднять такой уровень и стать полноценным членом международного сообщества, где обеспечены не только экономический уровень, но и развитая политическая и социальная культура. Именно такие усилия дали Казахстану шанс играть роль председателя ОБСЕ в 2010 г., в котором издавна участвовали основные североатлантические державы. На самом деле в Казахстане сосуществуют различные народы и их культуры. В стране давно укоренилась культура гармонии и терпимости между разными этническими, расовыми и религиозными группами. Поэтому, на основе такой давней традиции, на председательство Казахстана возлагаются большие надежды, что Казахстан сыграет решающую роль в создании крепкого фундамента партнёрства для согласования интересов разных культурных, этнических и религиозных групп в ОБСЕ и достижения её общих целей.

2. ОБСЕ – хороший образец организации региональной безопасности СВА и перспектива будущего партнёрства между Республикой Корея и Республикой Казахстан

ОБСЕ – образец при создании организации региональной безопасности СВА

Как выше было сказано, в последнее время страны региона СВА становятся едиными в том, что в современном мире, где взаимозависимость между странами мира увеличивается, странам СВА также нужно создать структуру многостороннего сотрудничества безопасности для дальнейшего развития региона и обеспечения мира и стабильности во всём мире в целом.

Развитие многостороннего партнёрства безопасности способствует обеспечению прозрачности и предсказуемости внутренней деятельности страны, укреплению стабильности, взаимного доверия и взаимозависимости между странами. В конечном итоге это приведет к сближению стран мира. Кроме того, ряд глобальных проблем, стоящих перед нами, невозможно решить силой одной страны, и крайне важен всеобъемлющий и многосторонний подход к их решению. В современном международном сообществе проблема национальной безопасности одной страны может повлиять на безопасность другой, и поэтому для обеспечения мира и всеобщего процветания необходимость многостороннего режима безопасности ещё больше увеличивается.

СБСЕ создано в 1970-х гг., когда разрядка международной напряжённости между Востоком и Западом достигла пика, и стало площадкой диалога по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе. СБСЕ не предполагает применение силы и предотвращает конфликты через диалог и согласование интересов. При возникновении конфликтов СБСЕ урегулирует их мирными средствами. Именно в этом СБСЕ отличается от НАТО и ООН. Если учитывать тот факт, что хотя СБСЕ учреждено во время «холодной войны» и в нём участвуют разные страны с различными политическими, экономическими и идеологическими интересами, эта организация создала общие стандарты по безопасности и сотрудничеству в Европе и в СВА, где ещё существует наследие «холодной войны», вполне возможно, что появится многосторонняя региональная организация сотрудничества и безопасности^[5]. Кроме того, эффективное сотрудничество и разделение ролей ОБСЕ с другими региональными организациями по безопасности позволяет ОБСЕ идеализировать свою роль и деятельность в современном мире^[6]. А также, учитывая то, что СБСЕ создано на основе признания наличия существующих военных альянсов, такой опыт ОБСЕ очень подходит реалиям СВА, где в действительности признание существующего военного альянса является неизбежным.

После окончания «холодной войны» в регионах Восточной Азии и Тихого океана началось конкретное обсуждение возможностей многосторонней системы безопасности в регионе. До того времени в регионе проводилось в основном двустороннее партнёрство безопасности. Главная причина этого в том, что Соединенные Штаты предпочитали двустороннее партнёрство в области безопасности, поскольку они считали, что это имеет большую гибкость и эффективность, а также социалистические страны Восточной Азии были абсолютно независимы от Советского Союза^[7]. Кроме того, союзники США почти не имели общности целей, к которым они стремились, и их политические системы также отличались друг от друга. Поэтому в то время необходимость и возможность создания такой структуры была невысокой. После окончания «холодной войны» в Европе бурными темпами менялась ситуация вокруг порядка безопасности в Европе, и по мере этого роль многосторонней системы безопасности стала ещё важнее. Однако, в отличие от Европы, в СВА пока ещё отсутствует структура совместной безопасности и до сегодняшнего дня продолжается обсуждение этого вопроса. В частности, мирный процесс Корейского полуострова тесно связывается не только с региональной ситуацией Восточной Азии, но и с глобальной ситуацией безопасности, и поэтому нельзя не учитывать политические ситуации окружающих

[5] Бывший президент Республики Корея Ро Му Хён заявил, что идеальной моделью многосторонней системы сотрудничества по безопасности в Северо-Восточной Азии является ОБСЕ. С учётом того, что в СВА расположены страны с разными культурными и историческими факторами и здесь пока существует наследие «холодной войны», структура совместной безопасности как ОБСЕ, где разрешают конфликты не с помощью насилия, а с помощью диалога и переговоров является самой адекватной альтернативой для устойчивого обеспечения стабильности и мира в СВА.

[6] В саммите 1994 г. в Будапеште страны-члены ОБСЕ договорились активно сотрудничать с другими организациями по безопасности в Европе, включая НАТО, путём эффективного разделения ролей.

[7] Если влияние СССР в этом регионе было бы очень сильным, то США также должны бы создать коллективную структуру по безопасности против СССР.

Корейский полуостров стран. Поэтому система диалога в ОБСЕ, на основе которой, за одним столом, обсуждаются разные проблемы, позволяет участникам более эффективно проводить переговоры. Потому что, даже если переговоры по одному вопросу провалятся, этот вопрос возможно связать с другими, и ещё раз найти ответ на него. Поэтому и в регионе СВА необходима всеобъемлющая модель безопасности, в рамках которой возможно обсуждение разных проблем, таких, как безопасность, права человека, экономика и экология и т. п.

Влияние председательства Казахстана в ОБСЕ на отношениях между Кореей и Казахстаном

При продвижении многостороннего диалога по безопасности и сотрудничеству в АТР 11-го апреля 1994 г. Корея подала заявку на участие в СБСЕ от имени министра иностранных дел РК Хан Сын Джу, для того, чтобы приобрести опыт и знания о создании многостороннего сотрудничества безопасности и доверия в Европе через СБСЕ. Через 2 месяца Комитет старших должностных лиц (КСДЛ, ныне Высший совет) решил пригласить Корею на совещание по вопросам рассмотрения выполнения обязательств, которое проводилось в октябре 1994 г. и на саммит, состоявшийся в декабре того же года. Кроме того, они приглашали Корею на разные семинары и специальные совещания, которыми интересуется Корея. А также был учрежден канал для регулярного обмена информацией между Секретариатом СБСЕ и Кореей. Таким образом, Корею в качестве партнера по сотрудничеству^[8] с 1994 г. приглашают на саммит, на совещание по вопросам рассмотрения выполнения обязательств и Совет министров. Корея начиная с Будапештской конференции в ноябре 1994 г. стала направлять делегации на саммиты, на государственном уровне изучать работу ОБСЕ. На Лиссабонский саммит в декабре 1996 г. решили пригласить Корею в качестве партнера по сотрудничеству, на заседания – по мере необходимости (meetings as appropriate). Таким образом, считается, что Корею предоставлен статус регулярного участия в саммите, в Совете министров и совещании по вопросам рассмотрения выполнения обязательств^[9].

Дипломатические отношения между Казахстаном и Республикой Кореей были установлены 28 января 1992 г. В июле 1992 г. подписаны Совместное заявление и Протокол о сотрудничестве и эти документы стали основой дальнейшего экономического сотрудничества. При этом южнокорейские компании играли очень важную роль в укреплении взаимодоверия между обеими странами. Они подписали ряд соглашений с правительством Казахстана и реализовали их. Президент Казахстана Н. А. Назарбаев посетил Сеул в 1995 и в 2003 году и планирует свой третий визит в апреле 2010 года. Что касается Кореи, бывший президент Кореи Но Му Хен и нынешний президент Ли Мён Бак в сентябре 2004 и в мае 2009 года соответственно посетили Казахстан и укрепили двусторонние партнёрские отношения между Кореей и Казахстаном. Такое политическое сближение стало катализатором расширения двусторонних отношений. Теперь Корея и Казахстан на основе существующей базы экономического партнёрства стремятся достичь взаимных интересов через политическое и дипломатическое содействие, включая совместное участие в решениях международных про-

[8] Partner for Cooperation

[9] В рамках саммита СБСЕ в Будапеште, состоявшегося в декабре 1994 г., было проведено заседание Тройки (Швеция, Италия, Венгрия) + 2 (Корея, Япония), и министр иностранных дел Италии заявил, что они поддерживают участие Кореи в СБСЕ на равном по статусу уровне Японии. Кроме того, создан механизм взаимного понимания того, что Тройка рассматривает возможность участия Кореи в ОБСЕ до конца 1995 г. В 1995 г. Корея впервые за время пребывания в ОБСЕ приняла участие в основном выступлении, и официально заявила, что Корея будет принимать активное участие в разных мероприятиях ОБСЕ. После этого Корея непрерывно укрепляла партнёрские отношения с ОБСЕ и внесла и материальный вклад в управление ОБСЕ.

блем. При этом можно сказать, что председательство Казахстана в ОБСЕ также дает хороший шанс для расширения южнокорейско-казахстанского партнёрства.

Корея, взяв на вооружение опыт Казахстана согласовывать разные интересы и мнения в такой огромной по масштабу организации, как ОБСЕ, может научиться строить концепцию многостороннего партнёрства безопасности в США. Кроме того, поддерживая деятельность Казахстана в ОБСЕ, Корея может повышать свое влияние и имидж в этой организации и во всём мире в целом. С другой стороны, для Казахстана Корея является старым другом, который поддерживает политику страны с момента приобретения независимости в 90-х гг., и в ситуации, когда перед Казахстаном стоят большие задачи, такие как председательство в ОБСЕ и проведение встреч на высшем уровне в рамках своей миссии, поддержка и помощь Кореи как никогда необходимы, чтобы 2010 год стал годом мощного прорыва укреплению международного авторитета Казахстана.

3. Поднятие авторитета Казахстана в мировом сообществе и перспектива южнокорейско-казахстанского партнёрства

Роль и авторитет Казахстана в международном сообществе после председательства в ОБСЕ

Казахстан является участником и – более того – инициатором создания ряда организаций, деятельность которых направлена на укрепление безопасности в Азии. В частности, страна активно участвует в Договоре о коллективной безопасности, Шанхайской организации сотрудничества (все они являются структурами, нацеленными на развитие доверия и сотрудничества на пространстве СНГ и Дальнего Востока). Кроме того, Казахстан учредил качественно новую структуру по обеспечению безопасности в азиатском макрорегионе: по инициативе Президента РК было созвано Сопредседательство по безопасности и мерам доверия в Азии (СВМДА). Эта структура призвана обеспечить стабильность на континенте в целом, и в регионе Центральной Азии в частности. СВМДА действует через аккредитованных послов – представителей стран-членов в Казахстане. Руководство Казахстана также неоднократно призывало к строительству в долгосрочной перспективе «общества стабильности и взаимопонимания» в мировом масштабе. Подтверждением этому служит еще одна стратегическая инициатива Астаны – созыв саммита лидеров мировых и традиционных религий. Цель этой конференции состоит в том, чтобы упрочить стабильность в мире через развитие контактов и укрепить взаимопонимание на уровне различных религиозных структур, а не только политического руководства.

В знак признания этих усилий, ОБСЕ выбрала Казахстан на пост председателя ОБСЕ в 2010 году. Этот факт сам по себе является свидетельством того, что за относительно короткий период времени Казахстан добился немалых успехов в международном сообществе. При успешном проведении председательства Казахстана в ОБСЕ можно ожидать следующих результатов. Во-первых, позиция стран бывшего Советского Союза намного изменится в международном сообществе, и это поможет избавиться от старых стереотипов мнений об этих странах. Во-вторых, хронические проблемы международного сообщества такие, как ядерная проблема, могут быть заново обсуждены и решены новым путём. При этом процессе Казахстан в

качестве лидирующей среди стран ОБСЕ в 2010 году сможет накопить эффективный опыт и знания международных отношений, и ситуация в связи с правами человека и демократией внутри Казахстана также улучшится. На основе этого Казахстан сможет найти силу преодоления трудностей, которые в данный момент он испытывает, и сыграет важную роль в создании нового мирового порядка после кризиса. Но нужно иметь в виду, что пока в Казахстане много нерешенных внутренних проблем, успех председательства Казахстана в ОБСЕ сильно зависит от того, какие Казахстан даст ответы на эти вопросы. Кроме того, многое зависит от того сможет ли сама ОБСЕ дать международному сообществу жизнеспособные ответы на углубление различных глобальных проблем. Поэтому можно сказать, что это событие само по себе является своего рода поворотным моментом в ОБСЕ. И Казахстан должен относиться к этому жизненно важному для него событию более объективно и рационально, а не рассматривать его как одноразовое международное мероприятие. В этом процессе обмен мнениями и опытом с государствами, которые не являются членом ОБСЕ и поэтому могут более объективно рассматривать ситуацию вокруг ОБСЕ, в том числе и Корея, будет очень полезен для Казахстана. Кроме того, Казахстан в качестве нового председателя ОБСЕ должен понимать, что в различных регионах, где расположены страны-участницы ОБСЕ, существуют не только Европейский союз и Европейский парламент, но и разные региональные организации, и поэтому самая главная задача – это создание эффективной площадки диалога, где согласуются разнообразные интересы и общие цели.

Достижение партнёрства и безопасности в Евразии через тесное партнёрство между Кореей и Казахстаном

Полагаю, что Казахстан пока ещё не в полной мере показал свой огромный потенциал в европейском сообществе. Поэтому сильная поддержка со стороны ее союзников, таких как Корея, будет стимулировать решительные шаги Казахстана в международное сообщество. Учитывая все эти факторы, укрепление дипломатических отношений между Кореей и Казахстаном в рамках председательства Казахстана в 2010 г. в ОБСЕ приведет обе стороны к положительным взаимовлияниям и урокам. Корея уже официально заявила о своем намерении поддерживать председительство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году^[10]. Для Казахстана, который будет играть важнейшую роль в международном сообществе, Корея должна стать старым надёжным другом и всячески поддерживать его. А также, когда понадобится, она должна дать ему объективный, но полезный совет с позиций третьей стороны – настоящего друга. Казахстан также должен стараться укреплять такое сотрудничество с Кореей и передавать свой опыт Корею, который хочет стать опытным посредником в СВА. Такие надежные отношения между Кореей и Казахстаном внесут большой вклад в обеспечение мирного состояния международного сообщества и укрепление взаимодоверия между странами.

Литература

Со Бо Хёк. Путь к институционализации многостороннего партнёрства безопасности: опыт СБСЕ/ОБСЕ и изучение региона Северо-Восточной Азии. Исследование международной политики, 2009.

[10] «Корейская сторона поддержала скорейшее вступление Казахстана в ВТО, а также, являясь азиатским партнером по сотрудничеству в ОБСЕ, приветствовала инициативу Казахстана выставить кандидатуру на пост председателя ОБСЕ в 2009 году», – было сказано в совместном заявлении Премьер-Министра Казахстана Д.Ахметова и Главы правительства Республики Кореи Хан Менг Сук, распространенном по итогам их переговоров в Астане.

Ли Сын Гын. Опыт СБСЕ/ОБСЕ и изучение СВА для создания структуры многостороннего режима безопасности. Исследование Европы, 2004.

Чу Сон Ун. Меры по созданию многостороннего партнёрства безопасности в СВА на основе модели СБСЕ/ОБСЕ. Университет Чун-нам, 2008.

Sven Biscop. The EU, the OSCE and the European security architecture: network or labyrinth. Asia Europe Journal, 2006.

Хан Пён Сок. Исследование режима безопасности в СВА: на основе опыта ОБСЕ. Исследование в социальных науках, 2004.

Ким Бён Квон. Продвижение программы Казахстаном по укреплению сотрудничества с ЕС. KOTRA, 2008.

ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР

КОЖИРОВА СВЕТЛАНА БАСЕЙОВНА

Доктор политических наук, научный консультант Института социально-политических исследований, главный редактор журнала (Астана, Казахстан)

Китайская диаспора является одной из самых влиятельных мировых диаспор, она насчитывает свыше 35 млн. человек, большинство из которых живут в странах Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Америки. Китайцы составляют крупнейшую группу мигрантов в мире. Эти данные приведены в специальном докладе Китайской Академии социальных наук. Из документа следует, что китайцы рассредоточились по 151 стране мира, то есть практически в любой стране есть китайская колония, значительную же часть населения они составляют в странах Юго-Восточной Азии – в Индонезии, Сингапуре, Таиланде, на Филиппинах. Китайские бизнесмены, специалисты и рабочие появились также в Афганистане, Южной Африке, на Маврикии, в Израиле, Дубае и других странах, где их прежде не было^[1].

За последние 20-30 лет из страны выехало за рубеж в общей сложности 1,7 млн. человек, в том числе 700 тыс. человек – в Европу, 500 тыс. – в США, 200 тыс. – в Канаду. Эмиграция из Гонконга составила 830 тыс. человек, из Тайваня – около 1 млн. человек, из «трех стран Индокитая» (речь идет о лицах китайского происхождения, эмигрировавших из Вьетнама, Камбоджи и Лаоса) – 700 тыс. человек^[2]. Согласно оценкам, фигурирующим в китайской литературе, с конца 70-х гг., т. е. в течение периода реформ и открытости, число эмигрантов (так называемые «новые эмигранты» или «новые переселенцы» – «синь иминь»), включая мигрантов с Тайваня, из Сянган и Аомэня, составило приблизительно 4 млн. человек^[3].

Наиболее могущественным кланом хуацяо является азиатская китайская диаспора (около 90% зарубежных китайцев). Большая часть зарегистрированных компаний в Юго-Восточной Азии принадлежит этническим китайцам. Особенно сильны позиции хуацяо в странах Юго-Восточной Азии, куда и направлен основной вектор китайской экспансии. По подсчетам, китайцы в 200-миллионной мусульманской Индонезии (3,5% населения) контролируют приблизительно 73% капиталов листинговых компаний страны, 68% из 300 наиболее крупных конгломератов, 9 из 10 крупнейших финансово-промышленных групп. Если же судить не по числу компаний, а по их активам, то доля хуацяо еще больше. В 1988 г. они контролировали около 75% активов 300 крупнейших компаний страны, к 1993 г. их доля превысила 80%^[4].

В Малайзии хуацяо (приблизительно 29% населения), согласно оценкам, контролируют до 61% капитала малазийских компаний, зарегистрированных на рынке акций. Китайцы составляют около двух третей управляющих и менеджеров в стране. Так, на Филиппинах (китайское население – 1%), хуацяо руководят 67 из 100 крупнейших фирм, в Таиланде (11%) им принадлежит 90% частного сектора, в Сингапуре, где китайский этнос является

[1] Китайская экспансия мира меняет лик мира. – http://www.nrs.com/print/140207_145311

[2] Цит. по: Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – Алматы, 2006. – С.156

[3] Ларин А. Китай: регулирование эмиграционного процесса //Азия и Африка сегодня. 2008. – № 7. – С.9.

[4] Портяков В.Я. Российский вектор в глобальной китайской миграции //Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 2. – С.12.

преобладающим (90%), хуацяо контролируют всю экономику^[5]. Китайский бизнес эффективно использует финансовые ресурсы и в политической сфере, поддерживая местные властные группировки. В том же Таиланде правительство нередко более чем на половину состоит из представителей китайского меньшинства.

Значительное число китайских эмигрантов проживает в США – около 1,27 млн. человек. В США насчитывается около 12 тыс. коммерческих предприятий, принадлежащих лицам китайской национальности. Одной из главных функций хуацяо в Америке является лоббирование интересов КНР^[6]. Среди других государств, в которые предпочитают эмигрировать граждане КНР, выделяются Канада, европейские страны. Согласно опубликованным данным, общая численность граждан КНР на постоянной основе легально проживающих в Западной Европе составляет около 200 тыс. человек. Если брать во внимание нелегальных мигрантов, то эта цифра может достигать одного миллиона или даже больше. Это несколько ниже по сравнению с другими иммиграционными группами^[7].

В Канаде этнических китайцев насчитывается – более 600 тыс. чел. В 2002 г. из КНР в Канаду на постоянное место жительства прибыло более 40 тыс. китайских мигрантов, в Австралию – 400 тыс. чел.^[8] Следует отметить резкое увеличение миграции китайцев в ранее не освоенные страны Южной и Центральной Европы. Например, резко увеличилась в последние годы миграция из КНР в Южную Европу, а именно в Италию и Испанию. В Италии произошло увеличение китайских жителей с 18 700 в 1991 г. до 48 650 в 2000 г. В Испании за 10 лет произошло шестикратное увеличение, достигшее 36 000 человек в 2001 г. Одной из самых заметных черт последних тенденций в миграции китайцев в Европу является значительное увеличение студентов и квалифицированных специалистов (особенно медицинских работников), направляющихся в Северную Европу^[9].

В 2008 году, впервые в истории, китайцы обошли по численности корейцев, среди постоянно проживающих в Японии иностранцев (в 2004 г. – 90,3 тыс. чел.), и заняли первое место, отмечается в сообщении министерства юстиции Японии. Всего в стране зарегистрировано 2 млн. 153 тыс. иностранцев с правом долгосрочного проживания, из них 28,2% составляют китайцы^[10].

Китай в 2007 году вышел на первое место по числу официально зарегистрированных трудовых мигрантов в России. Об этом заявил глава Федеральной миграционной службы России В. Поставнин. По данным Поставнина, из всех трудовых мигрантов больше 20% – китайцы. На один миллион официально зарегистрированных гастарбайтеров из КНР приехали 210 тыс. чел.^[11]

Иммиграции из Китая способствует активная позиция некоторых зарубежных китайских общин. Показательно в этом смысле землячество выходцев из г. Чанлэ (провинции Фуцзянь) в США. Члены землячества создали систему взаимопомощи, которая помогает новоприбывшим получить пособие, обустроиться, найти работу и поддерживать связь с родиной. Благодаря этому за последние 20 лет из Чанлэ с его населением в 680 тыс. чел. эмигрировало в США 200 тыс. чел.^[12]

Большинство исследователей объясняют факт сохранения китайскими общинами на протяжении длительного времени своего влияния высо-

[5] Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – Алматы. 2006. – С.159.

[6] Аргюхова Ю.С. Китайская диаспора как фактор внешнеполитического влияния КНР. – <http://www.mpa.ru>

[7] Skeldon R.China From Exceptional Case to Global Participant. University of Sussex. <http://www.migrationinformation.org/Profiles/>

[8] Frank Laczko. Europe Attracts More Migrants from China. International Organization for Migration.July 1, 2003// <http://www.migrationinformation.org/feature/>

[9] World Migration Report 2003. IOM Publication, p.198 <http://www.iom.int>

[10] <http://www.rian.ru/world/2008063>

[11] <http://www.lenta.ru/news/2007/06/05/chinese>

[12] Ларин А. Китай: регулирование эмиграционного процесса //Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 7. – С.9.

ким уровнем этнической консолидации и внутриобщинной взаимопомощью. Возможно, секрет успеха китайской диаспоры кроется в существовании внутри нее клановых отношений, являющихся своеобразной основой для возникновения и развития землячеств, а впоследствии общественных и политических объединений и организаций.

С первых дней существования в китайских поселениях – «чайнатаунах» – сложились социальные отношения, которые были характерны для китайской деревни. Это было обусловлено тем, что на новое место жительства часто переезжали все мужчины той или иной деревни, связанные родственными узами, носившие одну и ту же фамилию, т. е. составлявшие клан. Наряду с кланами в китайской колонии существуют функционально схожие, но структурно отличающиеся ассоциации взаимопомощи (или землячества). Членство в них основывается на общности диалекта и района происхождения хуацяо в Китае^[13].

Особенностью социальной мобильности сообщества китайских мигрантов то, что на первый взгляд являлось как присущее индивиду – продвижение личности, успех конкретного лица – по существу оказывалось присущим группе – большой семье, клану, землячеству. Таким образом, важнейшая особенность указанного процесса состоит в том, что это главным образом и по преимуществу – групповая социальная мобильность, где продвижение отдельной личности реально означает успех и продвижение всей его референтной группы. И, следовательно, успех индивида не идет вразрез с групповыми интересами сообщества, не противоречит им, но, напротив, ассоциируется с интересами всей группы и потому всячески ею поощряется. В этом существенном обстоятельстве кроется одна из важнейших причин высоких темпов и значительного масштаба социальной мобильности общности хуацяо.

Успех личности в значительной мере был подготовлен и обусловлен теми социальными связями, в которые она была вовлечена, действенной финансовой и моральной поддержкой ее семейно-родственной группы, клана или землячества. Функцию, аналогичную семейно-родственному коллективу, могли в этом плане нести и другие социальные структуры сообщества хуацяо: ассоциации однофамильцев, корпоративные организации – профессиональные объединения и «тайные общества». Особую роль в структурировании китайской диаспоры играют т. н. «тайные общества», базирующиеся на жесткой иерархической системе и контролирующей ту часть диаспоры, которая по каким-то причинам недовольна деятельностью землячеств. Жесткая структурированность придает немалой части китайской диаспоры «закрытый» характер, который поддерживается проживанием в чайнатаунах, низким процентом смешанных браков, ориентацией на сохранение и развитие этнокультурной идентичности. В политические процессы включена относительно небольшая, хотя и достаточно эффективно действующая группа. Необходимо отметить, что Китай активно использует политический, экономический и культурный потенциал эмигрантов.

В Китае считают, что внешнеэкономическая стратегия «Идти вовне», провозглашенная на 3 сессии Всекитайского собрания народных представителей, должна, в частности, обеспечить значительное расширение позиций страны на международном рынке труда. В КНР исходят из того, что на ее долю приходится одна треть работающего населения планеты, но только 2-3% мирового рынка труда. Часто в связи с этим в Пекине выдвигается задача завоевания примерно 10% мирового рынка труда. Если учесть, что в 2001 г. численность работающего населения в стране составляла 730 млн. человек, а число безработных в городе и деревне – 150 млн., то ясно, что 10%

[13] Лайнгер С.Р. Китайская эмиграция: проблема социальной мобильности. 17 Научная конференция «Общество и государство в Китае». – М., 1986. – С.215.

в абсолютной своей величине образуют многомиллионную массу^[14]. При сохранении нынешних темпов роста трудоустройства это означает, что к 2020 г. численность армии безработных может достичь только в городах 100-130 млн. чел. Китайские экономисты отмечают, что ежегодная отправка за рубеж в целях предпринимательской деятельности 1-2 млн. способных людей позволит создавать в стране и за ее пределами 10-20 млн. рабочих мест, смягчая тем самым проблему трудоустройства в Китае^[15]. Следовательно, иммиграционные процессы будут набирать размах, и правительство не намерено пребывать в позе безучастного наблюдателя. Вопрос о политике официальных властей Китая в отношении зарубежных соотечественников имеет особое значение для понимания всего комплекса проблем, связанных с взаимоотношениями китайской диаспоры и ее исторической родины. Для любой страны, имеющей свою зарубежную диаспору, особенно такую значительную как китайская, ее поддержка является важной внешнеполитической задачей. Диаспора обеспечивает экономическое, языковое и культурное присутствие в стране проживания. В то же время, положение представителей той или иной этнической общины в стране проживания напрямую зависит от состояния двусторонних отношений с этой страной исторической родины, ее внешнеполитического влияния. Со своей стороны, диаспора сама может оказывать влияние на состояние двусторонних отношений, зачастую очень эффективно действуя в роли посредника между страной исхода и страной пребывания диаспоры. Однако стремление диаспоры делать это во многом зависит от эффективности диаспоральной политики исторической родины.

Председатель КНР Ху Цзиньтао в одном из выступлений отметил: «Для дела партии и страны чрезвычайно важно собрать силы заморских сыновей и дочерей Китая, поощрять, охранять и развивать их активность. История доказала и еще не раз докажет, что широкие массы заморских соотечественников, а также их родственников и реэмигрантов – это важная сила в продвижении модернизации страны, в осуществлении полного объединения родины и славного возрождения китайской нации»^[16].

В связи с этим представляет интерес, какие меры предпринимались китайскими властями для привлечения диаспоры на свою сторону и как эти меры менялись в зависимости от внешних и внутренних условий Китая, для того чтобы определить, как влияла деятельность китайской диаспоры на политико-экономическое развитие страны.

Ставя перед собой грандиозные задачи построения могущественного Китая и возрождения китайской нации, китайское руководство весьма заинтересовано в привлечении и использовании огромного потенциала в виде зарубежных китайцев. В Китае разработкой концепции политики в отношении соотечественников, определением основных направлений взаимодействия с диаспорой занимается Канцелярия по делам китайских эмигрантов при Госсовете КНР. Практическая же деятельность осуществляется Всекитайской ассоциацией репатриантов (ВАР), филиалы которой действуют в большинстве городов Китая. ВАР защищает права и интересы зарубежных китайцев, анализирует их положение и доводит эту информацию до сведения исполнительной и законодательной власти, в том числе с целью изменения законодательства. В 1988 г. образована Комиссия по делам китайских эмигрантов при Всекитайском Комитете Народного Консультативного Совета Китая по связям с Сянганом, Аомэнем Тайванем и китайцами, проживающими за рубежом. Делами зарубежных китайцев занимается также ряд общественных организаций, в частности, партия Чжунго Чжи-

[14] Потанов М.А. Внешнеэкономическая политика Китая: проблемы и противоречия. – М., 1998. – С. 126.

[15] Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – М., 2005. – С.311.

[16] Жэньмин жибао, 01.03.2005

гундан, Всекитайская ассоциация промышленников и торговцев (ВАПТ), Китайская ассоциация зарубежных связей, Общество по изучению китайской эмиграции и др. Кроме того, с 1 января 1991 г. действует Закон «О защите прав и интересов реэмигрантов и родственников эмигрантов», согласно которому указанные категории пользуются значительными финансовыми и налоговыми льготами и возможностями по переводу, инвестированию и реинвестированию капиталов^[17].

Роль диаспоры существенна в развитии Китая. Как только в 1970-х гг. в стране началась политика реформ, первыми партнерами Китая среди зарубежных предпринимателей стали хуацяо. Первые четыре свободные экономические зоны на юге страны были специально ориентированны на связи с Гонконгом и Тайванем. Хуацяо стали первопроходцами в освоении китайского рынка. Приток капиталов из диаспоры особенно возрос после 1989 г., когда США, Япония и Западная Европа подвергли Китай экономическим санкциям из-за событий на площади Тяньаньмын. В 90-е годы на предприятиях с участием гонконгского и тайваньского капитала трудилось 14 млн. китайцев^[18].

Иностранный капитал, которого привлекают огромные резервы китайской рабочей силы, напрямую связан именно с китайской диаспорой. Сегодня 80% капиталов, инвестируемых в КНР, поступают именно от нее. В результате чего можно зафиксировать рождение в 1980-е гг. совершенно особого политического и экономического союза – китайской компартии и китайской диаспоры (бежавшей в свое время от бедности, беспорядка и коммунизма). При этом достигаются две цели: растет китайская экономика и в то же время укрепляется национальное единство на основе принципа «Одна нация, две системы». Китайская диаспора при этом оказывается главным интегративным компонентом в совершенно своеобразной торгово-административной системе, центром которой является Китай, обеспечивающий контроль над рабочей силой, и государственный протекционизм в бизнесе.

Проживающие за рубежом китайцы в течение многих десятилетий поддерживают строительство инфраструктуры в южном Китае. Их инвестиции являются существенным подспорьем экономического развития приграничных регионов. Широко распространенным и небезосновательным является мнение, что китайское руководство ориентировано на «долгосрочную переориентацию всех китайских диаспор в мире на контроль стороны Пекина». Премьер Государственного совета КНР Вэнь Цзябао в обращении к участникам Третьего всемирного конгресса представителей китайских зарубежных общин и ассоциаций этнических китайцев, состоявшегося в Пекине в мае 2005 г., подчеркнул, что всех китайцев вне зависимости от страны проживания объединяют «общие чаяния и историческая ответственность»^[19].

Китайская диаспора задействована Пекином в решении как минимум трех важных для КНР вопросов: обеспечении международной общественной поддержки присоединения Тайваня к Китаю («мирное воссоединение Родины согласно принципу одного Китая»); финансовая поддержка зарубежными китайскими диаспорами экономических проектов, осуществляемых правительством Китая на территории страны («модернизация страны и великое возрождение нации»); использование информационных, лоббистских и иных возможностей китайских диаспор для популяризации официальной позиции Пекина по тем или иным международным вопросам. Для наиболее эффективного использования инвестиций зарубежных китайцев в КНР были созданы четыре «особые экономические зоны»: Шэньчжэнь,

[17] Сырежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. – Алматы, 2006. – С. 157.

[18] Султанов К. Реформы в Казахстане и Китае. – Астана: Ел Орда, 2000. – С. 322.

[19] Жэньминь жибао. – <http://www.russian.people.com.cn.22/05/2005>

Чжухай, Шанью и Сямэнь, призванные стать «лабораторией передового опыта» для всей страны. Доля капитала хуацяо в общем объеме инвестиций этих зон доходит до 90%. Осознавая исключительную важность зарубежных соотечественников в становлении «особых зон», руководство КНР ввело новые формы сотрудничества с ними. Так, во второй половине 1985 г. в г. Шэньчжэне был создан специальный «город хуацяо», призванный стать «окном» для привлечения их капиталов, и где были введены дополнительные льготы для инвестиций зарубежных китайцев^[20]. В стране насчитывается 30 млн. ближайших родственников хуацяо. Их число непрерывно растет за счет уезжающих за границу, новых мигрантов, учащихся, остающихся в других странах. От состояния их родственников во многом зависит интенсивность притока капиталов из-за рубежа. С 1998 г. Госсовет КНР стал уделять специальное внимание организации работы по обслуживанию родственников хуацяо и новых иммигрантов. В 1998 г. в Шанхае была проведена всекитайская конференция по работе в этой области. На ней был организован обмен опытом работы на примере Шанхая и рекомендовано создавать во всех крупных и средних городах экспериментальные землячества родственников хуацяо^[21].

Китайцы диаспоры в своем большинстве принадлежат к финансово-торгово-промышленным кругам: китайские предприниматели и торговцы за рубежом представляют собой важную составную часть народного хозяйства тех стран, где они проживают и играют активную роль в развитии экономики и общественной жизни, важная роль принадлежит им и в продвижении экономического и инвестиционного сотрудничества этих стран с КНР^[22].

Привлечением капиталовложений зарубежных китайцев в Гуандуне, Фуцзяни и некоторых других провинциях занимаются специальные «посреднические инвестиционные компании». Со временем развитие экономических связей с зарубежными китайцами пошло по направлению налаживания с ними деловых контактов непосредственно в странах их проживания. По мнению китайских экономистов, активизация привлечения капиталов зарубежных китайцев способствует диверсификации источников инвестиций, так как китайские бизнесмены имеют тесные связи с финансовыми и промышленными объединениями всего мира^[23].

В связи с этим, руководство КНР одобрило курс на создание для представителей китайской диаспоры более льготных условий, чем для инвестиций иностранных бизнесменов. Это выразилось в льготном налогообложении.

«Льготные меры» затрагивают не только экономические интересы, но и эксплуатируют привязанность зарубежных китайцев к живущим в КНР родственникам и друзьям. Например, в одном из уездов провинции Гуандун было принято постановление, по которому зарубежные китайцы имеют право назначать директором построенного при их содействии совместного предприятия своего родственника или друга, одновременно они могут заполнять друзьями и родственниками 10% рабочих мест на предприятии; в Гуанчжоу, если зарубежный китаец вложил 300 тыс. долл. в совместное предприятие в этом городе, то одному из его родственников разрешается сменить деревенскую прописку на городскую^[24]. В настоящее время формы экономических связей претерпевают определенные изменения в зависимости от ситуации. Новое поколение китайской диаспоры отличает иная инвестиционная стра-

[20] Frank Laczko. Europe Attracts More Migrants from China. International Organization for Migration. July 1, 2003// <http://www.migrationinformation.org/feature>

[21] Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. – М., 2004. – С.179.

[22] Степанова Г.А. Об опыте работы КНР с этническими китайцами за рубежом. - <http://www.materik.ru/index.php?section=analytics>

[23] Манежев С.А. Иностраный капитал в экономике КНР. – М., 1990. – С.96.

[24] Новоселова Л.В. Инвестиционная политика и экономическая реформа в КНР. – М., 1996. – С. 81.

тегия. Их целью становится инвестирование в базовые отрасли промышленности, рентабельные госпредприятия, они готовы вкладывать деньги в долгосрочные объекты сотрудничества, в родные районы, куда не доходят западные инвесторы. Конечно, при этом соотечественниками движут и интересы извлечения прибылей. Экономическая мощь и влияние китайской диаспоры неизбежно должны были привести к усилению ее политического влияния в странах проживания. Активность китайских этнических групп зависела от политической ситуации в странах проживания, от успешности адаптации традиционных китайских структур (клановые организации, землячества, торговые палаты) в социально-экономическую жизнь принимающего общества. Эволюция диаспоры, становление ее политического самосознания способствовали взаимодействию с властными и общественными структурами принимающих государств.

В середине 90-х гг. происходит усиление позиций китайской диаспоры в американской политике. В США возникают опасения по поводу занятия китайцами некоторых ключевых постов во властных структурах. В основе этого процесса лежат экономические интересы. Торгово-экономическое присутствие КНР в США имеет долгую историю, зародилось оно в 1979 г., когда были установлены дипломатические отношения. В штате Вашингтон, в г. Сиэтле, при активном участии китайской диаспоры был создан частный неправительственный Совет по связям штата Вашингтон с Китаем, главной целью которого стало развитие торговых, культурных и других связей с этой страной. Членами Совета являются 160 компаний Северо-Запада США^[25]. В 1996 г. в Шанхае было открыто официальное представительство штата Вашингтон. Результатом такого развития стало то, что 14 января 1997 г. к исполнению своих обязанностей приступил новый губернатор штата Гари Локк. Выходец из семьи китайских эмигрантов, он получил на выборах 59% голосов избирателей и стал первым в истории США губернатором азиатского происхождения на их континентальной части.

Традиционным для китайской диаспоры становится такой метод оказания воздействия на американскую культуру, как лоббизм. Во второй половине 1990-х гг. китайское лобби стало одним из самых влиятельных в Вашингтоне. Структурно китайское лобби имеет классическую схему организации: посольство – торговый совет и общественные организации – лоббистские фирмы. Координирующую общеполитическую роль играет Центральная рабочая группа по отношениям с Конгрессом США. Группа состоит из семи членов Политбюро Коммунистической партии Китая. Это подчеркивает то огромное значение, которое придает руководство КНР лоббированию китайских интересов в США^[26].

Представители КНР достигли наибольших успехов в налаживании контактов с представителями демократической партии, тайваньское влияние наиболее заметно среди республиканской элиты. Наиболее подвержены лоббизму американские компании, заинтересованные в снятии барьеров для торговли с КНР или Тайванем^[27].

Диаспоральная политика периода реформ, направленная на всемерное развитие экономической взаимосвязи с диаспорой, сыграла важную роль в модернизации страны, вывела ее на передовые позиции в мире. Имея в руках мощный финансовый рычаг, диаспора может реализовать собственные интересы в КНР, например, достижение наиболее благоприятных условий для приложения капитала и защита всевозможных прав представителей диаспоры. Таким образом, между Китаем и китайской зарубежной общиной

[25] Манаев С.А. Указ.соч. С.143.

[26] Иванов Н. Организация наиболее влиятельных лобби в США //Мировая экономика и международные отношения. – 1999. – № 3.

[27] Кашин В. Китайский фактор в текущей президентской кампании в США //Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 3. – С. 51.

существует определенный баланс сил. Государство и диаспора действуют по принципу взаимной выгоды, создавая эффективную и влиятельную систему.

Диаспора является очень неоднородной в смысле квалификации и образования, но также она неоднородна в смысле происхождения и политических предпочтений. Исследователи задаются вопросом: что же из себя представляет современная китайская диаспора – единая транснациональная группировка или ряд субнациональных китайских землячеств?^[28] В различных государствах существуют свои условия для иммигрантов, поэтому диаспора даже одного народа в разных странах имеет особые черты. Эти условия могут быть невозможными для жизни диаспоры, благоприятными и неблагоприятными для нее. Однако условия, благоприятные для сохранения и укрепления и укрепления общины, оказываются в то же время неблагоприятными для интеграции в принимающее общество каждого ее представителя в отдельности. Консолидация общины возрастает при высокой степени дискриминации в стране проживания. В этом случае в диаспоре срабатывают своего рода защитные механизмы: замедляется размывание общины, сокращается культурная дистанция между ее членами и окружающим обществом. У иммигранта растет чувство сопричастности с жизнью общины. Можно сказать, что он уступает общине часть своей индивидуальности, право представлять его интересы в ее контактах с государством проживания^[29].

С другой стороны, условия в тех странах, где существует цивилизационное родство иммигрантов и коренного населения, где в обществе отсутствуют этнические предрассудки, способствуют размыванию сплоченности общины, но облегчают процессы ассимиляции иммигранта. В связи с этим, можно предположить, что и китайские диаспоры, сформировавшиеся в различных в цивилизационном отношении регионах, будут иметь специфические черты.

Современное территориальное размещение китайских этнических групп сложилось в результате длительного процесса заселения различных регионов сменявшимися друг друга потоками мигрантов из Китая. Эти миграционные потоки отличались по культурному, профессиональному и социальному составу; расселяясь в различных частях света, они трансформировались в ходе контактов с местным населением и между собой, в одних случаях ассимилируя друг друга, в других – оттесняя и обособляясь.

В результате активного взаимодействия местного и пришлого компонентов происходило взаимное культурное обогащение, но часто имели место и трения на почве различных традиционных норм поведения, появлялось взаимное недоверие и напряженность, которые порождали довольно устойчивые этнические предрассудки и негативные установки. На положение китайской общины влияла та роль, которую она играла в стране пребывания, также особенности самой общины – численность, профессиональный, социальный состав и т. д. От того, как воспринималась диаспора местным сообществом, зависели способы взаимодействия с окружающим миром, в том числе на уровне официальных властей.

Формирование китайских общин происходило в различные исторические периоды, и этот фактор оказал важнейшее влияние на специфику диаспор, ее особенности. Образование китайских кварталов в Северной Америке и Юго-Восточной Азии в большей степени являлось результатом сегрегации китайского населения, этнического разделения труда и расизма. В странах Юго-Восточной Азии и США китайские кварталы являлись центрами

[28] Скелдон Р. Социально-экономические аспекты миграции: дискуссии о взаимосвязи миграции и развития // Миграция и развитие. Пятое Валентьевское чтения – М.: Би-Эль Принт, 2007. – С. 245.

[29] Левин З.И. Менталитет диаспоры. – М., 2001. – С. 29.

религиозной и культурной жизни, в странах Западной Европы чайнатауны не играли такой значительной роли.

Следуя традиционной для китайцев миграционной стратегии, переселявшиеся в Западную Европу выходцы из Китая, создавали этнокультурные общества. Однако китайский поток в Западную Европу стал массовым лишь в последние десятилетия XX в., это была уже совершенно другая эпоха, чем та, при которой формировались китайские общины в Юго-Восточной Азии и США. В послевоенной Европе китайцы практически не подвергались дискриминации и имели широкие возможности для интеграции в принимающее общество, поэтому у них не было большой необходимости спланироваться и создавать закрытые этнические структуры, в частности религиозные. У них не было большой необходимости в сильной организационной структуре и руководстве. Расширяющаяся и не встречающая конкуренции этническая экономика препятствовала росту устойчивых классов и структур доминирования. Большинство китайцев были мелкими предпринимателями или рассчитывали открыть свое собственное дело в будущем, квалифицированным же работникам было несложно найти работу. Общественное питание, самый распространенный вид деятельности среди китайцев в Европе, привел к образованию разбросанных по большой территории стран китайских поселений и не дал вырасти китайским кварталам в нечто большее, чем несколько ресторанов и игорных домов, расположенных вместе^[30].

Китайские кварталы в Европе являются лишь скоплением китайских банков, предприятий сферы обслуживания, имеющих своих постоянных клиентов. Лишь в нескольких европейских городах есть китайские центры. Это 13-й округ в Париже, Архтербургваллен в Амстердаме, улица Геральд в Лондоне, а также кварталы во Флоренции, Манчестере и Ливерпуле.

Миф о наличии китайских кварталов часто существует вопреки экономическим реалиям, реально имеющимся моделям расселения китайцев и устройству социальных организаций. Понятие о китайских кварталах берет свое начало с китайских кварталов в Юго-Восточной Азии, Сан-Франциско и Нью-Йорке. Эти компактные места проживания, производства и оказания услуг китайских иммигрантов сформировались в результате их низкой мобильности, расовой неприязни со стороны принимающего сообщества. За последние десятилетия китайские общины в Европе претерпели сильные изменения. Если до появления второго поколения мигрантов она проявляла довольно сильную тенденцию к диаспоризации, то сейчас, с появлением второго поколения китайских мигрантов, все сильнее наблюдается их стремление к интеграции в европейское общество, к принятию европейской культуры.

Согласно результатам исследования Сяолин Гана, профессора Ноттингемского университета, китайские мигранты с материкового Китая в Великобритании имеют тенденцию к ассимиляции с основным обществом, но в то же время пытаются сохранить свою национальную идентичность через сохранение языковой идентичности. В 90-е годы XX в. была создана организация китайцев, рожденных в Великобритании. Вместе с взрослением нового поколения китайцев меняется ситуация, связанная со сферой их занятости, они получают образование и пытаются найти применение своим знаниям не в сфере ресторанного бизнеса и торговли. Китайцы показывают высокую мобильность и адаптационные способности к изменяющимся условиям. Около 50 000 китайцев или 20% от всей китайской общины в Британии заняты в профессиональных сферах – праве, медицине и пр.^[31] В Дании китайские мигранты рассредоточены по сельской местности. Особенностью китайской миграции в странах Западной Европы является отход от традиций хуацяо, но сохранение связей с родиной.

[30] Flemming C. Chinese Identity in Europe. //Chinesse in Europe. Macmillan Pres Ltd, 2000. P.47-52.

[31] Chinese Diaspora Britain. BBC news. 3 March, 2005 //http: news.bbc.co.uk/1/ hi/ world/asia-pacific/4304845.stm

Китайская диаспора является ключевым, внешним фактором экономического роста КНР в современный период, универсальным посредником между Китаем и развитыми странами. Ее финансовый и политический потенциал способствует постепенному формированию нового экономического объединения, способного не просто противостоять конкуренции других государств и блоков, но и привести к возникновению мощной мировой державы, организующей жизнь и деятельность четверти населения планеты и притягивающей к себе многочисленные китайские общины во всем мире. Идея формирования «Большого Китая» отчасти стала причиной негативного отношения к китайской диаспоре. В странах Юго-Восточной Азии возникли опасения, что новые финансовые связи в сочетании с этническими факторами позволят Китаю более шире использовать диаспору в экономических и политических целях^[32].

Диаспоральная политика Китая отличается тем, что она строится вокруг уделения особого внимания той части своей диаспоры за рубежом, которая поддерживает наиболее тесные контакты с национальным государством. По оценке китайских экспертов, именно новые китайские мигранты находятся сейчас в фокусе внимания их исторической Родины. Отношения с ними строятся исходя из признания их особой роли в деле обеспечения благоприятной ресурсной и «имиджевой» базы для экономического строительства в Китае, привлечения иностранных инвесторов и бизнес-партнеров. Китай строит свою диаспоральную политику исходя из того, что усиление работы с новыми мигрантами имеет огромную важность для продвижения государственной модернизации, включающей расширение присутствия китайского государства на внешних рынках и развития отношений со странами проживания диаспоры.

[32] Ларин А. Китай и китайская диаспора // Азия и Африка сегодня. – 2007. – № 10. – С.26.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СРЕДА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

БОГАТУРОВ АЛЕКСЕЙ ДЕМОСФЕНОВИЧ

Доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института проблем международной безопасности РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва, Россия)

В мире место подсистемы отношений между странами региона определяется его нынешней и потенциальной ролью в производстве и транспортировке энергоносителей. Энергоресурсы – благословение Центральной Азии и ее бремя. Ни Россия, ни западные страны после распада СССР не смогли установить контроль над природными ресурсами центральноазиатских государств, хотя имеют возможность влиять на энергетическую политику последних. Реальное владение природными богатствами, доходы в виде экспортных поступлений, способность играть на конкуренции между российскими и западными компаниями обеспечивают энергоэкспортирующим малым и средним странам серьезный внешнеполитический ресурс.

Государства, которые такого ресурса лишены, все равно имеют для региона важное значение в силу своих пространственно-географических характеристик, позволяющих им влиять на безопасность сопредельных транзитных территорий, через которые проходят или будут проходить трубопроводы. В самом деле, в XIX веке значение региона виделось западным и русским авторам через призму гипотетических угроз со стороны России позициям Великобритании в Индии. В начале XXI века подходы к анализу региональных реалий изменились, сместившись к геоэкономике. Пространственное измерение Центральной Азии стало восприниматься как зона прохождения энергонесущих артерий, поток углеводородов по которым может быть направлен и в западном (в сторону Евросоюза и Атлантики), и в южном (к побережью Индийского океана), и в восточном (к Китаю, Японии и Тихому океану) направлениях. К Атлантике или Пасифике пойдут нефть и газ центральноазиатских стран?

Наряду с трубопроводной дипломатией геополитическим фактором может оказаться железнодорожная сеть этой части мира. За годы после распада СССР старая советская сеть железнодорожных путей перестала быть замкнутой на Европейскую и Сибирскую части России. Усилиями Казахстана был достроен участок путей, соединивший Казахстан с СУАР Китая (Урумчи). Теперь грузопотоки, если это окажется рентабельным, могут доставлять из Центральной Азии на восток не только через территорию России, по старому транссибирскому пути, но и через Китай.

Туркменистан в 1990-х гг. тоже построил участок железнодорожной ветки, соединивший туркменские железные дороги с иранскими (Мешхед). Открылся прямой путь транспортировки на юг. После длительной изоляции от южных и восточных соседей регион «разомкнулся», впервые в истории получив техническую возможность прямого сообщения не только в северном и западном направлениях, но и в южном и восточном. Этот сдвиг не преобразовался пока в переориентацию международных связей центральноазиатских стран. Но открытие дорог на восток и юг подкрепили психоло-

гические предпосылки для проведения местными странами при благоприятных обстоятельствах более разнонаправленной политики сотрудничества «по всем азимутам».

Центральная Азия – центр нелегального производства местных наркотиков (прежде всего в Фергане) и в еще большей степени – крупнейший транзитный путь, по которому после распада СССР и свержения просоветского правительства в Афганистане стали доставляться наркотики афганского производства. Этот поток, частично оседая в России, следует далее через российскую территорию в страны Евросоюза.

Доходы от наркоторговли – источник огромных нелегальных доходов всех, кто к ней причастен. Они распределяются неравномерно. Рядовые контрабандисты-курьеры часто остаются нищими на протяжении всей жизни, так как их заработки поглощаются многочисленными родственниками. Однако этот люмпенский слой участников оборота наркотиков является наиболее многочисленным и социально-политически значимым, особенно в условиях медленного расширения прав граждан по мере «управляемой демократизации сверху».

«Пролетарии наркобизнеса» объективно не могут не сочувствовать наркодельцам, видя в их, своей или своих родственников, нелегальной деятельности единственный источник существования. Одновременно этот слой является наиболее взрывоопасным. С одной стороны, он воспринимает попытки государства искоренить наркобизнес как посягательство на основы своего существования. Лидерам наркобизнеса нетрудно направить стихийное возмущение населения нарко-транзитных и нарко-производящих районов Центральной Азии против местных правительств и спровоцировать подобие не то нарко-, не то цветных «революций».

С другой стороны, более образованная часть бедных слоев справедливо видит инструмент борьбы с наркоторговлей в экономических и социальных реформах, которые позволили бы отвлечь население «наркоопасных» регионов от преступного бизнеса. Отсутствие таких реформ тоже порождает недовольство населения.

Обе тенденции, налагаясь на личные, политико-партийные, клановые, региональные и иные легальные, но часто «невидимые» для аналитика борения, создают весьма сложную структуру общественно-политических взаимодействий. Трудности внутреннего развития проявляются на уровне внешнеполитического процесса и внешней политики местных стран. Колебания в отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном в 1990-х гг., взаимно настороженные отношения Таджикистана и Афганистана, хроническое противостояние властей и криминала в Ферганском оазисе, «пульсирующую» нестабильность в Киргизии трудно проанализировать в отрыве от конфликтогенной роли наркотиков.

Контроль над наркотранзитом – источник борьбы между правительствами центральноазиатских стран и криминальными группировками, а также между самими этими группировками. «Наркофактор», попытки местных криминальных структур поставить у власти в центральноазиатских странах «своих» людей составляют важнейший элемент местного политического, социально-экономического и идеологического ландшафтов.

Наконец, важнейшая черта местной региональной среды – неразрывность политических проблем Центральной Азии с вопросами безопасности сопредельных стран – Афганистана, Пакистана и Ирана. В Центральной Азии нераздельность не воплощена в международно-политические документы или заявления руководителей. И своими корнями она уходит не в культуры и ценности, а в географические реалии. В Центральной Азии и на Среднем Востоке, в силу особенностей рельефа (труднопроходимые горы,

пустыни) распределения водных ресурсов и, соответственно, этнического расселения, контуры политических границ – в отличие от Европы – не совпадают с очертаниями политико-географических интересов безопасности разных стран.

В Ферганском оазисе, зоне таджико-афганской границы или в поясе проживания пуштунских племен на рубежах Афганистана и Пакистана разделить интересы безопасности сопредельных стран невозможно. Они сливаются в единый комплекс, и их решение исключает выработку и реализацию юридически четких договоренностей, поскольку таковые практически не в состоянии учесть сложность реальных отношений между этническими группами и государствами в местах соприкосновения их интересов. Вот почему отношения между странами региона тяготеют к более динамичным формам стабильности в отличие от относительно статичных, юридически строже закрепленных и управляемых международных отношений в Европе^[1].

Политико-психологический фон

По-видимому, такой вариант «нераздельности безопасности» имеет объективную опору в традиционном сознании жителей этой части мира, для более южных народов которой (узбеков, таджиков, киргизов, туркменов) характерно оазисное сознание. В его основе – идентификация по принципу самопричисления не только (иногда и не столько) к «своей» этнической группе, сколько к территории своего проживания. Люди исторически селились у воды. В окружении пустынь и гор ее было мало, и возможности менять место жительства были ограничены. Жители оазисов невольно вырабатывали в себе терпимость к чуждой этничности. Владелец оазиса мог не принадлежать к «твоей» этнической группе, но если он не лишал тебя доступа к воде, а значит, к жизни, то его можно было терпеть, даже если по крови, языку и культуре он был «чужим».

Население Центральной Азии до включения в состав Советского Союза с проделанным в его рамках этнотерриториальным размежеванием не знало «национального государства» в европейском смысле. Преобладающей формой организации было территориально-политическое образование на принципе надэтничности. С позиций европейской науки Бухарский и Кабульский (афганский) эмираты, Хивинское и Кокандское ханства были относительно небольшими и пестрыми по этническому составу оазисными империями, «объединяющими идеями» которых были общее водно-земельное достояние и идеология религиозной солидарности (особенно в Бухаре и Коканде). В таком идейно-политическом комплексе комплексы этнической розни лишались возможности развиваться в доктрины этнического или расового превосходства, как это происходило на волне кульминаций «национального самоопределения» в Европе и в Японии конца XIX и первой половины XX веков.

Такой фон вряд ли упростил ситуацию. Водораздел между понятиями «мы – они» и «свой – чужой» в центральноазиатском контексте был более размытым, чем в культурах, из недр которых выросли концепции М. Вебера. Условность понятий транслировалась в условность реалий. Четкость представлений о «своем» и «чужом» материализовывалась в Европе в твердость предубеждения в необходимости уважать чужие границы – на уровне правовой и этической нормы.

Взаимная терпимость этносов в Центральной Азии, условность смысловой переборки между «своим» и «чужим» оборачивались невосприимчивостью к таким условно незыблемым и европейским по происхождению прин-

[1] Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория и международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. 1945–1995. Гл. 2. М., 1997.

ципам международного общения, как уважение чужих государственных границ, невмешательство во внутренние дела других государств. Чужими или нечужими для Таджикистана являются афганские дела, если в Афганистане живет больше таджиков, чем в Таджикистане? Какое из двух государств «среднестатистический таджик» должен считать «своим», задайся он целью следовать модели мышления «по Веберу»? Дать теоретические ответы на эти вопросы проще, чем найти практические решения для упрочения безопасности местных стран. Сходные проблемы самоидентификации возникают для узбеков и таджиков Северного Таджикистана (Худжанд), узбекских городов Самарканда и Бухары, узбеков, таджиков и киргизов Ферганской долины.

Вооруженные формирования, выступающие против правительства Узбекистана, до сих пор перемещаются по горным перевалам и тропам с узбекской территории на таджикскую и киргизскую и обратно, не вступая в конфликты с местным населением. Этими же тропами пользуются и для прохода караванов наркотиков. Следуют они самостоятельно или под охраной бандформирований? Наркобизнес, контрабанда оружия и антиправительственные движения имеют общие интересы, и параметры их сотрудничества быстро меняются.

Конфликт весной 2005 г. в узбекской части Ферганы (Андижан) был частью антиправительственного брожения, которое происходило в это самое время в Киргизии, и тоже уходило корнями в ее южные, ферганские районы. Аналогичным образом, «просачивание» конфликтности из Афганистана (из его таджикских и узбекских частей) в Таджикистан и Узбекистан – устойчивая черта региональной ситуации. «Тюльпанной» или «маковой» в этом смысле была «майданная революция» 2005 г. в Бишкеке? Некоторые аналитики полагают, что на ее эмблеме было уместно поместить оба цветка.

Фактор политического реформирования

Важнейший вопрос политики в Центральной Азии – реформа политических систем ее стран. Наличие прочных структур традиционного саморегулирования местных обществ в лице региональных, племенных, родовых, клановых и иных традиционно-общинных связей налагает отпечаток на условия, в которых формируется внешняя и внутренняя политика стран. Семь десятилетий модернизации центральноазиатских обществ в составе СССР и еще два десятилетия реформ в качестве независимых государств трансформировали социальную природу стран региона. Создание советского строя, а после 1991 года моделей авторитарно-плюралистического устройства (по Р. Скалапино)^[2] внешне изменили политический облик этих стран и заложили основы развития большинства из них по пути нелиберальной демократии (по Ф. Захарии)^[3].

Однако традиционные структуры саморегулирования не были уничтожены и не разложились. Приняв на себя удар большевистской модернизации в 1920-1940-х гг., они смогли выжить благодаря десятилетию «оттепели» 1953-1963 гг., а затем – адаптироваться к условиям «позднего СССР» в 1970-1980-х гг. Традиционные структуры нашли себе место в политической системе советского общества, научившись сотрудничать с партийно-бюрократическим аппаратом советской власти, помогая ему (мобилизовыв-

[2] Robert Scalapino – ведущий американский востоковед-политолог 1970-1980-х гг., директор Института Восточной Азии Калифорнийского университета в Беркли, автор множества работ по Китаеведению и Япониеведению. По его определению, «авторитарный плюрализм» – «...эта система характеризуется жесткой политикой, ограничением свобод и преобладанием личности, а не закона в процессе принятия решения. В то же время, существованием гражданского общества, отделенного от государства, и наличием – в зависимости от конкретных условий – значительного автономного пространства в сферах религии, образования и семейных отношений. Более того, в экономике присутствует значительный рыночный элемент, хотя и при сильной финансовой, направляющей и планирующей роли государства, реализуемой посредством политики неомеркантилизма». – Письмо Р. Скалапино к А.Д. Богатурову от 10 февраля 1992 года.

[3] Fareed Zakaria. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad. New-York-London: W.W.Norton and Company, 2003; Daniel Bell, David Brown, Kanishka Jayasuriya. Toward Illiberal Democracy in Pacific Asia. London: MacMillan, 1995.

вать массы на трудовые кампании) и иногда находя возможности образовывать личные унии.

При этом формальная система государственного управления в Казахстане и республиках Средней Азии выглядела советской, а реальное управление ими шло по двум ветвям: формальной партийно-советской и неформальной – регионально-клановой. Центральный аппарат КПСС адекватно оценивал ситуацию и стремился не столько изменить ее через искоренение традиции, сколько научиться использовать традиционные факторы для регулирования положения на местах.

Во второй половине XX века в этой части СССР раньше, чем у других сложилась «сдвоенная» общественно-политическая система. Внутри местных обществ уживались два отчасти автономных друг от друга уклада. Первый представлял собой анклав советского (современного). Вторым – анклав родоплеменного, этногруппового, регионального (традиционного). Обычаи, нормативные прецеденты, своды поведенческих запретов и правил, религиозные регламенты составляли второй анклав. Привычка получать современное высшее образование, заниматься экономической, общественной и политической деятельностью, навыки проведения выборов – первый.

Бытовое поведение характеризовалось перемещением человека из первого анклава во второй и обратно. Светское сочеталось с религиозным – исламским, доисламским и не исламским (христианским, иудейским, языческим). Современный рыночный бизнес – с обычаем помогать в трудоустройстве неквалифицированных родственников и земляков. Привычки к жизни по канонам западного потребления – со вкусом к традиционному образу жизни. На уровне политического поведения это выливалось после 1991 г. в привычку участвовать в выборах и политической борьбе с обыкновением голосовать в соответствии с советами «старших» в их традиционном понимании – начальники, вожди кланов и групп, старейшины, муллы, старшие родственники мужского пола или в их отсутствие – просто мужчины.

Механизм поддержания социального порядка был сложным, но надежным. Во всяком случае, повсюду, кроме Таджикистана в начале 1990-х годов, анклавно-конгломератная структура общества предохранила страны от войн, распада и хаоса. Да и гражданская война в Таджикистане была вызвана чрезмерностью политических преобразований под натиском незавершенной «исламской демократической революции», разрушивших старый механизм регулирования отношений между конкурирующими региональными группами в бывшей Таджикской ССР.

Провал эксперимента с «исламской демократией» напугал соседние с Таджикистаном бывшие советские республики настолько сильно, что их руководители были вынуждены предпринять меры для борьбы с исламской и светской оппозицией, в том числе применяя против нее силу. Реформы в Центральной Азии после этого, в той мере, которой они вообще проводились, были направлены в консервативное русло. Гражданская война скомпрометировала концепт одномоментной демократизации по западным образцам. Последующее десятилетие было употреблено для стабилизации и дозированной модернизации политических систем. На смену советской управляющей машине пришли системы правления, для которых характерно соединение официальных институтов партийно-президентской системы с неформальным традиционным регулированием^[4].

Наложение западных форм демократического правления на местный традиционализм дало жизнь центральноазиатским версиям нелиберальной демократии. В политических системах Центральной Азии соотноше-

[4] В работе известного востоковеда и политолога А.Д. Воскресенского они определяются как авторитарные либо консервативные патерналистские режимы. См.: Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке. М.: Аспект-Пресс, 2007. С. 62

ние «нормы» и «патологии» не больше и не меньше, чем в общественно-государственном устройстве Индии, Южной Кореи или Японии^[5] на относительно ранних стадиях развития присущих каждой их названных трех стран демократических моделей. Все эти страны в политико-социальном отношении относятся к анклавно-конгломератному типу, как все государства запаздывающей политической модернизации, включая Россию и Китай.

По-видимому, либерализация политических систем Центральной Азии может быть возможна не раньше, чем произойдут изменения в культуре стран этой группы. Имеются в виду, прежде всего, сдвиги в базовых представлениях этносов о достаточности или избыточности, привлекательности «свободы» или «несвободы», индивидуальной конкуренции или общинно-корпоративной солидарности, ответственности каждого за себя (и равенстве) или покровительстве (и подчиненности).

Это не означает, что Центральная Азия может позволить себе приостановку реформ. Приблизившаяся полоса естественной смены поколений лидеров местных стран вынуждает думать о необходимости продолжить их модернизацию. Однако форсированная демократизация может быть им так же опасна, как попытки остаться в парадигме поверхностного реформирования, стабилизирующий ресурс которой в значительной мере уже исчерпан.

[5] Нелиберальных демократий оказывается тем больше, чем дальше отстоит рассматриваемый регион от Европы и моделей демократии, вобравших в себя специфику европейского культурного опыта. Типологически Япония – нелиберальная демократия, хотя, наверное, «минимально нелиберальная».

ДИАСПОРЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. ДУНГАНЕ

КАДЫРБАЕВ АЛЕКСАНДР ШАЙДАТОВИЧ

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела истории Востока, Институт Востоковедения РАН (Москва, Россия)

Прежде чем начать речь о дунганах, обратимся к их истокам. А их истоки в Китае, где живут хуэйцзу или хуэй, из среды которых и вышли в пределы Российской империи во второй половине XIX века дунгане. Хуэй или дунган, как их называют в Центральной Азии, говорящих по-китайски, насчитывают в Китае от 15 до 20 млн. человек. Они обладают в современном Китае (КНР) высшим уровнем национально-государственной автономии – автономным районом, каковой в КНР, кроме хуэй, имеют уйгуры, тибетцы, монголы, чжуаны.

К мусульманам из числа коренного населения собственно Китая относятся хуэй. Различные группы хуэй неоднородны по своему происхождению. Хуэй северо-запада Китая – это смесь ряда этносов, где одной из весомых была тангутская струя, народа, говорившего на языке близком к тибетскому, чье исчезновение как этноса, государства с самобытной цивилизацией, было предрешено в XIII в. завоеванием Чингиз-хана. Силой, внедрившей ислам в Китае, были монгольские завоеватели, а именно – потомок Чингиз-хана, правитель северо-запада Китая по имени Ананда, ярый приверженец ислама в отличие от большинства своих соплеменников монголов. Ананда стал мусульманином потому, что его отец, у которого часто умирали дети, доверил его воспитание «туркестанскому мусульманину Мехтару Хасану Ахтачи. Жена этого человека, Зулейха, выкормила его грудью, поэтому мусульманская вера укрепилась в его сердце и была непоколебима...». На Ананду последовал донос монгольскому повелителю Китая хану Хубилаю, но его спасло то, что его преданность и войска были нужны Хубилаю для сохранения престола. Хубилай-хан решил не обращать внимания на то, что «все то войско и население области Тангут (т. е. северо-запада Китая и смежных территорий Восточного Туркестана) – мусульмане и упорствуют в этом», предоставив Ананде возможность «самому разбираться в своей вере». Преемник Хубилая на юаньском троне, хан Тимур, благосклонно относился к исламу и при нем Ананда «много радел о мусульманстве». Как писал великий историк той эпохи, персидский летописец Рашид-ад-Дин, «из положения Ананды и его войска можно сделать вывод, что в ближайшее время дело ислама в тех областях достигнет совершенства и, по изречению Корана, «они войдут толпами в веру Аллаха» и станут «правоверными и единобожниками-мусульманами... и их дети и внуки»^[1].

Рашид-ад-Дин не ошибся: хотя Ананда в 1307 году «был пожалован смертью» за попытку захватить юаньский трон, дело его не пропало – дети и внуки тех, кто населял область Тангут – китайцев, тангутов, монголов, тюрков, тибетцев, а также таджиков, персов, арабов, пришедших с монгольскими завоевателями в этот регион, уже в XIV столетии слились в единую

[1] Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.2. – М.-Л., 1952, с. 206-209.

группу мусульман, жителей Юаньской империи, говоривших в основном по-китайски^[2].

Религиозные искания монгольской правящей элиты известны, еще Чингиз-хан при всей жестокости его завоеваний завещал терпимо относиться ко всем религиям, и его потомки следовали его завету. Поэтому среди чингизидов были и христиане, и буддисты, и мусульмане. В 1279 году, став правителем северо-запада Китая, Ананда обратил в ислам 150 тысяч монголов, находившихся под его началом, и все население подвластной ему области – тангутов, китайцев, выходцев из Центральной Азии и стран Персидского залива – тюрков, персов, таджиков, арабов, где последние уже были мусульманами.

При правлении монгольской династии Юань в Китае с 1271 по 1328 гг. «мусульманский язык» фарси, или новоперсидский, был одним из государственных языков вместе с монгольским и китайским^[3], а мусульмане выходили на первые роли в монгольском управлении Китаем, оставив в истории имена главных министров Юаньской империи – Ахмада, Темудара, Давлатшаха, а также Пу Шоугэна, ранее служившего китайцам богатого судовладельца, обеспечившего монгольскую победу над китайской империей Сун на море, – выходцев из Центральной Азии и стран Персидского залива. Среди мусульман, достигших высот на поприще китайской учености, известны выходец из Бухары Сейид-Аджаль и его сыновья Шамсутдин и Хусейн, писатели и художники Као Кэун и Садулла, поэты Бегликшах, Али Яоцин с сыном Ли Сиыном, знатоки учения китайского мудреца Конфуция – Худубудин, Мула ад-дин, Хайрудин, алхимик бухарец Риза, градостроители юаньской столицы Ханбалыка на месте современного Пекина – Якдар с сыном Мухаммедшахом, астроном перс Джамаль ад-Дин, географ Шамсы, автор энциклопедий и книг по географии стран, лежащих к западу от Китая, изобретатели и создатели новейших для того времени образцов военной техники – осадных орудий доогнестрельной артиллерии – Исмаил, Ала ад-Дин, Абу Баقر, Ибрагим, Хасан, Якуб – переводчики с арабского и персидского на китайский медицинских трактатов египетского врача Ибн-ал-Байтара, других мусульманских лекарей – «Врачебный канон Ал-Канунфи ал-Тибба», «Хуэй-хуэй яофан» – (мусульманские лекарства) и индийского литературного памятника «Панчатантра» – Ифтихар ал-Дин и врач Дин Хонянь^[4]. В юаньское время в Китае получили распространение лекарственные препараты из мусульманских стран, часть из них с тех пор широко использовалась в китайской медицине, в летней столице юаньских правителей Кайпине были созданы медицинские учреждения, подчиненные ведомству «Императорские госпитали» и первоначально укомплектованные только мусульманскими врачами. В 1292 году в Ханбалыке и Кайпине были официально учреждены мусульманские медицинские заведения. А ранее, в 1271 году, был учрежден институт мусульманской астрономии, а около восточной крепостной стены Ханбалыка на месте современного Пекина персидскими астрономами была построена обсерватория. Китайские источники свидетельствуют об использовании в это время в Китае мусульманского календаря. Персидско-среднеазиатское и арабское влияние сказалось на цветовой гамме китайских фарфоровых изделий периода Юань. Свою лепту внесли мусульмане и в развитие астрологии. При юаньском дворе звучали и пользовались успехом мелодии и песни на персидском и арабском языках, о чем свидетельствует знаменитый путешественник XIV в. из Марок-

[2] Кычанов Е.И. Новые материалы об этногенезе дунган // Советская этнография. – М., 1978. – №2.

[3] Huang Shijian. The Persian language in China during the Yuan dynasty. Paper on Far Eastern History, 34, September, Canberra, 1986, p. 86-88; Ян Чжицуй. Юань-дай хуэй-хуэй-жэнь ды чжанчжи дивэй (Место мусульман в управлении при Юань). Лishi яньцзю (Исторические исследования). 1984. – №3. с. 112.

[4] «Юань-ши» (История династии Юань), в сер. Сонь-бонабнь, 24 династийные истории, Шанхай-Пекин, 1958, цзюань 387, 81, 125, 196, 48, 203, 128, 7, 138.

ко Ибн-Баттута, побывавший в юаньском Китае. В эпоху Юань мусульмане составляли значительную часть населения северо-запада Китая, в городах Ганьяжоу и Сучжоу. Крупные мусульманские общины появились на равнине Хуанхэ, на юго-западе, в Юньнани, не говоря уже о столице Ханбалыке и южных портовых городах Гуанчжоу, Ханчжоу, Цюаньчжоу, где находилась самая древняя и красивая мечеть в Китае. Еще в 30-х гг. XIII века ремесленники-мусульмане, три тысячи человек, выходцы из Самарканда основали город Сымали в Северном Китае и прославили его большими садами, выращенными по типу самаркандских. Китайские источники упоминают о существовании этого города в 1331 году, через 100 лет после его основания. Тогда же, в период Юань, вошло в обиход традиционное наименование китайских мусульман – хуэй (что в переводе с китайского дословно означает «мусульманин» – Авт.), а среди самих хуэй или дунган – «ло-хуэй-хуэй» – почтенные мусульмане^[5]. Никогда еще, ни раньше, ни в последующие времена истории Китая мусульмане не играли такой заметной роли в государственной, научной и культурной жизни этой страны, как это было в эпоху Юань при власти монголов, что способствовало возникновению такого феномена, как симбиозная юаньская культура, неотъемлемой частью которой является и мусульманский компонент.

Таким образом, приверженцы Аллаха следовали заветам Пророка Мухаммада, который, как утверждают, говорил: «За знаниями не ленитесь даже идти в Китай, так как овладение знаниями обязательно для мусульман».

Известна такая старинная легенда. Когда-то Чингиз-хан вел свои войска через перевал Сан-Таш (по-тюркски «Множество камней») и повелел каждому воину положить по камню, и так образовалась каменная куча. По возвращении из похода Чингиз-хан приказал каждому воину опять взять из этой кучи по камню и переложить их в другую кучу, которая оказалась намного меньше первой. На печальный возглас своего военачальника, указавшего на первую кучу: «Это те, кто навеки остались на полях битвы!» – Чингиз-хан кивнул на вторую кучу: «Главные, что остались здесь». С тех пор оставшиеся воины, по-тюркски «турган» («оставшиеся, ожидающие подсчета»), будто бы расселились по долинам рек Джунгарии и стали предками дунган. Согласно другой версии, в войсках Чингиз-хана было много мусульман из разных стран, что соответствует исторической действительности, и, уходя из завоеванного Китая, он оставил править там своего сына, а с ним и мусульман, получивших прозвище «тургане» – «оставшиеся»^[6].

Как видно из вышеизложенного, в фольклоре дунган нашли отражение реальные события. Важно и символично здесь то, что истоки происхождения в народной памяти дунган связываются с событиями монгольского времени, с XIII веком, и это подтверждается историческими источниками.

После падения власти монголов в Китае в 1368 году и воцарении китайской династии Мин, хуэй были полностью китаизированы в языковом отношении и составили основу хуэй северо-запада Китая. Из хуэй был видный персонаж китайской истории эпохи Мин – знаменитый адмирал Чжэн Хэ, с именем которого связано первое известное кругосветное путешествие китайцев, когда китайские моряки вышли на просторы Индийского океана и достигли его берегов. Ознакомление с жизнью народов «южных морей», где в это время происходило укрепление позиций ислама, особенно в Индии и Юго-Восточной Азии, способствовало процессу проникновения мусульманства в Китай с юга и синтезированию ислама с китайской культурой, что нашло отражение в формировании хуэй юга и юго-запада. В минский период продолжился численный рост и географическое распространение мусуль-

[5] Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М., 1987. С. 148-151.

[6] Дунганские народные сказки и предания. Перевод с дунганского. – М., 1977. С. 5-7.

манской общины в Китае, когда сложился традиционный для нее тип расселения в виде небольших общин, равномерно разбросанных по всей территории страны.

Повседневные и тесные контакты мусульман с китайцами приводили их к заимствованию местного уклада жизни. При Мин китайские мусульмане уже повсеместно носили китайское платье, говорили по-китайски, имели китайские имена, при строительстве мечетей следовали традиции китайской архитектуры. Но мусульмане в Китае сохранили отчетливое сознание своего единства и своей обособленности. Мусульманские общины в китайских городах жили своей замкнутой жизнью, где все было подчинено утверждению религиозных и культурных традиций ислама. Вместе с тем, последователи ислама в Китае заявляли о том, что их вера ничуть не противоречит заветам китайских мудрецов. Так, надпись на стеле в старой мечети в Шэньси гласит: «Великий мудрец Запада Мухаммад жил в Аравии много позже Конфуция, мудреца Среднего государства (Китай – Авт.). Хотя они разделены веками и землями, у них – один разум и одна истина». Ученый мусульманин XVIII в. утверждал, что Бог в исламе есть не что иное, как высшее божество китайской традиции – Шан-ди, так как все религии за «почитание одного бога и одной истины». Другой исламский автор утверждал, что мифический первый правитель Китая Фуци был потомком Адама. Проповедники ислама в Китае подчеркивали сходство их религии с учением Конфуция, на котором основывались китайские традиции.

Заверения мусульман в их лояльности «великой традиции» конфуцианской империи не мешали китайским мусульманам соблюдать основы исламской системы образования, приветствовать друг друга по-мусульмански, называть друг друга по своим мусульманским именам, которые они сохранили, несмотря на все китайское культурное влияние. Свою веру они называли не «хуэй цзяо» – «мусульманское учение», как было принято в Китае официально, а Цин-чжэнь цзяо – Чистое подлинное учение.

В этногенезе хуэй юга Китая, живущих в Юньнани, Гуандуне, Фуцзяни, на острове Хайнань, определенную роль сыграли потомки смешанных браков арабов и иранцев, торговые общины которых с VIII по XIII вв. поколениями жили в портовых китайских городах, с китаянками, что нашло отражение в фольклоре хуэй, в их легендах. Одна из легенд, бытующих и поныне среди хуэй и дунган, относит их появление как следствие браков арабов, живших в Китае и женатых на китаянках, хотя и проецирует эти события на еще более ранние времена эпохи Тан^[7].

Хуэй на острове Хайнань в заметной своей части потомки тямов из Индокитая, смешавшиеся с местными китайцами. С конца XVI в. в связи с упадком международной торговли на северо-западных окраинах мусульманского Китая регулярно происходили восстания хуэй, как реакция на притеснения китайских властей.

В 1758 году маньчжурские богдыханы из династии Цин, с 1644 года правившие Китаем, сокрушили кочевую империю западных монголов-ойратов – Джунгарское ханство и завоевали Восточный Туркестан, населенный в основном мусульманскими народами. Разобщенность местных народов, которых не смогла объединить даже общая религия региона – ислам, междоусобицы их теократических правителей – ходжей или ходжаган привели к покорению Восточного Туркестана Цинской империей. Традиция сопротивления власти Китая под религиозными мусульманскими лозунгами родилась именно при ходжаган, неизменно до середины XIX в. возглавлявшими антикитайские восстания. Цинские власти приняли ряд мер, стеснявших свободу вероисповедания мусульман в Китае. В 1731 году мусуль-

[7] Там же.

манам было отказано в праве на ритуальное заклание животных, позднее маньчжурский богдыхан Цяньлун запретил постройку новых мечетей и паломничество в Мекку.

Неудивительно, что в это время в жизненном укладе хуэй появились черты конспирации: религиозные службы в их кругу подчас производились тайно, хуэй пользовались в общении между собой системой шифров, тайно путешествовали, находя приют у своих единомышленников. На рубеже XIX–XX вв. иностранный путешественник в Юньнани отмечал, что местные мусульмане «организованы как тайное общество, и к их религии принадлежит большинство возчиков. В своих поездках они действуют как связные, не возбуждая подозрений, благодаря их занятию»^[8].

Ко второй половине XIX в. относится особенно жестокое подавление «мусульманских восстаний» тюркских народов в Восточном Туркестане, ныне называемом китайцами Синьцзян («новая граница» по-китайски), и северо-западном Китае в провинции Ганьсу, где в 1864 г. появилось государство дунган – Урумчинский султанат, просуществовавшее недолго и павшее под натиском Китая. Итогом этих драматических событий было бегство 4 тысяч хуэй и 40 тысяч таранчей, с начала XX в. известных как уйгуры, в Казахстан, Кыргызстан и Ферганскую долину, бывших тогда частью Российской империи. Следует отметить, что среди них было немало жителей Кульджинского края, который с 1870 г. управлялся российскими властями в течение 10 лет, когда после передачи его Китаю местные мусульмане в заметной своей части предпочли остаться под русской властью и уйти в пределы Российской империи. Эта часть хуэй получила название дунгане, и ныне 40 тысяч дунган – граждане Казахстана, а 100 тысяч – Кыргызстана. Интересно, что уже в первые годы после переселения дунган в пределы Российской империи благодаря их труду Русский Туркестан решил проблему обеспечения рисом, в котором раньше испытывал недостаток и даже стал его вывозить за пределы региона. Дунгане и поныне являются непревзойденными в Центральной Азии мастерами поливного земледелия^[9].

В 1928–1929 гг. в Ганьсу на северо-западе Китая вспыхнуло антикитайское восстание хуэй. Их лидером стал молодой генерал Ма Чжунин, заметная политическая фигура. После подавления этого восстания он остался не у дел и в 1931 г. принял участие в восстании мусульманских народов Восточного Туркестана, при этом заручившись моральной поддержкой главы Китайской республики в Нанкине Чан Кайши, обещавшего утвердить его губернатором Синьцзяна при условии, если он обретет контроль над ним. Прибыв в Синьцзян, Ма Чжунин стал фактически вождем повстанческого движения в Восточном Туркестане. Противоборство шло с переменным успехом и отличалось крайним ожесточением, в том числе по отношению к мирному населению с обеих сторон. К исходу 1933 г. в восстании участвовали, в той или иной мере, большинство народов Восточного Туркестана, в том числе и хуэй, причем религиозные мотивы отошли на второй план. Поддержали восстание басмачи Средней Азии, изгнанные в свое время советской властью из Туркестана, которых немало было в эмиграции в Синьцзяне, а также казахи, сотни тысяч которых ушли из Казахстана при проведении там коллективизации в 1929–1930 гг. из-за разразившегося по ее причине массового голода. Счет повстанцев шел на десятки тысяч. Неспособность китайского губернатора Цзинь Шужэня подавить восстание обострило междоусобную борьбу в китайском руководстве Синьцзяна и 12 апреля 1933 г. в результате военного заговора он был свергнут командующим китайскими войсками в регионе Шэн Шицаем, став-

[8] Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. С.150–151.

[9] Моисеев В.А. Новые данные о международных съездах на русско-китайской границе в Центральной Азии в 80-х гг. XIX–начале XX в. - Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда, 14 мая 2003 г. – Барнаул, 2003.

шим губернатором. Все более разгоравшееся восстание заставило синьцзянские власти в 1932-1933 гг. призвать на борьбу с ним все свои силы и привлечь на службу русских эмигрантов – бывших белогвардейцев, создав из них боеспособную часть в две тысячи бойцов. Власти Синьцзяна обратились за военной помощью к СССР и, хотя это вызвало негативную реакцию Коммунистического Интернационала, эта помощь была ими получена в виде продажи оружия и боевой техники. СССР перебросил интернированные в СССР на дальневосточной границе с Китаем китайские части – 5 тысяч солдат, отступившие на его территорию под натиском японцев, в распоряжение властей Синьцзяна. В ноябре 1933 г. в Синьцзян была направлена так называемая «Алтайская добровольческая армия», сформированная из различных частей Красной Армии, которой в оперативном отношении подчинялись бывшие белогвардейцы. Им были обещаны амнистия и советское гражданство в случае победы над мусульманскими повстанцами. Вместе с тем, Шэн Шицай понимал, что силы оружия для победы недостаточно и предпринял шаги, чтобы хоть в какой-то мере сбить остроту противостояния между китайскими синьцзянскими властями и коренными народами Восточного Туркестана. Он обнарудовал принципы своей политики, основными из которых провозглашались – борьба с империализмом, дружба с СССР, расовое и национальное равенство, строительство новой экономики Синьцзяна. Предусматривалось соблюдение равноправия всех национальностей Восточного Туркестана при приеме на работу и оплате труда, свобода слова и собраний, помощь крестьянству, развитие просвещения и народного образования. Эти документы были выдержаны в духе демократии, социального и национального примирения. Все шаги Шэн Шицай были во многом ориентированы на СССР, без помощи которого справиться с ситуацией генерал был не в состоянии. После обнародования своего обращения Шэн Шицай предпринял действия по поиску примирения с повстанцами, обещая привлечение в состав синьцзянского правительства представителей народов Восточного Туркестана. Летом 1933 г. в стане повстанцев произошел раскол и на сторону губернатора перешел лидер уйгуров Ходжа Нияз из-за нежелания Ма Чжунина видеть в уйгурах равноправных партнеров в управлении будущим мусульманским государством. Вскоре на сторону Ходжа Нияза перешли казахи Алтайского округа и карашарские монголы. Упрочению власти Шэн Шицай способствовала официальная поддержка СССР, считавшего неприемлемым отделение Восточного Туркестана от Китая и оказавшего всестороннюю помощь властям Синьцзяна вплоть до участия советских войск в боях с повстанцами. Помощь СССР китайским властям региона вызвала возмущение и протесты коренного населения Восточного Туркестана, наносила авторитету Советского государства известный ущерб, поскольку имидж страны Советов, гражданами которой являлись родственные коренным жителям Восточного Туркестана народы Средней Азии и Казахстана, был в глазах первых неизмеримо выше по сравнению с Китаем и, несмотря даже на советскую поддержку китайцев, СССР рассматривался повстанцами как возможный плацдарм отступления и даже как союзник, хотя и не оправдал ожиданий повстанческих лидеров.

Попытка примирения Шэн Шицай с Ма Чжунином не удалась и бое столкновения их частей продолжались. С другой стороны 20 февраля 1933 г. в Хотане «Уйгурский комитет за национальную революцию» образовал временное правительство во главе с Сабитом Домулло, связанном с Британией, т. н. «правительство хотанских эмиров». А 12 ноября 1933 г. в Кашгаре Сабит Домулло как глава «правительства хотанских эмиров» провозгласил создание независимой Тюрко-Исламской республики Восточного Тур-

кестана (ТИРВТ). Президентом вновь созданной республики был заочно избран Ходжа Нияз, создана и обнародована основанная целиком на мусульманском праве – шариате конституция.

Лидеры ТИРВТ установили контакты с Турцией, Афганистаном, Британией, Германией и Японией, добиваясь дипломатического признания и помощи. В частности, не остались безучастными к восстанию власти Афганистана. Они не препятствовали выезду в районы восстания среднеазиатских эмигрантов, бывших басмачей, живших в Афганистане, конфессионально и этнически близких мусульманам Синьцзяна. Более того, афганский премьер-министр Хашим-хан и лично король Афганистана Захир-шах принимали представителей восставших, в январе 1934 г. прибывших из Кашгара, рассчитывавших установить официальные отношения с Афганистаном, а также получить помощь деньгами и оружием. Хотя официально афганская сторона придерживалась политики нейтралитета, его власти и народ «с большими симпатиями» относились к созданию в Восточном Туркестане мусульманского государства, а лидер повстанцев Ходжа Нияз пользовался в Афганистане большим авторитетом. Афганская территория использовалась как перевалочная база для многих волонтеров, желающих помочь повстанцам. Кашгарцы действовали сразу на ряде направлений: прибывшие в Кабул – столицу Афганистана – встретились с германскими посланниками, другие направились в Пешавар, где установили связи с Союзом спасения Бухары и Туркестана, пользовавшегося поддержкой англичан. Ранее, осенью 1933 г., из Кабула в Кашгар был направлен турок Мустафа Али, прочно осевший в Афганистане, через которого велись переговоры о закупках для восставших большой партии стрелкового оружия – 4 тысяч винтовок. Вовлеченность Афганистана в восточно-туркестанские дела сохранялась и после подавления восстания. Так, в июне 1935 г. в Кабуле вновь побывали эмиссары из Урумчи с целью вербовки среднеазиатских эмигрантов для борьбы с китайскими властями в Синьцзяне. Причем эти эмиссары были приняты в МИД Афганистана. Они также установили контакты с японской миссией в Кабуле. Итогом этой деятельности стало прибытие в Синьцзян среднеазиатских эмигрантов во главе с курбаши – лидерами басмачей Файзул Максумом и Камильджаном.

Подобные шаги лидеров повстанческого движения вызывали негативную реакцию советской стороны, склонявшейся к более действенным формам помощи синьцзянским властям. Провозглашение ТИРВТ стало поводом для участия советских войск в боях с Ма Чжунином. Используя военную авиацию, они разгромили дунганских повстанцев. Отступая на юг, Ма Чжунин в 1934 г. занял Кашгар – столицу ТИРВТ, после чего республика прекратила свое существование. Ее руководство было разогнано или арестовано людьми Ходжа Нияза – союзника Шэн Шицая. Ма Чжунин ушел на территорию СССР, где был интернирован, но не выдан властям Синьцзяна, несмотря на требование Шэн Шицая. Причем об этом было опубликовано в советской печати, чтобы подчеркнуть лояльность СССР к потерпевшим поражение повстанцам. А к началу 1935 г. в строгом согласовании с китайской стороной из Синьцзяна вывели последние части Красной Армии, оставив китайцам всю материальную часть этих соединений.

События в Восточном Туркестане в 1931-1934 гг., в которых столь активное участие приняло Советское государство, укладываются в логику противоречивого и многопланового движения в Центральной Азии, получившего свое развитие еще в начале 20-х гг. и проявлявшего себя до начала Второй мировой войны. В Восточном Туркестане, как и в большинстве центральноазиатских стран, эти события при очевидном национально-освободительном характере движения имели исламскую окраску. При этом

участники восстания столь разнились по интересам и были так разнородны в социальном и этническом отношении, что ислам не смог стать для повстанцев цементирующей идеологией. Межэтнические противоречия повстанцев, особенно между хуэй и уйгурами, очевидное влияние на них зарубежных сил, прослеживающийся антисоветизм способствовали поражению в 1934 г. восстания мусульманских народов Восточного Туркестана^[10].

Хуэй и дунгане – мусульмане суннитского направления ханифитского масхаба. Попытки их ассимиляции китайцами на протяжении столетий, в том числе и в сравнительно недавнее время (1949–1979 гг.), были безуспешны. Среди причин живучести мусульманской общины в Китае прежде всего их истовая вера в исламские духовные ценности, поскольку именно ислам стал основой формирования хуэй как этноса, народа. Способствовали выживанию хуэй их географическая распыленность и многоликость. С одной стороны, китайские власти не имели перед собой компактной массы мусульман, которую можно было бы расчленить и тем самым ослабить. С другой стороны, хуэй выступали одновременно и как религиозная, и как этнокультурная, а нередко и как профессиональная группа населения. В результате у властей не было единого критерия квалификации мусульманских подданных. Таким критерием оказывалось поведение самих мусульман. Пока хуэй вели себя смиренно, они были частью «добрého народа», хотя и весьма своеобразной по своим обычаям в пестром составе жителей «Поднебесной империи». Стоило им возмутиться, как они в глазах китайских властей теряли само право на жизнь.

Хуэй, близкие по языку и многим особенностям культуры китайцам, вне сомнения, отдельный от них этнос с четко выраженным этнорелигиозным самосознанием, что признается современным китайским государством. В КНР хуэй имеют статус национального меньшинства и имеют национально-государственную автономию – Нинся-Хуэйский автономный район, сопоставимый с нашим понятием края или республики. С 1979 г. и до наших дней после прихода к власти «патриарха китайских реформ» Дэн Сяопина началось возрождение ислама в Китае и восстановление связей его мусульманских народов с исламским миром, что в целом способствовало укреплению лояльности хуэй по отношению к китайскому государству. На китайский язык была переведена священная книга мусульман – Коран. Именно народ хуэй является исламским лицом одной из величайших цивилизаций мира – китайской.

Дунгане, близкие к хуэй, уже почти полтора века живут в окружении народов Центральной Азии, сначала в составе Российской империи, затем СССР, а ныне в независимых постсоветских государствах, в основном в Кыргызстане и Казахстане. В советское время и сегодня дунгане пользуются определенной национально-культурной автономией. Издавалась в Кыргызстане межреспубликанская газета на дунганском языке «Ленин кичи» – «Ленинское знамя», на кыргызском республиканском радиовещании отведены часы для передач на дунганском языке, в Академии наук Кыргызстана существует сектор дунгановедения. Дунганский язык подвергся сильному культурному влиянию со стороны русского и тюркских языков Центральной Азии, функционирует на русском алфавите – кириллице. В Казахстане дунгане компактно живут в Таразе, Джамбульской и Алматинской областях.

[10] Бармин В.А. СССР и Синьцзян в 1918–1941 гг. – Барнаул, 1998. – С. 99, 121–130.

МНОГОСОСТАВНОЕ ОБЩЕСТВО ВОСТОКА: ДИАСПОРЫ В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

МОЛОДЫХ ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ

Аспирант кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета [Красноярск, Россия]

На наш взгляд, существуют несколько типов многосоставности: 1) общество с остатками коренных, часто бывших великими народами в ряде районов прежнего обитания (копты-христиане Египта, берберы стран Магриба, гебры-зороастрийцы Ирана, дравиды Северной Индии, Пакистана и Афганистана), окружённых более поздним численно преобладающим населением. 2) квазиэтническая религиозная неоднородность внутри одного народа (несколько христианских и мусульманских групп арабов Ливана, различных по набору генов из-за межобщинной изоляции^[1]; пенджабцы в Индии и Пакистане – сикхи, индуисты и мусульмане), на одной территории. 3) общество – совокупность функциональных групп-каст 4) общество с вкраплением беженцев, перемещённых лиц, высланных, возвращенцев, ищущих убежища (палестинцы в других арабских странах после создания Израиля в 1948 г.; 8 млн. мусульманских беженцев из Индии и более 6 млн. индуистских – из Пакистана при разделе Индии в 1947 г.; депортированные из Уганды в 1972 г. азиаты или народность баньяруанда – в 1982 г.^[2]). 5) многорасовое общество, созданное переселением колонистов и ввозом рабов (негры Западного полушария). 6) общество с людьми, сознательно прибывшими в чужую страну для целей предпринимательства, наёмного труда, наёмничества. В докладе ООН экономические мигранты отнесены к беженцам^[3], но мы выделяем их в отдельную группу.

Первые три типа многосоставности носят доколониальный характер, пятый – создан колониализмом в форме «крупнейшего за всю историю насильственного перемещения населения»^[4]. Многосоставность четвёртого и шестого типов может иметь разные причины, но она стала массовой из-за деформации экономик колоний и зависимых стран и формально независимых государств современности, политических структур и внешних границ в интересах метрополий. На момент краха мировой колониальной системы в середине XX века всё население колоний состояло из трёх групп: коренных народов данной территории, представителей метрополии и мигрантов из других колоний и зависимых стран. Представители коренных народов численно преобладали в колониях и зависимых странах Азии и Африки. В обеих Америках и Австралии они были в основном истреблены или вытеснены в трудные для жизни условия; возникли оторванные от прежней истории переселенческие государства и территории. В Африке были переселе-

[1] Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. – М., 1991. – С. 106.

[2] Беженцы. Динамика перемещений. Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1989. – С. 21, 33, 129.

[3] Беженцы. Динамика перемещений. Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1989. – С. 21.

[4] Беженцы. Динамика перемещений. Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1989. – С. 22.

ния европейских колонистов – голландцев и англичан на юге материка и французов в Алжире, но они не стали численным большинством. В Азии и остальных странах Африки малочисленные и желавшие по окончании целевой миссии вернуться домой европейцы не создавали районов компактного проживания. Из-за враждебности коренного населения, тяжёлых условий климата, колонизаторы были вынуждены искать посредников между собой и местным населением.

Колонии удерживались с помощью коренных меньшинств местной этнической стратификации. Великобритания противопоставляла бирманцам горные народы Бирмы, тамилы – сингалам на Шри-Ланке, турок на Кипре – грекам; США противопоставляли мусульманское меньшинство христианскому большинству на Филиппинах; Франция опиралась на берберское меньшинство Алжира и Марокко против арабов^[5]. Колониальные власти в своих интересах выборочно уничтожали, сохраняли или специально вводили элементы этнической стратификации, что вылилось в межнациональные конфликты в бывших колониях после распада политической системы колониализма. Бывшие метрополии и другие страны Запада поддерживали этносепаратистские движения, включая мятежи и терроризм. Причины войн Индии и Пакистана, пограничных споров Индии и Китая, сепаратизма на её северо-востоке и в Пенджабе, раскол большого Пакистана, проблема пуштунов в Пакистане и Афганистане в Южной Азии во многом кроются в последствиях колониализма. В Юго-Восточной Азии сепаратизм активен в ряде районов Мьянмы, Филиппин, Индонезии – Восточный Тимор уже отпал. Больше всего войн и конфликтов на Востоке в Западной Азии – проблема Курдистана в Турции, Ираке, Иране и Сирии; война Ирана и Ирака; вторжение Ирака в отторгнутый от него Кувейт. Почти все страны и их границы в тропической Африке созданы при её разделе между державами-метрополиями. Запад поощряет сепаратизм не только меньшинств в его бывших колониях, но и, например, уйгуров и тибетцев в Китае. Государственные и этнические конфликты на мировой периферии позволяют ослаблять недружественные Западу, особенно США, государства, искать предлоги для вмешательства во внутренние дела суверенных государств, отводить неокolonизаторам «миротворческую» роль.

Но для экономической эксплуатации колоний в создаваемом международном неэквивалентном разделении труда метрополиям были нужны торговые посредники-компрадоры и дисциплинированные неквалифицированные рабочие для предприятий организованного сектора. Иноэтнические переселенцы заняли эту нишу. В докапиталистических обществах личность эмигранта и торговца обычно совпадала, ему отводилась неуважаемая профессия. Но аграрные народы нуждались в торговых услугах, и торговые меньшинства неизбежно появлялись. Торговые меньшинства умело использовали деформацию экономики колоний и зависимых стран ориентацией на внешние потребности, в большинстве колоний местная буржуазия и предбуржуазия была инациональной. В 1940-50-е гг. китайцы контролировали 90% торговли в Таиланде. Китайцы и индийцы составляли половину плательщиков подоходного налога в Британской Малайе. В Либерии ливанцы владели 65% торговли. В постколониальном Кот-д-Ивуаре, на Западе считавшегося в 1960-70-х гг. удачным примером развития капитализма в Африке, три четверти местных предпринимателей были иностранцы^[6].

Этносоциальная стратификация, существующая издревле и охватившая новые профессии при колониализме, казалась нормой. Хотя на Востоке (сам термин условен и не имеет универсального определения^[7]), она была наибо-

[5] Крылов А.Б. Сепаратизм в странах Востока. – М., 1992. – С. 42, 47-48, 134-135.

[6] Брутенц К. Н. Современные национально-освободительные революции. – М., 1974. – С. 88-93.

[7] Белокриницкий В. Я. Восток на рубеже веков – некоторые итоги перспективы развития. // Восток, 2001. – № 5. – С.

лее прочной, но не является его особенностью. Государства-нации Запада сложились ещё в эпоху абсолютизма или в XIX веке. Из-за меньшей этнической пестроты распад сословно-корпоративных сообществ в эпоху становления капитализма был менее болезненным, чем на современном Востоке – части зависимой периферии мировой капиталистической системы, где различия национального и религиозного состава, образа жизни намного шире – «от изолированных племён охотников и собирателей до консолидированных наций»^[8]. Это вызвано большими, чем в Европе, природно-климатическими различиями на единицу площади, сочетающей высокопродуктивные и малопродуктивные территории с многослойностью обществ из-за их древности (в основном в Азии) или слабой сплоченностью молодых обществ (в основном в Африке). Это облегчило колониальные завоевания, а в настоящее время стало удобным элементом для манипуляции межнациональными отношениями в бывших колониях и зависимых странах в интересах Запада.

В Европе XIX века становление единого и равного гражданства происходило в обстановке становления этногосударственного национализма при формировании государств с преобладанием моноэтнического населения. В многонациональном обществе, где функции этнических или квазиэтнических групп формализовались в сословно-корпоративном порядке, принцип равного гражданства может вызвать политический хаос, нарушив устоявшийся этнический баланс. В Азии XX века государственный и этнический национализм часто не совпадают^[9]. Например, Индия населена десятками народностей, и ни одна из них не находится в большинстве, а арабский мир расколот на восемнадцать суверенных государств одной национальности. Обе ситуации имеют доколониальное происхождение. До недавнего времени Европа не была многосоставной и этнически чересполосной, что в Азии норма. Моноэтничность помогла разрушить сословно-корпоративные системы, создав общества единого гражданства. Многие западные исследователи считали европейскую демократию возможной только в моноэтническом обществе^[10], многосоставность её разрушает. Многосоставность есть и в США, но мы не согласны с мнением о её сходстве с индийской, что служит для навязывания Индии американских образцов^[11]. Либеральные европейцы могли жестоко угнетать покорённые народы колоний на расстоянии, но не могут победить ползучее переселение этих же народов в свои страны и их этническую преступность на основе круговой поруки диаспор. Развитые страны подрывают экономику периферии, поощряя утечку и так малочисленных научно-технических кадров^[12]. Около 50% научных исследователей в США – иммигранты первого поколения (в значительной части из Азии), их процент растёт^[13]. Но гораздо больше поток неквалифицированных рабочих и люмпенов. Мы согласны с мнением экс-кандидата в президенты США П. Бьюкенена, что эти люди ставят Запад на край гибели, но не принимаем его оправдания колониализма^[14] и нежелание видеть причину этого в созданных Западом невыносимых условиях в странах третьего мира.

В XX веке законодательство стран Востока было европеизировано. Созданные в иных условиях перенятые «эталонные» политико-правовые нормы не вписались в их социальные структуры. Формальное или неформальное в ряде современных стран Азии сохранение докапиталистической регламен-

66-68.

[8] Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. – М., 1991. – С. 5.

[9] Лазарев М.С. Этюд о национализме. // Западная Азия: этнополитическая ситуация. – М., 1993. – С. 13-15.

[10] Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М., 1997. Перевод с английского. – С. 80-83, 181-184.

[11] Burns R. America's Strategic Opportunity With India. The New U.S.-India Partnership.// Foreign Affairs, November/December 2007. – <http://www.foreignaffairs.org>.

[12] Неоколониализм: сущность, формы, методы. Отв. ред. Волков М. Я. – М., 1987. – С. 80.

[13] . Zakaria F. The Future of American Power. How America Can Survive the Rise of the Rest. // Foreign Affairs, May/June 2008. – <http://www.foreignaffairs.org>.

[14] Бьюкенен П. На краю гибели. – М., 2008. Перевод с английского. – С. 96-97, 237.

тации прав и обязанностей часто противопоставляют «обществу равных возможностей» Запада, но реально в нём социальная мобильность не выше, чем в стратифицированных обществах^[15]. Все типы возможных политических режимов современного Востока – ответ (положительный, отрицательный, смешанный) на навязанную вестернизацию, включая традиционалистские режимы, так как в доколониальном обществе не было и не могло быть традиционалистской идеологии.

При колониализме в европейской историографии азиатские народы считались не только отсталыми, но и не способными к самостоятельному экономическому, политическому и культурному развитию. В выдвинутых в 1930-е гг. концепциях дуализма Ю. Буке на данных Нидерландской Индии и плюрализма С. Фэрнивола на материалах Бирмы (они были колониальными чиновниками в этих странах соответственно)^[16], колониальное общество виделось сосуществованием развивающегося современного европейского сектора с массивом стагнирующей экономики традиционного натурального хозяйства. Фэрнивол выделял также как связующее звено между ними китайский сектор. Они подчёркивали занятость всех народов своей сферой деятельности, изображая не целое общество, а совокупность нескольких обществ^[17]. Обе теории изолировали деревню и город, сельское хозяйство и промышленность, традиционность и современность. Видя прогресс в деятельности европейцев^[18], такие позиции из-за отсутствия движущих сил не допускали возможности распада колониальной системы. Формально они были правы, так как колонии и зависимые страны только непрерывно отставали, и не было догоняющего развития^[19]. Но после распада колониализма по темпам экономического роста, хотя периферийного и тупикового в итоге, незападные общества оказались способны обогнать Европу и Северную Америку^[20], доказав принципиальную возможность развития и его во многом сознательное сдерживание колонизаторами.

Распад политической системы колониализма слабо затронул колониальную деформацию экономики мировой периферии. И одним из проявлений деформации стало сохранение за эмигрантскими предпринимательскими диаспорами функций посреднической торговли. Но теперь они лишились покровительства колониальной администрации и столкнулись с ростом национализма коренных народов. На наш взгляд, национализм народов постколониального Востока (и не только) по сути может быть общегосударственным (попытка найти великое прошлое страны, даже если она была искусственно создана и названа при колониализме как Индонезия) и узкоэтнический. По форме – национально-освободительным (антиколониальным) сепаратистским (ирредентистским), великодержавным или «минидержавным»^[21], межтерриториальным и антимигрантским. Н. А. Симония объясняет рост сепаратистских движений в освободившихся странах сохранением крупных относительно замкнутых традиционных социальных групп^[22]. Историк межэтнических конфликтов Востока А. А. Прусаускас считает, наоборот, с чем мы согласны, что они «в подавляющем большинстве случаев типичны для той стадии, когда представители различных этнических групп начинают проникать в «чужой огород» и возникает соперничество за одни и те же виды ресурсов и источников дохода: землю, торгов-

[15] Доклад о мировом развитии. 2006. – С. 5. – <http://www.worldbank.org>.

[16] Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М., 1984. – С. 18.

[17] Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. – М., 1991. – С. 42.

[18] Восток и мировое общественное знание. Зарубежные концепции развития освободившихся стран. – М., 1991. – С. 69-71.

[19] Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. Отв. ред. Шейнис В. Л., Эльянов А. Я. – М., 1983. – С. 33-34; Крупные развивающиеся страны. Отв. ред. Шейнис В. Л., Эльянов А. Я. – М., 1990. – С. 47-53, 403-409.

[20] Наш расчет по: Болотин Б. М., Шейнис В. Л., Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования. 1950-1985 годы. – М., 1988. – С. 353-358, 401-408, 572-573.

[21] Внешняя политика развивающихся стран. Общие проблемы и методология исследования. Отв. ред. Мирский Г. И. – М., 1983. – С. 149-151.

[22] Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. – М., 1984. – С. 279.

лю, предпринимательство, рабочие места в госаппарате, выборные должности и т. д. – вплоть до контроля над самим государством, т. е. до политической власти»^[23].

Среди всех эмигрантских диаспор Азии наиболее многочисленны китайская и индийская, представляющие её самые многонаселённые страны. Они существовали и до колониализма, но массовыми стали в XIX веке, после того как англичанам потребовались дешёвая рабочая сила и торговые посредники. Эти диаспоры более всего внедрились в Юго-Восточной Азии – на полуострове Индокитай (название показывает его промежуточное положение между Индией и Китаем) и островах рядом с ним. Юго-Восточная Азия, в различные исторические эпохи бывшая под влиянием Южной или Восточной Азии или относительно отдельным сложившимся регионом^[24], она включает государства Индокитая: Вьетнам, Камбоджи, Лаос, Мьянму, Таиланд и частично материковую Малайзию и острова – Индонезии, Филиппины, Сингапур, Бруней и Восточный Тимор. Мы согласны с тем, что строго географически особые территории Китая и Южной Кореи к Юго-Восточной Азии не относятся^[25], хотя экономически и внешнеполитически они больше похожи на Юго-Восточную Азию, чем на КНР. Кроме того, там нет очень сильных в странах ЮВА иноэтнических эмигрантских диаспор.

Большой Китай, включающий собственно территорию КНР, её особые районы – Гонконг и Макао и мятежную провинцию Тайвань, является системообразующим государством исторически китаеццентричной международно-политической системы региона Восточной Азии, куда относятся Япония, полуостров Корея и Монголия. К Южной Азии мы относим полуостров Индостан и примыкающие к нему земли, отделённые горами от остальной Азии, и острова к югу от него. Индия выступает системообразующим государством региона, но факт её существования бесспорным стал только в наше время^[26]. Империи Северной Индии много раз пытались политически объединить регион вокруг себя, охватывая, в лучшем случае, также её центральную часть, а дравидские народы Юга Индии упорно сопротивлялись. И только Британская Индия стала политически единым образованием. Независимость отколола от основной Индии Пакистан (потом от него – Бангладеш). Непал, Бутан, Шри-Ланка и Мальдивы также находятся в Южной Азии. Как системообразующие государства, Китай и Индия могут объединять регионы вокруг или против себя. На внутреннюю и внешнюю политику стран ЮВА сильно влияет наличие китайской и индийской диаспор. Во всех странах ЮВА китайцы владеют 60-80% внутренней и до 40% внешней торговли, почти все имеют гражданство стран проживания, часто берут местные имена, и точно выявить их процентную долю невозможно^[27].

Регион Юго-Восточной Азии был местом производства ряда пользовавшихся большим спросом тропических товаров, притягивая торговцев из Китая, Индии и арабских стран, взявших под контроль внешнюю торговлю ещё до европейского колониализма. Ещё в XIV-XV вв. в Малаккский султанат и Северный Калимантан проникли относительно крупные группы китайцев. Выходцы из Индии появились ещё в раннем средневековье, когда государства ЮВА испытывали воздействие индуизма^[28]. Торгово-ростовщический капитал иноэтнических азиатских диаспор Юго-Восточной Азии стал усиливаться в XVIII в. как посредник между европейцами и коренным населением. Европейский капитализм, став в XIX в. из торгового промышленным,

[23] Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. – М., 1991. – С. 60.

[24] Юго-Восточная Азия в мировой истории. – М., 1977. – С. 9-10.

[25] Васильев В. Ф. Восточно-западные мотивы в проблематике и оценке государственности и модернизации в странах ЮВА. // Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. – М., 1997. – С. 11.

[26] Валлерстайн И. Мировой системный анализ. Введение. – М., 2006. Пер. с английского. – С. 28.

[27] Юго-Восточная Азия. Несоциалистические страны. Справочник. – М., 1989. – С. 69.

[28] Юго-Восточная Азия в мировой истории. – М., 1977. – С. 26.

нуждался не столько в экзотических товарах, сколько в источниках сырья и рынках сбыта, требовавших большего включения колоний в мировое неэквивалентное разделение труда. Налоги с населения колоний приняли денежную форму; для их уплаты крестьяне Индонезии, Малайи и Филиппин были вынуждены сажать экспортные культуры (сахар, индиго, кофе, чай, табак, перец и др.) вместо зерновых. Их сбыт и импорт риса из Сиам и Бирмы для разорявшихся мелких производителей был невозможен без представителей диаспор-посредников, дававших им денежные или натуральные авансы. В Индонезии голландские власти наименее изменили местную социальную структуру; торговый посредник, обычно китаец, был сильно обособлен от местного населения. На Филиппинах интеграция китайцев в местное общество была большей, и основой компрадорского капитала стали метисы – потомки от смешанных китайско-филиппинских браков. В Бирме опорой британского колониализма были индийские помещики-абсентеисты из ростовщической касты четъяров, отбравшие землю у местных крестьян-должников. Во Вьетнаме и остальном французском Индокитае китайцы стали не только торговыми посредниками, но и владельцами мелких промышленных предприятий^[29].

На рубеже XIX–XX вв. европейский капитализм стал империалистическим, выросло значение его прямых инвестиций в колонии и зависимые страны, где были созданы ориентированные на экспорт сырья предприятия организованного типа в плантационном сельском хозяйстве и добывающей промышленности. В колониях стали нужны промышленные рабочие. В значительной степени комплектовались они также из представителей иноэтнических диаспор. Китайские и индийские кули – законтрактованные на длительный срок – рабочие стали массово завозиться в страны ЮВА. Иностранные кули, в отличие от обедневших коренных жителей, имевших возможность уйти на незанятые земли или взять участок в кабальную аренду, были оторваны от земли, и источник их существования полностью зависел от нанимателя^[30]. Поэтому они имели большую трудовую дисциплину.

Малайзия и Сингапур были частью созданной в 1826 г. английской колонии Стрейтс-Сеттлментс, выделенной в 1867 году из Британской Индии в отдельную колонию^[31]. На территории Малайи плантации тропических культур были распространены сильнее, чем в соседних странах, также были оловянные рудники. Поэтому массовый ввоз иностранной рабочей силы с конца XIX в. в Малайю был наибольшим в Юго-Восточной Азии. С начала XX в. у коренных народов ЮВА отмечается рост антикитайских настроений. Колонизаторы, завезшие в ЮВА мигрантов, направляли против них недовольство местного населения, чтобы оно не приняло антиколониального характера. В Малайе были усилены перегородки между коренным населением, китайцами и индийцами^[32]. Недовольство властей вызвал рост политической активности китайцев, всё более укоренявшихся в Малайе. В конце 1920-х гг. китайские мигранты создают коммунистические организации в странах ЮВА^[33]. Экономический кризис 1930-х гг. в ЮВА обернулся огромным спадом производства экспортных культур. Резко ухудшились условия жизни местного населения, ещё сильнее – мигрантов-кули, не имевших доходов кроме платы за наёмный труд. Во всех странах ЮВА прошли антиколониальные восстания. Колонизаторы массово стали выселять китайцев и индийцев из Малайи, одновременно начав в 1933 г. набор малайцев в армию колонии^[34], хотя в других колониях предпочитали набирать меньшинства.

[29] Юго-Восточная Азия в мировой истории. – М., 1977. – С. 83, 95–106, 131, 136.

[30] Юго-Восточная Азия в мировой истории. – М., 1977. – С. 172.

[31] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. – С. 63.

[32] Юго-Восточная Азия в мировой истории. – М., 1977. – С. 140.

[33] Юго-Восточная Азия в мировой истории. – М., 1977. – С. 222–224, 241–242.

[34] Юго-Восточная Азия в мировой истории. – М., 1977. – С. 260.

Во время Второй мировой войны Малайя была с лёгкостью занята японцами. 15 февраля 1942 г. численно превосходивший английский гарнизон Сингапура капитулировал^[35]. Во время оккупации Япония широко использовала антиевропейские и антикитайские настроения колониальных народов ЮВА. В Малайе японские власти опирались на местных султанов. Коренное население, в отличие от других стран ЮВА, не боролось с захватчиками, а вступало в японские полицейские отряды^[36]. Созданная компартией в 1943 г. партизанская антияпонская армия имела на флаге три звезды – символ трёх основных групп населения, но в ней состояли в основном находившиеся в Малайе на заработках китайцы^[37]. Например, в 1947 г. из 446 тыс. промышленных рабочих малайцами были 100 тыс., а из 163 тыс. сельскохозяйственных – 68 тыс.^[38] После поражения Японии во Второй мировой войне прежние колонизаторы вернулись в Юго-Восточную Азию и встретились с созданными в антияпонской борьбе партизанскими отрядами, ставшими воевать с французами в Индокитае, англичанами в Малайе и голландцами в Индонезии. Только около четверти из всех бойцов начавшегося в 1946 г. антиколониального партизанского движения были малайцами, намного больше их служило в карательных отрядах колониальной администрации^[39]. После получения Малайей в 1957 г. формальной независимости, «повстанческое движение внешне стало больше напоминать борьбу двух национальных общин, чем освободительное антиколониальное движение»^[40]. Всё это сильно отличало Малайю от соседних стран.

Переписи населения в Малайзии проводятся с конца XIX в., всеобщие – с 1911 г. (потом 1921, 1931, 1947, 1957, 1970 гг. и далее в кратный 10-й год). В 1980 г. малайцы составили 48% населения, китайцы – 32%, выходцы из стран Южной Азии – «индийцы» (индоевропейских и дравидийских народностей) – 8,5%. Другие народности – даяки Северного Калимантана, коренные племена Малайи (сенои, семанги, джакуны – по-малайски «орангутан» – лесные люди), индонезийцы, англичане, лица смешанного происхождения) – 11,5%. В Малайе малайцы составляют 55,3% населения, китайцы – 33,8%, южноазиаты – 10,2%. В Сараваке малайцы составляют 19,7%, в Сабахе – 5% населения. Они возникли в эпоху империи Шривиджайя (VII–XIII вв.) от смешения переселенцев с Суматры с родственным населением полуострова. Позднее на историю Малайзии влияли китайцы, ныне составляющие 60% общего её городского населения, и индийцы^[41]. Поэтому в Малайзии наиболее видна многосоставность Востока.

После подавления антиколониального восстания Великобритания в 1957 г.^[42] согласилась предоставить политическую независимость провинциям Малакка и Палау-Пинанг, когда все другие страны Юго-Восточной Азии её уже получили. Федерация Малайзия была провозглашена 9 июля 1963 года. В неё вошли Малайя и ставшие независимыми от Великобритании Северное Борнео, Саравак и Сингапур^[43]. Малайзия стала географически разорванной и этнически разнородной. Хотя Малайя уступает островной территории по площади, там размещены большая часть населения и экономики Малайзии. Соседние страны создание Малайзии оценили негативно. Индонезия в конце 1962 г. объявила Малайзию неокOLONIALИСТСКИМ государством, и до фактического отстранения Сукарно от власти в сентябре 1965 г. проводила политическую кампанию «Сокрушим Малайзию!»^[44].

[35] Сингапур. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1988. – С. 46.

[36] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. – С. 78.

[37] Юго-Восточная Азия в мировой истории. – М., 1977. – С. 323.

[38] Вооружённая борьба народов Азии за свободу и независимость. – М., 1984. – С. 112.

[39] Вооружённая борьба народов Азии за свободу и независимость. – М., 1984. – С. 112–113.

[40] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. – С. 86–87.

[41] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. – С. 24–26.

[42] Proclamation of Independence, 1957. – <http://www.arkib.gov.my>.

[43] Proclamation of Malaysia, 1963. – <http://www.arkib.gov.my>.

[44] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. – С. 91–92.

Членство Сингапура в ранней Малайзии подрывало численное преобладание малайцев и он, как обращают внимание отечественные и зарубежные авторы, не просто получил независимость, а был изгнан из состава, что в мировой политике очень редко. И потом малайцы боялись стать меньшинством, если страна повернёт к Китаю и Сингапуру, а китайцы – к Индонезии^[45].

В 1952 году англичане объявили о создании единой нации Малайзии, чтобы отвлечь китайцев от партизанской войны. Китайцы и индийцы получили право на гражданство (относясь до этого к Китаю и Индии). Малайцы впервые получили правовой статус выше подданства их местным правительствам. В послевоенные годы в Малайе возникли три ведущие политические партии: ОМНО (Объединённая малайская национальная организация), КАМ (Китайская ассоциация Малайзии), ИКМ (Индийский конгресс Малайзии). ОМНО, КАМ и ИКМ создали Союзную партию, после вступления в 1974 г. других этнических партий, действующих в отдельных штатах, – Национальный фронт Малайзии. ОМНО и КАМ перед получением независимости заключили соглашение (межобщинный компромисс) о разделе интересов: малайцы признали ведущую экономическую роль китайцев, а китайцы – закреплённые конституционно политические привилегии малайцев и других коренных народов (бумипутра) перед нон-бумипутра^[46].

Сингапур на одноимённом острове («город льва» на санскрите) – единственный современный город-государство. Благодаря пересечению транспортных путей, он стал торгово-посредническим центром ЮВА, играя схожую роль с торговыми городами древности и средневековья. Он возник в XIII в., но был разрушен в XIV в. войсками государства Маджапахит. Современный Сингапур основан в 1819 г. англичанами на купленном у султана Джохора острове, где жили около ста малайцев и несколько десятков китайцев^[47] и стал чужеродным для соседних стран анклавом. В 2010 году оно достигло 4,837 млн. человек^[48], прежде всего, за счёт внешней миграции. Китайцы устойчиво составляют около трёх четвертей населения – в пять раз больше, чем малайцы; несколько процентов составляют индийцы (в основном тамилы и другие дравидские народы) и прочие южноазиаты^[49]. В итоге Сингапур – ещё более искусственен, чем Малайзия.

Постколониальные Малайзия и Сингапур существуют как многосоставные общества, в них остро встал национальный вопрос. В Малайзии на парламентских выборах 1969 г. победившая Союзная партия не получила полного большинства голосов, что вылилось в условиях активизации как малайских, так и немалайских националистов в политический кризис. Введённое в мае 1969 г. чрезвычайное положение продлилось до начала 1971 г. Парламент возобновил работу, приняв конституционный запрет обсуждать, в том числе в нём самом, вопрос возможного лишения народностей бумипутра их льгот^[50]. В Сингапуре у малайцев нет льгот кроме сферы образования, малайский язык объявлен государственным, а английский, китайский и тамильский являются официальными и равноправными в государственных учреждениях. Школьное обучение проходит параллельно на родном и английском языках, поэтому полный курс занимает 14 лет^[51].

До Второй мировой войны англичане владели 70% иностранных инвестиций в Малайзии, после неё они были наибольшими, хотя увеличилась

[45] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. – С. 89-90, 93; Дейлхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. – М., 1997. Перевод с английского. – С. 191, 208.

[46] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. – С. 84, 87-88.

[47] Сингапур. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1988. – С. 4-5, 25.

[48] World Population Prospects: The 2008 Revision. – <http://www.un.org>.

[49] Сингапур. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1988. 15. – С. 23.

[50] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. 14. – С. 94-98.

[51] Сингапур. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1988. 15. – С. 69, 160.

доля инвестиций из США и Японии^[52]. Как и все развивающиеся страны в то время, недавно освободившаяся Малайзия проводила импортозамещение, а потом перешла на экспортную ориентацию экономики^[53], выраженную ярче, чем в большинстве развивающихся стран. В 1980-е гг. в экспортных зонах было занято в среднем около 2,5% рабочих обрабатывающей промышленности освободившихся стран, а в Малайзии – около одной пятой^[54]. Экономика Малайзии росла высокими темпами со времён обретения независимости до 1997 г. включительно^[55]. Поэтому в международной классификации Малайзия относится к новым индустриальным странам Азии второго поколения^[56].

Ухудшение экономической динамики Малайзии в конце 1990-х и в 2000-е гг. на наш взгляд, вызвано исчерпанием пределов роста зависимой индустриализации – это типично для развивающихся стран в 1980-2000-е гг. В 1998, 2009 гг. и отчасти в 2001 г. экономика Малайзии была в спаде^[57]. В 1998 году Малайзия впервые ограничила обмен её валюты^[58]; на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Куала-Лумпуре США открыто призвали малазийцев не подчиняться властям^[59]. Опыт третьего мира часто показывает связь между экономическим кризисом и последующим политическим обострением, что особенно вероятно в многосоставных обществах. В Малайзии не случилось явного внутреннего конфликта, но был рост межобщинных разногласий. Популярность правящего Национального фронта снизилась, особенно у китайцев и индийцев, недовольных льготами бумипутра, на выборах в парламент в марте 2008 г. он проиграл другому многосоставному блоку – Народному альянсу, потеряв конституционное большинство^[60]. В отличие от 1969 г., острого политического кризиса не случилось, но, на наш взгляд, он теоретически возможен.

Основанный для нужд колониализма, Сингапур хорошо приспособился к системе неоколониализма и остался огромным портом реэкспортной торговли. Его экспорт в 2000 г. превзошёл ВВП в 1,92 раза, импорт – в 1,76 раза; в 2005 г. – соответственно – 2,43 и 2,13 раза^[61]. Но паразитизм Сингапура не так явен, как у Гонконга. В Гонконге в 2006 г. промышленность создала 8,5% ВВП, в том числе обрабатывающая – 3,2%. В Сингапуре – соответственно – 33% и 27,7%. Эта доля относительно стабильна с 1970-х гг., а в Гонконге в 1970 г. она составляла 37,3% (30,9%)^[62]. В отличие от Гонконга, в Сингапуре не произошло и абсолютного промышленного спада в 2000-е гг.^[63]

После Второй мировой войны в созданную США в Восточной и Юго-Восточной Азии региональную антикитайскую геополитическую систему вошли Япония, Южная Корея, провинция Тайвань и большинство стран ЮВА, где нет государства, также превосходящего соседей, как Китай в Восточной или Индия в Южной Азии, что относится и к Индонезии – самой многолюдной стране ЮВА. Индийский фактор существенно в ЮВА не повлиял, а китайский стал одной из ключевых проблем внутренней и внешней

[52] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. – С. 71, 271-276; Экономика стран Юго-Восточной Азии. – М., 1989. – С. 145.

[53] Экономика стран Юго-Восточной Азии. – М., 1989. 39. – С. 151.

[54] Былинник С. А. Неоколониалистское разделение труда. // Народы Азии и Африки, 1986. – № 4. – С. 6.

[55] Наш расчёт по: World Economic Outlook, Database September 2009. – <http://www.imf.org>; Болотин Б.М., Шейнис В. Л. Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования. 1950-1985 годы. – М., 1988. – С. 355.

[56] Handbook of statistics, 2008. – P. XVII. – <http://www.unctad.org>.

[57] Наш расчёт по Trade and Development Report, 2009. – P. 20. – <http://www.unctad.org>; World Economic Outlook, Database September 2009. – <http://www.imf.org>.

[58] Былинник С. А. Азиатский финансовый кризис: причины и последствия. // Восток, 1999. – № 6. – С. 82.

[59] Восточная Азия между регионализмом и глобализмом. – М., 2004. – С. 87.

[60] Урляпов В. Ф. Выборы в Малайзии. // Север – Юг – Россия, 2008, ежегодник. Отв. ред. Сумский В. В., Хорос В. Г. – М., 2009. С. 201-202.

[61] Страны и регионы. Статистический справочник Всемирного банка. – М., 2007. – С. 180.

[62] Болотин Б.М., Шейнис В. Л., Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования. 1950-1985 годы. – М., 1988. – С. 424.

[63] Industrial Development Report, 2009. – P. 130-131. – <http://www.unido.org>.

политики региона. «Борьба с коммунистической угрозой» под руководством США была главной причиной создания Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Премьер-министры или министры иностранных дел Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда подписали 8 августа 1967 г. декларацию создания АСЕАН (Бангкокская Декларация). Формально в ней говорилось о преимуществах региональной интеграции для развития её членов, не упоминая направленность против третьих стран^[64].

Одновременно резко сворачивалось политическое влияние Великобритании. В 1967 г. она объявила о выводе войск к востоку от Суэца. В Сингапуре закрылась крупная военная база, приносящая 15% его дохода и дававшая работу 40 тысячам жителей. Малайзия и Сингапур стали создавать собственные армии, зависевшие от Великобритании в системе противовоздушной обороны. Сингапур ввёл всеобщий призыв, а Малайзия – добровольный способ комплектования для набора на службу малайцев более чем на 80%^[65]. В 2000 году численность армии Малайзии, имеющей малые относительно численности населения (27,914 млн. человек в 2010 году^[66]) мобилизационные возможности, составила 96 тыс. человек (менее 0,5% населения)^[67]. Армия Сингапура – 60,5 тыс. (1,5%), но по численности армии, с учётом обученного резерва и по накопленной военной технике, Сингапур превосходит Малайзию^[68].

Индонезия видела основную военно-политическую угрозу в китайской диаспоре в Юго-Восточной Азии и их поддержке КНР, а Таиланд и Малайзия – во Вьетнаме, ориентирующемся на СССР. Индонезия считала, по утверждениям её официальных политологов, что военное присутствие СССР на Тихом океане сдерживает США, и СССР не имеет агрессивных интересов в регионе^[69]. Малайзия и Таиланд, имеющие более многочисленные китайские диаспоры, явной ссоры с Китаем не хотели. Малайзия в 1990-е гг. выдвигала идею Восточноазиатского экономического собрания без участия стран Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии^[70]. Постепенно противостояние АСЕАН с Китаем завершилось, и организация стала больше заниматься внутренними делами. Союз стран АСЕАН и Китая в США вызывает резко негативную реакцию^[71].

Таким образом, хотя многосоставность на Востоке существует давно, наиболее проявилась она в то время, когда колониализм добавил в неё дополнительные элементы. Она облегчала манипулирование населением колоний, что использует неокOLONиализм. Соблюдение внутреннего этнического баланса лишило многосоставную Малайзию гибкости внешней политики, ограничив её экономической сферой^[72], снизило её военный потенциал. Вместе с тем, экономические успехи Малайзии 1960-90-х гг. во многом являются результатом деятельности китайской и, отчасти, индийской диаспор, более развитых, чем коренное население. Иностраный капитал сохранил в независимой Малайзии огромные позиции; сохранилась её военно-политическая зависимость. И самое главное, в любой момент в любом многосоставном обществе может произойти конфликт, дающий повод для неокOLONиального вмешательства.

[64] Bangkok Declaration, 1967. – <http://www.aseansec.org>.

[65] Малайзия. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1987. – С. 123-125; Сингапур. Справочник. Отв. ред. Чуфрин Г. И. – М., 1988. – С. 70-71.

[66] World Population Prospects: The 2008 Revision. – <http://www.un.org>.

[67] Вооружённые силы иностранных государств. // Зарубежное военное обозрение, 2001. – № 1. – С. 51.

[68] Вооружённые силы иностранных государств. // Зарубежное военное обозрение, 2001. – № 1. – С. 56-57.

[69] Межгосударственные региональные организации Азии в международных отношениях. – М., 1991. – С. 113.

[70] Широков Г.К., Салцкий А.И. Мировая капиталистическая система – консолидация ядра и возвращение к насилию? // Восток, 1999. – № 6. – С. 74.

[71] Bergsten C. A Partnership of Equals. How Washington Should Respond to China's Economic Challenge. // Foreign Affairs, July/August 2008. – <http://www.foreignaffairs.org>.

[72] Внешняя политика развивающихся стран. Общие проблемы и методология исследования. Отв. ред. Мирский Г. И. – М., 1983. – С. 151-152.

ДИАСПОРЫ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ СССР: ОБРАЗОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

СИНИЦЫН ФЕДОР ЛЕОНИДОВИЧ

Кандидат исторических наук, директор Центра помощи пострадавшим от насилия и торговли людьми (Москва, Россия)

В период 30-50-х гг. XX в. целый ряд народов Советского Союза был насильственным образом переселен из мест исконного проживания в другие районы страны – в том числе поляки и немцы из западных приграничных территорий СССР (1936 г.), корейцы с Дальнего Востока (1937 г.), поляки-осадники^[1] из Западной Украины и Западной Белоруссии (1939–1940 гг.), немцы и финны из угрожаемых районов СССР (1941 г.), карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы с Северного Кавказа, крымские татары, болгары, греки и армяне из Крыма, турки-месхетинцы, курды и хемшины из Грузии (1943–1944 гг.). Депортация по национальному признаку являлась как превентивной мерой по «очищению» стратегически важных территорий СССР от «нелояльного» населения (все контингенты депортированных), так и особым видом наказания, которому подверглись представители определенной национальности без выяснения участия каждого из них в антисоветском повстанческом движении, бандитизме и сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами (депортации военных лет).

К 1954 г. в СССР более 2,5 млн. чел. находились на «спецпоселении» по национальному признаку, в том числе: немцы – 1240482 чел., чеченцы – 324319 чел., ингуши – 83598 чел., карачаевцы – 64818 чел., балкарцы – 33883 чел., крымские татары – 165629 чел., крымские греки, армяне и болгары – 36835 чел., турки-месхетинцы – 48122 чел., калмыки – 81246 чел.^[2] Статус «спецпереселенца» означал лишение права выезда из определенной территории (город, район), необходимость регулярно отмечаться в органах НКВД и ряд других правовых ограничений. Одним из последствий депортаций народов стало образование их диаспор, рассеянных по огромным территориям Севера, Сибири и Центральной Азии.

Можно с уверенностью говорить о том, что одной из косвенных целей депортации было «растворение» переселенных народов среди массы коренного населения территории, на которую осуществлялось переселение. Депортированные расселялись небольшими группами среди представителей других народов – русских, казахов, узбеков, киргизов и пр. Прямое указание на обязательность такой формы расселения можно найти, в частности, в Указе «О депортации немцев Поволжья» – расселение немецкого населения в Казахстане и Сибири было предписано производить не целыми колхозами, а «в уже существующие колхозы группами хозяйств»^[3]. По мнению В.Г. Чеботаревой, «в основе депортации лежала гнусная по своему коварству цель... – расколоть этнические общности, разбить этнос на многочисленные осколки с последующей – фатально неизбежной – ассимиляцией»^[4]. Другие ис-

[1] Осадники – граждане Польши, в основном участники Советско-польской войны 1920 г., получившие земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии, отошедших Польше по Рижскому мирному договору (1921).

[2] Справка МВД СССР // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 123–124. Депортированные корейцы статуса спецпереселенцев не имели.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 20.

[4] Чеботарева В.Г. Рецензия на книгу «И. Сталин – Л. Берин: “Их надо депортировать”» // ОИ. 1993. № 6. С. 206.

следователи называют такую политику «манкуртизацией»^[5], целью которой было лишение депортированных народов «не только родины, не только своей земли, но и языка, истории, культуры, родовых связей и даже самой надежды», так что «любой спецпереселенец – немец, калмык, чеченец, крымский татарин, турок, грек – становится стопроцентным манкуртом – желанным, послушным и безропотным субъектом тоталитарного режима»^[6]. Историческая родина депортированных народов заселялась переселенцами других национальностей, стирались этнонимы и сама память о том, что когда-то здесь жили эти народы.

Последствиями депортации были полная ликвидация национально-территориальных автономий депортированных народов, народного образования на национальных языках и учреждений национальной культуры. В первые годы после депортации жизнь спецпереселенцев характеризовалась особенно тяжелыми условиями быта, высокой смертностью, маргинальным положением в общественно-политической жизни.

В конце 1940-х гг. материально-бытовые условия спецпереселенцев стали налаживаться. Это позволило им начать борьбу за сохранение своей национально-культурной идентичности. В государственные органы поступали письма от спецпереселенцев – чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков и др. – с просьбой разрешить выпуск газет, журналов, граммофонов и радиопередач на их родных языках^[7]. В одном из таких писем, адресованном министру культуры СССР от чечено-ингушской молодежи колхоза им. Ярославского (ст. Иссык Энбекши-Казахского района Алма-Атинской области) говорилось: «До 1944 г.... у нас была всякая современная (национальная) культура... Каждый из нас заинтересован услышать родной язык, о котором мы не слышим продолжительное время». Авторы письма спрашивали: «Будет ли восстановлено право на современный чечено-ингушский ансамбль, театр, концерт?», «Будет ли восстановлено право на выпуск газет, журналов и других разных брошюр на чечено-ингушском языке?»^[8].

Такие требования, в целом, не противоречили курсу государственной политики, направленной на «закрепление» спецпереселенцев на новых местах. Воссоздание отдельных элементов национальной культуры могло способствовать такому «закреплению». Поэтому в мае 1955 г. ЦК Компартии Казахстана получил разрешение от ЦК КПСС на издание республиканской газеты «Знамя труда», бюллетеня «Блокнот агитатора» и другой массово-политической литературы на чеченском языке^[9]. В 1956 г. подписка на эти издания составила 14000 экземпляров^[10].

29 июня 1955 г. Президиум ЦК КПСС издал постановление «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпереселенцев». Власти на местах приступили к реализации ряда мероприятий по политобработке депортированных народов, в том числе с целью усилить «закрепление» их диаспор на новых местах поселения. Такая работа активно велась во всех регионах, где были размещены спецпереселенцы.

В Алтайском крае в места расселения диаспор спецпереселенцев были командированы пропагандистские группы, которые провели более 100 политбесед, лекций и семинаров агитаторов. В декабре 1955 г. вышли первые 5 номеров краевой газеты «Труд» на немецком языке и 10 специальных радиопередач. Сообщалось, что «местные партийные и комсомольские органы стали смелее решать вопрос о приеме в члены КПСС и ВЛКСМ бывших спецпере-

[5] Манкурт – троп из романа Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» («Буранный полустанок»), повествуящее о том, как человека превращают в бездушное рабское создание, полностью подчиненное хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни.

[6] Бергер Г. Терзание духа // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998. С. 215.

[7] Н. Михайлов – Н.С. Хрущеву. 9 мая 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 729. Л. 28.

[8] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 729. Л. 29–30.

[9] Докладная записка ОПиА ЦК КПСС. 26 мая 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 729. Л. 31.

[10] Докладная записка ЦК КП Казахстана. 31 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 755. Л. 17.

селенцев», а «большинство спецпереселенцев принимает активное участие в производственной и общественной работе промышленных предприятий, колхозов, МТС и совхозов»^[11]. В Амурской области спецпереселенцы стали лучше вовлекаться в общественную работу, был создан хор из их числа^[12]. Костромская область отчитывалась, что «в результате проделанной работы среди спецпереселенцев стало меньше аморальных явлений, по области нет ни одного спецпереселенца, привлеченного к уголовной ответственности, нет побегов с мест поселений», а «дети спецпереселенцев все вовлечены в школы»^[13]. В Магаданской области была организована подписка спецпереселенцев на журналы и газеты на их национальных языках. Спецпереселенцы участвовали в смотрах художественной самодеятельности, в том числе на родных языках^[14].

1 октября 1955 г. ЦК Компартии Казахстана издал постановление «Об усилении работы партийных организаций республики среди спецпереселенцев». К этому времени в республике целый ряд спецпереселенцев был выдвинут на руководящую и общественную работу: председателями колхозов – 41 чел., бригадирами полеводческих и тракторных бригад – 1792 чел., заведующими животноводческими фермами – 415 чел., депутатами местных советов – 1332 чел., агитаторами – 6785 чел. В Акмолинске был создан коллектив художественной самодеятельности чечено-ингушской молодежи в составе 30 чел. Концерты этого коллектива даже транслировались по радио. В смотрах художественной самодеятельности участвовали 20 чечено-ингушских ансамблей песни и пляски, на республиканском смотре из 732 участников – 82 составляли спецпереселенцы. На чеченский язык были переведены несколько пьес, изданы 9 брошюр^[15].

В Киргизской ССР был проведен трехдневный семинар для лекторов и агитаторов, созданы пропагандистские группы. Одна из групп (12 чел.) состояла из коммунистов, по национальности чеченцев, ингушей и карачаевцев. Общество по распространению политических и научных знаний издало на чеченском языке и разослало тезисы лекций о решениях пленумов ЦК КПСС и дружбе народов СССР. Республиканский дом народного творчества подобрал репертуар для сборника на карачаевском и балкарском языках (3 пьесы, песни и стихи национальных поэтов), подготовил материал для сборника на ингушском языке. На чеченском языке был издан один из докладов Н.С. Хрущева, а также красочный плакат тиражом 1000 экз. об опыте работы передовой доярки Мунаевой, чеченки по национальности. В печати регулярно выходили материалы о жизни и работе спецпереселенцев, по радио было передано несколько концертов из произведений чеченских, карачаевских и балкарских авторов^[16].

В Узбекистане, в частности, в Ташкентской области, ряд спецпереселенцев были избраны членами бюро и секретарями первичных парторганизаций, главами профсоюзных и комсомольских органов, назначены руководителями предприятий и учреждений. Спецпереселенцы были вовлечены в общественную работу и художественную самодеятельность^[17]. В Таджикистане 139 спецпереселенцев работали агитаторами, 5 – пропагандистами, 1 – руководителем агитколлектива, 88 спецпереселенцев были членами и кандидатами в члены КПСС, 5 – членами партбюро и парткомитетов, 1 – секретарем первичной парторганизации, 576 – членами ВЛКСМ, 2 – секретарями комсомольских организаций^[18].

[11] Докладная записка Алтайского крайкома КПСС. 28 января 1956 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 753. Л. 28–29. 31.

[12] Докладная записка Амурского ОК КПСС. 24 ноября 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 4–6.

[13] Докладная записка Костромского ОК КПСС. 2 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 10–11.

[14] Докладная записка Магаданского ОК КПСС. Не позднее 9 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 20–23.

[15] Докладная записка ЦК КП Казахстана. 31 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 755. Л. 15–18.

[16] Докладная записка ЦК КП Киргизии. 7 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 744. Л. 40–42.

[17] Докладная записка Ташкентского обкома КП Узбекистана. 5 января 1956 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 755. Л. 8–12.

[18] Докладная записка ЦК КП Таджикистана. 27 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 755. Л. 1–2.

Таким образом, шире вовлекая диаспоры депортированных народов в общественно-политическую жизнь и воссоздав некоторые формы национальной культуры, власть пыталась убедить спецпереселенцев, что новые места поселения – это их новая родина, где они имеют равные права с коренным населением.

Конечно, в процессе «закрепления» были и трудности. В Кемеровской области власти не сочли «необходимым» издание газет на родных языках спецпереселенцев^[19]. В Читинской области наблюдалось «непонимание» возможности приема спецпереселенцев в члены КПСС. Например, на партсобраниях рудника «Вершина Дарасуна» коммунисты высказывали сомнения в целесообразности приема спецпереселенцев в члены партии, поскольку существовали ограничения в передвижении спецпереселенцев и было «недостаточно известно [их] прошлое..., истинные намерения при вступлении в партию, вследствие чего дача им рекомендаций [была] связана с некоторым риском»^[20]. В Бурят-Монгольской АССР «не всегда учитывались национальные обычаи, традиции и особенности при работе со спецпереселенцами»: они плохо обеспечивались литературой и газетами на родном языке, «Союзпечать» не принимала подписку на районные и областные газеты и журналы на их родных языках^[21]. В Казахстане не все дети спецпереселенцев были охвачены школьным обучением (из 77832 детей школьного возраста не учились 1564 ребенка), в ряде областей республики отмечалось «неправильное» отношение к спецпереселенцам со стороны некоторых руководителей^[22]. В Киргизии недостаточным было количество лекций, докладов, бесед на родном языке спецпереселенцев, не везде велась должная работа по выдвижению их на руководящие должности, 900 детей спецпереселенцев не посещали школу^[23].

Форсирование «закрепления» диаспор депортированных народов на новых местах поселения происходило одновременно с процессом по снятию правовых ограничений со спецпоселенцев, начатым в 1954 г.^[24] Ввиду планировавшегося освобождения депортированных народов из спецпоселения власть торопилась «закрепить» их на новом месте, чтобы предотвратить возвращение на историческую родину, частично или полностью заселенную новыми жителями.

В середине 1950-х гг. ситуация с «закреплением» спецпереселенцев была осложнена начавшимся освоением целины. Уже в самой концепции переселения на целинные территории массы «покорителей целины» был заложен потенциальный конфликт «пришельцев» и «местных». Часто в качестве «местных» выступали спецпереселенцы (чеченцы и ингуши), по словам Е.Ю. Зубковой, «помнящие нанесенные обиды и умеющие отстаивать свои права». Конфликт в целинных районах проявился в массовых драках в с. Елизаветинка Акмолинской области 12 декабря 1954 г. и г. Экибастуз 17 мая 1955 г.^[25], а также в «ингушском погроме» в г. Джетыгара 31 июля 1960 г.^[26] Постепенно, по мере налаживания жизни на новом месте переселенцев из других районов страны и реализации мер по охране общественного порядка обстановка стала постепенно приходить в норму^[27].

Наконец, состоялось долгожданное полное снятие правовых ограничений с депортированных народов. В декабре 1955 г. от режима спецпоселе-

[19] Докладная записка Кемеровского ОК КПСС. 7 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 25–28.

[20] Докладная записка Читинского ОК КПСС. 7 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 36–37.

[21] Докладная записка Бурят-Монгольского ОК КПСС. 22 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 742. Л. 49–50.

[22] Докладная записка ЦК КП Казахстана. 31 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 755. Л. 19.

[23] Докладная записка ЦК КП Киргизии. 7 декабря 1955 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 744. Л. 43.

[24] См.: Протокол оперативного совещания сотрудников 3 Спецотдела МВД СССР и начальников 4 Спецотделов МВД Казахской и Коми АССР, УМВД Красноярского края, Кемеровской и Новосибирской областей от 17 ноября 1954 г. // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 834. Л. 68.

[25] Зубкова Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 годы // ОИ. 2004. № 4. С. 13–14.

[26] См.: Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2010. С. 197–204.

[27] Зубкова Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 годы // ОИ. 2004. № 4. С. 13–14.

ний были освобождены депортированные немцы. После XX съезда КПСС, осудившего депортации народов как одно из проявлений сталинских репрессий, из спецпоселения были освобождены депортированные калмыки, крымские греки, крымские болгары и крымские армяне (март 1956 г.), крымские татары, балкарцы, турки – граждане СССР, курды и хемшины (апрель 1956 г.), чеченцы, ингуши и карачаевцы (июль 1956 г.)^[28].

Однако возвращать депортированные народы на места традиционно проживания власть не собиралась. Рассматривались различные проекты создания их автономий на новых местах поселения, в частности в Казахстане. В.Ф. Русин^[29] вспоминает: «Во второй половине 1956 года в Грозный приехал инспектор ЦК КПСС Русаков с секретным заданием – изучить возможности восстановления республики на прежней территории или создать Чечено-Ингушскую автономию на другой территории, где-то в Казахстане». По словам В.Ф. Русина, в Грозном было много сторонников второго варианта. В частности, первый секретарь обкома партии А.И. Яковлев ультимативно заявил, что «возвращать чеченцев и ингушей на свои родные места нельзя, так как вся территория бывшей Чечено-Ингушетии заселена переселенцами», поэтому «надо им выделить территорию в другом месте, и пусть селятся там»^[30]. Предложение о создании автономной области для чеченцев и ингушей на территории Казахстана или Киргизии выдвигал также министр внутренних дел СССР Н.П. Дудоров^[31].

Однако освобожденные из спецпоселения люди были не согласны с перспективой остаться в районах ссылки. Можно говорить о том, что к возвращению часть из них стала готовиться уже в марте 1953 г. после смерти И.В. Сталина, которая вызвала среди спецпереселенцев «вполне обоснованные надежды на реабилитацию»^[32]. Балкарский поэт К. Отаров в своем письме на имя Н.С. Хрущева, Н.А. Булганина и К.Е. Ворошилова утверждал, что он «не встречал ни одного балкарца, который не лелеял бы мечту о возвращении на Кавказ»^[33]. В докладной записке отдела партийных органов ЦК КПСС от 15 сентября 1956 г. указывалось, что «чеченцы, ингуши, калмыки, карачаевцы к образованию национальных районов или автономных республик в тех республиках и краях, где они сейчас находятся, относятся весьма отрицательно»^[34].

Уже в 1954–1955 гг. началось стихийное возвращение на историческую родину чеченцев и ингушей. Они начали скапливаться на железнодорожных узлах и поскольку им не продавали билетов, пытались любыми способами вернуться в родные места^[35]. Хотя случаи возвращения и оседания чеченцев и ингушей на исторической родине в 1955–1956 гг. были единичными^[36], серьезность их намерений к возвращению была очевидна. Недовольство грозненских властей возвращением чеченцев и ингушей разделяли в Москве^[37], однако этот процесс было не остановить. Секретарь Грозненского обкома А.И. Яковлев, осознав неизбежность возвращения чеченцев и ингушей, теперь стал выступать за создание на территории бывшей Чечено-Ингушетии некой «Интернациональной республики» в составе территории Грозненской области и одного района от Ставропольского края. Однако это

[28] Перечень указов Президиума Верховного Совета СССР и постановлений Совета Министров СССР по спецпоселениям // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 949. Л. 11–12.

[29] В 1957 г. – член оргкомитета по восстановлению Чечено-Ингушской АССР, позднее – первый секретарь Урус-Мартановского и Ачхой-Мартановского райкомов КПСС.

[30] Василий Русин: «Яковлев вел себя как временщик» // Чеченское общество сегодня. 2007. № 1. С. 4, 6.

[31] Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2010. С. 187.

[32] Сабанчиев Х.-М. А. Возвращение на Родину: Восстановление автономии и национальное развитие балкарского народа (1957–2007 гг.). М., 2007. С. 3.

[33] Шабает Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1992. С. 228.

[34] Ингуши. Депортация, возвращение, реабилитация: 1944–2004: док., материалы, коммент. Магас, 2004. С. 246.

[35] Некрич А. Наказанные народы // Родина. 1990. № 6. С. 33.

[36] Кузнецова А.Б. Основные аспекты реабилитации вайнахов (1957–1990 гг.) // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 95.

[37] Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. С. 128.

предложение руководством СССР поддержано не было^[38]. Спонтанное возвращение началось и среди ряда других депортированных народов, в частности балкарцев, несмотря на то, что после оглашения Указа об освобождении из спецпоселения со всех балкарцев взяли подписку о невыезде^[39].

В итоге, власть приняла решение о восстановлении чечено-ингушской, калмыцкой, карачаевской и балкарской автономий на исторической родине. В январе и феврале 1957 г. были изданы соответствующие законодательные акты о создании Чечено-Ингушской АССР и Калмыцкой АО (с 1958 г. – АССР) и преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР и Черкесской АО в Карачаево-Черкесскую АО. Началось массовое возвращение бывших спецпереселенцев на родину.

Быстрее всех возвращались карачаевцы и балкарцы (более 80% вернувшихся в 1959 г.). Чеченцы и ингуши (58,2% и 45,3% вернувшихся в 1959 г. соответственно) переезжали более медленными темпами. Причиной этого были неполная территориальная реабилитация чеченцев и ингушей^[40] (часть бывшей территории Чечено-Ингушетии осталась в составе Северной Осетии и Дагестана) и заселенность территории республики переселенцами – русскими, армянами, дагестанцами (540900 чел.). Власть пыталась придать возвращению организованный характер, чтобы предотвратить столкновения чеченцев и ингушей с поселенцами, занявшими их дома и земли после депортации. Тем не менее, с течением времени основная масса чеченцев и ингушей вернулась на историческую родину. К 8 декабря 1961 г. в Чечено-Ингушетию переселились 432 тыс. чеченцев и ингушей, в Дагестан – 28 тыс. чеченцев, в Северную Осетию – 8 тыс. ингушей. В Казахстане и Киргизии остались 34 тыс. чеченцев и 22 тыс. ингушей^[41]. Также осталась небольшая часть карачаевцев, балкарцев и других народов. Этот контингент и составил основу современных диаспор этих народов в республиках Центральной Азии.

Возвращение депортированных народов на историческую родину не всегда проходило гладко, особенно в Чечено-Ингушетии. Политика руководства СССР не ставила своей задачей превращение Чечено-Ингушетии в республику только для чеченцев и ингушей. Однако к середине 1958 г., когда большинство обязательств по трудоустройству и размещению чечено-ингушского населения не было выполнено, и уровень жизни репатриантов не повысился, русское население республики почувствовало заметное давление с их стороны. В августе 1958 г. в драке на танцах в Грозном был убит русский матрос. Этот эксцесс вызвал беспорядки и погромы в отношении чеченцев и ингушей, которые продолжались 4 дня. На митингах население города требовало «выселить обратно чеченцев и ингушей». В город были введены войска. Как указывает А.Б. Кузнецова, «причиной этих событий были скорее не конкретные спровоцировавшие их разногласия, а общая напряженность, вызванная ситуацией при возвращении чеченцев и ингушей, которая была одинаково стрессовой и для них, и для русских, составлявших большинство в населении г. Грозного»^[42]. Групповые драки с поножовщиной между русской и калмыцкой молодежью были отмечены в Элисте в 1957 и 1959 гг., межэтнические столкновения фиксировались на территории Чечни, Ингушетии и в пограничных с ними районах Северной Осетии и Дагестана. В апреле 1964 г. более 500 чеченцев прибыли в с. Дучи Новолакского района Дагестана с требованием дать им разрешение на проживание в селе-

[38] Василий Русин: «Яковлев вел себя как временщик» // Чеченское общество сегодня. 2007. № 1. С. 6.

[39] Шабиев Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1992. С. 262.

[40] Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 101.

[41] Кузнецова А.Б. Основные аспекты реабилитации вайнахов (1957–1990 гг.) // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 91.

[42] Кузнецова А.Б. Основные аспекты реабилитации вайнахов (1957–1990 гг.) // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 104–105.

нии, где они жили до депортации. Эту конфликтную ситуацию удалось погасить^[43].

Тяжелая конфликтная ситуация сложилась в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР. После восстановления Чечено-Ингушетии, как уже говорилось, примерно 1/6 часть бывших ингушских земель, в том числе Пригородный район, часть Дарьяльского ущелья и Пседахского района остались в составе Северной Осетии. Однако ингушам не запрещали возвращаться в Пригородный район, призванный стать «образцовым районом осетино-ингушской дружбы». Этот район стал ареалом чересполосного, смешанного и весьма плотного расселения двух этносов со сложными межэтническими отношениями, что гарантировало ему на будущее высочайший конфликтный потенциал^[44]. До начала 1970-х гг. этот конфликт находился в латентной стадии. Затем зазвучали требования со стороны осетинского населения о выселении ингушей, со стороны ингушей – о передаче района в состав Чечено-Ингушетии^[45]. Тлеющий конфликт между ингушами и осетинами продолжался, вылившись в вооруженное столкновение в 1992 г.

Трудности возникли при возвращении карачаевцев, т. к. автономия этого народа не была восстановлена в прежнем виде, а объединена с Черкессией. Из-за этого наблюдалась определенная дискриминация, вторичное положение карачаевцев во вновь созданной автономии^[46].

Во то же время около 70% общего числа бывших спецпереселенцев, в частности немцы, крымские татары и турки-месхетинцы, не получили права вернуться на территорию своего исконного проживания. Соответственно, не были восстановлены АССР немцев Поволжья и Крымская АССР^[47]. Нежелание властей санкционировать возвращение немцев в Поволжье было связано, во-первых, с политическим решением о невозможности восстановления поволжской автономии немцев как «исторически не принадлежащих к коренным народам», во-вторых, с нежеланием потерять более 1 млн. дисциплинированного населения с развитой культурой аграрного труда в районах освоения целины. Судьба крымских татар оказалась увязана с общесоюзного значения военным и рекреационным статусом Крыма^[48], который не допускал возвращения в этот регион «нелояльного» населения. Формально отказ был объяснен «многонациональным составом населения Крымского полуострова и его плотной заселенностью, а также существованием на территории РСФСР автономного образования – Татарской АССР»^[49]. Отказ в возвращении турок-месхетинцев можно связать как с тем, что территория их исконного проживания была заселена, так и с тем, что этот народ мог рассматриваться советскими властями в качестве «нелояльного» (Турция в те годы была потенциальным противником СССР как член НАТО и близкий союзник США).

Таким образом, после освобождения из спецсылки началась современная история развития диаспор депортированных народов СССР, которую мы рассмотрим ниже – отдельно по каждому основному этносу.

Немцы

Советские немцы были наиболее многочисленным народом из числа подвергшихся депортации, соответственно, не получив права на восстановление автономии, они образовали наиболее многочисленную диаспору. Весь пери-

[43] Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 1980-х гг.). М., 2010. С. 205, 436–439.

[44] Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 102.

[45] Зубкова Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 годы // ОИ. 2004. № 4. С. 19–20.

[46] См.: Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск, 1993. С. 21–27.

[47] Крымские татары были в Крымской АССР одной из титульных наций.

[48] Цуцнев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 79.

[49] Зубкова Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 годы // ОИ. 2004. № 4. С. 5.

од после освобождения немцев от спецпоселения власть была крайне озабочена вопросом их закрепления в Казахстане и Сибири, а также противодействием пропаганде выезда в ФРГ. В частности, ЦК компартии Казахстана принимал соответствующие постановления 18 октября 1956 г., 10 сентября 1963 г., 9 июня 1965 г., 22 августа 1974 г.^[50], 28 июня 1977 г. и 18 марта 1986 г.^[51]

Хотя 29 августа 1964 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был отменен Указ о депортации немцев от 28 августа 1941 г., и обвинения в отношении немецкого населения СССР были признаны «неосновательными»^[52], только к 1979 г. власть дозрела до того, чтобы решить вопрос о создании автономии для советских немцев. 31 мая 1979 г. решением Политбюро ЦК КПСС было определено создание Немецкой автономной области на территории Казахской ССР. Предполагалось, что в автономную область с центром в городе Ерментау войдет ряд районов Целиноградской, Павлодарской, Карагандинской и Кокчетавской областей. Однако в июне 1979 г. в Целиноградской области прошли митинги и демонстрации казахского населения против этого решения^[53]. В результате, Немецкая автономная область в Казахстане создана не была.

Борьба немцев СССР за восстановление автономии продолжалась все годы после снятия режима спецпоселений^[54], однако она не достигла успеха. Только в 1991–1992 гг. под нажимом немецкого национального движения и при поддержке правительства ФРГ были образованы два небольших немецких национальных района в Алтайском крае (Гальбштадт) и в Омской области (Азово). Общая площадь национальных районов составила 2,85 тыс. км², население – около 45 тыс. чел., из них 30% – немцы. В Немецкий район на Алтае идет иммиграция немецкого населения из Новосибирской области и Казахстана, в том числе городских жителей. Руководство района предупреждает переселенцев, чтобы они не ждали «маленькую Германию в большом Алтае», так как в районе им придется «много и хорошо работать»^[55].

В двух небольших немецких национальных районах проживает крайне незначительная часть немецкого населения России и стран СНГ. Большинство его продолжают жить разбросанно во многих регионах России, Казахстана, Кыргызстана и других республик. В 1990-х гг. во многих крупных городах России и в местах компактного проживания российских немцев созданы центры немецкой культуры, образована Федеральная национально-культурная автономия «Российские немцы», реализуется немецко-российская программа «Нойдорф-Стрельна» по созданию коттеджного поселка российских немцев в пригороде Санкт-Петербурга – районе Нойдорф в Стрельне. В этот поселок вселились несколько десятков семей немецких переселенцев из Казахстана, Узбекистана и других стран бывшего СССР. В Казахстане действуют немецкие культурные центры и ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение».

По данным переписи 2002 г., в России немцы составляли 0,41% населения (597212 чел.). В Казахстане в 2009 г. – 1,1% населения (178200 чел.)^[56]. Для сравнения – в 2008 г. немцев в Казахстане было 221412 чел., в 1999 г. – 356439 чел.^[57] В Кыргызстане в 2009 г. немцев было менее 10 тыс. чел.^[58], что в 2,1 раза меньше, чем в 1999 г. (21471 чел.)^[59]. Численность немецкого на-

[50] Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.). Сборник документов. Алматы–М., 1997. С. 221–224, 234–236, 243–245, 261–265, 270–272

[51] История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 185–190, 216–219.

[52] История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 178–179.

[53] История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1993. С. 190–197.

[54] См.: История российских немцев в документах. Том II. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). М., 1994.

[55] Микуров О. Есть на Алтае немецкий район // Алтайская правда. 2002. 2 июля.

[56] http://www.stat.kz/news/Pages/pr_04_02_10.aspx

[57] Демографический ежегодник Казахстана, 2007. Астана, 2008. С. 27.

[58] <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1238965080>

[59] Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999 года. С. 8.

селения в странах СНГ существенно снизилась в период с 1990 по 2009 гг. в связи с активным процессом эмиграции в Германию.

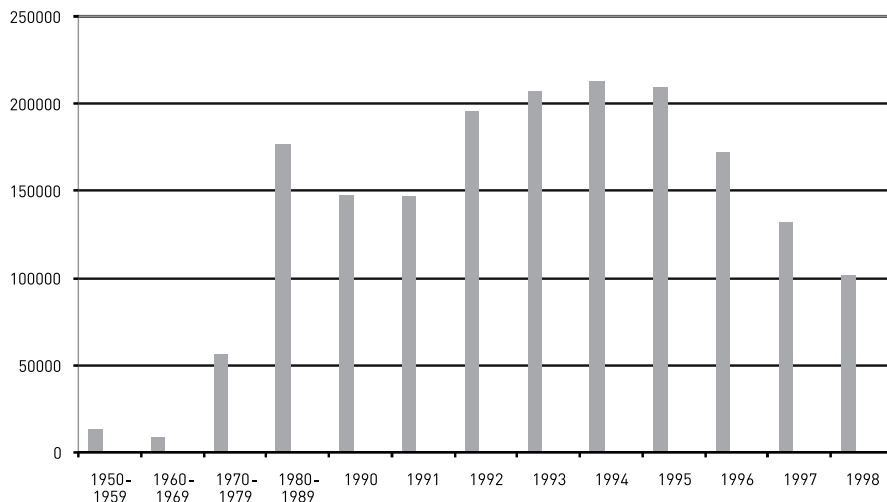
Возможность переселения в Германию и получения гражданства этой страны для немцев бывшего СССР предусмотрена «Федеральным законом об изгнанных» от 19 мая 1953 г., который (вместе с дальнейшими поправками) гласит, что «поздним переселенцем» (так ныне официально именуется немецкие переселенцы из республик бывшего СССР), как правило, является лицо, принадлежащее к этническим немцам из числа депортированных или подвергавшееся иной дискриминации из-за своей немецкой этнической принадлежности^[60].

Теоретически, признание «поздним переселенцем» возможно лишь в том случае, если претендент сохраняет немецкую идентичность, т. е. считает себя немцем, и в его семье сохранились немецкий язык и национальные традиции. Выученный в школе или институте немецкий язык не признается в качестве индикатора сохранности немецкой идентичности – обычно на экзамене при проверке знания языка потенциальным переселенцем требуется знание т. н. «диалекта», сохранившегося со времен переселения немцев в Россию в прошлые столетия. Не могут претендовать на переселение в Германию «слуги тоталитарного режима», в том числе бывшие сотрудники МВД и КГБ СССР, руководящие работники партийных и советских органов, а также лица, запятнавшие себя сотрудничеством с нацистским режимом во время Второй мировой войны.

В Германии переселенцев из России, Казахстана, Украины называют «Russlanddeutsche» («российские немцы»). Сложились определенные социальные структуры этой диаспоры, в том числе «русские» клубы, магазины, русскоязычные протестантские церкви и т. д.

Численность немецких переселенцев в ФРГ в 1950-1998 гг.^[61]

Рисунок 1.
Численность
немецких
переселенцев
в ФРГ
в 1950-1998 гг.



В общей сложности с 1950 г. по настоящее время в Германию переселилось более 2,3 млн. российских немцев и членов их семей. Диаграмма, приведенная ниже, показывает, что в 1999-2002 гг. количество переселенцев зафиксировалось на одном уровне (около 100 тыс. чел. в год), а в 2003 г. начало вновь снижаться. С 2006 г. наблюдается резкое падение числа переселенцев. Если в 1994 г. (на пике процесса переселения) в Германию въехали 213,2 тыс. переселенцев, то в 2008 г. – только 3,9 тыс.^[62]

[60] Bundesvertriebenengesetz, §4 'Sp taussiedler'.

[61] Statistik, Sp taussiedler und deren Angehörige. Bayerisches Staatsministerium für Arbeit und Sozialordnung, Familie und Frauen. Dezember 2007. S. 3.

[62] Statistisches Bundesamt, Statistisches Jahrbuch 2009. S. 52.

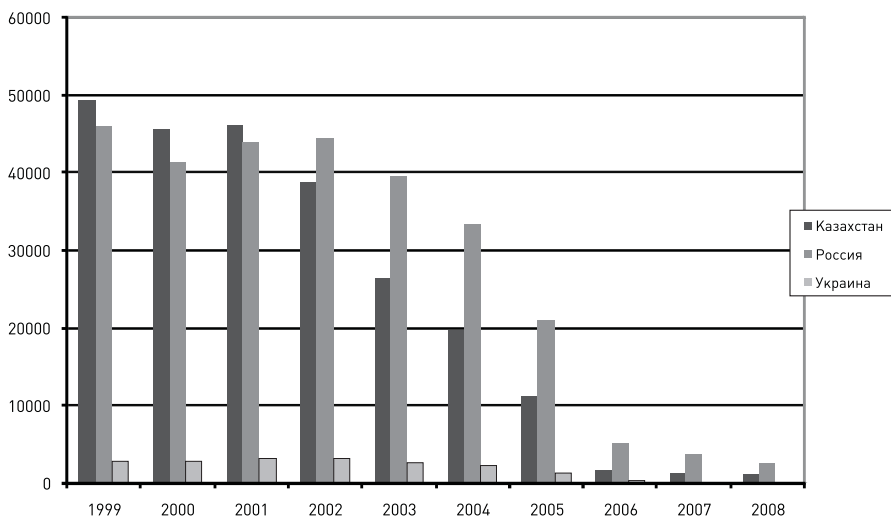


Рисунок 2.
Численность немецких переселенцев в ФРГ в 1999-2008 гг.

Резкое сокращение количества немецких переселенцев в последние годы связано, во-первых, с истощенностью этого контингента (очевидно, что большинство тех, кто хотел и мог выехать, уже сделали это), во-вторых, с ужесточением требований к переселенцам, особенно в части знания немецкого языка, т. к. в Германии столкнулись с тем, что «советские немцы» не желают ассимилироваться и говорить на немецком языке^[63].

Ассимиляция существенным образом затронула «советских немцев», для которых характерны межнациональные браки, потеря языка и национальной культуры. Это является большим препятствием для интеграции немецких переселенцев в Германии. Некоторые переселенцы так и не смогли влиться в германский социум, вернулись обратно в страны СНГ. В.К. Фальцман, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РФ, один из лидеров общественного движения российских немцев, считает, что как число немецких переселенцев в Россию из республик Центральной Азии, так и, возможно, возвращенцев из Германии в будущем будет расти^[64]. Некоторые переселенцы, переехавшие в Германию, стараются переселить в Калининградскую область («поближе к Европе») своих близких родственников, которые не смогли получить статус «позднего переселенца».

Крымские татары

Среди крымско-татарской диаспоры движение за возвращение на родину началось с середины 1950-х гг. В 1966 г. представители крымско-татарского народа направили соответствующее обращение к XXIII съезду КПСС, под которым было собрано 120 тыс. подписей. В стране возникла система инициативных групп крымско-татарского народа, которые пытались воздействовать на власть с целью добиться права на возвращение в Крым, в том числе с помощью подачи петиций.

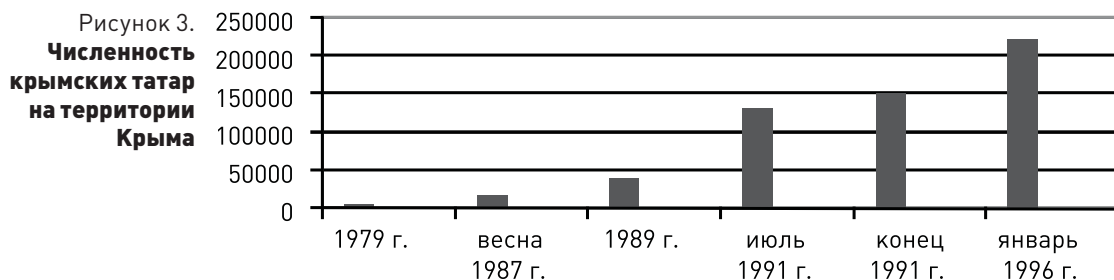
5 сентября 1967 г. в ответ на активизацию гражданской активности крымско-татарского народа Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», в котором утверждалось, что хотя крымские татары имеют «равные права» с другими гражданами СССР, в том числе в части переезда на жительство в любой регион страны, однако они «укоренились» в местах, куда их депортировали. После опубликования Указа, некоторые крымские татары рискнули возвратиться в Крым, что встретило противодействие властей. В 1967-1987

[63] <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1238965080>

[64] Публикация от 7 февраля 2010 г. - // http://www.rusdeutsch.ru/?news=1823&date_b=07.02.2010&z=1

гг. более 300 крымских татар были осуждены судами Крыма за «нарушение паспортного режима». Многие крымские татары стали оседать в соседних с Крымом регионах – Херсонской и Запорожской областях Украины и Краснодарском крае РСФСР. После начала перестройки, в 1987-1988 гг., началось массовое возвращение в Крым. Тогда же возникла сохраняющаяся по сей день земельная проблема, которая привела к самовольному занятию крымскими татарами пустующих земель на территории полуострова^[65].

Численность крымских татар на территории Крыма^[66].



По состоянию на 2001 г., на Украине проживало 248,2 тыс. крымских татар, что составляло 0,5% населения этой страны^[67].

Крымско-татарская диаспора продолжает сохраняться в Узбекистане. К началу 2000-х гг. в этой стране проживало 75-80 тыс. граждан этой национальности. Однако миграционный отток крымско-татарского населения в Крым продолжается. Часть крымских татар получает украинское гражданство еще в Узбекистане^[68]. По состоянию на 1997 г., до 75% крымских татар Узбекистана планировали переехать на постоянное жительство в Крым^[69]. В России, по состоянию на 2002 г., проживал 4131 крымский татарин (в основном в Краснодарском крае).

Турки-месхетинцы

История диаспоры турок-месхетинцев на постсоветском пространстве драматична. Проживавшие после депортации в Узбекистане, турки-месхетинцы в своей основной массе были вынуждены покинуть эту страну после того, как в 1989 г. в Фергане местные националисты устроили резню, в ходе которой были убиты 69 турок-месхетинцев, около 1200 человек получили ранения, было разорено и сожжено около 2000 домов. Узбекистан покинули не менее 90 тыс. турок-месхетинцев, переселившись в Россию, Киргизию, Азербайджан, Казахстан и на Украину^[70]. Часть турок-месхетинцев позднее переселились также в Турцию.

Наиболее тяжелая ситуация сложилась для турко-месхетинских беженцев, оказавшихся на территории Краснодарского края (около 15 тыс. чел.). Большинству турок, прибывших в Краснодарский край, было отказано в прописке. Во всех регионах страны турки-месхетинцы позднее были признаны гражданами РФ, за исключением Краснодарского края, где они оказались в статусе лиц без гражданства. Другим моментом, существенно осложнявшим и без того тяжелое положение турок-месхетинцев в Краснодарском крае, являлась массовая кампания нетерпимости в отношении их со стороны краевых и местных властей, политиков, СМИ и казачества. Из-

[65] Джемилев М. Национально-освободительное движение крымских татар. Симферополь, 2005. С. 33–48.

[66] Червоная С. Возвращение и интеграция крымских татар в Крым: 1990-е годы // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. Москва, 1997. С. 146–147.

[67] <http://www.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>

[68] Хамзин А. Крымские татары: Диаспора в Узбекистане - // <http://kirintatar.com/Problems/hamzin.html>

[69] Петров В.П. К вопросу о миграционном потенциале крымских татар и перспективах репатриации - // <http://krod.narod.ru/oboz10.htm>

[70] Ахильгов А. Будет ли решена проблема турок-месхетинцев? Народ должен проживать там, где ему определено историей // Независимая газета. 27 ноября. 1999.

биения, массовые проверки документов и обыски были обыденным явлением в жизни турок^[71].

Положение, в котором оказались турки-месхетинцы в Краснодарском крае, стало причиной уникального для постсоветского пространства эксперимента – программы Правительства США по переселению турок-месхетинцев в эту страну. Условия для участия в программе – турецкое происхождение (минимум, наполовину), факт беженства из Узбекистана, проживание в Краснодарском крае на дату не позднее 1 января 2004 г., трудности с интеграцией в России^[72].

По состоянию на 2007 г., численность турко-месхетинской диаспоры составляла в Казахстане – 137 тыс., Азербайджане – 130 тыс., России – 75 тыс., Турции – 35 тыс., Кыргызстане – 33,3 тыс., Узбекистане – 20-25 тыс., США – 10 тыс., в Украине – 9,1 тыс. чел.^[73] Турко-месхетинский народ является, пожалуй, одним из самых разбросанных народов в мире, при этом лишенным своей исторической родины.

Во второй половине 1990-х гг. был подписан Указ президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе «Об утверждении государственной программы решения правовых и социальных проблем репатриации в Грузию депортированных месхов». Указом предполагалась поэтапная репатриация турок-месхетинцев. На первом этапе (1997-2000 гг.) планировалось возвратить в страну около 5000 человек^[74]. В 1999 г. в Грузии был принят 12-летний график репатриации турок-месхетинцев, ставший условием членства страны в Совете Европы. По этому плану к 2001 г. Грузия должна была принять закон о репатриации, однако этого сделано не было, к тому же в грузинских законопроектах содержались неприемлемые для многих турок-месхетинцев требования «восстановления» их грузинских фамилий и подтверждения того, что «они принадлежат к этническим грузинам». Но главное препятствие в том, что большинство грузин (по опросам от 75% до 85%) не считают турок-месхетинцев своими соотечественниками и выступают против их возвращения^[75]. По состоянию на 2007 г., в Грузии проживали всего 592 турка-месхетинца^[76].

Наконец, в июле 2007 г. грузинским парламентом был принят Закон «О репатриации лиц, насильственно переселенных из Грузии в 40-х годах XX века советскими властями», в соответствии с которым было объявлено о готовности к приему заявок от турок-месхетинцев, желающих переселиться в Грузию. Сроком окончания приема заявок было обозначено 1 января 2009 г. 21 февраля 2009 г. министр иностранных дел Грузии Г. Вашадзе сообщил, что в грузинские посольства и консульские учреждения было подано лишь несколько сотен заявлений^[77]. Перспектива возвращения турок-месхетинцев в Грузию остается неясной.

Чеченцы и ингуши

Как уже говорилось, после восстановления Чечено-Ингушской АССР подавляющее большинство чеченцев и ингушей вернулись на историческую родину. Однако часть их осталась на местах выселения. Причины были разными: кто-то остался из-за нехватки средств на переезд, другие – из-за того, что Чечено-Ингушская республика так и не была восстановлена в прежних границах^[78].

[71] Дискриминация детей турок-месхетинцев в Краснодарском крае, поддерживаемая Российской Федерацией. Новороссииск, 2003. С. 9–11.

[72] Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция. СПб, 2007. С. 263, 267, 26.

[73] Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция. СПб, 2007. С. 26.

[74] Ахильгов А. Будет ли решена проблема турок-месхетинцев? Народ должен проживать там, где ему определено историей // Независимая газета. 27 ноября. 1999.

[75] Калишевский М. Из одного изгнания в другое - // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6281>

[76] Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция. СПб, 2007. С. 26.

[77] Калишевский М. Из одного изгнания в другое - // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6281>

[78] Поль М. «Неужели эти земли нашей могилой станут?». Чеченцы и ингуши в Казахстане (1944 - 1957 гг.) // Диаспоры,

25 августа 1960 г. ЦК КПСС принял постановление о закреплении чеченцев и ингушей в республиках Средней Азии, их трудоустройстве и вовлечении в общественную жизнь и руководящую работу. Основанием для политики «закрепления» была ограниченность территории Чечено-Ингушетии, где и до депортации были стесненные условия, а после нее они были усугублены переселенцами из других регионов СССР^[79].

Численность чеченцев в Казахстане в начале 2000-х гг. оценивалась в 50–75 тыс. чел.^[80], численность ингушей в 1999 г. составляла 16,9 тыс. чел.^[81] Конфликт на территории Чечни вызвал рост чеченской и ингушской диаспоры в Казахстане. Как отмечает М. Польш, «грустная ирония судьбы – многие из них вынуждены опять переселяться в те края, куда они были однажды высланы»^[82]. Отголоски конфликта доставляют проблемы диаспоре. По словам чеченских правозащитников в Казахстане, «любое обострение ситуации в Чечне мы ощущаем здесь. Спецслужбы России под разными предлогами говорят о том, что в Казахстан к чеченской диаспоре бегут боевики. Утверждается, что здесь они зализывают раны, отдыхают, получают финансовую поддержку. Чуть ли не здесь находятся их лагеря и так далее. И, к сожалению, ни разу официальная власть не реагировала на эти обвинения адекватным образом». Правозащитники указывают и на то, что даже в местах компактного проживания чеченцев в органах местного самоуправления, исполнительных и законодательных органах «нет ни одного представителя вайнахов»^[83].

В Кыргызстане, по данным на 2005 г., чеченская община не превышает 3,5 тыс. чел. Определенные трудности община испытывает из-за бытующих вокруг этого этноса мифов. Правозащитники возмущены, например, таким фактом, что в 2005 г. начальник главного штаба МВД Кыргызстана привел «надуманные проценты количества преступников среди чеченского народа... По его мнению, якобы из 50 тысяч (!) проживающих в Кыргызстане чеченцев половина – преступники»^[84].

Карачаевцы и балкарцы

По состоянию на 1989 г., 2,2% карачаевского этноса проживало в Казахстане, и столько же – в Кыргызстане^[85]. К началу 2000-х гг. 3 тыс. балкарцев проживали в Казахстане и 2,1 тыс. – в Кыргызстане^[86]. В 1996 г. в Казахстане было зарегистрировано карачаево-балкарское региональное общественное объединение «Минги-Тау», 6 членов которого входят в Ассамблею народа Казахстана. При обществе функционирует танцевальный фольклорно-этнографический ансамбль «Минги-Тау». С января 2000 г. в Карасайском районе Алматинской области работает воскресная школа по изучению родного языка, истории, обычаев, культуры, где параллельно изучается и казахский язык. В 2004 г. вторая воскресная школа открылась в пос. Энергетический^[87].

Тем не менее, определенная часть этих этносов хотела бы вернуться на историческую родину. Однако возвращение осложнено экономическими трудностями и отсутствием механизма взаимодействия государств-

2002. № 2. С. 199.

[79] Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 106–107.

[80] «Немецкая волна», 22 февраля 2005 г. - // <http://www.freeas.org/index.php?nid=4149>

[81] Ингушская диаспора Казахстана. Назрань, 2008. С. 8, 11, 29, 35, 36, 39.

[82] Польш М. «Неужели эти земли нашей могиллой станут?». Чеченцы и ингуши в Казахстане (1944 - 1957 гг.) // Диаспоры. 2002. № 2. С. 199.

[83] «Немецкая волна», 22 февраля 2005 г. - // <http://www.freeas.org/index.php?nid=4149>

[84] Малюкова Б. МВД Киргизии: из 50 тысяч чеченцев страны, половина – преступники // Вечерний Бишкек. 2005. 1 ноября.

[85] Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 107.

[86] Бубенюк О. Карачаевцы и балкарцы: этносы или субэтносы? - // http://www.ca-c.org/journal/rus-01-2002/20_bubprimru.shtml

[87] <http://www.elbrusoid.org/content/society/p166823.shtml>

участников СНГ в реализации этой задачи. Недостаточно выполняется Бишкекское соглашение от 9 октября 1992 г. о восстановлении прав депортированных лиц, национальных групп и народов. Правительство Кабардино-Балкарии вынуждено, не имея нормативной правовой базы, вести работу с заявлениями граждан, содержащими просьбы об оказании им помощи в переезде в республику^[88].

Корейцы

После распада СССР корейская диаспора составляла на территории Узбекистана – около 200 тыс. чел., России – 130 тыс. чел., Казахстана – 100 тыс. чел., Кыргызстана – 20 тыс. чел. В 1990-х гг. начался отток корейцев из Средней Азии. Некоторым из них удалось выбраться на Запад, но большинство направились в Россию. В результате корейское население Москвы, которое в советские времена измерялось несколькими сотнями, к концу 1990-х гг. составило 15 тыс. чел. Вернуться в Южную Корею смогли только некоторые корейцы Сахалина, которые сохранили там старые родственные связи и владели севильским диалектом. К настоящему времени оценочная численность корейцев в Узбекистане составляет 165 тыс. (0,6 % населения), России – 148,5 тыс. (0,1%), Казахстане – 99 тыс. (0,6%), Кыргызстане – 19,7 тыс. (0,4%).

Новые экономические реалии принесли корейской диаспоре СНГ немало возможностей. В Средней Азии они были и остаются одной из самых образованных этнических групп, в распоряжении которой, вдобавок, есть немалый капитал и полезные связи с Южной Кореей. Значительная часть корейцев преуспела в бизнесе и заняла заметное положение в деловой элите СНГ^[89]. В национально-культурной жизни диаспоры особое место занимает газета «Коре ильбо» («Корейский еженедельник») и корейский театр, который за период своего существования создал более 250 постановок и концертных программ. В 1991 г. Алматинский государственный университет им. Абая открыл на филологическом факультете корейское отделение, которое готовит преподавателей корейского языка. В 2000 г. там же открыт Корейско-Казахстанский научный центр, который занимается проведением международных конференций и семинаров по проблемам корейцев Казахстана, изучением жизни зарубежных корейцев, вопросами национальной культуры и т. п. Казахский национальный университет им. аль-Фараби в 1996 г. открыл кафедру корееведения на факультете востоковедения. Кафедра готовит филологов, историков, страноведов и переводчиков. В настоящее время корейский язык могут изучать студенты еще семи высших учебных заведений Казахстана.

Можно констатировать, что у корейской диаспоры на территории бывшего СССР сформировался определенный синтетический культурный генофонд, вобравший в себя элементы корейской, русской, среднеазиатской и европейской культур^[90].

Таким образом, депортация ряда народов Советского Союза оказала значительное воздействие на судьбы этих народов. Создание и современное существование диаспор этих народов на территориях нового расселения является прямым следствием депортаций. Большинству депортированных народов удалось вернуться на историческую родину, и масштаб их диаспор незначителен. Однако некоторые депортированные народы и этнические группы, в том числе, немцы Поволжья, турки-месхетинцы и корейцы Дальнего Востока, так и не получили возможность возвращения к родным очагам и сложились в виде диаспор, рассеянных по разным странам мира.

[88] Сабанчиев Х.-М.А. Возвращение на Родину: Восстановление автономии и национальное развитие балкарского народа (1957–2007 гг.). М., 2007. С. 66.

[89] Корейцы СНГ: страницы истории - // http://www.geo-world.ru/asia/korea_ujnaya/articles/koreici_sng_stranici_istorii.html

[90] Ли А.Н. Корейская диаспора в Казахстане - // http://www.kondor-tour.kz/kaz_kore_saram

ГРУЗИНСКАЯ НОВАЯ ДИАСПОРА И ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ^[1]

ЗУРАБИШВИЛИ ТАМАРА

Доктор социологических наук, менеджер медиа и инновационных программ Фонда Развития Евразии, приглашенный профессор Государственного Университета им. Ильи Чавчавадзе и Тбилисского Государственного Университета (Тбилиси, Грузия)

Введение

Распространенное в научной литературе классическое определение диаспоры как «рассеянной» части народа, вынужденного в силу определенного исторического опыта жить вне страны своего происхождения, но сохраняющего как общую религию и культуру, так и социальные институты^[2], в данной работе относится только к исторической грузинской диаспоре, проживающей в Иране, Турции, России и Франции. Хотя многие проживающие в этих странах этнические грузины сохранили определенные черты грузинской идентичности, отсутствие постоянных связей с Грузией, будь-то культурные, экономические или политические, привело к тому, что их включенность в современную грузинскую жизнь сведена к минимуму. Последнее не относится к России и Франции, странам, где наряду с исторической диаспорой живут и представители новой диаспоры, которая в данной работе определяется как состоящая в основном из трудовых мигрантов, уехавших из Грузии в первые годы ее независимости. Именно новая диаспора играет исключительно важную роль в жизни современной Грузии, способствуя снижению бедности и занимая активную позицию во времена социальных и политических кризисов.

В данной работе рассматривается роль новой диаспоры в экономической жизни Грузии – мы попытаемся установить, каково воздействие денежных переводов на экономику Грузии в целом, и на примере одного из маленьких горных поселков Грузии, Тианети, представим результаты исследования о влиянии финансовой помощи, которую мигранты оказывают своим семьям. Тианети характеризуется довольно суровыми климатическими условиями, что мешает высокой производительности сельского хозяйства, а промышленности там совершенно отсутствует, что приводит к высокой безработице среди местного населения. Вдобавок население поселка вынуждено мириться с крайне сложными бытовыми условиями, как-то: сбой систем электро- и водоснабжения, отсутствие природного газа и пр.

Новая диаспора

В период экономического кризиса 1990-х гг. трудовая эмиграция стала неотъемлемой составляющей частью жизни Грузии, с которой многие грузинские семьи знакомы не понаслышке. Среди исследователей грузинской миграции до сих пор отсутствует согласие относительно количества грузинских мигрантов, во многом из-за отсутствия надежных статистических дан-

[1] Первичный вариант статьи под названием «Назначение денежных переводов эмигрантов из Тианети: непродуктивное потребление или инвестиции в производство» (в соавторстве с Тинати Зурабишвили) опубликован в Migration. Collection of essays. Tbilisi, Universali. 2006. Стр. 92-103.

[2] См.: Steven Vertovec. 2000. Religion and Diaspora – <http://www.transcomm.ox.ac.uk/working%20papers/Vertovec01.PDF> С. 2.

ных. Так, по результатам переписи 2002 года, население Грузии с 5400,8 тыс. уменьшилось до 4371,5 тыс., т. е. на 1029,3 тыс. человек^[3]. Объяснить столь большую разницу только за счет миграции не представляется возможным. Именно поэтому, исследователи миграции из Грузии очень часто прибегают к экспертным оценкам, которые довольно сильно различаются между собой. Так, А. Вадачкория утверждает, что отрицательное миграционное сальдо в период между переписями 1989 и 2002 гг. составило 928,6 тыс. человек^[4]. По оценкам Всемирного Банка и Отделения народонаселения Департамента социальных и экономических вопросов Объединенных Наций, к 2005 году количество международных мигрантов из Грузии превысило один миллион человек, или 22,9% от населения в 4,4 миллиона^[5]. Большинство мигрантов из Грузии сконцентрировано в России, и по разным экспертным оценкам может достигать до 1000000 человек^[6]. В то же время, значительное количество грузинских трудовых мигрантов можно найти в странах Западной Европы и Северной Америки^[7], куда массовая миграция началась уже после введения Россией визового режима в 2000 году. На сегодняшний день наибольшее количество мигрантов из Грузии сосредоточено в следующих странах: Армения, Германия, Греция, Кипр, Латвия, Израиль, Испания, Россия, Соединенные Штаты Америки, Турция и Украина^[8].

Влияние на жизнь Грузии представителей новой грузинской диаспоры в основном выражается в денежных переводах, объем которых до начала мирового кризиса рос с каждым годом (таблица 1). То, что большая часть мигрантов из Грузии находится в России, выражается в том, что именно из России переводится более 50% всех денежных переводов в Грузию. Как видно из приведенной ниже таблицы, в 2009 году объем денежных переводов снизился примерно на 15% по сравнению с 2008 годом, что в основном объясняется мировым экономическим кризисом. Сколько переводится с использованием неформальных способов доставки денег на родину, остается только гадать, но даже в данном случае объем денежных переводов в 2006 году достигал 10% от внутреннего валового продукта страны^[9].

Год	Национальный Банк Грузии
2000	63
2001	70
2002	84
2003	196
2004	249
2005	403
2006	556
2007	866
2008	1002
2009	842

Таблица 1
Динамика денежных переводов 2000-2009 (миллионы долларов США)^[10]

Столь резкий рост объема денежных переводов после 2006 года частично можно объяснить как упрощением и удешевлением услуг, предоставляемых

[3] Цуладзе Г. Эмиграция из Грузии по данным переписи населения 2002 года. Тбилиси, Кавказский Исследовательский Ресурсный Центр, 2005. (на грузинском языке)

[4] Вадачкория А. Внешние миграционные процессы в Грузии (1989-2002 годы): Дисс. Канд. Эконом. наук. Академия наук Грузии, Институт демографии и социологии. Тбилиси, 2004. С. 52. (на грузинском языке)

[5] Van Selm, J. (2005) Georgia Looks West, but Faces Migration Challenges at Home, Migration Information Source, www.migrationinformation.org

[6] Migration in Georgia: A country Profile 2008. 2008. IOM. P. 11.

[7] Migration in Georgia: A country Profile 2008. 2008. IOM. P. 21.

[8] Migration in Georgia: A country Profile 2008. 2008. IOM. P. 21.

[9] «Бюллетень монетарной и банковской статистики». 4 (94). Национальный банк Грузии. Тбилиси, 2006. С. 132. (на грузинском языке)

[10] Годовые отчеты Национального банка Грузии за 2005, 2007 и 2008 годы (<http://nbg.gov.ge/index.php?m=308>). Статистические данные Национального Банка Грузии (<http://nbg.gov.ge/index.php?m=306>)

соответствующими операторами, так и развитием банковской сферы в самой Грузии, вызванной растущей конкуренцией на рынке.

Как видим, постоянный рост их объема, как в абсолютных цифрах, так и по отношению к внутреннему валовому продукту, их свойство оставаться одним из самых надежных источников иностранной валюты даже в условиях кризисов, превращает денежные переводы в весьма серьезный экономический фактор для такой страны, как Грузия. Тем не менее, несмотря на важность денежных переводов для семей мигрантов, получающих эту помощь, до последнего времени в Грузии практически отсутствовали исследования, направленные на изучение их влияния как на макро-, так и на микроэкономику, мы мало знаем об объеме, регулярности, назначении и роли денежных переводов грузинских трудовых мигрантов, и данная статья – попытка восполнить этот пробел.

Перепись в Тианети

В конце августа – начале сентября 2006 года в Тианети была проведена перепись населения^[11], в ходе которой была собрана информация о 1062 домохозяйствах. В ходе переписи мы попросили респондентов назвать всех членов семьи, включая тех, кто в данный момент не находится в Тианети. В сентябре 2008 г. в рамках проекта Международной Организации Миграции «Максимизация влияния денежных переводов на экономическое развитие бедных сельских регионов Грузии», проведенного при финансовой поддержке Международного фонда сельскохозяйственного развития^[12], была проведена повторная перепись, в ходе которой было опрошено 957 домохозяйств. Таким образом, у нас есть возможность проследить динамику в объеме денежных переводов в поселке, проанализировать их влияние на экономику поселка и благосостояние домохозяйств.

По сравнению с 2006 годом, уровень трудовой миграции в поселке вырос с 28% до 31%, т. е. в 31% домохозяйств поселка есть хотя бы один международный мигрант. Сравнивая эти данные с данными общегрузинских исследований, где уровень миграции достигает не более 10%, и учитывая данные исследований, проведенных в различных странах с высоким уровнем миграции^[13], мы имеем все основания считать, что уровень миграции из Тианети довольно высокий. Аналогично, высоким показателем следует считать 20% (2006) и 23% (2008) от всех домохозяйств поселка, которые получают денежную помощь от эмигрантов (см. далее).

В таблице 2 представлено распределение эмигрантов из Тианети по странам эмиграции, среди которых с очень большим отрывом лидирует Греция.

Информация, приведенная в этой таблице, подтверждает статистические данные, согласно которым отличительной характеристикой эмиграции из региона Мцхета-Мтианети является ее направленность, в первую очередь на страны Западной Европы и США^[14]. Только 4% эмигрантов из Тианети живет и работает в России, что кардинально отличается от общего характера эмиграции из Грузии, которая до последнего времени все же была направлена преимущественно на Россию^[15].

[11] Перепись населения Тианети была проведена в рамках исследовательского гранта Кавказского исследовательского ресурсного центра – Грузии (CRRС).

[12] Результаты исследования в рамках проекта Testing new channels and products to maximize the development impact for the rural poor in Georgia представлены здесь: - http://iom.ge/index.php?publications&publications_start

[13] У нас нет соответствующих данных по другим регионам Грузии, но у нас есть возможность сравнить их, например, с Мексикой и Филиппинами, которые известны как страны с высоким уровнем эмиграции. В 4% домохозяйств мексиканского штата Пуэбла хотя бы один член семьи живет и работает в США, а 3% домохозяйств получают денежную помощь от эмигрантов (9). В 2000 году в 17% домохозяйств на Филиппинах был хотя бы один эмигрант, а для 6,2% домохозяйств денежные переводы эмигрантов составили основную статью семейного бюджета (Bagasao I.F. 2005. "Migration and Development: The Philippine Experience". Pp. 133-142 in: Maimbo, Samuel Munzele and Dilip Ratha, eds. Remittances: Development Impact and Future Prospects. Washington, D.C.: World Bank. P. 136-137).

[14] Цуладзе Г. Эмиграция из Грузии по данным переписи населения 2002 года. Тбилиси, Кавказский исследовательский ресурсный центр. 2005. С. 45. (на грузинском языке)

[15] Dershem, Larry and Tea Khoperia. 2004. The Status of Households in Georgia. Final Report. Tbilisi: USAID, Save the Children, IPM. P. 48.

Страна эмиграции	2006	2008
Греция	59	60
Ирландия	9	9
Германия	8	5
Израиль	5	4
Россия	4	4
США	4	4
Италия	4	4
Испания	2	2
Франция	2	3
Другие страны (Азербайджан, Бельгия, Великобритания, Кипр, Китай, Турция, Швейцария, Швеция, Украина)	3	5
Всего:	100	100

Таблица 2
Распределение эмигрантов из Тианети по странам миграции (%)

Главная цель, из-за которой большинство эмигрантов из Тианети уезжают на заработки за границу, заключается в том, чтобы оказать материальную помощь своим семьям в Тианети. Более пятой части всех домохозяйств Тианети с разной периодичностью, в разном объеме, для разных целей, но все-таки получает материальную помощь от членов своих семей, работающих за границей.

Денежные переводы

Учитывая высокий уровень безработицы в Грузии (особенно – в регионах), а также невысокий уровень зарплаты работающих в т. н. госсекторе, для многих семей трудовых эмигрантов денежные переводы из-за границы составляют важную статью дохода. Трудно оспаривать утверждение, что такие переводы значительно улучшают экономическое положение семей эмигрантов, позволяют повысить расходы не только на питание, но и на образование и здравоохранение; следовательно, они представляют собой весьма серьезный фактор в борьбе с бедностью.

Вместе с тем, как показывают исследования, проведенные в других странах, роль денежных переводов может быть более значительной. Если они не рассматриваются исключительно как источник удовлетворения повседневных нужд, такие переводы могут играть существенную макроэкономическую роль. Просчитано, например, что в случае грамотного инвестирования денежные переводы могут принести прибыль, которая в три раза превышает изначальную сумму^[16]. Известно, что только от 5 до 10% суммы, переведенной на родину трудовыми эмигрантами из Латинской Америки, либо инвестируется, либо оседает в банках в качестве сбережений^[17]. Таким образом, гораздо большая часть денежных переводов тратится на удовлетворение первичных потребностей семей и оказывает весьма скромное влияние на показатели экономического развития. Грузия, и в данном случае Тианети, не исключение.

Учитывая характер занятости мигрантов из Тианети в странах эмиграции (женщины в основном выполняют работы по дому, ухаживают за престарелыми и/или детьми, а мужчины заняты неквалифицированным физическим трудом) и размер их доходов, им не всегда удается аккумулировать сбережения, чтобы в дальнейшем инвестировать их в бизнес, еще во многом из-за того, что 2/3 тианетских эмигрантов, которые помогают своим се-

[16] Bielefeld, Norbert and Antonique Konin. 2005. "International Remittances: Delivering Fair Value". Pp. 193-208 in: Maimbo, Samuel Munzele and Dilip Ratha, eds. Remittances: Development Impact and Future Prospects. Washington, D.C.: World Bank. P. 195.

[17] Orozco, Manuel. 2005. "Transnationalism and Development: Trends and Opportunities in Latin America". Pp. 307-330 in: Maimbo, Samuel Munzele and Dilip Ratha, eds. Remittances: Development Impact and Future Prospects. Washington, D.C.: World Bank. P. 325.

мьям, делают это весьма регулярно – примерно раз в месяц или раз в 2-3 месяца (таблица 3).

Таблица 3
Частота денежных переводов мигрантов из Тианети (%)^[18]

	2006	2008
Примерно раз в месяц или чаще	29	46
Примерно раз в 2-3 месяца	40	30
Примерно 3-4 раза в год	18	13
Примерно 1-2 раза в год	13	8
Раз в несколько лет и реже	-	1
Затрудняюсь ответить	-	2
Всего:	100	100

Перевод денег совершается с использованием разнообразных каналов (таблица 4). В случае Греции, где находится большинство эмигрантов из Тианети, налажена весьма действенная связь непосредственно между Тианети и Афинами: еженедельный автобус везет эмигрантам письма и/или посылки из дома, а из Греции привозит деньги, письма и/или посылки; при этом послать только письмо можно бесплатно, а передача денег через водителя автобуса обходится всего в 4-5% от суммы перевода, что в 2006 г. было гораздо ниже процентных ставок фирм, занимавшихся денежными переводами. Подобный сервис был очень удобен, учитывая, что в Тианети есть всего одно отделение одного из грузинских банков, которое в 2006 г. еще не было оборудовано необходимой техникой для выплаты денежных переводов, сделанных через систему Western Union, Anelik, Contact, MoneyGram и пр., и для получения таких переводов жителям Тианети приходилось ехать в Тбилиси (а это 2 часа езды в один конец и дополнительные расходы на дорогу). Однако данные 2008 года представляют уже несколько другую картину, в которой доля переводов, сделанных через официальные каналы, во многом превышает долю «неофициальных» переводов. Объясняется это как тем, что стало возможно получать быстрые денежные переводы в существовавшем в Тианети отделении банка, так и тем, что тарифы на денежные переводы значительно снизились и не составляют более 3-4% от суммы перевода.

Таблица 4
Ответы на вопрос: «За последние 12 месяцев каким образом член Вашей семьи, который находится за границей, пересылал Вам денежную помощь?» (%)^[19]

	2006	2008
Банковские переводы	19	28
Денежные переводы (Western Union, Anelik, Contact, MoneyGram)	26	42
Через курьера / агента / водителя автобуса	57	27
Через друзей/знакомых/родственников	12	3
Привозил/а лично	1	
Всего	100	100

74% семей в 2006 г. и 81% в 2008 г., получающих материальную помощь из-за границы, склонны считать, что их материальное положение улучшилось после эмиграции члена их семьи. Субъективная оценка отчасти подтверждается и данными о доходах домохозяйств – доходы семей, получающих денежную помощь от «своих» мигрантов, почти в два раза выше доходов семей без мигрантов; они реже имеют долги и склонны оценивать свое положение на порядок выше, чем семьи без мигрантов и без денежной помощи.

В 2006 году среднее количество денежной помощи, которую получали семьи в Тианети за 12 месяцев, составила 1320 евро, она довольно сильно различалась по странам эмиграции. Эмигранты из Ирландии лидировали в

[18] Эта и последующие таблицы посчитаны только для тех домохозяйств, которые получают материальную помощь из-за границы.

[19] На этот вопрос можно было дать несколько ответов.

среднем с 1995 евро в год; затем следовали эмигранты, находившиеся в Израиле – с 1772 евро; и в среднем 1224 евро посылали эмигранты из Греции. Учитывая, что, например, в Греции средний месячный доход эмигрантов, ухаживающих за престарелыми и детьми, составлял примерно 700-800 евро в месяц, мигранты высылали своим семьям до 15% своего годового дохода. В 2008 вопрос задавался только о последних 6 месяцах, предшествовавших исследованию, и средняя сумма перевода составила 820 евро, что в пересчете на год составляет 1640 евро, на 320 евро больше, чем в 2006 году. Даже учитывая то, что, как правило, респонденты склонны уменьшать количество денежной помощи, которую они получают, эти данные дают нам возможность посчитать минимальный уровень помощи, которую семьи в Тианети получают от своих мигрантов. В 2008 году она приблизительно могла достигнуть 365720 евро в год, на 85000 евро больше, чем в 2006 году.

	«Примерно каков был доход Вашего домохозяйства в прошедшем месяце?»	«Примерно какую часть Вашего дохода составили денежные переводы от родственников, живущих за границей?»	«Примерно каковы были расходы Вашего домохозяйства в прошедшем месяце?»
Все домохозяйства с мигрантами (N=295)	374	228	382
Домохозяйства с мигрантами, получающие денежную помощь (N=207)	458	320	445

Таблица 5
Средние доходы, денежные переводы и средние расходы домохозяйств с мигрантами (прошедший месяц) (2008, грузинские лари^[20])

В случае домохозяйств с мигрантами, получающими денежную помощь, она составляет почти 70% от всего бюджета, а в случае всех семей с мигрантами – 61% (таблица 5). При этом, что не менее важно, в случае наличия мигранта и денежной помощи доходы и расходы семей практически «совпадают», тогда как в случае семей без мигрантов и без денежной помощи их расходы во многом превышают доходы, создавая своеобразную культуру «жизни в долг».

Как видно из приведенного ниже графика, денежные переводы играют важную роль в бюджете домохозяйств Тианети, даже в том случае, когда у семьи нет «своего» мигранта.

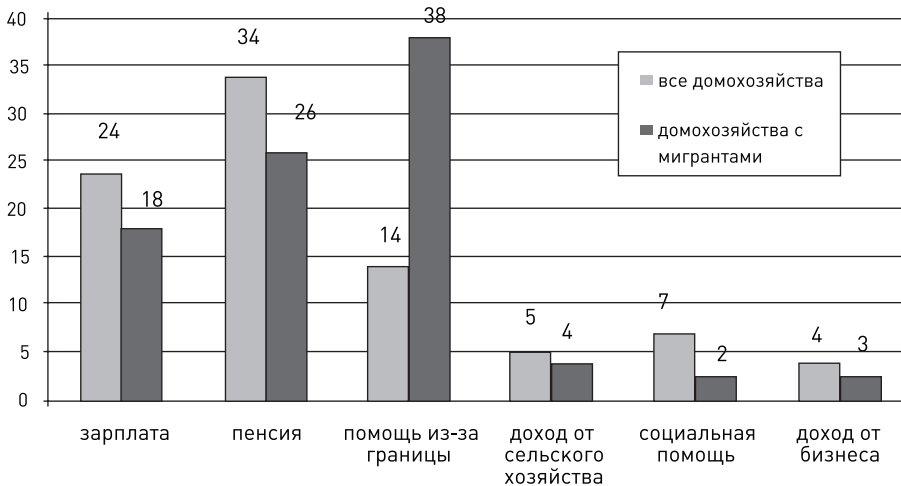


Диаграмма 1
Основные источники доходов домохозяйств Тианети (2008, %)

[20] Курс обмена грузинской национальной валюты к евро во время проведения исследования составлял 2,3 /1.

Несмотря на то, что при отсутствии промышленности сельское хозяйство остается практически единственным способом производственной активности, как видно из приведенного ниже графика, доход от него является весьма незначительным вкладом в семейный бюджет, в основном из-за неразвитости сельского хозяйства в Тианети, которое по характеру является скорее натуральным, чем промышленным.

Назначение денежных переводов

Полученная денежная помощь в основном тратится на так называемое «непродуктивное потребление» – в этом смысле семьи эмигрантов из Тианети практически ничем не отличаются от большинства семей эмигрантов во всем мире^[21]. Инвестиции в недвижимое имущество являются весьма популярными в Тианети – в случае успешной эмиграции эмигранты наиболее часто ремонтируют или покупают дома в поселке, приобретают квартиры в Тбилиси, которые затем часто сдаются в аренду и используются как источник дополнительного дохода.

Таблица 6
Использование
денежных
переводов в
Тианети (%)^[22]

	2006	2008
Покупка предметов первой необходимости, продуктов питания, одежды	37	30
Лечение	18	15
Выплата долга	14	6
Покупка / ремонт / строительство дома	8	6
Образование	7	4

Денежные переводы, которые получают жители Тианети, практически не инвестируются в промышленность. Только в трех домохозяйствах в 2006 году (что составляет менее 1% домохозяйств с эмигрантами) и в двух домохозяйствах в 2008 году эти деньги были использованы с целью начала предпринимательской деятельности; следовательно, они оказывают весьма скромный прямой эффект на развитие экономики Тианети.

Вместе с тем, несмотря на то, что макроэкономический эффект от денежной помощи, которая тратится на потребление, весьма небольшой, экономисты говорят и о положительном «множительном эффекте»^[23] непродуктивного потребления, который все же оказывает благотворную роль на развитие экономики. Примером множительного эффекта можно считать рост объема потребления, следовательно – торговли; инвестиции в недвижимость и/или ремонт домов; расходы на образование, здравоохранение и т. д.; все это выражается в росте объема продаж, в возникновении и развитии сферы обслуживания, в росте занятости и даже в росте заработной платы.

Заключение

Несмотря на то, что международная трудовая миграция началась из Грузии не так давно, денежные переводы трудовых мигрантов сегодня играют жизненно важную роль для элементарного выживания многих семей. Таким образом, мы можем предположить, что уровень их инвестирования, скорее всего, довольно низкий, их положительный эффект на сни-

[21] Chihowu, Admos O., Jenifer Piesse, and Caroline Pinder. 2004. "The Socioeconomic Impact of Remittances on Poverty Reduction". Pp. 83-102 in: Maimbo, Samuel Munzele and Dilip Ratha, eds. Remittances: Development Impact and Future Prospects. Washington, D.C.: World Bank. P.89. См. также: Sander, Gerstin and Samuel Munzele Maimbo. 2004. "Migrant Remittances in Africa: A Regional Perspective". Pp. 53-80 in: Maimbo, Samuel Munzele and Dilip Ratha, eds. Remittances: Development Impact and Future Prospects. Washington, D.C.: World Bank. P. 63.

[22] Приведены только те ответы, которые были названы более 3% опрошенными.

[23] Ratha, Dilip. 2005. "Worker's Remittances: An Important and Stable Source of External Development Finance". Pp. 19-52 in: Maimbo, Samuel Munzele and Dilip Ratha, eds. Remittances: Development Impact and Future Prospects. Washington, D.C.: World Bank. P. 32.

жение бедности и улучшение жилищных и образовательных возможностей, больший доступ к качественной медицине, как показывает пример Тианети, очевиден.

Хотя для развития экономики гораздо важнее объем производственных инвестиций, чем объем потребления, в случае Тианети именно на потребление тратится большая часть денежных переводов, что вызвано довольно низким уровнем жизни семей эмигрантов, для которых на данном этапе более важным является удовлетворение базовых потребностей своих членов. Кроме того, ограниченность инвестиционных возможностей в поселке и отсутствие предпринимательских знаний и навыков среди местного населения также способствует тому, чтобы денежные переводы инвестировались скорее в недвижимость, чем в развитие или начало нового бизнеса.

ДИАСПОРЫ ЭТНИЧЕСКИХ ПОЛЯКОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ

СЛАВЕЦКИЙ ВИКТОР ЮРЬЕВИЧ

Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин АО «Финансовая Академия», доктор PhD «политические науки» (Астана, Казахстан)

СЛАВЕЦКИЙ ВИКТОР ЮРЬЕВИЧ, 2001 жылы «Тарих оқытушысы» мамандығы бойынша Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетін тамамдады. 2003 жылы «Тарих» мамандығы бойынша магистратураны, ал 2009 жылы Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің PhD докторантурасын тамамдап, «Саяси ғылымдар» бағыты бойынша PhD докторы академиялық дәрежесін алды. 2007-2008 жылдары Әулие Климент Охридский атындағы София Университетінде тағылымдама өтті. Докторлық диссертация тақырыбы «Шығыс Еуропа елдерінің сыртқы саясатындағы Қазақстан Республикасы (Польша және Болгария мысалында)».

SLAVETSKY VIKTOR URYEVICH graduated from the Eurasian National University named after L.N. Gumilyev with the major «History Teacher» in 2001. In 2003 he graduated from the master's school with the major in «History», in 2009 Mr. Slavetsky graduated from post-graduate school of the Eurasian National University named after L. N. Gumilyev and received an academic degree PhD in the field of «Political Sciences». In 2007-2008 he had an academic internship in the Kliment Ohridski University of Sofia (Sofia, Bulgaria). The topic of his doctor's dissertation is «Republic of Kazakhstan in Foreign Policy of the East European States (case studies from Poland and Bulgaria)».

Современные тенденции общественно-политического развития демонстрируют нам стремительный рост влияния общественно-го мнения на политику проводимую руководством государства. Общество страны через систему демократических институтов оказывает значительное влияние на многочисленные аспекты государственной политики. Общественная поддержка сегодня превратилась в значимый компонент успеха реализации различных государственных программ. Политика страны в отношении диаспор соотечественников всегда ощущала зависимость от настроений общества страны, и на современном этапе в демократических обществах общественная поддержка превратилась в один из значимых компонентов ее реализации.

Государства, обладающие диаспорами соотечественников за границей, во все времена включали в свои политические проекты диаспоры. Через диаспоры страны исторические родины решали различные внешнеэкономические и политические задачи. Формат их использования видоизменялся со временем: от самых простейших до современных многоуровневых форм, в зависимости от задач, стоящих на повестке дня.

Польша как государство, обладающее значительным количеством диаспор соотечественников за границей, также стремится проводить эффективную политику в отношениях с польскими диаспорами по всему миру^[1]. Значительный комплекс задач, образовавшийся после распада биполярной системы и распада социалистического лагеря, актуализировал привлечение ресурсов и возможностей предоставляемых деятельностью польских диа-

[1] Официальный сайт общественной организации поляков за границей «Полония». <http://www.p Polonia.org/>

спор руководством Польши. Этому процессу активно содействовали различные аспекты культурно-исторической памяти польского народа.

Процесс формирования диаспор любого народа на различных территориях является по своей сути своеобразным отражением истории государства и региона и зачастую ее самых печальных страниц. Активно воздействуя на процесс, историко-политические события ложатся в основу исторической памяти, создавая традицию жертвы внутри диаспоры^[2]. В последующем определяют развитие системы отношений между исторической родиной и соотечественниками, проживающими за границей.

Сложные этапы исторического развития Польши создали условия образования большого количества польских диаспор по всему миру. Под воздействием различных факторов возникла своеобразная политическая традиция, в которой диаспоры поляков постепенно стремились к усилению своей роли в жизни исторической родины. Вследствие чего диаспоры поляков, проживающие за пределами родины, всегда находились в центре внимания польской внешней политики.

Уже в момент образования прокоммунистического правительства, после освобождения Польши, новое руководство подняло этот болезненный вопрос во взаимоотношениях с Советским Союзом. Люблинскому правительству удалось убедить Сталина в необходимости репатриации части поляков с бывших польских территорий^[3], и было решено провести эвакуацию бывших польских граждан, находящихся в СССР.

Переговоры были сложными и болезненными для обеих стран. Польская сторона стремилась максимально использовать весь демографический и хозяйственный потенциал своих соотечественников в сложных условиях восстановления экономики после Второй мировой войны, не забывая при этом политический подтекст проводимой акции, как своеобразного примера для соотечественников из других стран, не ограниченных идеологическими постулатами. Советский Союз, испытывая аналогичные проблемы, вынужден был пойти на уступки и соответствующее соглашение было подписано 6 июля 1945 года. Казахстан оказался в самой гуще этих событий.

В то же время идеологические форматы коммунистического строительства, жесткий контроль со стороны СССР, препятствовали налаживанию связей с многочисленными польскими диаспорами, проживающими в Западной Европе и Северной Америке. Они в основном воспринимались как классовые враги, а представители Армии Крайовой генерала Ст. Андерса, воевавшие на стороне западных союзников^[4] и оказавшиеся после завершения военных действий в основном в странах западного лагеря, с подачи советской пропаганды преподносились, как изменники Родины. Постепенно начавшаяся с момента официального разрыва дипломатических отношений с эмигрантским правительством генерала В. Сикорского 26 апреля 1943 года^[5] и набравшая обороты в рамках социалистической системы.

Крушение социалистической системы создало уникальную возможность для коренных преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В основе значительной части установленных изменений в области государственного устройства предполагалось построить современные демократические государства, с учетом местной специфики, следуя западным европейским шаблонам^[6].

[2] Robin Cohen. *Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers*. International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-), Vol. 72, No. 3, Ethnicity and International Relations. (Jul., 1996), с. 514.

[3] Машинбаев С.М., Исова Л.Т. Проблема истории польских переселенцев в Казахстане 1936-1956 гг. Алматы, АГУ. 2000: 78 с.

[4] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании во время ВОВ 1941-1945 гг. Под редакцией А.А. Громыко. Изд. 2-ое Т.1. М., Политическая литература. 1976. Ст. 99.

[5] Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939-1941 гг. М., 1992. Ст.93.

[6] Darina Malova and Tim Haughton. *Making Institutions in Central and Eastern Europe, and the Impact of Europe. The Enlarged European Union*. 2000, P. 103.

Смена строя, идеологии в государстве приводит к многочисленным кардинальным переменам во всех областях жизнедеятельности страны и существенным образом влияет на развитие внешнеполитической линии. Начавшийся процесс демократизации в польском государстве под воздействием переосмысления, ломки марксистско-ленинских идеологических постулатов, привел к значительным изменениям во внутренней и внешней политике Польши в конце XX века.

Новые демократические власти существенно изменили внешнеполитический курс Польши, который, прежде всего, взял направление на интеграцию польского государства в мировое сообщество^[7], как демократически развивающейся страны, и создание всех необходимых условий для успешного социально-экономического развития.

Внутренняя политика в пределах исторической Родины глубоко влияет на разработку диаспоральной политики^[8]. Кардинальные изменения внутриполитической линии польского государства существенно повлияли на политику страны в отношении диаспор соотечественников. Государственная поддержка принципов национальной идентичности диаспор соотечественников помогает стране в период приобретенной независимости обрести законное местоположение политической мощности^[9].

Польское руководство провозгласило новую концепцию развития польской истории, основанную на национально-освободительной парадигме. В формате новой парадигмы существенному переосмыслению подверглась не только роль польских диаспор в западных странах, но и всех диаспор во внешней политике^[10].

Процессы всемирной глобализации, развитие коммуникационных технологий уже давно привели к тому, что на современном этапе отношения между диаспорами и исторической родиной становятся все более и более динамичными. Диаспоры становятся неотъемлемым фактором современных международных отношений в силу углубления взаимодействия и взаимозависимости государств. Эти образования, часто обладающие влиятельным организационным и финансовым потенциалом, способны не только оказывать экономическую и гуманитарную поддержку исторической родине, но и эффективно отстаивать ее национальные интересы на мировой арене^[11].

Польское руководство в условиях трудного переходного периода столкнулось со свойственными ему кризисными явлениями в политической, экономической и социальной сферах. Решение возникших трудностей требовало целенаправленной концентрации усилий не только общества страны, но и соотечественников проживающих за ее пределами. В сложившихся условиях польское руководство стало использовать диаспоры и их ресурсные возможности для быстрой стабилизации обстановки.

Особый расчет был сделан на диаспоры поляков, проживающих в Западной Европе и Северной Америке. Данные шаги были предприняты не случайно. В основной своей массе польские диаспоры, в особенности в западных странах, в структуре своей жизнедеятельности создавали непреходящий постулат своей «жертвенности». Образ «жертвенности» формировался в течение длительного периода времени. Группы польских мигрантов вынужденных покинуть пределы страны под воздействием многих неблагоприятных факторов. Этот образ и стал основой стремления помочь исторической

[7] Tomasz Lis. *Nie Tylko Fakty*. Rosner i Wspólnicy. Warszawa 2006. 284 p.

[8] Charles King; Neil J. Melvin. *Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia*. International Security, Vol. 24, No. 3. (Winter, 1999-2000), 132 p.

[9] Charles King; Neil J. Melvin. *Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia*. International Security, Vol. 24, No. 3. (Winter, 1999-2000), 134 p.

[10] Государственная программа сотрудничества с Польшей и поляками за границей 30.09.2008. (утверждена на Совете министров от 10.12.2002 года) - <http://www.men.gov.pl/content/view/359/>

[11] Charles King; Neil J. Melvin. *Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia*. International Security, Vol. 24, No. 3. (Winter, 1999-2000), 134 p.

родине в восстановлении исторической справедливости по отношению к ним.

Демократическое руководство Польши возлагало на западные польские диаспоры большие надежды. По замыслу польского руководства должны были обеспечить лоббирование интересов Польши в направлении интеграции в североатлантические и западноевропейские политические и экономические объединения^[12].

Эти диаспоральные объединения поляков имеют мощные финансовые и политические ресурсы, а также мощное политическое лобби в своих странах пребывания. «Трагедия жертвы» превратилась для них в своеобразный скрепляющий материал во внутренней организации диаспоры, что предоставило элите польских диаспор возможность концентрации значительных ресурсов для проведения определенной политики, как в своих интересах, так и в общих. Немаловажным фактором явилось то, что «трагедия жертвы» обеспечила полное моральное право на проведение собственной внешней политики с целью восстановления исторической справедливости^[13].

Еще во время оппозиционного существования демократических польских сил диаспоры поляков, расположенные в западных странах, осуществляли поддержку и лоббирование прозападной ориентации. Основные направления современной внешней политики Польши были разработаны в концепциях польской политической оппозиции в 80-е годы XX века^[14]. После смены государственного строя, они нашли свое воплощение во внешнеполитическом курсе, проводимом демократическим руководством страны, и сегодня оказывают существенное влияние на развитие международных отношений, как в регионе, так и в мире в целом.

Разработанные внешнеполитические концепции осуществления западного вектора развития Польши предполагали значительные демократические преобразования в жизни страны. Именно в этой плоскости лидеры польских диаспор видели наиболее удобную площадку для трансформации общественного сознания и восстановления исторической справедливости по отношению к данным диаспорам^[15].

Элита польских диаспор западных стран приняла самое активное участие в реализации курса модернизации Польши. Используя свои значительные экономические и политические ресурсы, они способствовали привлечению в страну инвестиционного капитала, налаживанию торгово-экономических связей со странами западной Европы и Северной Америки. И необходимо отметить, что с возложенными на них надеждами диаспоры справились, так как Польша среди восточноевропейских стран одна получила самые оптимальные условия вступления в НАТО и ЕС^[16]. А также она взяла на себя роль гаранта продвижения активной внешней политики Польши в Европе в будущем.

В то же время необходимо отметить, что ситуация сегодня значительно поменялась, что вызвало определенные изменения в месте и роли польских диаспор западных стран во внешней политике страны. Начнем с того, что на сегодняшний день существует два основных принципа формирования диаспор за пределами исторической родины, базирующихся на способах переселения населения. Первый способ - это массовое переселение, вследствие депортации или других неблагоприятных условий на родине, что раньше и

[12] Michal Komar. Wladyslaw Bartoszewski. Swiat Ksiazki. Warszawa 2006. - 320 p.

[13] Robin Cohen. Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers. International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-), Vol. 72, No. 3, Ethnicity and International Relations. (Jul., 1996), 514 p.

[14] Лидия Милякова. Внешнеполитические концепции польской оппозиции в 1980-1989 гг. //Международный исторический журнал - http://history-310106.machaon.ru/all/number_07/anonsvak/revolution/milyakova/index.html

[15] Лидия Милякова. Внешнеполитические концепции польской оппозиции в 1980-1989 гг. //Международный исторический журнал - http://history-310106.machaon.ru/all/number_07/anonsvak/revolution/milyakova/index.html

[16] Марина Кучинская. Новая парадигма польской восточной политики. -<http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55674.htm?search=undefined&open=56237&isFound=1>

определяло принципы формирования и функционирования польских диаспор на западе. И второй - это миграция, развивающаяся вследствие развития торговли, колонизации поиска лучших условий жизни, которая развивается на современном этапе.

По данным исследований, представленным «Гражданской платформой», кроме миллиона поляков, которые уже выехали на работу в страны Западной Европы, каждый второй молодой человек в возрасте от 18 до 34 лет вынашивает мысль об эмиграции^[17]. Трудовые мигранты не распространяют ту же культурную позицию, как беженцы или депортированные. Они превращаются в космополитов, не связанных принципами национальной идентичности с проекцией глубины исторической памяти, закрепленной «принципом жертвы»^[18]. Такие люди обычно быстро отходят от диаспоры с ее твердыми закрепленными правилами и постулатами.

Увеличение числа трудовых мигрантов изменило структуру польских диаспор, что значительно снизило возможности их элит в концентрации ресурсов. Но самый значительный негативный фактор проявился в изменении отношения к ним со стороны общественности и политических элит западных стран. Ранее они позиционировали себя как жертвы проявлений политики царской России и Советского Союза^[19], но с большим количеством политических изменений на европейском континенте эта роль исчерпала себя. Потоки трудовой миграции вызвали проблемы в социально-экономической сфере западных стран.

И сегодня больше всего опасений у жителей западных стран вызывает Польша, где проживает 40 млн. человек (половина совокупного населения всех новых членов ЕС), а уровень безработицы самый высокий в Европе – 15-18%. Кроме того, как говорит Дэниэл Грос из брюссельского Center for European Policy Studies, «поляки традиционно более мобильны». «В этой стране давняя традиция миграции на Запад в поисках работы, а оказавшись за границей, они (поляки) могут опираться на обширную сеть соотечественников, что облегчает им поиск заработка и дальнейшую миграцию», отмечает эксперт^[20].

Изменившаяся политическая и социально-экономическая конъюнктура заставила лидеров западных стран во многом пересмотреть объемы своей поддержки, что снизило потенциальные возможности элиты польских диаспор западных стран. Трансформационные процессы нашли свое определенное отражение и во внешней политике Польши. Польская диаспора в США и Канаде пока сохраняет свое политическое и экономическое положение и продолжает оказывать поддержку руководству страны в его мероприятиях.

На основе результатов анализа внешнеполитической линии польского государства можно предположить, что на диаспоры поляков, проживающих в странах бывшего социалистического лагеря к востоку от Польши, были возможны несколько другие задачи. Для польских диаспор, находившихся в восточноевропейских странах, в Прибалтике, в Белоруссии и на Украине, предназначалось восстановление демографического интеллектуального и хозяйственного потенциала страны, ослабленного в результате массовой иммиграции польского населения в страны Западной Европы^[21] и механизма связующего моста Польши и стран ULB^[22].

При этом можно выделить два основных региона расположения польских диаспор со свойственными им различными задачами: Европейская часть постсоветского пространства и Центрально-Азиатский регион.

[17] Сайт Вадима Белоцерковского. - <http://www.belotserkovsky.ru/book/>

[18] Yossi Shain; Aharon Barth. *Diasporas and International Relations Theory*. International Organization, Vol. 57, No. 3. (Summer, 2003), 463 p.

[19] Поляки в Казахстане. Католическое информационное агенство. 2007-08-14.

[20] Человеческие ресурсы России. - <http://www.rhr.ru/index/news,8761.0.html>

[21] Polacy żyjący poza granicami kraju. Официальный Сайт Президента Республики Польша. - <http://www.prezydent.pl/paga-prezydenta/prezydent/polityka-prezydenta/polacy-na-emigracji/>

[22] Олег Неменский. IV Речь Посполитая: взгляд на Восток. <http://www.apn.ru/opinions/article9544.htm>

Диаспорам поляков, проживающим в Центрально-Азиатском регионе, и в особенности в Казахстане, были отведены несколько иные функции. Эти функции позиционируются в двух основных сферах политической жизни страны: внешней и внутренней. Во внешнеполитическом формате диаспора поляков должна выполнять роль связующих мостов в налаживании сотрудничества между двумя странами. На что подталкивает геополитическая и экономическая заинтересованность польской стороны, и что неоднократно подтверждали польские официальные лица в своих выступлениях по поводу польской диаспоры в Казахстане^[23].

Во внутриполитическом плане польской диаспоре Казахстана была отведена более сложная роль. С момента начала коренного реформирования Польши и ее новой политики, депортированные поляки Казахстана и Средней Азии удачно воплощали образ соотечественников пострадавших за свое этническое происхождение. Организация новой политической линии в отношениях с диаспорами соотечественников требовала значительной общественной поддержки внутри страны. Реабилитация национального польского самосознания внутри депортированных поляков стала основным компонентом обоснования такого рода политики и формирования системы ее общественной поддержки.

Значение такого рода контактов на культурном уровне возросло после вхождения Республики Польша в процесс европейской интеграции. Любые интеграционные процессы постепенно приводят к смыванию культурных границ, выработке нового культурного мышления и зачастую к деформации части культурных традиций и национально-культурного облика. Сохранение осуществляемого внешнеполитического курса и дальнейшая реализация национально-патриотической идеи^[24] в условиях европейской интеграции натолкнулась на ряд объективных и субъективных препятствий. Поддержание культурных традиций в среде соотечественников за границей, возрождение их национального самосознания создает необходимую почву для постоянной актуальности национально-патриотической идеи. Необходимо отметить, что для диалога в рамках культурного возрождения действительно существует реальная почва.

Возрождение культурных традиций и культурного диалога с Польшей также весьма актуально для поляков в Казахстане. Длительный свыше полувека период полной изоляции поляков от исторической родины, вследствие депортации их в 1936 году из Украины и Белоруссии в среднеазиатские степи, особенно в Казахстан, проделал огромные опустошения в состоянии их культуры, языка и этнического сознания^[25].

После распада Советского Союза большинство различных социологических исследований в начале 90-х гг. XX в. часто демонстрировали самоидентификацию поляков в Казахстане как: «мы украинские поляки», «мы советские поляки» или «мы украинцы или белорусы», особенно среди среднего и самого молодого поколения. Такое явление было обусловлено фактором быстрого процесса советизации культуры поляков в Казахстане. Процесс во многом был обусловлен спецификой положения польских спецпереселенцев, где необходимым условием биологического выживания было приспособление к местным условиям и отношению властей^[26].

Проводимая политика в данном направлении дала свои значительные результаты всем ее активным участникам. Элита польских диаспор западных стран создала все необходимые условия для возрождения националь-

[23] Archiwum działalności Prezydenta RP w latach 1997-2005. <http://www.prezydent.pl/x.node?id=6042904&eventId=1506007>

[24] Лидия Милякова. Внешнеполитические концепции польской оппозиции в 1980-1989 гг. Международный исторический журнал http://history-310106.machaon.ru/all/number_07/anonsvak/revolution/milyakova/index.html

[25] Марк Гавецкий. Поляки в Казахстане - портрет общественности.

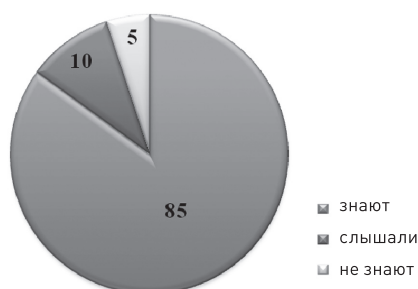
[26] Марк Гавецкий. Поляки в Казахстане - портрет общественности

ной идеи, которая позволила им восстановить историческую справедливость в отношении себя и обосновать свое влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны, как в недавнем прошлом, так и в будущем.

Руководство Польши сформировало необходимую поддержку со стороны общественного мнения внутри страны, и сегодня старается проводить политику в этом направлении. Ни для кого не секрет, что процесс формирования основной части польской диаспоры в Казахстане напрямую связан с последними трагическими страницами истории, как польского государства, так и собственно польского народа. Поляки, проживающие сегодня в Казахстане, в основной своей массе были депортированы из Западной Украины и Белоруссии по этническому признаку^[27], и это, несомненно, накладывает свой своеобразный отпечаток на видение данной проблемы внутри польского общества.

На сегодняшний день политика возрождения национального самосознания в среде соотечественников за границей опирается еще и на существенную базу в лице поколения поляков, которое испытало на себе все трудности и тяготы тех тяжелых моментов истории. Они являются носителями исторической памяти, оказывающей влияние на внешнеполитическую линию польского руководства в этом вопросе. В ходе проведения социологического опроса среди коренного польского населения на вопрос: «Знаете ли Вы о факте нахождения польской диаспоры в Казахстане?» утвердительно ответили, что знают - 85 % респондентов, что что-то слышали - 10 % и не знают о данном факте - 5 % польских респондентов (см. диаграмма 1).

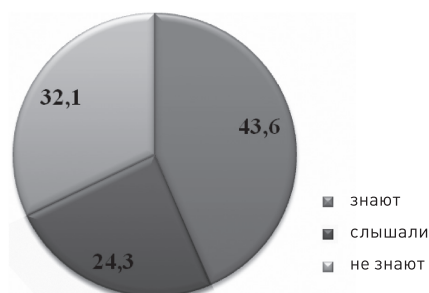
Диаграмма 1
Знаете ли Вы
о факте
нахождения
польской
диаспоры
в Казахстане?



Необходимо также отметить, что 15 % респондентов, не придающие факту наличия польской диаспоры в Казахстане особого значения, являются представителями молодого поколения поляков. Несмотря на равнозначность доступа к информации о соотечественниках за границей, они имеют большее представление о польских диаспорах в западных странах.

Время неумолимо бежит, стирая не только печальные воспоминания трагических моментов в памяти людей, но и постепенно нарушая культурно-бытовые связи между представителями одного этноса. На вопрос: «Знаете ли Вы о жизни и быте польской диаспоры в Казахстане?», твердо ответили, что знают - 43,6 % респондентов, что что-то слышали - 24,3 % и не знают о данном факте - 32,1 % опрашиваемых поляков (см. диаграмма 2).

Диаграмма 2
Знаете ли
Вы о жизни и
быте польской
диаспоры в
Казахстане?



[27] Polska diaspora w Kazachstanie. Obserwacje etnologiczne // Informator Polski. № 2. 1999.

Здесь, как и в первом случае, легко прослеживается возрастная составляющая. Люди старшего поколения хорошо осведомлены о жизни и быте польской диаспоры в Казахстане, и постоянно интересуются этим вопросом. Что касается молодых поляков то они в основной своей массе, не знают о предмете вопроса, и та небольшая часть представителей этого поколения, знающая о жизни и быте польской диаспоры в Казахстане, получает информацию от своих молодых сверстников из Казахстана, обучающихся в польских высших учебных заведениях.

Польское общество во все времена своего развития, в силу воздействия многих исторических факторов, всегда благоприятно относилось к своим диаспорам за пределами родины. Большинство представителей польского общества прекрасно понимают, какой большой потенциал для развития польского государства содержится в экономико-культурных возможностях польских диаспор по всему миру, в том числе и в Казахстане. На вопрос о возможностях польской диаспоры в Казахстане стать связующим мостом между двумя странами: «Какое из ниже упомянутых мнений находится ближе всего к Вашему мнению?» 84,3 % респондентов ответили, что польская диаспора в Казахстане может стать мостом в отношениях двух стран; 13,8 % опрошенных респондентов настроены более пессимистично и считают, что в определенных условиях польская диаспора в Казахстане, скорее всего, может стать мостом в отношениях двух стран; 1,9 % в основной своей массе мало интересуются этим вопросом, вследствие чего считают, что польская диаспора в Казахстане не может стать мостом в отношениях двух стран (см. диаграмма 3).



Диаграмма 3
Какое из ниже упомянутых мнений находится ближе всего к Вашему мнению?

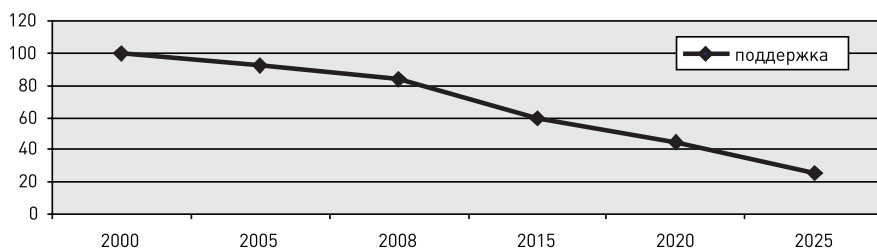
В контексте необходимости поддержания культурно-исторических связей между Польшей и польской диаспорой в Казахстане и предоставленной возможности диаспоры поляков стать связующим мостом во взаимовыгодных отношениях между двумя государствами, способных благоприятно сказаться на экономическом и социальном развитии Польши, на вопрос сформулированным: «Какое из ниже упомянутых мнений находится ближе всего к Вашему мнению?» 92,6 % респондентов ответили: «Нашей стране необходимо развивать отношения с Казахстаном» и 7,4 % затруднились ответить на поставленный вопрос (см. диаграмма 4).



Диаграмма 4
Какое из ниже упомянутых мнений находится ближе всего к Вашему мнению?

Необходимо отметить, что большая гарантированная поддержка общественного мнения действий правительства Польши в отношении польских диаспор во всем мире, в том числе и в Казахстане, имеет ограниченный временной ресурс. Не смотря на все предпринимаемые попытки польского руководства культивировать через средства массовой информации и образование компоненты необходимости поддержания культурно-исторических связей с польскими диаспорами во всем мире, результаты опроса показали, что вполне естественно вопросами соотечественников за границей интересуется в основном старшее поколение поляков. И возможно предположить такое развитие тенденций в этом направлении (см. диаграмма 5).

Диаграмма 5
Прогноз по
демографической
составляющей



В ходе прохождения естественного биологического процесса жизнедеятельности общества старшее поколение со временем сойдет с политической арены вместе со своими политическими ценностями, и ее место займет молодое поколение уже с присущими ему общеевропейскими взглядами. В свете чего основные усилия польского руководства в проведении политики по отношению к диаспорам соотечественников за границей в ближайшем будущем будут направлены на сохранение и поддержание общественной базы.

Таким образом, на современном этапе политика Польши по отношению к диаспорам соотечественников за границей оказалась под воздействием большого количества как внешних, так и внутренних факторов. Формирование ее основных направлений было обусловлено задачами, стоящими перед руководством страны. Образовалась целая система взаимодействия различных участников данного процесса, что предопределяет его сложную структуру. Дальнейшее ее развитие будет проходить в борьбе за сохранение национально-патриотической идеи и углубление интеграции в общеевропейское политическое и экономическое пространство. Большую и определяющую роль во всем этом сыграет поддержка польского общества того или иного направления.

АҚШ-ТЫҢ ЖӘНЕ ЕУРООДАҚ ЕЛДЕРІНІҢ САРАПТАМАЛЫҚ ТАЛДАУ ОРТАЛЫҚТАРЫНЫҢ (THINK TANK) ДАМУ ТЕНДЕНЦИЯСЫ

ЖОЛДЫБАЛИНА АЛУА СЕРІКҚЫЗЫ

Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Саяси ғылымдар» мамандығының 3 курс Ph.D докторанты (Астана, Қазақстан)

ЖОЛДЫБАЛИНА АЛУА СЕРИКОВНА, докторант Ph.D. 3 курса специальности "Политические науки" Евразийского национального университета им Л.Н.Гумилева. В 2002 году закончила Карагандинский государственный университет им Е.А.Букетова по специальности "Политология", в 2004 году закончила магистратуру по специальности "Политология" Евразийского национального университета им Л.Н.Гумилева. С 2004 года работает старшим преподавателем на кафедре политологии ЕНУ им Л.Н.Гумилева. В 2008-2009 гг. проходила научную стажировку в Софийском университете им. К. Охридского (Болгария). Диссертационная работа «Аналитические центры в политике: мировой опыт и Казахстан» посвящена анализу развития аналитических центров в ведущих государствах мира и становления казахстанского аналитического рынка на современном этапе.

ZHOLDYBALINA ALUA SERIKOVNA is a PhD candidate with the major «Political Sciences» of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyev. In 2002 she graduated from the Karaganda State University named after E.Z. Buketov with the major in «Political Science», in 2004 Ms. Zholdybalina graduated from master's school with the major in «Political Science» of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyev. Since 2004 she has been working as a seniour teacher at the Department of Political Science of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyev. In 2008-2009 Alua had a scientific internship in the Kliment Ohridski Universtiy of Sofia (Bulgaria). The doctor's dissertation «Think Tanks in Policy: World Experience and Kazakhstan» is devoted to the analysis of the think tanks development in leading states of the world and the formation process of the Kazakhstan analytical market at the modern stage.

«Идеялар бәсекелестігі қоғам денсаулығы үшін аса маңызды»

Крис Демут

(Американдық кәсіпкерлік институттың президенті)

Кез келген дейгейдегі саяси шешімдерді қабылдауда, мемлекеттік саясатты қалыптастыруда, елдің саяси бағытын, ішкі және сыртқы саясатын анықтауда, сарапшылар мен ғалымдардың пікіріне назар аударып, ақыл-кеңес беру – АҚШ-тың, сондай-ақ Еуроодақ мемлекеттерінің саясатына тән нәрсе. Осы мәселелерге қатысты ғылыми негізделген шешімдерді қабылдау үшін саяси ғылымда, сондай халықаралық ғылыми ортада «think tanks» атпен танымал болған сараптамалық талдау орталықтарының ролі ерекше.

Айта кететін мәселе, бұл орталықтарды ортақ бір сөзбен айту қиын, себебі көптеген елдерде ол әр түрлі аталады. Мысалы, АҚШ-та, Еуропа мемлекеттерінде - «think tank, research institute», Ресейде – «мозговые центры, фабрики мысли», Орталық Азия елдерінде - аналитикалық орталықтар. Атауларының әр түрлілігіне қарамастан, олар бір қызметті атқарады, сол

себепті мақала шеңберінде сараптамалық талдау орталықтарының деген түсінікті қолдануды жөн көрдік. Негізінен АҚШ-тың, сондай-ақ Еуроодақ мемлекеттерінің сараптамалық талдау орталықтары бірегей сипатқа ие емес, сол себепті салыстырмалы түрде қарастыруға тырысамыз.

Жалпы, ғалымдардың сараптамалық талдау орталықтарына берілген анықтамаларын шартты түрде 3 типке бөлуге болады:

- 1) Сараптамалық талдау орталықтарының статусына негізделген анықтамалар;
- 2) Сараптамалық талдау орталықтарының құрылымына негіздегі анықтамалар;
- 3) Сараптамалық талдау орталықтарының қызметіне негізделген анықтамалар.

Сараптамалық талдау орталықтарының статусына негізделген анықтамаларды қолдайтын ғалымдардың пікірінше, сараптамалық талдау орталықтары – бұл тәуелсіз ұйымдар. Олар мемлекеттік органдардан, сонымен қатар саяси партиялардан тыс қызмет атқаруы тиіс. Бірақ бұл ерекшелік негізінен американдық сараптамалық талдау орталықтарына тән. Еуроодақ мемлекеттерінде тәуелсіз принципі соншалықты маңызды болып есептелмейді. Мысалға, қазіргі Германияда сараптамалық талдау орталықтарының қатарына университеттер де жатады. Германия университеттері автономия принципі негізінде қызмет етеді, сол себепті университет ғалымдары өз зерттеулерінде дербестікке ие. Ал бұл фактор университеттерді сараптамалық талдау орталық ретінде есептелуіне негіз бола алады.

Дегенмен, толығынан сараптамалық талдау орталықтарының тәуелсіз болуы мүмкін емес, себебі зерттеу миссиясына орталықтың заңды мәртебесі ғана емес, қаржы көзі де өз әсерін тигізеді.

Сараптамалық талдау орталықтарының құрылымы негіздегі анықтамалар оларды қоғамның бір жүйесі ретінде қарастырып, олардың институционалдығын әрі құрылымдылығына баса назар аударады, яғни сараптамалық талдау орталықтары институционалданған болуы қажет. Бір ерекшелік АҚШ-тың да, Еуроодақ мемлекеттерінің сараптамалық талдау орталықтарына да тән.

Сараптамалық талдау орталықтарының қызметіне негізделген анықтамалар саяси процестегі ролін анықтай келе, оларды билік пен білім арасындағы, мемлекеттік бюрократия әлемі мен сарапшылар әлемі арасындағы делдалдар, брокерлер, медиаторлар ретінде қарастырады. Негізінен, анықтаманың бұл түрі АҚШ-тың, сондай-ақ Еуроодақ мемлекеттеріне емес, көп жағдайда, Шығыс Еуропа мемлекеттерінің сараптамалық талдау орталықтарының қызметін сипаттайды.

Енді АҚШ-тың, сондай-ақ Еуроодақ мемлекеттерінің сараптамалық талдау орталықтары даму деңгейін келесі мәліметтерден көруге болады. Пенсильвания университетінің «Сараптамалық талдау орталықтары және азаматтық қоғам» бағдарламасының директоры Джеймс МакГэннның (James G. McGann) «Сараптамалық талдау орталықтарының жаһандық таралуы» («The Global «Go-To Think Tanks») атты зерттеуіне сәйкес, бүгінгі таңда әлемде 5465, ал Еуроодақ кеңістігінде 1375 сараптамалық талдау орталықтары бар, яғни жалпы санының шамамен 12,5% құрайды, ал АҚШ-та 1777 сараптамалық талдау орталықтары бар, яғни жалпы санының шамамен 30,5% құрайды, оның ішінде 1/5 бөлігі немесе 350 сараптамалық талдау орталықтары Вашингтонда шоғырланған^[1]. Кейбір мәліметтерге сүйенсек, АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтарының капиталы елдің ЖІӨ-нің 3%-на тең.

[1] James G. McGann. The Global «Go-To Think Tanks» - 2008. University of Pennsylvania, Philadelphia, PA USA 19104-6305// Режим доступа: <http://gtmarket.ru/files/research/Think-Tank-Index-2008.pdf>. - P.15

№	Еуроодақ мемлекеті	Сараптамалық талдау орталықтарының саны	№	Еуроодақ мемлекеті	Сараптамалық талдау орталықтарының саны
Батыс Еуропа			Шығыс Еуропа		
1	Австрия	36	18	Румыния	53
2	Бельгия	49	19	Латвия	9
3	Мальта	4	20	Литва	13
4	Ұлыбритания	283	21	Польша	40
5	Финляндия	26	22	Словакия	18
6	Германия	32	23	Словения	19
7	Греция	34	24	Болгария	33
8	Дания	32	25	Венгрия	40
9	Ирландия	14	26	Чехия	25
10	Франция	165	27	Эстония	15
11	Швеция	68			
12	Испания	49			
13	Италия	87			
14	Кипр	мәлімет жоқ			
15	Люксембург	3			
16	Нидерланды	55			
17	Португалия	19			

Әрбір Еуроодақ мемлекеті бойынша сараптамалық талдау орталықтарының жалпы саны келесі кестеде көрсетілген:

Саны жағынан АҚШ-та сараптамалық талдау орталықтарының көп болуы, Еуроодақ мемлекеттерінде олардың дамуының төмен екендігін көрсетпейді, себебі АҚШ-тың, сондай-ақ Еуроодақ мемлекеттерінің сараптамалық талдау орталықтарының дамуына әр түрлі себептер де, саяси жүйелердің, саяси мәдениеттің әртүрлілігі сияқты факторлар жиынтығы әсер етті.

Мысалға, Батыс Еуропада сараптамалық талдау орталықтары көп жағдайда II дүниежүзілік соғыстан кейін кең ауқымды түрде дами бастады. Оған бірнеше факторлар өз септігін тигізді:

1. демократиялық үкіметтердің кең таралуы. Мысалға, 1943 – 1945 жылдар аралығындағы тоталитарлық режимдердің құлдырауы, 1970 жылдардағы Испания, Португалия және Греция мемлекеттерінде диктатураның жоюылуы, сонымен қатар 1970-80 жылдардағы Шығыс Еуропадағы саяси өзгерістердің орын алуы.
2. соңғы жылдарда мемлекет ролінің әрі қызметінің өзгеруі, яғни саяси, экономикалық, әлеуметтік салалардағы мәселелердің күрделенуі саяси қызметкерлерді сарапшылар, ғалымдар, кеңес берушілер, азаматтық қоғам өкілдерінің пікірлеріне сүйенуге мәжбүр етті.
3. Еуроодақ интеграция процесінің ұлғаюы әрі күшеюі. Жалпы Еуроодақ әр түрлі экономикалық, саяси, этномәдени, әлеуметтік жүйелердің бірігуі, ол мүше мемлекетке ғана емес, көптеген жылдар бойы мүше болып келе жатқан басқа да мемлекеттердің ішкі және сыртқы саясатына өз әсерін тигізеді. Нақтырақ айтсақ, мемлекетті Еуроодаққа қосу үшін елді дайындау, Еуроодақ кеңістігіндегі қандай да болмасын ел позициясын талдау мақсатында форумды қамтамасыз ету, Еуроодақ саясатының нақты саласын зерттеу, Еуропа мәселелері бойынша өз пікірлерін айту және талқылау үшін зерттеушілер мен студенттерге платформа, еуропалық интеграцияға қолдау көрсету мәселесімен шешу үшін құрылады.

Ал АҚШ-та сараптамалық талдау орталықтары бірінші дүниежүзілік соғыс кезінен бастау алып, оның дамуына келесі факторлар өз әсерін тигізді:

- кедейшілік және теңсіздік мәселесі;
- мемлекеттік биліктің тиімділігін арттыру мақсатында бизнес құрылымдарының қызығушылығының күшеюі;

- экономикаға мемлекеттің араласуы, яғни мемлекеттік протекционизмнің күшеюі, сол себепті мемлекеттік саясатты талдау және зерттеу үшін бизнес құрылымдары демеушілік арқылы сараптамалық талдау орталықтарын қаржыландыра бастады;
- 1929-1933 жылдардағы экономикалық дағдарыс;
- күшті азаматтық қоғам;
- орталықсыздандыру сипатын иеленген саяси жүйе ерекшелігі;
- филантропияны қолдауға бағытталған салық жүйесі, яғни көп жағдайда бизнес құрылымдары салықтан босатылған;
- саяси партиялар арқылы сараптаманың болмауы.

АҚШ-тың, сондай-ақ Еуроодақ мемлекеттерінің сараптамалық талдау орталықтарының дамуына әсер еткен ортақ фактор – КСРО-ның құлауы. Бір жағынан, бұл оқиға посткеңестік елдермен байланысты зерттеулердің дамуына, екінші жағынан, қорғаныс және әскери қауіпсіздік саласында әрекет ететін сараптамалық талдау орталықтарын қаржыландыруды азайту тенденциясына әкеліп соқты.

АҚШ-тың, сондай-ақ Еуроодақ мемлекеттерінің сараптамалық талдау орталықтарының дамуына пайда болу факторлары ғана емес, қаржыландыру көздері де өз әсерін тигізді.

Еуроодақ сараптамалық талдау орталықтары негізінен келесі қаржы көздерінен қаржыландырылады:

1. мемлекеттік қаржыландыру; Қаржыландырудың бұл түрі көп жағдайда Скандинавия, Германия, Италия, Испания, Австрия, аз мөлшерде Францияға тән. Великобритания, Ирландия, Нидерланд және Греция елдерінде мемлекеттік қаржыландыруға деген тәуелділік аз. Зерттеушілердің пікірінше, еуропалық сараптамалық талдау орталықтарының 48% мемлекет тарапынан қаржыландырылады.
2. комиссиялар; Еуропалық комиссия бюджетінде «Европа идеясын дамытуды жүзеге асыратын сараптамалық талдау орталықтары үшін гранттар» арнайы бап бар. Ал Еуроодақтың жаңа мүшелеріне қаржыландыруды, мысалға Phase бағдарламасы бойынша, ғылыми зерттеулер орталығы жөніндегі Комитет жүзеге асырады.
3. жеке меншік секторы негізінен Ұлыбританияға тән. Көп жағдайда Еуроодақ мемлекеттерінде бизнес компаниялар мен банктер тәуелсіз саяси зерттеулерді қаржыландырады.
4. Келісім-шарт негізіндегі жобалар соңғы жылдары танымал қаржы көздерінің бірі. Кейбір мәліметтерге қарағанда, сараптамалық талдау орталықтарының 40% осы қаржы көзін негізгі деп көрсеткен.
5. Басқа қаржы көздері, яғни баспа өнімдерін сату, ғылыми іс-шараларды ұйымдастыру, кеңес беру қызметі, оқыту қызметтері, демеушілік – негізгі қаржы көзінде есептелмегенмен, көптеген сараптамалық талдау орталықтары үшін маңызды болып табылады^[2].

Еуроодақ кеңістігінде толығымен тек мемлекетпен немесе жеке сектормен қаржыландыратын сараптамалық талдау орталығын анықтау қиын, себебі олар көбіне қаржы көзінің диверсификациясын жүзеге асыруға тырысады. Тіпті, көп жағдайда жеке сектормен қаржыландырылатын Ұлыбритания сараптамалық талдау орталықтарының өзі мемлекет тарапынан едәуір қаржы алады.

Ал АҚШ-тың жетекші сараптамалық талдау орталықтарының қаржыландыру көздерін талдай келе, ішкі және сыртқы деп 2 топқа бөліп қарастыруға болады.

[2] Europe and its think tanks: a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialised in European policy issues in the enlarged European Union by Stephen Boucher// Режим доступа: http://www.thinktankdirectory.org/blog/wp-content/uploads/2008/11/boucher_2006_europe-and-its-think-tanks.pdf. - P. 34

Ішкі қаржыландыруға:

- өз материалдарына жазылу;
- өз еңбектерінен, басқа жарияланымдардан түсетін кіріс;
- мүшелік жарна;
- іс-шараларды ұйымдастыру жатады.

Сыртқы қаржыландыруға:

- көптеген сараптамалық талдау орталықтары үшін негізгі қаржыландыру көзі болып табылатын бір уақтылы қаржылық көмек; (endowment деген терминмен танымал)
- жеке тұлғалардың және корпорациялардың қайырымдылығы;
- әр түрлі қайырымдылық қорының гранттары;
- мемлекеттік және жеке меншік келісім-шарттар жатады.

АҚШ-тың көптеген сараптамалық талдау орталықтары бірнеше қаржы көздерін пайдаланылады, яғни демеушілермен, мемлекеттік органдармен жұмыс істеуде ашықтықты, зерттеу нәтижелерін шынайылығын сақтауға мүмкіндік беретін диверсификация принципін ұстанады.

АҚШ-тың әлемдік үстемдігінің ұлғаюына дүниежүзінде филиалдары ашу арқылы сараптамалық талдау орталықтары да өз септігін тигізген болатын. Мысалға, Маршалл қоры, халықаралық бейбітшілік үшін Карнеги қоры.

Өз ықпалын жүзеге асырудың бірнеше механизмдері бар:

- олар сынақ ісіне шетел зерттеушілерін қабылдайды;
- қажет мамандарды және әдебиеттерді ұсынады;
- өзара біріккен жобаларды орындайды.

АҚШ-та, сондай-ақ басқа да мемлекеттерде сараптамалық талдау орталықтары дамуын Конгрестің бюджеттік басқару экс-директоры Р.Райшауэр «талдау саласындағы қару-жарақ жарысы» деп атаған болатын^[3].

АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтарының Еуроодақ сараптамалық талдау орталықтарынан басты айырмашылығы – аймақтық деңгейде кең ауқымды түрде дамуы. Жоғарыда келтірілген, «Сараптамалық талдау орталықтары және азаматтық қоғам» бағдарламасының директоры Джеймс МакГэннның (James G. McGann) «Сараптамалық талдау орталықтарының жаһандық таралуы» («The Global «Go-To Think Tanks»») атты зерттеуіне сәйкес, Массачусетс штатында - 172, Калифорнияда - 171, Нью-Йоркте - 142, Виржинияда - 99 сараптамалық талдау орталықтары бар^[4].

Ал Еуроодақ сараптамалық талдау орталықтары көп жағдайда Еуроодақ мемлекеттерінің астаналарында шоғырланған, әсіресе соңғы жылдары Брюссельде орналасу тенденциясы басым болып отыр.

Сонымен бірге, АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтарының Еуроодақ сараптамалық талдау орталықтарынан тағы бір үлкен ерекшелігі - «айналмалы есік» қызметінің жоғары деңгейде орындалуы. Бұл қызмет АҚШ-тың саясаты үшін кадрларды дайындауда үлкен роль атқарған.

Мысалға, Генри Киссинджер – АҚШ-тың экс-мемлекеттік хатшысы Халықаралық қатынастар Кеңесінде жұмыс атқарған. Д.Чейни - АҚШ-тың экс-вице президенті Американдық кәсіпкерлік институтында, К.Райс – АҚШ-тың экс-мемлекеттік хатшысы Гувер институтында жұмыс істеген.

Бұл мемлекеттік билікте де, сараптамалық талдау орталықтарын да атқарған саясаткерлердің толық тізімі емес. Қазіргі Б.Обама президенті әкімшілігінде де сараптамалық талдау орталықтарының бірнеше қызметкерлері, яғни Дж.Джоунс, ұлттық қауіпсіздік жөніндегі Президент кеңесшісі Атлант комитетінде, Ричард Дангсинг, сыртқы саясат жөніндегі Прези-

[3] Цит.по: Виноградова Т.И. Фабрики мысли (Think Tanks) в США: особенности развития и роль в публичной политике. – http://www.strategy-spb.ru/Koi-/Proekt/Programma/fabriki_misli/stati/fabr_misl_usa_vinogr.htm

[4] James G. McGann. The Global «Go-To Think Tanks» - 2008. University of Pennsylvania, Philadelphia, PA USA 19104-6305// Режим доступа: <http://gtmarket.ru/files/research/Think-Tank-Index-2008.pdf>. - P.16

дент кеңесшісі Стратегиялық және халықаралық қатынастар орталығында, Мелоди Барнес, Ішкі саясат кеңесінің директоры Американдық прогресс орталығында жұмыс істеген.

Бірақ бұл механизм Еуроодақ мемлекеттерінің саясатынан, сонымен бірге сараптамалық талдау орталықтарының жұмысынан жеткілікті деңгейде көрініс таппай, толық деңгейде дамымаған. Еуроодақтың сараптамалық талдау орталықтары АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтарынан қаржыландыру, аймақтық деңгейде дамуымен ғана емес, түрлерімен де ерекшеленеді.

Еуроодақ шеңберінде әрекет ететін сараптамалық талдау орталықтарын келесі түрлерге жіктеуге болады:

- 1) академиялық сараптамалық талдау орталықтары, яғни Кент Уивердің айтуынша, «студенттерсіз университеттер». Олар академиялық зерттеудің жоғары стандарттарын иеленген;
- 2) академиялық сараптамалық талдау орталықтары бірінші типтен өзінің қаржы көзімен ерекшеленеді, яғни олар келісім-шарт негізінде мемлекеттік құрылымдармен байланысты;
- 3) мүдделі топтардың сараптамалық талдау орталықтары қандай да болмасын топтардың мүддесін айқындауға бағытталған;
- 4) саяси партиялардың сараптамалық талдау орталықтары партия құрамында жұмыс атқарған қызметкерлерден жинақталып, партия платформасы мәселелерімен айналысады^[5].

Еуроодақ шеңберінде әрекет ететін орталықтарға тән саяси партиялардың сараптамалық талдау орталықтары сияқты ерекше түрі АҚШ-тың орталықтарының арасында танымал болып табылмайды.

Саяси акторлармен өзара әрекеттесу түріне қарай К.Уивер орталықтарды три категорияға бөлген: «студенттерсіз университеттер», келісім-шарттық зерттеу институттары және үгіт-насихаттық орталықтар.

Осы орталықтардың арасында үгіт-насихаттық орталықтар АҚШ-тың ішкі және сыртқы саясатында үлкен роль ойнайды. Дегенмен, идеологиялық бағыттағы консервативті, прогрессивті сипаттағы сараптамалық талдау орталықтары да өз жұмысын жүзеге асырады.

Сонымен, Дж.Макганнның пікірінше, еуропалық сараптамалық талдау орталықтары американдық сараптамалық талдау орталықтарымен салыстырғанда:

- 1) бюджеті және штаты жағынан анағұрлым азырақ;
- 2) көп жағдайда саясаткерлермен және саяси партия өкілдерімен тығыз байланысты;
- 3) «айналмалы есік» механизмі толыққанды жұмыс істемейді;
- 4) демеушілік механизмі аз мөлшерде дамып, қоғамдық қорларға тәуелді болып келеді;
- 5) анағұрлым академиялық сипатқа ие болып, ұлттық мәселелерге бағытталған;
- 6) жеткілікті деңгейде есеп беру және қаржылық механизмдерін иеленбеген;
- 7) БАҚ-та жариялану деңгейі төмен^[6].

Ал АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтары басқа елдердің сараптамалық талдау орталықтарымен салыстырғанда:

- 1) шешім қабылдау процесінде анағұрлым ықпалды акторлар;
- 2) саяси партиялардан алшақ қызмет атқарады;
- 3) тыңдау процесі арқылы президент әкімшілігін және Конгресті ақыл-кеңеспен қамтамасыз етеді;

[5] Северова М.С. Роль мозговых центров в системе принятия решений в ЕС // Вестник ЧитГУ. – 2008. - №2 (47). – С.42

[6] James G. McGann, S.Boucher. Think Tanks in Europe and US: Converging or Diverging? // Режим доступа: http://www.notre-europe.eu/uploads/tx_publication/Semi22-en.pdf

- 4) филантропияның, демеушіліктің кең таралуы;
- 5) БАҚ-пен тығыз қарым-қатынаста жұмыс істейді;
- 6) «айналмалы есік» механизмі жоғары деңгейде жұмыс істейді.

Бірақ Еуроодақ орталықтарының негізгі артықшылығы - сараптамалық талдау орталықтарының дамуындағы жаңа тенденциясы болып табылатын, саяси ғылымда «саяси трансферт» тұжырымдамасының негізін құрайтын сараптамалық торлардың қалыптасуы әрі әрекет етуі. «Трансферт» деп аталатын өзара әрекеттесудің жаңа типі сараптамалық талдау орталықтарының дамуының келесі кезеңі болып, «виртуальды ақыл-ой орталықтары» немесе «қабырғасыз ой фабрикалары» деген терминмен белгіленеді.

Сонымен, АҚШ-ның, сондай-ақ Еуроодақ мемлекеттерінің сараптамалық талдау орталықтарының қызметін талдай келе, бірнеше ғалымдардың пікірін келтіре кетуге болады.

2009 жылы АҚШ тың Карнеги Корпорациясы елдің ішкі және сыртқы саясатының негізгі мәселелеріне қатысты әр түрлі сараптамалық талдау орталықтарының көптеген баяндамаларды қамтыған «Президентке кеңес» атты сайт (<http://www.advicetothepresident.org>) ашқан болатын. Бұл сайттың басты мақсаты АҚШ ның президенті Б.Обаманың әкімшілігін жаңа құрылғандықтан, елдегі негізгі мәселелерге қатысты көзқарастарды көрсету. Сайтта 42 тақырып төңірегінде 134 сараптамалық талдау орталығы өз пікірлерін ұсынуда. «Жалғыздың үні шықпас» демекші, АҚШ тың сарапшылары бірігуі әрі ынтымақтасу жолы арқылы саясаткерлердің жұмысын ақпараттық сараптамалық жағынан қамтамасыз етіп отыр.

Брукингс институтының директоры Строб Тэлботтың пікірінше, АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтарының басты мақсаты - қандай да болмасын саясаттың қалыптасуының негізін қалаушы ретінде пайдаланылатын талдау мен зерттеулерді ұсыну, ал жетекші американдық сарапшы Ховард Виардтың пікірінше, «үкімет шенеуніктерінің жұмысы соншалықты қыруар, олар әдістемелік тұрғыдан сыртқы саясат стратегиясының маңыздылығын түсінуге шамасы да келмейді. Сол себепті осы қызметті сараптамалық талдау орталықтары атқарады»^[7].

Сонымен, жоғарыда келтірілген пікірлерден, сараптамалық талдау орталықтары АҚШ-тың ішкі, әрі сыртқы саясаттағы стратегиясын анықтаушы әрі қалыптастырушы негізгі күш екендігін көреміз.

М.Лаумулиннің пікірінше, сараптамалық талдау орталықтарының басты мақсаты - өз елінің ұлттық, геосаяси және стратегиялық мүдделерін қамтамасыз ету, сонымен бірге олар АҚШ үкіметінің «көзі әрі құлағы» болып табылады^[8]. Біздің пікірімізше, АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтарының басқа мемлекеттерде де кең етек алуы – көптеген елдердің саясатына АҚШ-тың ықпалын күшейтуге әсер ететін тиімді механизмдердің бірі болып табылады. Сонымен қатар, мемлекет жүргізіп жатқан ішкі және сыртқы саясатқа деген қоғамдық пікірді қалыптастыру механизмін құрайды.

Еуроодақ сараптамалық талдау орталықтарының АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтарына қарағанда саясатқа деген ықпалы аз мөлшерде болғанмен, Еуроодақ мемлекеттерінің ішкі және сыртқы саясатында, әсіресе интеграция процесіндегі ролі үлкен деңгейде болып табылады.

Еуроодақ шеңберіндегі сараптамалық талдау орталықтарының маңыздылығын әрі саяси шешімге әсер ету деңгейін келесі мысалдармен дәлелдеуге болады: Литвада жаңа валютаның енгізілуі Литва еркін нарық институтының бастамасымен жүргізілсе, Словакияда салық реформасы, яғни жалпақ салықтың енгізілуі Хайек қорының ұсынуымен болса, Болга-

[7] Внешняя политика Соединенных Штатов Америки: принципы формирования и закономерности реализации. Монография. В 2-х томах. Т.1. Колл. авт. Под общей редакцией академика О.А. Колобова. – Нижний Новгород: АГПИ им.А.И. Гайдара. – 2008. - С. 212

[8] Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том 1. Центральная Азия и Казахстан в современной политологии. Научное издание. – Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан. – 2005. – 704 с. – С. 72

рияда 10% жалпақ салыққа Экономиканы дамыту институтының бірнеше жылдар жүргізген зерттеулері мен талдаулар нәтижесінде қол жеткізілген болатын.

Соңғы жылдардағы Еуропадағы мемлекеттік әкімшілілік жұмысының жақсаруы бұқаралық ақпаратқа деген еркін қол жеткізуге туралы заңнаманың қабылданыуымен және қолданылуымен басталды, ал бұл қозғалыс Болгарияда «Ақпаратқа деген қол жеткізу» бағдарламасынан (www.air-bg.org) бастау алған болатын. Лонданда 1950 жылдардың ортасында құрылған Экономикалық қызмет институты сол жылдары ұсынған реформалары тек 1980 жылдарда ғана жүзеге асырылған болатын.

Атақты экономикалық еркіндікті өлшеу индексінің өзі бірнеше жылдар бойы әдіснамаларды жетілдіру нәтижесінде бірнеше экономикалық сараптамалық талдау орталықтарының қатысуымен Фрейзер институты құрастырған болатын. Кейіннен осы индекстен бәсекеге қабілеттілік индексі де пайда болған.

Сонымен бірге, Еуроодақтың өз сараптамалық талдау орталықтарын дамытудағы іс-шараларға дәлел болатын мысал - Еуроодақ мемлекеттерінің жетекшілері сараптамалық талдау орталықтарының баламасы ретінде «дағдарысқа қарсы топтың» құрамын бекіткен болатын. Мұндай шешім 2007 жылдың желтоқсанында Еуроодақ саммитінде Брюссельде қабылданды. Топ құрамына осы ұйымды құру идеясын ұсынған Франция, сонымен бірге Германия, Ұлыбритания, Италия, Польша, Нидерланды, Австрия, Дания, Латвия, Финляндия және Швеция өкілдері де кіреді. "Даналар тобының" жетекшісі болып Испания үкіметінің бұрынғы басшысы Фелипе Гонсалес бекітілген болатын.

Сонымен, АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтарының дамуына талдау жасай келе, мынадай негізгі тұжырымдар туындайды:

1. АҚШ-тың Президенті және Конгрессі сараптамалық талдау орталықтардың зерттеулерімен және жұмыстарымен тең жағдайда қамтамасыз етілген, яғни әр биліктің өзіндік зерттеу құрылымдары қалыптасқан. Сонымен бірге, Президент және Конгресс сараптамалық талдау орталықтарын негізгі қаржыландырушы каналдардың бірі.
2. АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтары мемлекет тарапынан қолдау таба отырып, сонымен бірге ірі бизнес корпорациялары мен құрылымдарының қаржыландыруы арқылы саяси үдерістің негізгі акторларының бірі болды.
3. АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтары мемлекеттің сыртқы саясатының негізгі бағыттарын қалыптастыра отырып, өз өкілдіктерін ашу арқылы мемлекеттің сырт аймақтардағы ықпалын күшейту механизмі ролін атқарады.
4. Өздерінің идеологиялық, зерттеу бағыттарының қарама-қарсылығына қарамастан мемлекеттік мүдде мақсатында бірнеше сараптамалық талдау орталықтарының ұйыстырған түрде бірігіп жұмыс істеуі саяси мәселелерді талдаудың жан жақты, толыққанды, кешенді болуын қамтамасыз етеді.
5. Сараптамалық талдау орталықтарының қызметкерлері ірі университеттерде, колледждерде баяндама жасап, өз қызметінің бір бағытын арнау арқылы академиялық орта мен сарапшылар әлемін байланыстырушы ролін атқарады.

Ал Еуроодақ сараптамалық талдау орталықтарының келесі өзіндік ерекшеліктерін атауға болады:

1. Еуроодақ интеграциясы контекстінде сараптамалық талдау орталықтары зерттеу бағыттары бойынша сыртқы саясат мәселелеріне қарағанда ұлттық деңгейде мәселелерді талдауға, талқылауға бейім;

2. Еуроодақ интеграциясы шеңберінде Еуроодақ идеясын насихаттауға бағытталған сараптамалық талдау орталықтарын Еурокомиссия тарапынан қаржыландырудың жеке механизмі қалыптасты;
3. Еуроодақ интеграциясына қарамастан Шығыс Еуропа сараптамалық талдау орталықтары мен Батыс Еуропа сараптамалық талдау орталықтарында қаржыландыру деңгейі, қызметтері, зерттеу бағыттары бойынша айырмашылықтар бар, сонымен бірге Батыс Еуропаның сараптамалық талдау орталықтарының саясатқа ықпалы Шығыс Еуропа сараптамалық талдау орталықтарына қарағанда басым, себебі олар Брюссельде өз өкілдіктерін ашып, тікелей комиссия отырыстарына қатысып, тікелей араласа алады;
4. АҚШ-тың сараптамалық талдау орталықтарына қарағанда «айналмалы есік» қызметі Еуроодақ сараптамалық талдау орталықтарының қызметінде, жалпы Еуроодақ саясатында үлкен маңызға ие емес, сонымен бірге толыққанды жұмыс істемейді.

БАЛҚАН МӘСЕЛЕСІ: сарапшы көзқарасы

Құрметті оқырмандар! «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» халықаралық ғылыми журналы біздің журнал беттерінде оқырман қауымға таныстырылатын кітап авторларымен сұхбаттардың сериясын жариялай бастайды. Бұл идеяның бастамашысы бүгін «Кітап авторларымен сұхбат» айдарынын ашатын, Климент Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саяси ғылымдарының докторы, Редакциялық Кеңес мүшесі Татьяна Дронзина болып табылады.

Сіздердің назарларыңызға Испаниядағы Гранада университетінің Бейбітшілік және шиеленістерді реттеу институтының Қазіргі заманғы тарих кафедрасының профессоры **Хосе Анхель Руис Хименес-пен** сұхбатты ұсынамыз. Хосе Анхель Руис Хименес Адам құқықтары мен демократизация саласында Еуропалық магистр дәрежесін және қазіргі әлемдегі Адам құқықтары саласындағы магистр дәрежесін, сонымен қатар, бейбітшілік мәселелерін зерттеу саласындағы доктор дәрежесін иеленген. Доктор Хименес Испанияда, Колумбияда және АҚШ-та дәрістер оқыған. Ғалым Балқан факторын зерттеу бойынша өзінің зерттеулері туралы әңгімелеп, болашақта Балқан аймағында шиеленістік жағдайды алдын-алу үшін қандай әрекеттер жүзеге асырылуы қажет екендігі туралы өз тұжырымдарын айтады.

Ол журналдың осы нөмірінде толық түйіндісі берілген **«Балқан - Еуропаның ашық жарасы. Шиеленістер мен бірлесіп тіршілік етуді қайта құру»** атты кітабының авторы.

Tell us about yourself.

I was born in Motril, a small town on the coast of Granada, Spain. I grew up there until I moved to Granada in 1992, where I graduated in Geography and History in 1997. Later I studied post-graduate programmes in the United Kingdom, Italy and Spain, obtaining an E.MA in Human Rights and Democratisation, an MA in Human Rights in the Contemporary World and a Ph.D in Peace Studies. I lectured in Spain – Granada, 2001-2006 – Colombia – Cali and Bogota, 1999-2002 – and the United States –New York, 2006-2008 – before being offered a fixed contract at the University of Granada in October 2008. Currently I am working in the Department of Contemporary History and in the Peace and Conflicts Institute at the University of Granada.

How did a young Spanish scholar as you get interested in South East Europe?

I was a teenager when the war broke out in former Yugoslavia. All of a sudden, that country, the closest to the West among the communist European regimes, known for its communism with a human face, decentralisation, openness to foreign countries, high standard of living, prosperous tourism and brilliant basketball and football players was permanently in the news because of the slaughter that was taking place there. Hideous events such as the siege of Sarajevo, the blowing up of the bridge of Mostar and the massacre of Srebrenica, as well as the genocides and the then coined term ethnic cleansing shocked my generation. We followed the news but none of us could really understand the roots of the conflict. At that time, we were naïvely enthusiastic about the end of the Cold War and believed that peace and human rights were going to rule the world from then

BALKAN QUESTION: *Expert's View*

Dear readers! International research magazine «International Research. Society. Politics. Economics.» begins publishing a series of interviews with the authors of the books that are announced in our magazine. This idea has been initiated by the Member of the Editorial Board Tatyana Dronzina, Professor, Department of Political Science, Kliment Ohridski University of Sofia, PhD (Political Science) (Sofia, Bulgaria) who today opens the heading «Interviews with books' authors».

We would like to introduce the interview with **José Ángel Ruiz Jiménez**, Professor, Department of Contemporary History, Peace and Conflicts Institute, University of Granada, Spain. José Ángel Ruiz Jiménez has a European Master's Degree in Human Rights and Democratization and a Master's Degree in Human Rights in the Contemporary World and a Ph.D in Peace Studies. Dr. Jiménez lectured in Spain, Colombia and the United States of America. This scholar is telling about his studies on the Balkan factor and is sharing his speculations on what should be done to prevent future conflicts in the Balkan region.

He is the author of the book «**Balkans, Europe's Open Scar. Conflict and Reconstruction of Coexistence**», full resume is presented in our magazine.

on. I guess that deep inside, most of us, who were under 20, perceived that war was a failure of everything that civilisation and European values meant to us. When I started to work at the Contemporary History Department I had studied many other conflicts, but I still felt a sort of personal need to fully understand the underlying causes of that war. Consequently, I felt I had to come to terms with the ongoing Balkan conflicts. That is how it all started.

I see you have certain experience of being in Balkan countries. Tell us about it.

I had the chance to visit the region for the first time in January 2000. I was studying for European Master's in Human Rights and democratisation that the EU, the UN and several European Universities organise every year. That programme took us there to work in the field for a week. The NATO intervention in Kosovo was fresh and the Dayton Peace Agreement was being enforced by international troops whose presence in Bosnia and Herzegovina (BiH) was overwhelming. There seemed to be foreign soldiers everywhere. The Masters program was closely related to the international institutions established in BiH, so we had the chance to see the High Representative; visit the ombudsman's office, talk to the rector of the University of Sarajevo meet a number of local human rights NGOs; visit some EUFOR barracks and exchange views with the military; walk around the cities at night... We all stayed with local families so we had the chance to chat with them for many hours. In short, it was a very intense and enriching experience. I began to feel that I was closer to having some answers to my many concerns about that conflict. After I finished my Ph.D in 2005, I made the Balkans one of my research priorities. Accordingly, I joined

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС: взгляд эксперта

Уважаемые читатели! Международный научный журнал «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» начинает публикацию серий интервью с авторами книг анонсируемых на страницах нашего журнала. Эту идею инициировала Член Редакционного Совета Татьяна Дронзина, профессор кафедры политологии Софийского университета имени Климента Охридского, доктор политических наук (София, Болгария), которая и открывает сегодня рубрику «Интервью с авторами книг».

Предлагаем Вашему вниманию интервью с **Хосе Анхель Руис Хименесом**, который является профессором кафедры современной истории Института мира и урегулирования конфликтов Университета Гранады в Испании. Хосе Анхель Руис Хименес имеет Европейскую степень магистра в области прав человека и демократизации и степень магистра в сфере прав человека в современном мире, а также степень доктора в области изучения проблем мира. Доктор Хименес читал лекции в Испании, Колумбии и США. Ученый расскажет о своих исследованиях по изучению балканского фактора и поделится своими размышлениями о том, что следует предпринять для предотвращения конфликтной ситуации в Балканском регионе в будущем.

Он является автором книги **«Балканы, открытый шрам Европы. Конфликты и реконструкции сосуществования»**, развернутое резюме которой представлено в нашем журнале.

a long term academic project the University of Granada had in BiH shortly afterwards. Since then, I have regularly travelled around the region.

What's next? (Do you already plan your future research?)

I have been awarded a JoinEU-SEE scholarship by the European Commission to research about transitional justice and historical memory in Serbia this spring. So I shall join the Faculty of History at the University of Belgrade and collaborate with the Culture of Peace Centre for roughly a month. I also expect to interview intellectuals, politicians, human rights activists and local journalists. I hope to collect enough information to write an article updating the status of Serbian efforts to implement a fully democratic state.

Is there some mystery in the Balkans that apparently makes it a permanent conflict-stricken area of the world?

The mystery surrounding the region comes from the broad assumption that its inhabitants are congenitally irrational and driven by ancient hatreds, making the Balkans the apparent “centre of some sort of imaginative whirlpool”, as Jonathan Harker, Stoker’s rational Victorian explorer notes. This vision has been stubbornly held by the Western media and Western policy-makers, whose influence helps to perpetuate the myths. There is no mystery, but instead social, cultural and political reasons that explain both the Westerner’s perception and the violence that has occasionally erupted in the region. I shall try to explain them, in short, from the historian’s perspective; nonetheless I will have to leave aside many of the details. The Balkan region is indisputably part of Europe. Nevertheless, it is also seen as ‘irreparably oriental’ because it spent nearly

five centuries as part of the Ottoman Empire and because BiH, Kosovo and Albania are the only predominantly Muslim European countries. Moreover, the Balkans were never colonised by Western powers, so it was allowed to become the repository of any manner of fantastic imaginings. Once the Balkan countries became independent at the beginning of the 20th century, they tried to imitate the highly militarised Nation-State model that seemed to have led Western Europe to success. It proved to be virtually impossible, as the region was a mixture of different identities very difficult to divide by mutually agreed borders. The two Balkan wars of 1912 and 1913 hardly clarified the map. Besides, Austria and Russia had plans to control the region. Those empires' aspirations contributed significantly to the First World War. After the Versailles Peace Treaty the first Yugoslavia was born – artificially created by the West – as an attempt to stabilize the region under a Serb king. The crown ended up subjugating Croatia and Slovenia, which led to internal tensions that proved lethal during the Second World War. The subsequent Titoist regime was a communist dictatorship whose apparent success was flawed by an extremely weak political and economic basis.

So why political and economic weakness led to such a degree of violence?

Politicians all over Yugoslavia experienced a void of control created by the absence of Tito after his death in 1980. The Yugoslav context was embroiled in political disarray and economic crisis, which worsened after 1983. The so called Croat Spring early upheaval that took place in 1971 meant the first challenge to the country's unity. One decade later, the 1981 demonstrations in Kosovo went further and gave young Albanians a sense of pride and national identity that energized many to become politically active to defy Yugoslavia. Especially after the rapid process of decentralisation of power boosted since 1974, all republics – especially Serbia, Slovenia and Croatia- began to believe that there were no real “Yugoslav interest”. The six republics were gradually becoming more and more autonomous, weakening the federal government until its collapse: the early 1980s were a time of building and consolidating strategies for each Republics' elites to consolidate their position. They were favoured by their respective communist parties, which allowed them to have control over local economies, the local media and local governments with minimal constraints from the increasingly weak federal administration. Few people seemed to notice that what was occurring was the actual breakdown of the country, but the facts were at hand even for the general public.. For example, last year I read a 1988 copy of National Geographic that included a lengthy article on Yugoslavia; going through its pages it was patent that behind the apparent stability of the country, it was already a powder keg. Moreover, once the violence erupted, Yugoslav media played a fundamental role in the widespread violence that followed. All radio and TV stations were directly subordinate to each republic's communist party, so they were openly biased and closed to independent opinions. The media fuelled the war by repeatedly showing massacres carried out by “the other” against “us”. That policy inflamed public opinion and led to new slaughter, paving the way to more massacres in a deadly vicious circle.

Then, were they essentially internal problems which led to war?

Undoubtedly Yugoslavia had enough problems of its own, but international influences were also extremely influential in the 1990s Balkan wars. The Western powers, including Russia, have unsuccessfully sought to gain influence in the region since the demise of the Turkish empire. There has always been a paternalistic approach to the Balkans, something that worsened the drama of

Yugoslavia in the troubled early 1990s. The international community did not show a determined policy, maintaining a slow and weak attitude towards Yugoslavia, as the Badinter Commission's lack of influence made evident. Then Germany, which wanted to regain influence in the international community under the enthusiasm that followed the end of the Cold War and its national reunification progress, saw a chance to show itself again as a key actor in European policy. So the Kohl administration took the dramatic decision of unilaterally recognising Croatia's and Slovenia's independence, but not BiH's. Subsequently, Serbia and Croatia interpreted this as a *carte blanche* to take advantage of the decomposition of Yugoslavia and enlarge their countries through the incorporation of the regions of BiH where the Serb and Croat population had a significant presence. That started the most violent phase of the war, as the Muslims had been left out of the picture and found themselves caught in the middle. Later, other international actors intervened. Several Muslim countries that sought to consolidate Islam in Europe and felt that they had to help their Balkan brothers sent arms and volunteer mujahidins. Russia had a strategy beyond cultural reasons of Slavic brotherhood: they had sought the chance to gain influence in the region since the fall of the Turkish empire, something that firstly Austria and secondly Tito had made impossible, so Moscow resolutely took sides with Serbia. Most important, the contending parties knew that sooner or later the US would put an end to the conflict, so they tried to take advantage of Washington's slow reaction to set the most favourable conditions to impose their preferred version of the map on the basis of national identity, which largely explains the ethnic cleansing that took place in BiH. I am just referring to some especially influential factors, but what I am trying to convey is that, in the end, the international intervention also played a remarkable role in the way the conflict unfolded.

What about the future of the Balkans?

Since the NATO intervention in Kosovo in 1999 the region has been mostly stable and it is difficult to envisage major conflicts in the future. Croatia and Slovenia do not have any significant minorities inside their frontiers; Macedonia has not had any problems with its Albanian minority after the brief armed uprising of 2001; Montenegro – 2006 – and Kosovo – 2008 – peacefully seceded from Serbia, even though the last is still challenged from Belgrade. Thus, I believe that only BiH remains as a possible scene of grave new tensions. The country's administrative design responds to the compromise agreed in 1995 to end the war, but by no means is a long lasting model, especially because the Serbs of Republika Srpska have no desire to share the country with the Muslim-Croat federation and would prefer to follow the steps of Montenegro and Kosovo. There are also frictions on the Croat side of BiH, especially in the Herzegovina region, where the city of Mostar is the most representative example of the present animosities. That town is considered by many Croats as the future capital city of what they name Heceg-Bosna, the country they see as Croatia irredenta. That is the reason why my book pays special attention to Mostar as the most illustrative case study of the current post-Yugoslav tensions. I believe that the most important lesson of the Balkan conflicts in the 20th century is related to the potential vulnerability of countries shared by different national identities. That is undoubtedly a cultural treasure but also a ticking bomb that can be detonated by unscrupulous leaders under circumstances of political and economic crisis. In consequence, I consider that there is a need to educate people to be aware of such a danger in order to prevent future blood-stained conflicts. In that sense, I am convinced of the importance of going beyond tolerance to cultivate mutual respect.

Казахско-швейцарско-российско-испанско-индийский
музыкальный проект

«КАПИТАН ДУБРОВШНЕВ»



ispr.kz

Әлеуметтік-Саяси Зерттеулер Институты
Institute for Socio-Political Research
Институт Социально-Политических Исследований

ИСПИ-Казахстан
ФИНАНСОВАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ
ПОДДЕРЖКА
(Астана, Казахстан)



Театрально-художественный клуб АРТ`ЭРИА
при Центральном доме работников искусств
ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА
(Москва, Россия)

ПОЛЕТАЕВ ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, Көші-қон зерттеулер орталығының сарапшысы (Зайончковская Ж.А. орталығы), Ресей Ғылым Академиясының Халық шаруашылығын болжау институтының көші-қонды талдау және болжау зертханасының жетекші ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының кандидаты, «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының Редакциялық Кеңесінің мүшесі (Мәскеу, Ресей)

2010 жылы 26 наурыздағы «Қазақстан Республикасы мен Корея Республикасы: ғылыми қауымдастық серіктестігі» атты халықаралық ғылыми семинар шеңберінде «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының әлеуметтік жобаларының тұсаукесері

Журнал үш бағыттағы әлеуметтік жобаларды дамытуды бастап отыр.

Жүзеге асырылуы мүмкін бағыттардың бірі – музыкалық жобалар. Музыканың тілі интернационалды, сондықтан да музыканттар барлық заманда да емін-еркін түрде мемлекеттен мемлекетке көшіп, өз тыңдаушыларын тапқан, сол себепті тәуелсіз экспериментальды музыканы қолдау журнал қызметінің дамуында тартымды бағыттардың бірі болады деп ұйғардық.

Барлық мемлекеттерде болашағы бар тартымды музыкалық жобалар бар. 50-60-70 жылдарда рок-н-ролл қазірде не министр, не президент сияқты маңызды мемлекеттік лауазымдарды иеленген адамдардың санасын дүр сілкіндірген болатын. Қазіргі уақыттағы жастар арасындағы танымал музыка осы әлемді түсінуге ықпал етеді, ортақ жалпы болашақты қалыптастыруға нақтылы бір деңгейде әсерін тигізеді. Музыка интернационалды, сол себепті оның экспериментальды бағыттарына қолдау жасау тартымды қызмет болады деп ойлаймыз.

Бұл жобаның екі серіктесі бар: қаржылық ақпараттық қолдауды **Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты (ӘСЗИ-Қазақстан)**, сонымен бірге ақпараттық қолдауды **Өнер қызметкерлерінің орталық үйі жанындағы АРТЭРИА театр-шығармашылық клубы** көрсетеді. Бұл клуб жұмысында экспериментальды қойылымдар, дәстүрлі музыкамен астарласып жатқан экспериментальды музыка фестивальдары өтеді. Сонымен, шығарылатын дисктердің тұсаукесері Астана мен Мәскеу қалаларында өтетін болады.

Осы музыкалық сериядан алғашқы музыкалық жоба дайын және де ол кекесін сипатқа ие. Егерде біз қандай да болмасын зұлымдыққа күлсек, ол қауіпті, зұлымдылық сипатынан айырылады. Бұл зұлымдықты жеңудің бір амалы сияқты. Қазіргі уақытта мұндай тәсіл әлемдегі барлық белсенділермен қолданылуда. Сонымен бірге, қандай да болмасын мәселені талқылығанда, ақпараттық дүмпу жағдайында мәселені ерекше бір тәсілмен жеткізе білсе, халықтың назарын аударуға болады. Сол себепті біздің музыкалық жобаларға осы ерекшелік, ұқсамастық, өзгешелік тұрғыдан қарауға тырысамыз.

Қазіргі уақытта музыкалық жобалар сериясынан жүзеге асырылып жатқан алғашқылардың бірі - «**Капитан Дубровшнев**» деп аталады. Бұл қазақ-швейцарлық-ресейлік-испандық-үнді жобасы. Бұл идея екі музыкантта пайда болды: оның біреуі – **Лионель Дентан** атты Швейцарияда тұратын музыкант, ал екінші музыкант Мәскеуден шыққан, көп жылдар бойы Үндістанда тұрған және жұмыс істеген **Геннадий Лаврентьев**.

Музыканың идеялық негізі – Арал теңізінде атом сүңгуір қайықта өзінің вахта жұмысын атқарған капитан Дубровшнев туралы аңыз. КСРО ыдырығаннан кейін ол бұйрық берілмегендіктен, өзінің сүңгуір қайығында қалып қойыпты деген тұжырым бар. Капитанмен байланыс үзіліп, оның

қалыңдығы оны әлі тосуда. Бұл оқиға өзінің қалыңдығын көп жылдар бойы күткен қыз басты кейіпкер болып табылатын «Юнона и Авось» атты атақты драмаға ұқсайды. Осы аңыз екі музыкантта туындап, эмбиент-нойз (ambient-noise) деп аталатын стильде музыкалық альбомына ұласты. Ғаламторда бірнеше жылдар бойы өзгеше жоба-аңыз табынушыларына сайт арналған (<http://www.myspace.com/capitandubrovshnev>).

Бүгінде экспериментальды музыка – бұл мәтінсіз музыка, әуендердің үйлесімділігі де емес, осы әуендерге сүйсіну. Сол себепті «Капитан Дубровшнев» музыкасы осы сүйсінудің, музыка ырғақтарының, теңіз, шөл дала әуендерінің аралас қоспасы болып табылады.

Осы жобаның музыкант-қатысушыларының тізімі: **Лионель Дента**, электро (Швейцария); **Геннадий Лаврентьев**, гитара, скрипка, электро (Ресей); **Самрат Бхарадуадж**, электро (Үндістан); **Иш С.**, гитара (Үндістан); **Мончо Эрнандес**, перкуссия (Испания).

CD мазмұндамасында музыканттар былай деп жазады: «...Біз экологтар да, тарихшылар да емеспіз, біз музыкантпыз, сол себепті, апаттан кейінгі капитан өмірінің сыртқы жағдайларын, сонымен бірге, ішкі әлемін, сезімдерін, үміттерін әуенмен жеткіземіз...».

Диск шамамен 2010 жылдың сәуір-мамыр айларында шығып, АҚШ, Еуропа, Қазақстан, Ресей, Үндістан таратылады, сол себепті диск анонсы көп тілде жазылады, бірақ рәсімдеуде ағылшын тілі негізінен халықаралық араласу тілі болғандықтан, жиі қолданылады.

Музыкалық жобаның экологиялық құрамдаушы немесе жалғастырушы бөлігі бар. Музыкалық CD сатудан түскен кірістің бөлігі, музыкалық жоба Арал теңізінің экологиялық апатына байланысты болғандықтан, экологияны қорғау мақсаттарына жұмсалады. Біз қорларда, өзен-көлдер маңында, жаппай демалу орындарында немесе туристер шоғырланған аймақтарда арнайы плакаттар ілеміз. Бұл плакаттар – табиғатты ластайтын сыпырынды, қоқыс мәселесіне назар аударуға бағытталған өзіндік экологиялық стендтер. Плакаттардың негізгі идеясы: қоқысты шашпау, су айдынына бөтелкелерді тастамау, себебі бұл қоқыстар табиғатқа нұқсан келтіріп, экологияны бұзады. Плакаттардың дизайны жасалуда, бірақ негізгі идеясы осы бағытта болады. Сонымен, біз журналдың барлық оқырмандарын осы экологиялық бағыттың дамуына қатысуға, соңынан плакаттарды таратуға шақырамыз.

Сонымен бірге, біз қазақстандық жоғары оқу орындарындағы студенттерге, тарихшыларға, саясаттанушыларға, әлеуметтанушыларға арналған қайырымдылық қоғамдық стипендияларды беру сияқты тағы бір бағытты дамытуға тырысамыз. Стипендиялар өзекті қоғамдық, халықаралық, экологиялық тақырыптарға арналған құрстық жұмыстар немесе диплом жұмыстарына қолдау көрсету үшін тағайындалады. Журнал жеке тұлғаларды, ұйымдарды қайырымдылыққа тарту және қаржы жинау жөнінде ұйымдастыру мәселелерін өз мойнына алады. Бір студентке стипендия бір жылға 1200 долларды құрайды, яғни ай сайын біз студенттің стипендиясына 100 доллар қосып отырамыз. Қоғамдық маңызды тақырыптармен айналысатын дарынды студенттерге қолдау көрсету игі ісіне кез келген адам немесе ұйым қатыса алады. Біз бұл шараны белсенді жеке азаматтық істің көрінісі деп есептейміз. Стипендиялармен байланысты жобалар негізінде Қазақстанда қызмет атқаратын елшіліктермен ынтымақтастық орнатуға болады. Елшіліктер халықаралық қатынастарды нығайтуға, сонымен бірге өз елін зерттеуге бағытталған тақырыптарға қолдау көрсете алады.

Біз барлық оқырмандарды біздің әлеуметтік жобаларды талқылауға қатысуға шақырып, кез келген ұсыныстарға ризашылығымызды білдіреміз. Бізге ispr@ispr.kz электронды поштасына «Әлеуметтік жобалар» белгісімен хат жазуларыңызға болады.

POLETAEV DMITRY VYACHESLAVOVICH, Expert, Center of Migration Studies (J.A.Zaionchkovskaya's Center), Leading Researcher, Laboratory of Migration, Institute of Economic Forecasting of Russian Academy of Sciences, Candidate of Science (Economics); Member, Editorial Board, Magazine «International Research. Society. Politics. Economics.» (Moscow, Russia)

The social projects presentation of the magazine «**International Research. Society. Politics. Economics.**» was held March 26, 2010 in Astana within the framework of the scientific seminar «**Republic of Kazakhstan and Republic of Korea: Scientific Community Partnership**»

The magazine begins developing three directions of social projects.

The first direction is musical projects. It is at the pilot implementation stage. Music is the language that is international. So, at all times musicians freely move between states and find their listeners. We decided that one of the interesting directions in the magazine development would be support for the experimental music. In all countries there are interesting musical projects which have future. Like in 50-60-70s when rock-and-roll inverted the consciousness of those people who now occupy the key state positions: someone has become a minister, someone has become even a President. And currently the music, which is popular with the youth, has an impact on the consciousness of this world; to some extent it influences the creation of our common future. The music is international and we see that support for its experimental directions by our magazine will be a very interesting matter.

This project has two partners: financial and informative support is provided by the **Institute for Social and Political Research (ISPR-Kazakhstan)**. The Institute is assisted with information support by **ART'ERIA, Moscow Club of Theatre and Art under the Central House of Artworkers**, which is the place where the experimental plays are staged, the festivals of experimental music, which is fused with the traditional one, are carried out. Therefore, the presentation of released discs will be held in Astana as well as in Moscow.

The first musical project from this musical series is already ready. It has a slightly ironic character. If we laugh at something that is evil, it stopped being evil and dangerous; it has become funny. This is a very special victory over evil. Currently this approach is actively applied all over the world by activists. Besides it, when we speak about a problem, an unusual presentation of the information might draw attention, especially in the present situation of information explosion. We will approach our series of musical projects from the point of extravagance, irony and even paradoxicality.

The first project out of the series of musical projects is called «**Captain Dubrovshnev**» which is being already implemented. This will be Kazakhstan-Switzerland-Russia-Spain-India project. Two musicians came up with this idea: one musician is from Switzerland and his name is **Lionel Dentan**, another musician is from Moscow and his name is **Gennady Lavrentyev**. He used to live for a long time and to work in India; he plays Indian music.

The music is based on the idea of the legend about Captain Dubrovshnev who had the duty in a nuclear-power submarine in the Aral Sea. After the USSR collapse, he supposedly stayed on his submarine; he never left his duty because he was not given the order to leave it. The contact with him was discontinued. His

girlfriend is still waiting for him like in the well-known drama «Juno and Avos» where the girl waited for her beloved boy many years. Two musicians came up with such a legend and was shaped in a musical album, the style of which can be defined as ambient-noise. There has been a fans' website of this unusual project and legend for several years in the Internet. (<http://www.myspace.com/capitan-dubrovshnev>).

Presently the experimental music is often the music without texts. Moreover, it is not even harmony of sounds; it is more sounds' gloat. The music «Captain Dubrovshnev» represents the mixture of such gloat, musical themes and the sounds of sea, dessert, and radio signals.

The list of musicians participating in this project is as follows: **Lionel Dentan**, electro (Switzerland); **Gennady Lavrentyev**, guitar, violin, electro (Russia); **Samrat Bkharadudzh**, electro (India); **Ish S.**, guitar (India); **Moncho Ernandes**, percussion (Spain).

As the musicians write in the CD annotation: «...We are neither ecologists nor historians, we are musicians; therefore, we express in the sound the external circumstances of the captain's life as well as his inner world, thoughts, feelings, perceptions, hope ...»

The disc, which will presumably be released in April-May 2010, will be distributed in U.S.A., Europe, Kazakhstan, Russia and India. So, the disc announcement will be multilingual but English as the language of international communication is mainly used in the disc design.

The musical project will have an ecological part as well; or, in other words, it will be a continuing part. Certain part of the profit from the disc sales will be spent only on ecology protection because the idea of the disc per se is related to the topic of the ecological disaster in the Aral Sea. We will issue special posters that will be placed in natural reserves, near rivers, in places of public entertainment and rest or tourist zones. These posters will serve as ecological stands, which draw attention to the issues of litter polluting the nature around us. The key idea of the banners is one should not leave trash, one should not throw plastic bottles into ponds, one should not litter in the places where you go out for rest because all this litter makes the nature ugly and worsens the ecology around us. The banners are in the process of designing but the idea will be as it has been described. We would like to encourage all the magazine readers to participate in the design of this ecological part and, subsequently, in the banners' distribution.

One more direction that we intend to develop is to create a series of charitable social scholarships for the students of the Kazakhstan higher educational institutions: historians, political scientists, sociologists. These scholarships will be rewarded for research papers or as the support for the work over final research papers, which are devoted to current social, international, ecological topics. The magazine will undertake all the organizational questions regarding collecting money and calling for benefactors – private people as well as organizations; we are also inviting donors to participate. The scholarship for one student per year will account for 1200 US\$, i.e. we will add 100 US\$ to a student's scholarship on a monthly basis. Any person or organization will be able to participate in this noble work – support for talented students who work over socially important topics. We consider this is a concrete work towards manifestation of a person's active civil position. We assume that this project on scholarships would encourage cooperation with the embassies of different countries, which are represented in Kazakhstan; they are the embassies that can support the themes contributing to strengthening international relations as well as topical studies devoted to studies about these countries.

We would like to invite all to discussion and participation in our social projects. We would be glad to hear all your comments. You can contact us via email: ispr@ispr.kz, «**Social Projects**» should be indicated in the subject of the email message.

ПОЛЕТАЕВ ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской), ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук, кандидат экономических наук, член Редакционного Совета журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» (Москва, Россия).

Презентация социальных проектов журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» прошла в Астане в рамках научного семинара «Республика Казахстан и Республика Корея: партнерство научного сообщества» 26 марта 2010 года

Журнал начинает развивать три направления социальных проектов.

Одно направление, которое находится на пилотной стадии реализации, это музыкальные проекты. Музыка – это язык, который интернационален, поэтому музыканты во все времена свободно перемещались между государствами и находили своих слушателей, и мы решили, что интересным направлением развития деятельности журнала будет поддержка независимой экспериментальной музыки. Во всех странах есть интересные музыкальные проекты, за которыми – будущее. Как когда-то в 50-60-70 гг. рок-н-ролл перевернул сознание тех людей, многие из которых сейчас занимают ключевые государственные должности: кто-то из них стал министром, кто-то даже президентом. И сейчас музыка, которая популярна у молодежи влияет на осознание этого мира, в определенной степени влияет на формирование нашего общего будущего. Музыка интернациональна и нам видится, что поддержка нашим журналом её экспериментальных направлений будет интересным делом.

У данного проекта уже есть два партнера: финансово-информационную поддержку оказывает **Институт социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан)**, и в помощь ему информационную поддержку оказывает **московский театрално-художественный клуб АРТЭРИА при Центральном доме работников искусств**, который сам по себе является особой площадкой, где ставятся экспериментальные спектакли, проходят фестивали экспериментальной музыки, сливающейся с музыкой традиционной. Таким образом, презентация выпускаемых дисков будет проходить и в Астане и в Москве.

Собственно, первый музыкальный проект из этой музыкальной серии уже готов и носит он немного ироничный характер. Если мы смеемся над чем-то злым, оно перестает быть опасным, злым и становится смешным. Это какая-то особая победа над злом. Этот подход сейчас повсеместно используют активисты по всему миру. Кроме того, когда мы говорим о какой-то проблеме, то именно необычная подача информации может в ситуации информационного взрыва, в котором мы сейчас живём, привлечь к себе внимание. И именно с позиций необычности, иронии и даже парадоксальности мы будем подходить к нашему серийному музыкальному проекту.

Первый из серии музыкальных проектов, который мы уже реализуем, называется «**Капитан Дубровшнев**». Это будет казахско-швейцарско-российско-испанско-индийский проект. Идея создания возникла у двух музыкантов: один музыкант из Швейцарии и его зовут **Лионель Дентан**, а второй музыкант из Москвы, который долго жил в Индии, играет индийскую музыку, работал в Индии – **Геннадий Лаврентьев**. Идейная основа музыки – легенда о капитане Дубровшневе, который нёс вахту в Аральском море на атомной подводной лодке. После распада СССР, он якобы остался на своей подводной лодке, не покинул поста, потому что ему не было дано приказа, покинуть его. Контакт был с

ним прерван, до сих пор его девушка ждет его, как в той известной драме «Юнона и Авось», где девушка много лет ждала своего возлюбленного. Вот такая легенда возникла у двух музыкантов и вылилась в целый музыкальный альбом, стиль которого можно определить как эмбиент-нойз (ambient-noise). В интернете уже несколько лет существует сайт поклонников этого необычного проекта-легенды (<http://www.myspace.com/capitandubrovshnev>).

Сейчас экспериментальная музыка, это часто музыка без текстов, и даже не какая-то стройная гармония звуков, а любование самими звуками. Собственно, музыка «Капитана Дубровшнева» и представляет из себя смесь вот такого любования, смесь музыкальных тем и шумов моря, пустыни и радиосигналов.

Вот список музыкантов-участников этого проекта: **Лионель Дентап**, электро (Швейцария); **Геннадий Лаврентьев**, гитара, скрипка, электро (Россия); **Самрат Бхарадуадж**, электро (Индия); **Иш С.**, гитара (Индия); **Мончо Эрнандес**, перкуссия (Испания).

Как пишут сами музыканты в аннотации к CD: «...Мы не экологи и не историки, а музыканты, поэтому выражаем в звуке как внешние обстоятельства жизни капитана после аварии, так и его внутренний мир, мысли, чувства, ощущения, надежды...».

Диск, который предположительно выйдет в апреле-мае 2010 г. Будет распространяться в США, Европе, Казахстане, России и Индии, поэтому анонс у диска будет мультязычным, но в основном при оформлении используется английский язык, как язык международного общения.

Музыкальный проект будет иметь и экологическую составляющую, или, вернее сказать, продолжающую. Часть прибыли от реализации музыкального CD, идея которого сама по себе связана с темой экологического бедствия Аральского моря, пойдет на сугубо защитно-экологические цели. Мы будем выпускать специальные плакаты, которые будут размещены в заповедниках, около рек, в местах массового отдыха или скопления туристов. Эти плакаты – своего рода экологические стенды, которые привлекают внимание к проблеме мусора, загрязняющего природу вокруг нас. Основная идея плакатов: не нужно мусорить, не нужно бросать пластиковые бутылки в водоемы, не нужно мусорить там, куда ты выезжаешь отдыхать, потому что весь этот мусор вредит природе и ухудшает экологию вокруг нас. Дизайн плакатов пока находится в разработке, но идея будет именно такой. И мы приглашаем всех читателей журнала принять участие в разработке этой экологической составляющей и, впоследствии, в распространении плакатов.

Ещё одно направление, которые мы намерены развивать – это создание линейки благотворительных общественных стипендий для студентов казахстанских вузов, для историков, политологов, социологов. Стипендии будут присуждаться за курсовые работы, или для поддержания работы над дипломами, посвящёнными актуальным общественным, международным, экологическим темам. Журнал берет на себя все организационные вопросы по сбору средств и привлечению благотворителей – как частных лиц, так и организаций, приглашает к участию доноров. Стипендия на одного студента в год будет составлять 1200 долларов, т.е. ежемесячно мы будем прибавлять к его стипендии по 100 долларов. Любой человек или организация смогут участвовать в этом благородном деле – поддержке талантливых студентов, занимающихся общественно важными темами. Мы считаем это конкретное дело проявлением активной личной гражданской позиции. Полагаем, что на почве этого проекта со стипендиями возможно и сотрудничество с посольствами различных стран, представленных посольствами в Казахстане, которые смогут поддерживать темы, способствующие укреплению международных отношений, а также тематические исследования, посвященные изучению их страны.

Мы приглашаем всех к обсуждению и к участию в наших социальных проектах и будем рады вашим замечаниям. Пишите нам по электронному адресу ispr@ispr.kz, с пометкой «Социальные проекты».

Қазақстан Республикасы мен Корея Республикасы: ҒЫЛЫМИ ҚАУЫМДАСТЫҚ СЕРІКТЕСТІГІ

«Халықаралық Зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналы және Қазақстан Республикасындағы Корея Республикасы елшілігінің Корея мәдени орталығы Қазақстан корей ассоциациясымен, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің Кореятану орталығымен бірлесе отырып, 2010 жылдың 26 наурызында Оңтүстік Кореядағы Қазақстан жылына орай «Қазақстан Республикасы мен Корея Республикасы: ғылыми қауымдастық серіктестігі» атты халықаралық ғылыми семинар өткізді.

Екі ел ғалымдарының ынтымақтастығын ұлғайту, ғалымдарының өзара түсіністігіне қол жеткізу, осы өзара түсіністіктің дамуына қолдау жасау, ғылыми және баспа қызметін жүзеге асыру, ғалымдар арасындағы іскерлік ынтымақтасты құру, екі елдің ғылыми мектептерінің арасында тәжірибе алмасуды қамтамасыз ету – осы іс-шараның басты мақсаты болып табылады. Семинар қатысушыларына Қазақстан Республикасындағы Корея Республикасы елшілігінің Корея мәдени орталығының директоры *Хан Сун Рэ* құттықтау сөзін айтты.

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты ашық дәрістер оқу бастамасын ұсынған болатын.

Ең алғашқы ашық дәрісті 2009 жылдың желтоқсан айында «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының Редакциялық Кеңесінің мүшесі, Көші-қон зерттеулер орталығының сарапшысы (Зайончковская Ж.А. орталығы), Ресей Ғылым Академиясының Халық шаруашылығын болжау институтының көші-қонды талдау және болжау зертханасының жетекші ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының кандидаты (Мәскеу, Ресей) *Полемаев Дмитрий Вячеславович* «Ресейдегі заңсыз көші-қон және адам саудасы» атты тақырыпта өткізген болатын.

Осы семинар барысында тарих ғылымдарының докторы, профессор, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің Кореятану орталығының директоры, Қазақстан Республикасының еңбек сіңірген қайраткері, «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика.» журналының Редакциялық кеңесінің мүшесі *Ким Герман Николаевич* аудиторияның үлкен қызығушылығын тудырған «КСРО және посткеңестік кеңістіктегі корейліктердің этникалық кәсіпкерлігі» атты тақырыпта ашық дәріс оқыды.

Сонымен қатар, семинар барысында *Ким Герман Николаевичтің* «Әлем елдері» сериясынан Оңтүстік Корея, оның мәдениеті, тарихы, дәстүрлері, әдеп-ғұрыптары, саяси жүйесі, білім беру жүйесі туралы кең көлемді ақпаратты қамтыған «Корея Республикасы» атты кітабының тұсаукесері өтті.

ЦЕССИ-Қазақстан салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институтының директоры, Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының (ӘСЗИ - Қазақстан) директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты *Ракишева Ботагөз Исламқызы* семинарға қатысушыларды Country Image Cross Studies халықаралық зерттеулер әдістемесімен және ғылыми ынтымақтастық жо-спарларымен таныстырды.

Семинар барысында Хангук шет тілдер университетінің Орталық Азия тілдер кафедрасының меңгерушісі, Қазақстан бойынша Оңтүстік Кореяның жетекші сарапшысы, профессор *Сон Ен Хунның* Оңтүстік Кореяда Орталық Азия мен Қазақстанды зерттеудің жағдайы және болашағы туралы қазақ тілінде жасалған баяндамасы үлкен қызығушылық танытты. Профессор се-

минар қатысушыларын университетте қазақ тілін оқытудың жинақталған тәжірибесімен және кафедраның болашақ жоспарларымен таныстырды.

ҚР Парламенті Мәжілісінің ақпарат-талдау бөлімінің сектор меңгерушісі, саяси ғылымдарының докторы, профессор *Джүнісова Жаңылжан Хасымқызы* ғылыми серіктестікті дамыту үшін «Қазақстан Республикасы мен Оңтүстік Кореядағы демократиялық саяси жүйенің қалыптасуының салыстырмалы талдауы» бірлескен ғылыми жобасын өткізуді ұсынды. Оңтүстік Кореяның демократиялық реформалар тәжірибесін зерттеу жоспарлап отырған бұл бірлескен жоба Қазақстандағы демократиялық үдерістерді түсінуге және әрі қарай дамуына ықпал етеді.

Қазақстан халқы Ассамблеясы жанындағы Ғылыми-сараптамалық Кеңестің Оңтүстік Корея ғалымдарымен ғылыми өзара ынтымақтастық болашағын Қазақстан халқы Ассамблеясы жанындағы Ғылыми-сараптамалық Кеңесінің ғылыми хатшысы, Қазақстан Республикасы Президент Әкімшілігінің Қазақстан халқы Ассамблеясы хатшылығының кеңесшісі, саяси ғылымдарының докторы *Калашикова Наталья Павловна* толығымен сипаттап берді.

Семинарда «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының Редакциялық Кеңесінің мүшесі, Көші-қон зерттеулер орталығының сарапшысы (Зайончковская Ж.А. орталығы), Ресей Ғылым Академиясының Халық шаруашылығын болжау институтының көші-қонды талдау және болжау зертханасының жетекші ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының кандидаты (Мәскеу, Ресей) *Полетаев Дмитрий Вячеславович* «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының ағымдағы әлеуметтік жобаларын ұсынып, оның қызметінің болашақ бағыттарын ашып көрсетті. Жобалар экологиялық және музыкалық, сонымен бірге, студенттерге арналған қайырымдылық қоғамдық стипендиялар атты 3 бағытты қамтиды. Бұл журналдың да, сонымен бірге Институттың дамуында инновациялық бағыт болып табылады.

ЦЕССИ-Қазақстан салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институты директорының орынбасары *Тукаева Дарига Қуанышбайқызы* «Қазақстандағы Оңтүстік Корея имиджі: әлеуметтік талдау» атты әлеуметтік сауалнама нәтижелерімен таныстырып, қазақстандықтардың Оңтүстік Корея туралы толыққанды мағлұматтарды білетінін көрсетті.

Семинар Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің Кореитану орталығы мен Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының (ӘСЗИ - Қазақстан) «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналы, Орталық Азия зерттеулер орталығы (Сеул, Оңтүстік Корея) мен Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының (ӘСЗИ - Қазақстан) «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналы арасында ынтымақтастық жөніндегі меморандумға қол қоюмен аяқталды.

Бұл семинар Қазақстан мен Оңтүстік Корея арасындағы ғылыми ынтымақтастықтың әрі қарай дамуының іргетасы мен негізі болды.

Ынтымақтастықтың болашақ бағыттарын Редакциялық Кеңес мүшелері 2010 жылдың сәуір айының соңында Сеул қаласында өтетін «Орталық Азияның билеуші элиталары» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияға қатысу барысында талқыламақ.

Republic of Kazakhstan and Republic of Korea: SCIENTIFIC COMMUNITY PARTNERSHIP

Magazine «International research. Society. Politics. Economics.» and Korean Cultural Center of the Embassy of Republic Korea to Kazakhstan in cooperation with the Association of the Koreans of Kazakhstan, Center for Korean Studies under the Kazakh National University named after Al-Farabi hosted an international scientific seminar dedicated to the Year of Kazakhstan in South Korea «Republic of Kazakhstan and Republic of Korea: Scientific Community Partnership».

The aim of this seminar is to attain mutual understanding between scholars of both states; to support development and growth of this understanding, to carry out scientific and publishing activities, to create business collaboration between scholars, to provide experience exchange between scientific schools of both states. The seminar participants were greeted by *Han Sung Rae*, Director of the Korean Cultural Center of the Embassy of Republic Korea to Kazakhstan.

Institute for Social and Political Research has initiated a series of public lectures. The first public lecture took place at the end of December 2009. The topic of the lecture was «Illegal Migration and Human Trafficking in Russia» (Lecturer: *Poletaev Dmitry Vyacheslavovich*, Expert, Center for Migration Studies (J.A.Zaionchkovskaya's Center), Leading Researcher, Laboratory of Migration, Institute of Economic Forecasting of Russian Academy of Sciences, Candidate of Sciences (Economics) (Moscow, Russia)).

At this seminar the public lecture was given by *Kim German Nikolayevich*, PhD (History), Professor; Director, Center for Korean Studies, Kazakh National University named after Al-Farabi, Distinguished Professor of the Republic of Kazakhstan. The topic of the lecture was «The Koreans' Ethnic Entrepreneurship in the USSR and Post-Soviet Area». The lecture aroused much interest in the audience.

G.N. Kim's book «Republic Korea» was presented at the seminar. This book has become the first book, which contains large-format information about South Korea, its culture, history, traditions, customs, political and educational systems and much other information. *Rakisheva Botagoz Islyamovna*, Director, Institute for Comparative Social Research CESSI-Kazakhstan, Candidate of Sociological Sciences introduced the methodology of international studies Country Image Cross Studies and the outline for scientific cooperation of both states.

The report made by *Son Yen Khun*, Professor, Chairman, Department of Central Asian Languages, Hanguk University of Foreign Studies aroused special interest in the audience at the seminar because the report «About the Situation and Prospects of Studying Central Asia and Kazakhstan in South Korea» was presented in the Kazakh language. The professor introduced the accumulated experience of studying the Kazakh language in the Hanguk University and the further plans of this department.

Junussova Zhanylzhana Khassymovna, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Sector, Majilis of Parliament of the Republic of Kazakhstan presented her innovative idea to further cooperate in the scientific field. The professor suggested carrying out a joint scientific project «Comparative analysis of development of the democratic political systems in the Republic of Kazakhstan and South Korea». This project aimed at studying democratic reforms in South Korea would stimulate understanding and awareness of the processes in Kazakhstan and their further development.

The prospects of scientific cooperation of the Expert Committee under the Assembly of the People of Kazakhstan with the South Korean scholars were introduced by *Kalashnikova Natalya Pavlovna*, Secretary, Expert Committee, Assembly of the People of Kazakhstan (APK); Consultant, APK Executive Secretariat, Administration of the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Political Science.

Poletaev Dmitry Vyacheslavovich, Member, Editorial Board, Magazine «International Research. Society. Politics. Economics.»; Expert, Center of Migration Studies (J.A.Zaionchkovskaya's Center), Leading Researcher, Laboratory of Migration, Institute of Economic Forecasting of Russian Academy of Sciences, Candidate of Science (Economics) presented current social projects of the magazine «International Research. Society. Politics. Economics.» and outlined the prospective directions in the work. The projects were presented in the following directions: musical and ecological projects as well as charitable social scholarships for students. This will become an innovative area for the development of the magazine as well as the Institute.

Tukayeva Dariga Kuanyshbayevna, Deputy Director, ICSR CESSI-Kazakhstan, highlighted the results of the sociological survey «The Image of South Korea in Kazakhstan: Sociological Analysis». This poll showed the Kazakhstanie people's very good knowledge about South Korea.

The seminar finished with signing an academic interchange agreement between Center for Korean Studies under the Kazakh National University named after Al-Farabi and magazine «International Research. Society. Politics. Economics.» under the Institute for Social and Political Research (ISPR-Kazakhstan) as well as between the Center for Central Asian Studies (Seoul, South Korea) and magazine «International Research. Society. Politics. Economics.» under the Institute for Social and Political Research (ISPR-Kazakhstan). This seminar became a basis for further development of scientific cooperation between Kazakhstan and South Korea.

The plans for further cooperation will be discussed in Seoul in the end of April in 2010 where certain members of the magazine Editorial Board will participate in international scientific conference «Power Elites in Central Asia».

Республика Казахстан и Республика Корея: ПАРТНЕРСТВО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Журнал «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» и Корейский культурный центр Посольства Республики Кореи в Республике Казахстан совместно с Ассоциацией корейцев Казахстана, Центром корееведения КазНУ им. Аль-Фараби провели 26 марта 2010 года международный научный семинар, посвященный году Казахстана в Южной Корее «Республика Казахстан и Республика Корея: партнерство научного сообщества».

Целью данного семинара является достижение взаимопонимания ученых двух государств; поддержка развития и распространения этого взаимопонимания, ведение научной и издательской деятельности, создание делового сотрудничества между учеными, обеспечение обмена опытом между научными школами двух стран.

Участников семинара приветствовал директор Корейского культурного центра Посольства Республики Корея в Республике Казахстан *Хан Сун Рэ*.

Институтом социально-политических исследований инициированы публичные лекции. Первая прошла в конце декабря 2009 года. Тема лекции: «Незаконная миграция и торговля людьми в России» (Лектор: *Полемаев Дмитрий Вячеславович*, эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А), ведущий научный сотрудник лаборатории Анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук, кандидат экономических наук (Москва, Россия)).

В рамках данного семинара Публичную лекцию прочитал *Ким Герман Николаевич*, доктор исторических наук, профессор, директор Центра корееведения КазНУ им. Аль-Фараби, заслуженный деятель РК, на тему «Этническое предпринимательство корейцев СССР и постсоветского пространства», которая вызвала огромный интерес у аудитории.

В ходе семинара была презентована книга *Кима Г.Н.* «Республика Корея», которая стала первой книгой, содержащей широкоформатную информацию о Южной Корее, культуре, истории, традициях, обычаях, политической, образовательной системах и т. д.

Директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, кандидат социологических наук *Ракишева Ботагоз Ислямовна* ознакомила присутствующих с методикой международных исследований Country Image Cross studies и о планах научного сотрудничества двух стран.

Особый интерес в ходе семинара вызвал доклад профессора, заведующего кафедрой центрально-азиатских языков университета Хангук, *Сон Ен Хуна* «О состоянии и перспективах исследования Центральной Азии и Казахстана в Южной Корее» на казахском языке. Профессор ознакомил присутствующих с наработанным опытом изучения казахского языка в университете и о дальнейших планах кафедры.

С инновационной идеей для развития дальнейшего научного сотрудничества выступила доктор политических наук, профессор, заведующая сектором Мажилиса Парламента РК *Джунусова Жаньылжан Хасымовна*, предложив провести совместный научный проект «Сравнительный анализ становления демократической политической системы в Республике Казахстан и Южной Корее». Данный совместный проект, в котором планируется изучение опыта демократических реформ в Южной Корее, будет способствовать

пониманию и осмыслению данных процессов в Казахстане и дальнейшему их развитию.

Перспективы научного взаимодействия Научно-экспертного Совета при Ассамблее народа Казахстана с южнокорейскими учеными достаточно подробно были представлены ученым секретарем Научно-экспертного совета при Ассамблее народа Казахстана, консультантом Секретариата АНК Администрации Президента РК, доктором политических наук *Калашиковой Натальей Павловной*.

На семинаре член Редакционного совета журнала, эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской Академии Наук, кандидат экономических наук *Поletaев Дмитрий Вячеславович* представил социальные проекты журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» и определил перспективные направления деятельности. Проекты были представлены в следующих направлениях: музыкальные и экологические проекты, а также благотворительные общественные стипендии для студентов. Это станет инновационной площадкой в развитии как журнала, так и Института.

Заместитель директора ИССИ ЦЕССИ-Казахстан *Тукаева Дарига Куанышбаевна* осветила результаты социологического опроса «Имидж Южной Кореи в Казахстане: социологический анализ», который показал высокую осведомленность казахстанцев о Южной Корее.

Семинар закончился подписанием меморандума о сотрудничестве между Центром корееведения КазНУ им. Аль-Фараби и журналом «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» Института социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан). А также Центром Центрально-Азиатских исследований (Сеул, Южная Корея) и журналом «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» Института социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан)

Данный семинар стал фундаментом и основой дальнейшего развития научного сотрудничества между Казахстаном и Южной Кореей.

Дальнейшие планы сотрудничества будут обсуждены в Сеуле в конце апреля 2010 года, где ряд членов Редакционного Совета журнала примут участие в международной научно-практической конференции «Властные элиты в Центральной Азии».

ТҮЙІНДЕМЕ SUMMARY РЕЗЮМЕ

ГОЛУНОВ С.В.

Саяси ғылымдарының докторы, Мари Кюри бағдарламасының ғылыми қызметкері, Халықаралық шекараларды зерттеу жөніндегі бөлім, Дарем университеті (Дарем, Ұлыбритания)

ШЕКАРАЛЫҚ ҚАУІПСІЗДІК: ТҰЖЫРЫМДАМАЛАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Мақалада автор шекараларды және шекаралық қауіпсіздікті зерттеудегі теоретикалық жетістіктер, сонымен бірге әр түрлі мемлекеттердің шекаралық саясаты тәжірибесі негізінде шекаралық қауіпсіздік құбылысының мәнін анықтауға тырысқан. Шекаралық қауіпсіздіктің географиялық шектерін және мәселелік мазмұнын, қатысушы акторлар ролі мен шеңберін, оны қамтамасыз ету саясатының маңызды үлгілерін ашып көрсетуге тырысқан. Автор жүргізілген талдау негізінде шекаралық қауіпсіздік құбылысына өзіндік анықтамасын ұсынады.

ГОЛУНОВ С.В.

Doctor of Political Science, scientific officer of Mary Curie Program, International Borders Researches Department, Durham University (Durham, Great Britain)

BORDER SECURITY: PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION

The author tries to define the essence of border security phenomena in his article on the base of theoretical achievements in investigation of borders and border security and experience of border policy of different countries as well. The author tries to define the geographic frames and problematic filling of border security, circle and roles of involved actors, the most important models of policy for its implementation. On the base of the analysis the author suggests his own definition of border security.

КИМ Г. Н.

Профессор, тарих ғылымдарының докторы, Корейтану орталығының директоры, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан)

ПОСТКЕҢЕСТІК КОРЕЯ ДИАСПОРАСЫНЫҢ ҰЛТТЫҚ ИДЕНТИФИКАЦИЯСЫНЫҢ ЖӘНЕ ЭТНИКАЛЫҚ САНА-СЕЗІМІНІҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ

Посткеңестік кеңістіктегі корейліктердің саны шамамен жарты миллионды құрайды, оның үштен екі бөлігі Өзбекстан мен Қазақстанда, ал қалған бөлігі Ресейде тұрады. Саны жағынан корейліктердің шамалы тобы Қырғызстанда, Украинада, Белоруссияда және басқа бұрынғы кеңестік республикаларда шоғырланған. Ауқымды территорияда корейліктердің шашыраңқы орналасуы сталиндік дәуірдегі депортация, сондай-ақ кеңестік корейліктер арасындағы көші-қон үдерістерінің салдарынан туындады. Жақын шет мемлекеттер шеңберінде территорияльды ауысулар Кеңес Одағы ыдырағаннан кейін мүмкін болды.

Қазіргі уақытта корейліктер өткен ғасырдың ортасындағы аграрлық халықтан саны жағынан абсолютті басымдыққа ие болған қала тұрғындарына айналды. Өзінің тарихи отанынан тыс бір жарым ғасырға жуық уақыт посткеңестік кеңістікте өмір сүріп келе жатқан корейліктер екі рет, яғни Ресейде және Орталық Азия аймағында бейімделу үдерісінен өтті, сонымен бірге, екі жағдайда да өздерінің өмірін қамтамасыз етуші жүйені құруда үлкен жетістіктерін көрсетті. Олар жоғары білім деңгейімен, белсенді әлеуметтік мобильділікпен, посткеңестік кеңістіктегі барлық мемлекеттерде бірігудің жоғары деңгейімен ерекшеленді. Тарихи тәжірибе көрсеткендей, барлық корейлік диаспоралардың ерекшелігі – жаңа экологиялық, экономикалық және әлеуметтік-мәдени жағдайларға бейімделудің айрықша қабілетін иеленуі.

Өзге елде ұзақ уақыт бойы өмір сүріп келе жатқан көшіп келушілер ұрпағы мәдениет, өмір сүрі салты мен тілімен ерекшеленетін және негізгі этникалық ядродан бөлінген диаспора – субэтностқа ауысады. Диаспора ортасында ұлт идентификациясы мен сана-сезімнің эволюциясы бірнеше ұрпаққа созылады немесе ішкі, сыртқы сипаттағы факторлар кешенімен өзгереді.

Орталық Азиядағы корейліктердің ұлттық идентификациясы мен этникалық сана-сезімнің эволюциясы арнайы зерттеулердің тақырыбы болмағандықтан, сонымен бірге, қолжетімді жүйеленген дерек көздерінің болмауынан, автор эмпирикалық мәліметтерді алу мақсатымен сауалнама өткізу міндетін қойды.

Ізденістің басты мақсаты келесі сұрақтарға жауап беру: ұлттық идентификация мен этникалық сана-сезім қалай ауысады; этникалық сипат пен этникалық сана-сезімнің құрылымы қандай түрде көрініс табады?

Сауалнама нәтижелері көрсеткендей, Орталық Азия елдеріндегі корейлік студент жастарда кеңестік идентификация өзі өмір сүріп жатқан тәуелсіз мемлекеттің ұлттық идентификациясына ауысуы орын алды. Ұлттық идентификацияның «революциялық» жолмен ауысуы саяси катаклизм, яғни КСРО-ның ыдырауы салдарынан туындады. Осы жағдайда посткеңестік корейліктердің этникалық сана-сезімінің эволюциялық тұрғыдан ауысуы өзгеріс әкелетіндей бетбұрысты болмады.

КИМ Г. Н.

Doctor, Professor Kazakh National University, Director of the Center for Korean Studies (Almaty, Kazakhstan)

EVOLUTION OF THE NATIONAL AND ETHNIC IDENTITY OF THE POST SOVIET KOREAN DIASPORA

The number of the Koreans in the post-Soviet area is about half a million people, two thirds of them live in Uzbekistan and Kazakhstan and the other people live in Russia. There is insignificant number of the Koreans in Kyrgyzstan, Ukraine, Belorussia and the other former Soviet republics. This scatter on the vast territory was caused by the deportation consequences during the Stalin epoch as well as by the migration processes among the Soviet Koreans. Essential territorial migrations within near-abroad area took place after the Soviet Union collapse. Currently the Koreans turned from primarily agrarian population in the mid of the last century to urban population, which absolutely dominates in its number. The Koreans in the post-Soviet area living outside of their historical Motherland have already adapted twice: in Russia and in the Central Asian region of the Soviet pattern. In both cases they managed to achieve considerable success in creating their life-supporting system. These Koreans are distinguished by high level of education, active social mobility and high degree of integration in all states of the post-Soviet area. The historical experience indicates the peculiarity of all the Korean diasporas – a unique capacity to adjust to new environmental, economic and socio-cultural conditions.

Living in a different country for a long time transforms the generations of immigrants into a subethnos – a diaspora that is seceded from the main ethnic nucleus and that differs from it by culture, way of living and language. The evolution of identity and self-awareness in a diasporic environment mainly expands to several generations; or, in other words, they are determined by a set of factors which are internal as well as external by their nature.

The author's primary purpose was to conduct the poll to obtain empiric data because the evolution of national identity and ethnic self-awareness of the Koreans in Central Asia have never been the topic of special studies and there are no any accessible systematic sources.

The key purpose is to respond to the following questions:

How do national identity and ethnic self-awareness transform?

What forms are ethnicity and structure of ethnic self-awareness shown?

The survey results demonstrated that the Soviet identity had been replaced by national identity of an independent state among the Korean students in the Central Asian countries. This "revolutionary" change of the national identity appeared to be the consequence of the political cataclysm – the USSR collapse. At the same time, the evolutionary transformation of ethnic self-awareness of the post-Soviet Koreans was not crucial and did not lead to its change.

КИМ САНГ ЧХОЛЬ

Өнер докторы, Орталық Азия зерттеулер институтының профессор-зерттеушісі, Шет тілдер Хангук университеті (Сеул, Оңтүстік Корея)

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ДӘСТҮРЛІ ҚАУЫМДАРДЫҢ АУЫСУЫ МЕН АЖЫРАУЫ. 15 ҒАСЫРДАН БАСТАП

Орталық Азия тарихында билеуші династиялардың жиі ауысуы саяси бірізділіктің жоқтығы деп танылуы мүмкін; екінші жағынан, интеллектуалды және білім беру жүйесінде белгіленген өткеннің әлеуметтік және мәдени дәстүрлері 20 ғасырдың басындағы Орталық Азия қауымдастықтары мәдениетінің үзіліссіз дамуын қамтамасыз ететін тұрақты факторлар ретінде қарастырылады. Орталық Азияның қазіргі заманғы елдер қоғамына ықпал еткен парсы, араб, моңғол, түрік және орыс династияларының мәдени мұрасы, сонымен бірге, тарихи белгілер әлеуметтік және тарихи бірізділік пен дәйексіздікті анықтау үшін стандарттар болуы мүмкін еді.

Ислам дінін қабылдау және өзбек пен қазақ қауымдарының мәдени факторлары дін сипатында және оның көрініс табу үдерісінде айырмалықтардың көп екендігін көрсетеді. Ресей империясымен байланыс татау басшыларының қолдауымен орыстанған исламның таралуына әкеліп, дәстүрлі қазақ билеуші топтарының және зиялы қауымының әлемдегі алдыңғы қатарлы өркениеттерге деген көзқарасына әсерін тигізді. Жергілікті

мәдениет пен зиялы қауымның тарихи пайда болуы мен қалыптасу үдерісіне келетін болсақ, өзбек қауымдастығының интеллектуалды дәстүрлері 15 ғасырға дейін мәдени факторлардың үздіксіздігін көрсетеді. Қазақ қауымдастығында мәдени дәстүрлер көшпенді өзбектерден тәуелсіздік алғаннан бастап, яғни 15 ғасырдан ерте қалыптасуы мүмкін емес еді.

КИМ САНГ ЧХОЛЬ

Доктор искусств., Профессор-исследователь Института Центрально-азиатских исследований, Хангук университета иностранных языков (Сеул, Южная Корея)

ТРАНСФОРМАЦИЯ И РАЗЪЕДИНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СООБЩЕСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, НАЧИНАЯ С 15 ВЕКА

В истории Центральной Азии частая смена правящих династий может быть интерпретирована как политическая непоследовательность; с другой стороны, социальные и культурные традиции прошлого, представленные в области интеллектуальных и образовательных систем, могут рассматриваться как постоянные факторы, гарантирующие непрерывность развития культуры Центральноазиатских сообществ к началу 20 века. Культурное наследие персидских, арабских, монгольских, турецких и русских династий, которые оказали влияние на общества современных стран Центральной Азии, а также исторические признаки могли бы являться стандартами для определения социальной и исторической последовательности или непоследовательности.

Принятие исламской религии и культурные факторы узбекских и казахских сообществ показали много различий в характере религии и процессе ее выражения. Связи с Российской империей привели к распространению русифицированного ислама татарскими главами миссий и миссионерами, что повлияло на отношение традиционной казахской правящей группы и интеллигенции к распространяющимся прогрессивным цивилизациям в мире. Что касается исторического происхождения и процесса формирования местной культуры и интеллигенции, интеллектуальные традиции узбекского сообщества содержат непрерывность культурных факторов до начала 15 века. В казахском сообществе культурные традиции могли быть установлены не ранее 15 века, когда казахи обрели независимость от господства узбеков-кочевников.

МАРМОНТОВА Т. В.

Тарих ғылымдарының кандидаты, аймақтық кафедра доценті Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ (Астана, Қазақстан)

ЭКОНОМИКА САЛАСЫНДАҒЫ ОҢТҮСТІК КОРЕЯ МЕН ҚАЗАҚСТАННЫҢ ӨЗАРА ӘРЕКЕТТЕСУІ

Оңтүстік Корея Республикасы Шығыс Азиядағы анағұрлым дамыған елдердің бірі болып табылады. Оңтүстік Корея экономикасы 2008 жылдың мәліметтеріне қарағанда, жалпы ішкі өнім бойынша 13 орынды, ал номиналды ЖІӨ бойынша 15 орынды иеленген.

Екі елдің экономика саласында белсенді байланыстарды дамыту маңыздылығы ең жоғарғы деңгейде бірнеше рет аталған болатын. Бұл тұжырым «Қарым-қатынас пен ынтымақтастықтың жалпы принциптері декларациясында», 2003 жылы ел Президенттерінің бірлескен мәлімдемесінде көрініс тапқан.

2004 жылдың 12 наурызында Энергетика және минеральды ресурстар саласындағы ынтымақтастық жөніндегі Корея-Қазақстан бірлескен комитетінің бірінші отырысы өткен болатын. Отырыс нәтижесінде Корея ұлттық мұнай корпорациясы мен «ҚазМұнайГаз» ұлттық компаниясы арасында Каспий мұнай жобаларын бірлесіп дамыту саласында өзара түсінісушілік туралы меморандумға, Корея ресурс корпорациясы мен Қазақстан Республикасының Геология және жер қойнауын қорғау комитеті арасында Оңтүстік-Шығыс Қазақстанда бірлескен зерттеулер туралы келісімге қол қойылды.

Корея Республикасын энергетика саласындағы инвестициялық жобаларға тарту екі ел үшін өзара тиімді болып табылады. Корея жаңа жеткізілім мүмкіншілігін иеленеді. Қазақстан болашақ инвесторларға ие болады және жаңа азиялық нарыққа жол ашады.

Samsung Electronics және LG Electronics компаниялары қазақстандық тұтынушыларға сапалы ұялы телефондарды және басқа да телекоммуникациялық құрылымдарды ұсына отырып, Қазақстанның телекоммуникация нарығында белсенді қызмет атқарады.

Өсіп келе жатқан тұтынушылық сұраныс халықтық тұтыну тауарлар саласы да Корея кәсіпкерлері үшін тартымды болып отыр. Қазақстандық нарықта LG, DAEWOO, Samsung және басқа брендтер де өздерін жағымды жағынан танытқан.

Ресми мәліметтерге қарағанда, 2007 жылы Қазақстанның Оңтүстік Кореямен сауда айналымы 843,3 млн. долларды құрады. Сонымен бірге, 2007 жылы Қазақстанның маңызды сауда серіктестері тізімінде Оңтүстік Корея 17 орынды иеленді. Қазақстан экономикасына Оңтүстік Кореянің жасаған инвестициясының жалпы көлемі өткен жылдың 30 қыркүйенде

486,5 млн. долларды құрады. Инвестициясының 50% құрылыс секторында, 32% – автокөлік пен тұрмыс техникасы саудасы мен жөндеу саласында шоғырланған.

Бірқатар ірі Оңтүстік Корея компанияларының Қазақстан нарығында орын алғанмен (республикада Корея капиталының қатысуымен 300 бірлескен кәсіпорындар қызмет атқарады) екі жақты қарым-қатынас әлсіз деңгейде дамығандығы туралы айтуға болады. Соңғы екі жылда экономикалық ынтымақтастықтың төмендеу үрдісі орын алғандығын байқаймыз.

Сауда қарым-қатынасы дамуындағы бәсеңдеу жаһандық экономикалық дағдарыстан туындаған әлемдік экономиканың жалпы жағдайымен түсіндіріледі. Қазір экономикалық дағдарыс бәсеңдеп келе жатқанда, Оңтүстік Кореяның мемлекеттік және жеке меншік компаниялары Қазақстан нарығына инвестицияны ұлғайтуды жоспарлап отыр.

Екі елдің экономикалық ынтымақтастығының әрі қарай дамуы толыққанды мүмкін болып отыр. Капиталдың жоғары деңгейін иеленген салалар негізгі басымдылықты құрайды.

МАРМОНТОВА Т. В.

Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Regional Studies Eurasian National University after L.N. Gumilyov (Astana, Kazakhstan)

COOPERATION OF SOUTH KOREA AND KAZAKHSTAN IN ECONOMICAL FIELD

Republic of South Korea is one of the most developed countries in Eastern Asia. Economy of South Korea in 2008 was on the 13th position in the world by GDP index and on 15th position by nominal GDP.

The importance of the maintenance of active contacts in economical field between the countries has been proved many times at the highest level. This fact is reflected in such documents as “Declaration on mutual principles of relationships and cooperation”, and Joint statement of the presidents of our countries in 2003.

On March 12, 2004 there was the first session of Korean-Kazakhstan joint committee on cooperation in the field of energy and mineral resources. As a result the following documents have been signed: Memorandum of mutual understanding in the field of modern development of Caspian oil projects between Korean national oil corporation and National company “KazMunaiGas”, and Agreement on mutual research in south-eastern Kazakhstan between Korean Resource Corporation and Kazakhstan committee on technology and conservation of resources.

Involvement of the Republic of Korea in investment projects in the field of power engineering is profitable for both countries. Korea gets an opportunity for new deliveries. Kazakhstan gains prospective investors and opens its way for the new capital-intensive Asian markets.

Samsung Electronics and LG Electronics companies are very active in Kazakhstan market of telecommunications, providing Kazakhstan consumers with high-quality mobile phones and other telecommunication devices.

Growing needs make the sphere of consumer goods attractive for Korean entrepreneurs as well. Such brands as LG, DAEWOO, Samsung and others have given a good account of themselves.

According to the official data, commodity circulation of Kazakhstan and South Korea in 2007 was \$ 843,3 million. In the list of the most important trade partners of Kazakhstan the Republic of Korea took 17th position in 2007. Total investments volume of South Korea in Kazakhstan economy has reached \$ 486,5 million on September 30 of the last year. 50% of these investments is concentrated in construction sector, 32% – in trade and repairs of cars and household appliances.

Regardless of the presence of a number of large South Korean companies in Kazakhstan market (more than 300 joint corporations with collaboration of Korean capital function in the republic) it is necessary to state that bilateral relations develop rather slowly. In the last two years it was observed the reverse tendency to the reduction of economical cooperation.

However this recession in the development of the trade relations is quite explicable by the general condition of the world economy as a result of the world economical crisis. Now, when economical crisis is coming to an end, public and private companies of South Korea are going to raise their investments in Kazakhstan market.

The possibilities of the further development of economical cooperation of two countries seem to be quite perspective. The priority here is pretty clear – these are fields with high level of capital intensity.

РАКИШЕВА Б.И.

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының директоры (ӘСЗИ-Қазақстан), әлеуметтану ғылымдарының кандидаты (Астана, Қазақстан)

ТУКАЕВА Д.К.

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының (ӘСЗИ-Қазақстан) халықаралық бөлім басқарушысы, мемлекеттік басқару магистрі (Астана, Қазақстан)

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚАЗІРГІ ЗАМАНҒЫ ОҢТҮСТІК КОРЕЯ ИМИДЖІ: ҚОҒАМДЫҚ ПІКІР САУАЛНАМАСЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

«Қазақстан Республикасы және Корея Республикасы: дипломатиялық қарым-қатынастарды орнатудан стратегиялық серіктестікке дейін» атты халықаралық қазақстандық-корейлік ғылыми конференциясы үшін арнайы түрде Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты (ӘСЗИ-Қазақстан) әлеуметтік зерттеу өткізген болатын. Сауалнама Қазақстан тұрғындарының бұқаралық санасында Оңтүстік Кореяның қазіргі заманғы образының кейбір аспектілерін зерттеуге бағытталды. Репрезентативті таңдау бойынша Қазақстан бойынша 1000 респондент сауалнамаға қатысты. Бұл мақалада осы сауалнама нәтижелері көрсетілген.

Корея елі, тұрғындары, мәдениеті, саясаты туралы өзіндік біліміне сүйене отырып, респонденттерді Оңтүстік Кореяның имиджіне жағымды не жағымсыз баға беруді ұсынды. Халықтың басы көпшілігі, яғни 80% елдің жалпы имиджін жағымды деп бағалады. Негізінен, Оңтүстік Кореяның жағымды имиджі Қазақстан азаматтары болып табылатын, өзінің тілін, мәдениетін, дәстүрлері мен әдеп-ғұрыптарын сақтап қалған этникалық корейліктерге деген жағымды көзқарастан туындағанын атап өткен жөн.

Әлеуметтік зерттеулер нәтижелері көрсеткендей, қазақстандықтардың Оңтүстік Кореяға деген қызығушылығы жоғары. Біздің азаматтар Корея елі, негізгі жетістіктері, қазіргі ахуалы туралы көп білетіндігін көрсетті. Келешекте өткізілетін зерттеулерде Оңтүстік Кореяның имиджін кеңірек зерттеп, танымал қоғамдық және саяси қайраткерлері, жазушылары, акындары, тарихи мен мәдениеті, дәстүрі мен әдеп-ғұрыптары туралы азаматтардың хабардар екендігін анықтауға болады. Бір-біріміз туралы неғұрлым көп біліп, екі елдің азаматтары бір-бірімен таныс болса, соғұрлым екі мемлекеттің арасындағы достық та нығая түседі.

РАКИШЕВА Б.И.

директор программы Института социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан), кандидат социологических наук (Астана, Казахстан)

ТУКАЕВА Д.К.

руководитель международного отдела Института социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан), магистр государственного управления (Астана, Казахстан)

СОВРЕМЕННЫЙ ИМИДЖ ЮЖНОЙ КОРЕИ В КАЗАХСТАНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Специально для Международной казахстанско-корейской научной конференции «Республика Казахстан и Республика Корея: от установления дипломатических отношений до стратегического партнерства» Институтом социально-политических исследований (ИСПИ-Казахстан) было проведено социологическое исследование, основной темой которого было изучение некоторых аспектов современного образа Южной Кореи в массовом сознании населения Казахстана. Было опрошено 1000 респондентов по всему Казахстану по репрезентативной выборке. В данной статье предоставлены результаты данного опроса.

Опираясь на собственное знание о стране, о жителях, о культуре и политике мы попросили оценить респондентов имидж Южной Кореи, дать положительную или отрицательную оценку. Большая часть населения, почти 80% оценила общий имидж страны как положительный. Нужно отметить, что имидж Южной Кореи основан в большей степени из-за положительного отношения к этническим корейцам, гражданам Казахстана, которые сумели сохранить язык, культуру, традиции и обычаи своего народа.

Результаты социологического исследования показали, что интерес казахстанцев к Южной Кореи огромен. Наши граждане много знают об этой стране, о ее людях, об их достижениях, о современном положении. В дальнейших исследованиях можно более расширенно изучить имидж Южной Кореи, выявить осведомленность граждан об известных общественных и политических деятелях, о писателях и поэтах, об истории и культуре, о традициях и обычаях. Чем больше мы будем знать друг о друге, чем больше обычных граждане двух стран будут знакомы друг с другом, тем крепче будет дружба наших государств.

ШАЙМАРДАНОВА Н. Ж.

Саяси ғылымдарының кандидаты, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің жапонтан кафедрасының аға оқытушысы (Алматы, Қазақстан)

СОҒЫСТАН КЕЙІНГІ КОРЕЯНЫҢ САЯСИ ЖӘНЕ МӘДЕНИ ЖАҒАРУЫНЫҢ НЕГІЗГІ КЕЗЕҢДЕРІ

Осы мақалада Оңтүстік Кореяның модернизациялануы қарастырылады, ол модернизацияның үшінші кезеңіндегі

елдер тобына жатады, яғни ондағы ғаламдық өзгерістер екінші дүниежүзілік соғыс аяқталғаннан кейін ғана басталды.

Кореяда саяси демократияға өтуді бірнеше факторлар қиындатты. Біріншіден, Кореяда XX ғасырдың ортасында конституционализм ешбір тәжірибесі болмады, елде демократиялық басқару жүйесіне өту үшін саяси және әлеуметтік-экономикалық алғышарттар қалыптаспаған еді. Екіншіден, екінші дүниежүзілік соғыс аяқталғаннан кейін Кореяның тәуелсіздігі мойындалмады. Ең соңғысы, корей соғысы қоғамның саяси және әлеуметтік-экономикалық тұрғыдан одан әрі модернизациялануы үшін тежеуші фактор болды.

Азия елдерінде демократияландыру көбінесе «жоғарыдан» жүргізілгені белгілі, сондықтан осы түбегті басып алған күштердің мақсаты демократиялық басқару моделіне өту үшін құқықтық база қалыптастыру болып табылды. АҚШ корей қоғамының әлеуметтік-экономикалық ахуалын, саяси мәдениетінің ерекшелігін және енжарлығын ескере отырып, елді толығымен демократияландыру әлі ерте екенін түсінді.

Соғыстан кейінгі корей қоғамында ауқымды мәдени өзгерістер болды және осындай оқиғаларды мәдени трансформация емес, жаңа корей мәдениетінің қалыптасуы деп атауға болар еді. Корей қоғамын соғыстан кейінгі модернизациялау кезеңінде бірнеше үрдісті бөліп көрсетуге болады: 1) дәстүрлі мәдениет және онымен байланысты өзіндік демократия ғана Кореяның болашақтағы негізі бола алады; 2) модернизация «өнердің әлемдік республикасы» туралы эстетикалық теорияларға негізделуі керек; 3) елдің дамуы АҚШ тығыз қарым-қатынас орнату және батыс мәдениетінің элементтерін енгізу арқылы жүргізілуі тиіс. Модернизацияның ойдағыдай жүзеге асуының кепілі батыстық саяси идеологияны көшіріп алу емес, оның ұлттық мәдени тәжірибесінің елегінен өткізілген жекелеген элементтерін енгізу екендігі туралы түсінік кеш келді.

Корея тарихындағы I және II Республикалары өмір сүрген уақытты (1948-1961 жж.) саяси өтпелі кезең деп атауға болады, бұл кезде демократияның конституциялық негізі және басты институттары қалыптасты, бірақ авторитарлық үрдістермен күрес жалғасты, ұлттық және батыс мәдениетінің элементтері үйлестірілді. Қоғамды модернизациялаудың келесі кезеңі (1961-1979 жж.) Пак Чжон Хидің авторитарлық режимі президенттік және әскери биліктің бірігуіне ықпал еткен, ал Юсиннің саяси жүйесі аз уақытқа либералдық үрдістердің басымдық етуіне мүмкіндік берген және демократиялық нормалардың қайта орнайтындығына үміт туғызған III және IV Республиканың уақытына сәйкес келеді. Генерал Пак Чжон Хидің авторитарлық саясатына қарамастан, оның экономиканы модернизациялау бойынша іс-шараларының сәтті болғанын мойындау керек. V Республикаға көшу билікке Чон Ду Хван басқарған әскерилердің келуімен болған модернизациялау кезеңінің басталғанын білдіреді (1980-1987 жж.). Алайда бұл кезең ұзаққа созылмады және демократиялық реформалардың жүргізілуімен ерекшеленді. VI Республиканың орнатылуымен (1988 ж.) және билік басына Ро Дэ У басқарған азаматтық әкімшіліктің келуі нәтижесінде корей қоғамының одан әрі әлеуметтік-экономикалық дамуы мен оны саяси модернизациялау үшін жағдайлар жасалғаны айтуға болады.

SHAIMARDANOVA N. ZH.

Candidate of Political Sciences, Senior Teacher, Department of Japanese Studies, Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan)

THE MAIN STAGES OF POLITICAL AND CULTURAL MODERNIZATION OF POST-WAR KOREA

This article discusses the modernization of South Korea, which belongs to a group of third-tier upgrade, where Global changes begun after the Second World War end.

The transition to the political democracy has been hampered by several factors in Korea. First, by the middle of XX century Korea had no experience of constitutionalism in the country. There were no natural political and socio-economic prerequisites formed in Korea for the democratic system of government transition. Secondly, after the Second World War there was no return of the Korea independence. Finally, the Korean War was a disincentive to further political and socio-economic modernization.

The cultural changes in postwar Korean society were scale, and it would be better to call these events not cultural transformation, but the formation of a new Korean culture. During the post-war modernization of Korean society can be identified several trends: 1) only traditional culture and associated to it original democracy can become a future base of Korea; 2) modernization should be based on the aesthetic theories of the "world republic of art", and 3) the country's development should occur at close cooperation with the U.S. and borrowing elements of Western culture. Understanding that the key to successful modernization is not the transfer of Western political ideology, but borrowing of separate elements, refracted through the national cultural experience came much later.

The lifetime of the I and II Republics (1948-1961) in the history of Korea can be called a period of political transition, when formation of the key institutes and the constitutional foundations of the democracy were finished, but the struggle with authoritarian tendencies was

continuing, and at the same time no compromise between national and culture elements was reached. The next society modernization period (1961-1979) comes to the time of the III and IV Republics, when the authoritarian regime of Park Chung Hee led to the merging of the presidential and military authorities and the political system Yusin for the short time allowed the liberal tendencies to dominate, and gave hopes for the return to democratic standards. Despite of the authoritarian policy of General Park Chung Hee the success of initiated by him activities on economy modernization should be recognized. Go to the V Republic meant the beginning of the next upgrade cycle (1980-1987) marked by the advent of the military forces led by Chun Doo-hwan. However, this period was short, and distinguished by the presence of democratic reforms. Only with the establishment of the Republic VI (1988) and the advent of the civil administration headed by Roh Tae-woo, we can talk about creating the necessary conditions for the further socio-economic development and political Korean society modernization.

ЧО ЫН-ДЖОН

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің докторанты (Ph.D) (Алматы, Қазақстан)

2010 ЖЫЛЫ ЕҚЫҰ-НА ҚАЗАҚСТАННЫҢ ТӨРАҒАЛЫҒЫ ЖӘНЕ ОҢТҮСТІК КОРЕЯ-ҚАЗАҚСТАН СЕРІКТЕСТІГІНІҢ БОЛАШАҒЫ

2007 жылдың соңында Қазақстан ЕҚЫҰ төрағасы болып сайланды. ЕҚЫҰ-да батыс елдерімен қатар, АҚШ та үлкен рольге ие болғандықтан, бұл оқиға үлкен маңызға ие. Осы жылдың 1 қаңтарынан бастап Қазақстан ЕҚЫҰ-дағы төрағалық қызметін бастады. Қазақстан үлкен территория мен табиғи ресурстарға бай, әр түрлі халықтар мен олардың мәдениеті байланысқан мемлекет. Сол себепті елде ертеректен этникалық, нәсілдік және діни топтар арасындағы үйлесімділік және шымдамдылық мәдениеті қалыптасқан. Сондықтан Қазақстан өзінің ЕҚЫҰ-на төрағалығында әр түрлі мәдени, этникалық және діни топтардың мүдделерін сәйкестеу және жалпы мақсаттарға жету үшін серіктестіктің тұрақты іргетасын құруда шешуші роль атқарады деп сенім артып отыр. Корея Солтүстік Азияда орналасып, әр түрлі тарихи және мәдени дәстүрлер өмір сүріп, бірнеше елдердің мүддесі тоғысқан мемлекеттердің бірі. Сонымен бірге, аймақта «қырғи қабақ соғысы» мұрасы әлі күнгі дейін сақталуда. Сол себепті қауіпсіздіктің бірлескен ынтымақтастық мәдениеті осы аймақта дамымаған. Бүгінгі таңда ЕҚЫҰ-ның қауіпсіздікті қамтамасыз ету үшін көпжақты аймақтық құрылым ретінде маңызы арта түседі.

Жоғарыда аталған факторларды ескере отырып, 2010 жылы Қазақстанның ЕҚЫҰ-дағы төрағалығы шеңберінде Корея мен Қазақстан арасындағы дипломатиялық қарым-қатынастарды дамыту екі жаққа да жағымды нәтиже әкелетіні сөзсіз.

CHO EUN-JEONG

Ph.D Student Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

OSCE CHAIRMANSHIP OF KAZAKHSTAN IN 2010 AND THE PROSPECT OF SOUTH KOREA-KAZAKHSTAN PARTNERSHIP

In late 2007, Kazakhstan has been elected as the OSCE chairman in 2010. Because the OSCE is an organization in which the Western countries, including the United States, play a major role, this event assumes great importance. From 1st January 2010, Kazakhstan has already started work as chairman of the OSCE. Kazakhstan is the country, which has huge territory, enormous rich natural resources. Moreover in Kazakhstan different nationalities and their cultures are inextricably intertwined. And Kazakhstan has a long-entrenched culture of tolerance among different ethnic, racial and religious groups. Therefore, based on a long-standing tradition, other OSCE member states pin all their hopes on Kazakhstan's chairmanship in 2010 and suppose that Kazakhstan will play a crucial role in building a strong foundation for partnership to balance the interests of different cultural, ethnic and religious groups in the OSCE and to achieve common goals. Korea is located in, in which there are different historical and cultural traditions and interests of countries in this region quite frequently collide with each other. In addition, in this region still remain a legacy of the Cold War to the present day. Therefore, traditionally in Northeast Asia couldn't be developed the culture of joint security cooperation. But eventually northeast Asia countries reached a basic consensus on need for a multilateral regional security organization as the OSCE, because in the present world interdependence among countries of the world is highly increased like never before. Considering all these factors, the strengthening of diplomatic relations between Korea and Kazakhstan in the framework of the Kazakhstan's OSCE chairmanship in 2010, will make a positive influence on both states and regions, in which they are located.

КОЖИРОВА С. Б.

Саяси ғылымдарының докторы, Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының кеңесшісі (Астана, Қазақстан)

ҚХР-НЫҢ ДИАСПОРАЛЫҚ САЯСАТЫ

Бұл мақала қытайлық диаспораға және Қытайдың диаспоралық саясатына арналған. Қытай диаспорасы әлемдегі ең ықпалды диаспоралардың бірі бола отырып, 35 млн. адамды құрайды, олардың басым көпшілігі Оңтүстік-Шығыс Азияда, Австралия мен Океанияда, Америкада (барлығы 151 мемлекетте) өмір сүреді.

Соңғы 20-30 жылда елден жалпы алғанда 1,7 млн. адам шетелге кетті. Азиялық қытайлық диаспора хуацяоның ең ықпалды топтарының бірі болып табылады. Қытай эмигранттарының басым бөлігі – шамамен 1,27 млн. адам АҚШ-та тұрады. Жарияланған мәліметтерге сүйенсек, Батыс Еуропада тұрақты негізде заңды өмір сүретін Қытай азаматтарының жалпы саны шамамен 200 мың адамды құрап отыр. Бұл жағдайда, ресми статистика заңсыз мигранттарды есепке алмайтынын ескерген жөн.

Соңғы жылдары Орталық және Оңтүстік Еуропаның елдеріне деген қытай көші-қонының күрт өскенін байқауға болады. Сонымен бірге, 2007 жылы Қытай Ресейде ресми тіркелген еңбек мигранттарының саны жағынан бірінші орынды иеленді.

Қытайдан көшуге кейбір шетел қытай қауымдарының белсенді әрекеті ықпал етеді. Көптеген зерттеушілердің пікірінше, қытай қауымдарының ықпалының сақталуына этникалық бірігу мен ішкі қауымның өзара көмегінің жоғары деңгейі әсерін тигізеді. Қатаң құрылымдылық қытай диаспорасының басым бөлігінің «жабық» сипатта екенін көрсетеді. «Жабықтық» чайдатауларда түрумен, аралас неке санының аздығымен, этномәдени идентификацияны сақтауға және дамытуға деген бағыттылықпен дәлелденіп отыр.

Қытайда диаспорамен өзара әрекеттесудің негізгі бағыттарын анықтаумен, отандастарға қатысты саясат тұжырымдамасын дайындаумен ҚХР Мемлекеттік Кеңесі жанындағы қытай эмигранттары істері жөніндегі Кеңсе айналысады.

Пекин қытай диаспорасын кем дегенде ҚХР үшін үш маңызды мәселені шешуде іске тартады: «Бір Қытай принципіне сәйкес отанды бейбітшілік жолмен қайта біріктіру»; «елді жаңару және ұлттың ұлы қайта өрлеуі»; Пекиннің ресми бағытын танымал ету үшін ақпараттық, лоббистік және басқа да мүмкіншіліктерді пайдалану.

Жалпы алғанда, Қытайдың диаспоралық саясаты ұлттық мемлекетпен тығыз байланыста болатын шетелдегі диаспораға деген ерекше көңіл бөлуге негізделген. Шетел инвесторларын және бизнес-серіктестерді тарту, Қытайдың экономикалық дамуы үшін жағымды ресурстық және «имидждік» негізді қамтамасыз етуде ерекше ролін ескере отырып, Қытай мемлекеті өздерінің мигранттарымен қарым-қатынасын құрайды.

KOZHIROVA S. B.

Doctor of Political Science, scientific consultant of Institute of social and political researches (Astana, Kazakhstan)

DIASPORA POLICY OF PRC

The article deals with investigation of Chinese diaspora and diaspora policy of China. The Chinese diaspora being one of the powerful diasporas in the world numbers over 35 millions people, its majority lives in countries of South-East Asia, in Australia and Oceania, America (151 countries in total).

1,7 millions people lived China in last 20-30 years in total. The most powerful clan of Huaxiao is the Asian Chinese diaspora (about 90% of foreign the Chinese). An essential number of Chinese emigrants lives in the USA (1,27 millions people). According to published data the total number of citizens of PRC who legally live in Western Europe make up about 200 thousands people. It is necessary to note the fact that the official statistics does not take account of illegal migrants.

It is necessary to note a rapid growth of migration of the Chinese to the countries of Southern and Central Europe not opened up before. In addition in 2007 China have taken the first place for the number of labor migrants officially registered in Russia.

An active position of some foreign Chinese communities favors the immigration process from China. The majority of researchers explain the fact of preservation of the influence of Chinese communities by a high level of ethnic consolidation and inner inter-assistance. A strict structuring adds a 'closed' character to a big part of Chinese diaspora, which is supported by living in China towns, a low percentage of miscegenation, orientation to preservation and development of ethnic and cultural identity.

Chinese Emigrants Chancellery under the Council of State of PRC is engaged in development of conception regarding its countrymen, determination of main directions of collaboration with the diaspora in China.

Chinese diaspora is engaged by Beijing in solution of at least three issues important for PRC: «peaceful reunification of the Homeland according to principle of Unified China»; «modernization of the country and Great Renaissance of Nation»; use of informational, lobbyist and other facilities for popularization of official position of Beijing.

In whole the diaspora policy of China differs by the fact it is formed on the base of a special attention to that part of its diaspora abroad which maintains close contact with national state. The relations with migrants are formed pursuant to acceptance of their special role in maintenance of favorable resource and "image" base for formation of economy in China, attraction of foreign investors and business partners.

БОГАТУРОВ А. Д.

Саяси ғылымдарының докторы, профессор, Ресей Ғылым Академиясының Халықаралық қауіпсіздік мәселелері институтының директоры орынбасары, Ресей Федерациясының ғылымының еңбек сіңірген қайраткері (Мәскеу, Ресей)

ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ОРТА ЖӘНЕ САЯСИ РЕФОРМАЛАУ

Автордың пайымдауынша, қазіргі заманда аймақ елдері арасындағы қарым-қатынастар жүйесінің орнын олардың энерготиеленушілерді өндіру және тасымалдаудағы ролі анықтайды.

Табиғи байлықтарды шынайы түрде иелену, экспорттық түсімдер түріндегі кірістер, ресейлік және батыс компаниялары арасындағы бәсекелестікті пайдалана алу қабілеті энерготиеленушілер шағын және орта мемлекеттерге салмақты сыртқы саяси ресурсты иеленуге мүмкіндік береді. Табиғи ресурстарды иеленбеген және көршілес транзиттік территориялардың қауіпсіздігіне әсер етуге мүмкіндік беретін, құбырлар жүргізілуі мүмкін мемлекеттер де өзінкін кеңістік-географиялық сипаттамасымен аймақ үшін маңызды болып табылады.

Құбыр дипломатиясымен қатар, аймақтың теміржол торы да геосаяси фактор болуы мүмкін. Бұл пікір Орталық Азия елдері негізінде дәлелденіп отыр. КСРО ыдырағаннан кейін теміржолдардың ескі кеңестік жүйесі Ресейдің еуропалық және Сибирь бөлігі үшін жабық болуын тоқтатты. Егерде жүк тасымалдары пайдалы болса, олар Орталық Азиядан шығысқа Ресей территориясы арқылы ғана емес, Қытай арқылы да тасымалдана алады. Сонымен бірге, мақалада автор есірткі мәселелері, Ауғанстан, Пәкістан және Иран сияқты көршілес елдердің қауіпсіздік мәселелері саяси мәселелермен тығыз байланыста екендігін қарастырады.

Орталық Азия – заңсыз түрде есірткіні өндіру орталығы (ең алдымен Ферғана) және де ауған өндірісінен шыққан есірткі КСРО ыдырағаннан және Ауғанстандағы кеңестік үкімет құлағаннан кейінгі ірі транзит жолына айналды. Осы ағым көп жағдайда Ресейде шоғырлана отырып, Ресей территориясы арқылы Еуроодақ елдеріне өтеді.

Есірткі бизнесі жетекшілеріне Орталық Азияның есірткі транзиті және есірткі өндіруші аймақтары тұрғындарының ашу-ызасын жергілікті үкіметке қарсы бағыттау қиынға соқпайды. Екінші жағынан, кедей қатпарларының білімді бөлігі «есірткі жағынан қауіпті» аймақтардың тұрғындарын қылмыстық бизнестен арылту үшін экономикалық және әлеуметтік реформалар есірткі саудасымен күресу құралы ретінде маңызды екенін түсініп отыр. Жоғарыда аталған екі үрдіс көп жағдайда сарапшыға «көрінбейтін» жеке, саяси-партиялық, кландық, аймақтық, заңды күрес қоғамдық-саяси өзара әрекеттесудің күрделі құрылымын тудырады.

Осыдан Орталық Азия саясатындағы басты мәселе – саяси жүйені реформалау маңызды болып табылады. Ал Орталық Азияның саяси жүйелеріндегі либерализация елдің мәдениетіндегі (негізгі түсініктеріндегі) өзгерістер болмайынша, мүмкін емес.

BOGATUROV A. D.

Doctor of Political Science, the Professor and Deputy Director of Institute of the International Security Issues of RAN (Russian Academy of Sciences), Honoured Scientist of Russian Federation (Moscow, Russia)

INTERNATIONAL ENVIRONMENT AND POLITICAL REFORMATIONS IN CENTRAL ASIA

The author proposes a thesis that a place of subsystem of relations between countries of the region in modern world is determined by its role in production and transportation of energy resources.

A real possession over nature resources, gains in a form of export incomes, capability to use a competition between Russian and western companies provide a considerable foreign-policy resource for energy exporting small and middle countries. Though the countries which do not have such a resource are very important for the region due to their regional and geographic characteristics, which allow them to have an influence on the security of neighboring transit areas where pipeline are or shall be pass through.

Along with 'pipeline diplomacy' the railway system of this part of the world may become a geopolitical factor. This point of view is

corroborated by example of Central Asian countries. During the years after the disintegration of USSR an old Soviet railway system has been no longer a closed system consisting of European and Siberian parts of Russia. Now cargo traffics if they are profitable may deliver goods from Central Asia to the East not only via territory of Russia using Trans-Siberian railway but via China as well.

Problems of drug traffics, indissolubility between political problems and security issues of neighboring countries such as Afghanistan, Pakistan and Iran are also considered in the article.

Central Asia is a centre of illegal production of drugs (uppermost in Ferghana) and in even more it is the largest transit road via which after the disintegration of the USSR and overthrow of pro-Soviet government in Afghanistan drugs of Afghanistan origin are delivered. This traffic is partially accumulated in Russia and then is bound for EU countries through Russian territory.

It is not difficult for drug business leaders to direct a spontaneous insurrection of people of drug transit and drug producing regions of Central Asia against local governments. On the other hand, the more educated part of the poor population fairly sees economical and social reforms as means of struggle against drug trade, which should allow to divert the population of 'drug-dangerous' regions from crime business. The both tendencies, being superimposed on personal, political and party, clannish regional and other legal, but usually «invisible» for struggle analyst, create rather complicated structure of social and political interaction.

Hence the most important issue of the policy in Central Asia is reforms of political system. Meanwhile a liberalization of political system in Central Asia shall not be possible until the changes in culture of the countries occurs (changes in basic conceptions).

КАДЫРБАЕВ А. Ш.

Тарих ғылымдарының докторы, Ресей Ғылым Академиясының Шығыстану институтының, Шығыс тарихы бөлімінің жетекші ғылыми қызметкері (Мәскеу, Ресей)

ПОСТКЕҢЕСТІК ОРТАЛЫҚ АЗИЯДАҒЫ ДИАСПОРАЛАР. ДҮНГЕНДЕР

Мақалада Ресей империясы, кейіннен КСРО құрамында, қазіргі Қырғызстан мен Қазақстан сияқты тәуелсіз мемлекеттерде, жалпы алғанда, негізінен Қытай мен Орталық Азия елдеріндегі дүнгендердің тарихы, этногенез үдерістері және қазіргі жағдайы қарастырылған.

Хуэй немесе Орталық Азияда дүнгендер деп аталып, қытай тілінде сөйлейтіндер, Қытайда 15 миллионнан бастап 20 миллионға дейін шоғырланған. Олар қазіргі заманғы Қытайда (КХР) ұйғырлар, тибеттіктер, моңғолдар, чжуаньдар сияқты ұлттық-мемлекеттік автономияның жоғарғы деңгейіне ие.

XIX ғасырдың екінші жартысында орын алған қазірде қытайлықтармен Синьцзян деп аталатын (қытайша «жаңа шекара») Шығыс Түркістандағы және 1864 жылы аз ғана уақыт өмір сүрген, Қытай қысымымен құлдыраған дүнгендердің мемлекеті болған Үрімші сұлтаныты пайда болған Қытайдың солтүстік-шығысындағы Ганьсу провинциясындағы түрік халықтарының «мұсылмандық көтерілісі» ерекше қысыммен басып жаншу жатады.

Жоғарыда аталған оқиғалардың нәтижесі ретінде 4 мың хуэйлік және XX ғасырдың басынан бастап ұйғырлар деген атпен танымал 40 мың таранчалар ресей империясының бөлігі болған Қазақстанға, Қырғызстанға және Ферғана алқабына қашуға мәжбүр болды. Олардың арасында 1870 жылға дейін 10 жыл бойы Ресей билігімен басқарылып, Қытайға берілгеннен кейін жергілікті мұсылмандар Ресей қол астында қалуға ниет білдірген Құлжа аймағының тұрғындары да болды. Хуэйидің осы бөлігі дүнгендер деген атқа ие болып, қазірде Қазақстанның 40 мың, ал Қырғызстандағы 100 мың мемлекет азаматтары дүнгендер болып отыр. Ресей империясына көшкен дүнгендер алғашқы жылдары өз еңбегімен Орыс Түркістанда ертеректе жетіспеушілік болған күршіпен қамтамасыз ету мәселесін шешті. Дүнгендер қазір уақытта да Орталық Азиядағы суармалы егін шаруашылығының асқан шеберлері болып табылады.

Кеңес уақытында және қазіргі кезеңде Орталық Азия елдерінде дүнгендер нақтылы ұлттық-мәдени автономияны (газет шығаруы, дүнген тіліндегі бағдарламалар) иеленген. Өзінің өмір сүру уақыт аралығында дүнген тілі орыс және түркі тілдері жағынан үлкен мәдени ықпалға ұшырады.

KADYRBAYEV A. SH.

Doctor of History, the leading scientist of Department of History of the East, Oriental Studies Institute of RAN (Moscow, Russia)

DIASPORAS IN FORMER SOVIET CENTRAL ASIA. DUNGANS

History, ethnogeny process and modern situation of Dunganians in China and Central Asian countries, first of all in Russian Empire, then in the USSR and now in independent former Soviet countries, mainly in Kyrgyzstan and Kazakhstan, are considered in the article.

Chinese speaking Hui or Dunganians as they called in Central Asia numbers between 15 and 20 millions people in China. They possess the highest level of national and government autonomy in China (PRC) – an

autonomous district. Along with Hui people only Uigurs, Tibetans, Mongols, Zhuangs.

A very cruel suppression of 'Muslim insurrections' of Turkic nations in East Turkistan, today named by China as Xingjian ('a new board'), and in north-west China in Gansu province where in 1864 Urumchi Khaganate, the first Dungan State had been formed and have existed for not a long time and fallen to the China, are dated back to the second half of 19th century. As a result of these dramatic events 4 thousands of Hui people 40 thousands of Taranchi people, known as Uyghurs since early 20th century have taken to flight to Kazakhstan, Kyrgyzstan and Fergana valley, a part of Russian Empire then. It is necessary to note that they have included a lot of inhabitants of Kulja region which had been governed by Russian for ten years since 1870 when after its transfer to China a noticeable part of local Muslims have preferred to stay under Russian's sway and move to Russian Empire. This part of Hui people have been named as Dunganes and today 40 thousands of Dunganese are the citizens of Kazakhstan and 100 thousands are the citizens of Kyrgyzstan. It is interestingly that in the first years after migration of Dunganese to Russian Turkistan thanks to their labor Russian Turkistan have solved a problem on rice provision and even have started to export it outside the region. Even today Dunganese are consummate masters of irrigated cropping in Central Asia.

In the Soviet period and at the modern stage Dunganese have had a certain national and cultural autonomy in Central Asia (newspapers are published, and there are TV programs in Dunganese language). For the period of its existence Dunganese language has submitted to a strong cultural influence of Russian and Turkic languages.

МОЛОДЫХ Л. Л.

Красноярск мемлекеттік педагогикалық университетінің жалпы тарих кафедрасының аспиранты (Красноярск, Ресей)

ШЫҒЫСТЫҢ КӨПҚҰРАМДЫҚ ҚОҒАМЫ: НЕОКОЛОНИАЛИЗМ ӘЛЕМДІК ЖҮЙЕСІ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ДИАСПОРАЛАР

Неоколониализмнің қазіргі заманғы жүйесі жағдайындағы отарлау кезінде пайда болған көп құрамдық қоғамдардың саяси және экономикалық дамуын қарастыру осы мақаланың тақырыбы болып табылады. Мақаланың мақсаты – отарлау салдарының қазіргі заманғы ықпалын және постколониальды көп құрамдық қоғамдарға неоколониализмнің жаңа ықпалын анықтау. Бұл үшін біз көп құрамдық қоғамдардың типтерін және негізгі этникалық элементтерін анықтаймыз. Шығыстың барлық аймақтарының арасында отарлау ықпалынан күрделі өзгеріске ұшыраған Оңтүстік және Оңтүстік-Шығыс Азия мемлекеттері ерекше түрде қарастырылған. Оңтүстік Азиядағы отарлау осы мемлекеттерде болған көп құрамдылықты пайдаланды. Оңтүстік-Шығыс Азияның барлық елдерінде өзіндік ұлттық нұсқалар бар, бірақ оларды өзге этникалық диаспоралардың болуы біріктіреді. Біз халық құрамында өзге этникалық диаспоралар өкілдерінің жоғары пайызын иеленген Малайзия және Сингапурды толық деңгейде қарастырамыз.

Малайлықтар және басқа да бірқатар халықтар Малайзияның жергілікті халқын құрайды. Олардың барлығы бумипутра – жер ұлдары деп аталады. Бұл байырғы көп құрамдылық. Сонымен бірге, Малайзияда Қытайдан және Оңтүстік Азиядан (Үндістан, Пәкістан, Бангладеш және Шри-Ланка) көшіп келушілер тұрақтанған. Оларды Малайзияда үндістер деп атайды. Бұл диаспоралар британдық отарлауға дейін Малайя түбегінде өмір сүрген. Бірақ оларды жергілікті халықпен саны жағынан тек отарлау кезінде ғана салыстыруға мүмкін болды. Британ басшылығы Малайяға қытайлықтар мен үндістерді делдал саудагерлер немесе арзан жұмыс күші ретінде тартты. Негізінен Британ басшылығы колонияның негізгі жергілікті халқына сенім артпады, бірақ Батыс Малайзияда ағылшындар қытайлықтардан күдіктеніп, малайлықтарды қолдауға тырысты. Жергілікті халық пен диаспоралардың қарым-қатынасы 1957 жылдан бастап тәуелсіз Малайя және 1963 жылдан бастап Малайзияның ішкі саясатының негізгі мәселесі болды. 1965 жылы Малайзия Федерациясы бумипутраның сан жағынан басымдылығын сақтау үшін өз құрамынан негізінен қытай халқынан тұратын Сингапурдың бөлініп шығуына өз келісімін берді.

МОЛОДЫХ Л. Л.

Postgraduate of General History Department of Krasnoyarsk State Teachers' Training University (Krasnoyarsk, Russia)

COMPLEX SOCIETY OF THE EAST: DIASPORAS IN CONDITIONS OF INTERNATIONAL SYSTEM OF NEOCOLONIALISM

Subject of present article is examination of political and economic development of plural society, which appeared under colonialism under contemporary system of neocolonialism. Intention of article – revelation of contemporary influence of colonialism and new influence of neocolonialism on postcolonial plural society. For that

we reveal types of plural societies and their key ethnic (quasiethnic) elements for revelation of types of plural societies which founded by colonialism. From all regions of East most examined South and South-East Asia (SEA) which most deformed by colonialism. In South Asia colonialism used already existent plurality and we then examined SEA. In all country of SEA plurality has national variants but they existed by presence of heteroethnic emigrant diasporas. We most examined Malaysia and Singapore where percent representatives of heteroethnic diasporas are biggest in structure of population.

Malayans and some other nationalities forms native population of Malaysia. All they be called as bumiputra – sons of land. It is native plurality. Also they in Malaysia lives emigrants from China and from countries of South Asia (India, Pakistan, Bangladesh and Sri-Lanka) – all they in Malaysia be called as Indians. This diasporas lives on peninsula Malaya still from British colonialism. But only colonialism they became compared in quantity with native population. British power attracted Chinese and Indians as trade mediators or cheap labor force. Usual colonial powers don't be based on key native nationality of colony but in West Malaysia more feared Chinese migrants and «supported» of Malayans. Relations of native population and emigrant diasporas became key question of domestic policy of independent from 1957 Malaya and from 1963 – Malaysia. In 1965 Federation of Malaysia even agreed to going out of Singapore with its Chinese population from its composition for superiority in number of bumiputra.

СИНИЦЫН Ф. Л.

Тарих ғылымдарының кандидаты, Зорлық-зомбылық пен адам саудасынан зардап шеккендерге көмек көрсету орталығының директоры (Мәскеу, Ресей)

КСРО-НЫҢ ЖЕР АУДАРЫЛҒАН ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ДИАСПОРАЛАРЫ: ҚҰРЫЛУЫ МЕН ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ

XX ғасырдың 30-50 жылдары КСРО-ның бірқатар халықтары күштеп тұрғылықты жерінен елдің басқа аймақтарына көшірілген болатын. 1950 жылдардың ортасында жер аударылған халықтарынан құқықтық шектеулер алынды. Бірақ билік жер аударылған халықтардың автономиясын құру жобаларын қарастырған болатын, босатылған жер аударушылардың тез арада қайтып оралу қысымынан шешен-ингуш, қалмақ, карачаев және балкар автономиялары осы халықтардың тарихи отанында қайта қалпына келтірілді.

Бірақ жер аударылғандардың жалпы санының 70%, яғни немістер, қырым татарлары және түрік-месхетиндіктер өзінің ежелгі тұрғылықты жеріне қайтып оралуға құқығын алмады. Сонымен бірге, шешендердің, ингуштардың, балкарлардың шамалы бөлігі өз отанына оралмады. Осы контингент жоғарыда аталған халықтардың қазіргі заманғы диаспораларын құрады.

Кеңес Одағындағы немістер саны жағынан ең үлкен диаспораны құрады. ТМД елдеріндегі неміс диаспорасының көпшілігі (шамамен 800 мың адам) Ресей, Қазақстан, Қырғызстан және басқа да республикаларда шашыраңқы түрде шоғырланған. Германияға 2,3 миллионнан астам немістер мен олардың отбасы мүшелері қоныс аударған.

Қырым татарларының басым бөлігі (шамамен 250 мың адам) Қырымға оралды. Қырым-татар диаспорасы Өзбекстанда сақталуда (75–80 мың адам), бірақ тарихи отанға қарай көші-қон үдерісі байқалуда.

Түрік-месхетиндік диаспора саны Қазақстанда – 137 мың, Әзірбайжанда – 130 мың, Ресейде – 75 мың, Түркияда – 35 мың, Қырғызстанда – 33,3 мың, Өзбекстанда – 20–25 мың, АҚШ-та – 10 мың, Украинада – 9,1 мың адамды құрайды. Түрік-месхетиндіктердің тарихи отанына (Грузияға) қайта оралуы күрделі болып табылады.

Қазақстандағы шешендер саны шамамен 50–75 мың, ингуштер – 17 мың, Қырғызстандағы шешендер – 3,5 мың адамды құрайды. Шешенстан территориясындағы шилелініс шешен және ингуш диаспорасының өсуіне әкелді. Қазақстанда шамамен 2 мың қарашай мен 3 мыңға жуық балкарлар тұрады. Олардың басым бөлігі болашақта тарихи отанына қайтып оралуды жоспарлап отыр. Өзбекстандағы корейліктер саны 165 мың, Ресейде – 148,5 мың, Қазақстанда – 99 мың, Қырғызстанда – 19,7 мың адамды құрайды. Корейлік диаспора экономикалық және әлеуметтік жағынан ең тұрақты болып табылады.

СИНИЦЫН Ф. Л.

Candidate of History, Director, Center for Assistance to Persons Suffered from Violence and Human Trafficking (Moscow, Russia)

DIASPORAS OF DEPORTED NATIONS OF THE USSR: FORMATION AND MODERN CONDITIONS

Between 30's and 50's years of 20th century quite a number of the USSR nations had been transmigrated by force from places of age-old habitation to other parts of the country. In the middle 1950's law restrictions from the departed nations had been lifted. Although the government have been considering projects on creation of autonomies for departed nations at the new deportation places under the pressure

of spontaneous return of emancipated special immigrants Chechen-Ingushkaya, Kalmykskaya, Karachaevskaaya and Balkarskaya autonomies had been re-established at their home country.

However about 70% of total number of former special immigrants, namely Germans, Crimean Tatars and Meskhetian Turks, had not acquired a right to return to their home places. An essential part of Chechens. Also a small part of Chechens, Ingushes, Karachyevs and Balkars had not returned to their home countries. This contingent has made up a basis of modern diasporas of these nations.

Soviet Germans have formed the most numerous diaspora. The majority of diasporas in CIS (about 800 thousands people) lives sparsely in many regions of Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan and other republics. Over 2.3 millions of Germans and their family member have moved to Germany.

An essential number of Crimean Tatars (about 250 thousands of people) have returned to Crimea. The Crimean Tatar diaspora is still persisting in Uzbekistan (75–80 thousands people), however there is a migration flight to their home country.

Population size of Meskhetian Turks diaspora makes up 137 thousands people in Kazakhstan, 130 thousands people in Azerbaijan, 75 thousands in Russia, 35 thousands in Turkey, 33.3 thousands in Kyrgyzstan, 20–25 thousands in Uzbekistan, 10 thousands in the USA, and 9.1 in Ukraine. Return of Meskhetian Turks to their home country (Georgia) is still problematic.

A number of Chechens is estimated by 50–75 thousands of people в 50–75 thousands and a number of Ingush people 17 thousands in Kazakhstan, a number of Chechens in Kyrgyzstan makes up 3.5 thousands people. A conflict in Chechnya caused a growth of Chechen and Ingush diasporas. About 2 thousands of Karachais and 3 thousands of Balkars live in Kazakhstan. A certain part of them is probably planning to return to their home country. A number of Koreans makes up 165 thousands people in Uzbekistan, 145.5 thousands in Russia, 99 thousands people in Kazakhstan, 19.7 people in Kyrgyzstan. A Korean diaspora is one of the economically and socially stable diasporas.

ЗУРАБИШВИЛИ Т.

Әлеуметтану ғылымдарының докторы, Еуразия даму қорының медиа және инновациялық бағдарламаларының менеджері, Илья Чавчавадзе атындағы мемлекеттік университетінің және Тбилиси мемлекеттік университетінің шақырылған профессоры (Тбилиси, Грузия)

ГРУЗИЯЛЫҚ ЖАҢА ДИАСПОРА МЕН АҚША АУДАРЫМДАРЫ

Автор мақалада көші-қон үдерісінің жоғары деңгейімен сипатталатын Тианети елді мекенінің мысалында елдің экономикасындағы грузиялық диаспораның ақша аударымдарының ролін қарастырады. Жалпы алғанда, Грузияда 2009 жылға дейін ақша аударымдарының көлемі тұрақты өсіп, 2008 жылы бір миллиард долларға жеткен болатын. Бірақ, әлемдік экономикалық дағдарыс салдарынан олардың көлемі 2009 жылы 2008 жылмен салыстырғанда 15% азайды. Дегенмен, ақша аударымдары елдің жалпы ішкі өнімінің 10% құрал, шетел валютасының ең маңызды қайнар көздерінің бірі болып табылады. Тианети мысалында мәліметтер 2006 жылы (тамыз-қыркүйек) Кавказ зерттеу ресурстарының (CRRR) зерттеу гранты және 2008 жылы қыркүйекте Халықаралық ауыл шаруашылығын дамыту қорының қаржылық қолдауымен жүргізілген «Грузияның кедей аймақтарының экономикалық дамуына ақша аударымдарының ықпалын ұлғайту» атты Халықаралық көші-қон ұйымының жобасы шеңберінде жиналған болатын. Тианетидің барлық үй шаруашылықтарының 28% (2006 ж.) және 31% (2008 ж.) кем дегенде бір халықаралық мигрант болды, ал содан үй шаруашылықтарының 70% астамы ақшалай көмек алды. Жалпы алғанда, біз бір жыл ішінде Тианети тұрғындары алатын ақшалай көмек көлемін 365 000 евро шамасында бағалаймыз.

Бүкіл әлемде еңбек мигранттарының ақша аударымдары мигрант үй шаруашылықтары табысының едәуір көп бөлігін құрай отырып, негізінен алғашқы қажеттілік заттарын сатып алуға жұмсалады, бұл Тианети жағдайында да дәлелденіп отыр. Ақша аударымдары сирек жағдайда жылжымайтын мүлікке жұмсалып, ал бизнеске 2006 жылы тек 2 үй шаруашылығы мен 2008 жылы 3 үй шаруашылығы инвестиция жасаған. Бұл жергілікті халықтың арасында кәсіпкерлік дағдының жоқтығымен және елді мекендегі жағымсыз инвестициялық ахуалдың орын алуымен ғана емес, қазіргі кезеңде Тианети тұрғындары үшін ең алдымен күнделікті қажеттіліктерді қанағаттандыру маңызды болып табылатындығымен түсіндіріледі. Тианетидегі ақша аударымдары кедейшілікті төмендету жағымды ықпал етеді, себебі ақшалай көмек көрсететін мигранттары бар үй шаруашылықтарының табысы мигранттары жоқ үй шаруашылықтарының табысынан орташа есеппен екі есе жоғары болып келеді.

ZURABISHVILI T.

Doctor of Sociology, manager of media and innovational programs of Eurasia Development Fund, adjunct professor of Ilya Chavchavadze State University and Tbilisi State University (Tbilisi, Georgia)

NEW GEORGIAN DIASPORA AND MONEY TRANSFERS

The paper investigates role of remittances of labor migrants from Georgia in the economy of Georgia in general and based on a study conducted in a small migrant sending community Tianeti, studies their effect on micro-level. On a national level remittances constitute up to 10% of Georgian GDP, and till the 2009 have been increasing steadily. World economic crisis however resulted in 15% decrease in remittances in 2009 compared to 2008, when they reached 1 billion USD. However, even compared to other sources of foreign currency, remittances remain extremely important. In case of Tianeti, the data have been collected during the household census conducted in August – September, 2006, funded by CRRR (Caucasus Research Resource Center – Georgia) grant and in September 2008 in terms of IOM project Testing new channels and products to maximize the development impact for the rural poor in Georgia funded by IFAD. In 2006 28% of all Tianeti households and 31% of all households in 2008 reported to have at least one emigrant, with more than 70% of these households getting remittances. Amount and regularity of remittances varies case by case. Overall, we estimate that at least 365 000 Euro has been sent by Tianeti labor emigrants during the last 12 months.

Worldwide, remittances of labor migrants sent to their families in their countries of origin constitute an important source of income for these, generally impoverished families. The same is true in case of Tianeti population. Here, almost the whole amount of remittances is being spent on consumption. In relatively few cases when the emigrants or their family members invest the money, they buy or renovate houses/apartments. Only 3 households in 2006 and 2 households in 2008 reported that they have started their own businesses. This can be explained by lack of entrepreneurial skills and poor investment climate in the community, as well as necessity to meet everyday needs of these families. Remittances in Tianeti clearly have a positive impact on the decrease in the poverty in the community, with households receiving remittances having on average twice as much income as households not having migrants and not receiving remittances.

СЛАВЕЦКИЙ В.Ю.

«Қаржы академиясы» АҚ әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының доценті, PhD докторы (Астана, Қазақстан)

ПОЛЬШАНЫҢ СЫРТҚЫ САЯСАТЫНДАҒЫ ЭТНИКАЛЫҚ ПОЛЯКТАР ДИАСПОРАЛАРЫ

Қоғамдық-саяси дамудың қазіргі заманғы үрдістері мемлекет басшысы жүргізіп отырған саясатқа қоғамдық пікірдің ықпалының қарқынды өсуін көрсетеді. Диаспораларға қатысты ел саясаты қоғамның көңіл-күйіне тәуелді екендігі байқалады, сонымен бірге, қазіргі демократиялық қоғамдарда қоғам тарапынан қолдауға ие болу ел саясатын жүзеге асырудың бір құрамдас бөлігі болып табылады.

Шетелдерде диаспоралары бар мемлекеттер әрқашанда өзінің саяси жобаларына диаспораларды қатыстыратын. Диаспоралар арқылы мемлекеттер сыртқы экономикалық және саяси міндеттерді шешетін. Польша шет елдерде көптеген диаспорасы бар мемлекет ретінде әлемдегі поляк диаспораларына қатысты тиімді саясатты жүргізуге тырысады.

Польшаның тарихи дамуының күрделі кезеңдері бүкіл әлемде көптеген поляк диаспораларының құрылуына жағдай жасады. Бірнеше факторлардың ықпалымен өзіндік саяси дәстүр қалыптасқандықтан, поляк диаспоралары өзінің тарихи отанының өміріндегі ролін күшейтуге тырысты. Осы дәстүр тарихи отанының сыртқы саясатындағы поляк диаспорасының ерекше орнын қалыптастырып, қоғамдық пікір жағынан үлкен қолдауды қамтамасыз етті. Бірақ, әлемдегі, сонымен бірге Қазақстандағы поляк диаспораларына қатысты Польша үкіметінің қызметіне қоғамдық қолдау шектеулі уақыттық ресурстарға ие.

Диаспораларға қатысты саясаттың әрі қарай дамуы ұлттық патриоттық идеяны сақтауға тырысу мен жалпы еуропалық саяси және экономикалық кеңістікке қосылуды тереңдету күресі арасында жүзеге асуы мүмкін. Осы бағытта поляк қоғамы үлкен әрі маңызды роль ойнайды.

SLAVETSKIY V. YU.

Associate Professor of Social and Humanitarian Science Department of «Finance academy» JCS, PhD «political sciences» (Astana, Kazakhstan)

THE ETHNIC POLES DIASPORAS IN THE POLAND FOREIGN POLICY

Modern tendencies of the socio-political development show us hasty growth of the public opinion influence on the policy spent by the state government. The country policy concerning compatriots diasporas always felt dependence on moods of the country society, and at the present stage in the democratic societies the public support has turned to one of the most significant components of its realization.

The states, possessing the compatriots diasporas abroad included diasporas at all times in their political projects. Through the country diasporas historical homelands solved various foreign economical and political problems. Poland as the state possessing a significant amount of the compatriots diasporas abroad, also aspires to carry out the effective policy in the relations with the Polish diasporas worldwide.

Difficult stages of the Poland historical development have created the conditions of the considerable quantity of the Polish diasporas formation worldwide. Under the influence of the various factors there occurred the original political tradition, in which diasporas of Poles gradually aspired to the strengthening of their role in the historical homeland life. The same tradition has generated the special place of the Polish diasporas in the foreign policy of the historical homeland and its strong support from the side of the public opinion. But today it is necessary to notice, that the big guaranteed support of the public opinion of the Poland Government actions concerning the Polish diasporas all over the world, including Kazakhstan, has the limited time resource.

The further development of the policy, concerning the compatriots diasporas, will overpass in the struggle of the aspirations of the national-patriotic idea preservation and integration deepening into the all-European political and economical space. Throughout this the Polish society support of either direction will play the big and defining role.

ZHOLDYBALINA A.S.

3rd year Ph.D Student L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

THINK TANKS DEVELOPMENT'S TRENDS OF THE U.S. AND EU

This article discusses the role and importance of think tanks in the United States in political decisions, public policy, domestic and foreign policy. To analyze the definition of American scientists, as well as reveal the reasons for the emergence and dissemination of analytical centers in the United States. The author describes the stages of development, represents a function, and provides a typology of think tanks. Particular attention is paid to the study of analytic functions of the centers in the U.S. and on the basis of factual material in detail reveals the function of "revolving door" and its importance in training for U.S. policy in different periods of history.

Also the author considers the peculiarities of the development of analytical centers in the U.S. and EU countries. The author reveals in detail the reasons for the development of analytical centers in the U.S. and EU countries. And also examines the characteristics of funding think tanks, defining their basic mechanisms.

The author presents a typology of think tanks, and using a comparative analysis indicates differences between American and European think tanks. Analyzes and reveals the role and place of think tanks in the U.S. political process, as well as in the integration processes of the EU countries, and also gave several examples of the work of think tanks.

The author believes that the main factors contributing to the development of think tanks in the U.S. were:

- particular political system, separation of powers into executive and legislative power, characterized by its decentralization of;
- complexity of social and economic system;
- lack of political expertise through political parties;
- the existence of the philanthropic community, ie tax laws that encourage private philanthropy;
- lack of strict political discipline;
- work of charitable foundations, ie strong tradition of charity;
- the development of science (physics first, and then the social sciences);

- tax exemption: as income, and on donations;
- a strong civil society.

The main factor in the development of think tanks in Europe was the emergence of stable democratic governments in Western Europe in the postwar period.

The next factor – the openness of the government in recent decades. This trend was visible in the member states and Brussels, where European Commission has pursued an active policy of inclusion of civil society and other groups such as nongovernmental organizations and think tanks in the decision making process.

ЖОЛДЫБАЛИНА А.С.

Докторант Ph.D 3 курса Евразийского национального университета им Л.Н.Гумилева (Астана, Казахстан)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ США И СТРАН ЕВРОСОЮЗА

В данной статье рассматривается роль и значение аналитических центров в США при принятии политических решений, формировании государственной политики, внутренней и внешней политики страны. Анализируется дефиниции американских ученых, а также раскрываются причины появления и распространения аналитических центров в США. Автор описывает этапы развития, обозначает функции, и приводит типологию аналитических центров США. Особое внимание в статье уделено функциям аналитических центров США и на основе фактического материала детально раскрывает функцию «вращающей двери» и ее значимость в подготовке кадров для политики США в разные периоды истории.

А также автор рассматривает особенности развития аналитических центров США и стран Евросоюза. Автор подробно раскрывает причины развития аналитических центров США и стран Евросоюза. А также анализирует особенности финансирования аналитических центров, определяет основные их механизмы.

Автор представляет типологию аналитических центров, и используя сравнительный анализ обозначает отличия американских и европейских аналитических центров. Анализирует и раскрывает роль и место аналитических центров в политическом процессе США, а также в интеграционных процессах стран Евросоюза, а также приводит несколько примеров, характеризующих деятельность аналитических центров.

По мнению автора главными факторами, способствующими развитию аналитических центров в США, были:

- особенности политической системы, т.е. разделение властей на исполнительную и законодательную власть, характеризующейся своей децентрализованностью;
- усложнение социальной и экономической системы;
- отсутствие политической экспертизы через политические партии;
- существование филантропического сообщества, т.е. налогового законодательства, поощряющего частную филантропию;
- отсутствие строгой политической дисциплины;
- работа благотворительных фондов, т.е. сильные традиции благотворительности;
- развитие науки (сначала физики, а потом социальных наук);
- освобождение от налогов: как на доходах, так и на пожертвования;
- сильное гражданское общество.

Главный фактор развития аналитических центров в Европе было появление устойчивых демократических правительств в Западной Европе в послевоенный период.

Следующий фактор – открытость правительства в последние десятилетия. Такая тенденция была видима в государствах-членах и в Брюсселе, где Европейская комиссия преследовала активную политику включения гражданского общества и других групп, таких как неправительственные организации и аналитические центры, в процесс принятия решений.



Антуан Пеку

Әлеуметтік антропология ғылымдарының докторы, ЮНЕСКО-ның халықаралық көші-қон секциясының қызметкері

Поль де Гюштенер

ЮНЕСКО-ның халықаралық көші-қон секциясының басшысы

Шекарасыз көші-қон. Адамдардың еркін орын алмастыруы жөнінде эссе

Антуан Пеку және Поль де Гюштенердің редакциясымен. Орыс тіліне аударған Александра Калинина. Орыс нұсқасының редакторлары: Жанна Зайончковская және Елена Тюрюканова. ISBN 978-5-86103-070-0 <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001557/155779R.pdf>

Халықаралық көші-қон мәселесі жетекші елдердің қоғамдық-саяси пікірталастарында үлкен маңызға ие, себебі адамдардың орын алмастыруы мемлекет тарапынан үдерісті реттеу талпынысына қарамастан алаңдаушылық сезімін тудырады. Осы контексте кітапта ұсынылған сценарий көші-қон ағынын бақылау және шектеу қажеттілігі туралы дәстүрлі пікірге қарсы келіп, ағымдағы пікірталасқа жаңа идея ұсынады. Кітапта шекараларды ашу тұжырымдамасымен байланысты мәселелерге талдау жасалған. Олар әдеп, адам құқықтары, экономикалық даму, саясат, әлеуметтік тұрақтылық және әлеуметтік қамтамасыз ету тұрғысынан қарастырылады. Еуропадағы, Солтүстік Америкадағы және Азиядағы көші-қон ағындарын басқаруына, адамдардың еркін орын алмастырылуына деген теориялық көзқарастарға

терең және нақтылы мысалдар негізінде талдау жасалады. Орын алмастыру еркіндігі құқығы мәселенің басшылыққа ала отырып, талдау жасай отырып, авторлар ұлттық шекараларды ашуға ғана емес, жаһандану жағдайындағы әлемдегі халықаралық көші-қон болашағына жаңа көзқараспен қарауға шақырады.

Антуан Пеку әлеуметтік антропология ғылымдарының докторы дәрежесін Оксфорд университетінде алып, Ұлыбританияның, Германияның, Францияның көптеген зерттеу орталықтарымен бірлесіп қызмет етеді. Қазіргі уақытта ЮНЕСКО-ның халықаралық көші-қон секциясында қызмет атқарады.

Поль де Гюштенер ЮНЕСКО-ның халықаралық көші-қон секциясының басшысы. Осыған дейін Нидерландыдағы қоғамдық ғылымдар жөніндегі Штейнметц-Мұрағатының директоры, сонымен бірге, Мәліметтерді жинау және сақтаумен айналысатын ұйымдардың халықаралық федерациясының (International Federation of Data Organizations) президенті болған.

Antoine Pecoud

Doctor of Social Anthropology, official of International Migration Section of UNESCO

Paul de Guchteneire

Head of International Migration Section of UNESCO

Migration without boundaries. Essay on the free movement of people

Edited by Antoine Pecoud and Paul de Guchteneire. Translated by Alexandr Kalinin. Editors of Russian version: Zhanna Zayonchovskaya and Yelena Tyuryukanova. ISBN 978-5-86103-070-0. <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001557/155779R.pdf>

International migration takes an essential place in social and political discussions in many countries, as the movement of people which are often done despite the attempts of countries to regulate the process is very disturbing. In such context scenario offered in this book challenge to the traditional opinion on necessity of control and restrictions over migration flows, introduce a new idea into current discussions. Problems related to conception of opening of borders are analyzed in this book. They are considered from the point of view ethics, human rights, economic development, politics, social stability and social maintenance. The theoretical approaches to free movement of people, management of migration flows in Europe, North America and Asia are analyzed thoroughly and by way of specific examples. Raising a question on right for freedom of movement and analyzing this right, authors of the book call to open national borders and have a fresh look at the future of international migration in globalizing world.

Antoine Pecoud have obtained DP title in social anthropology in Oxford University and cooperates with a number of research centers in Great Britain, Germany and France. Nowadays he works in the Section of international migrations of UNESCO.

Paul de Guchteneire is a Head of International Migrations Section of UNESCO. Before he was a Director of Steinmetz Archive on social science in Netherlands and a President of International Federation, which engaged in collection storage of data (International Federation of Data Organizations).

Антуан Пеку

Доктор наук по социальной антропологии, сотрудник секции международных миграций ЮНЕСКО

Поль де Гюштенер

Руководитель секции международных миграций ЮНЕСКО

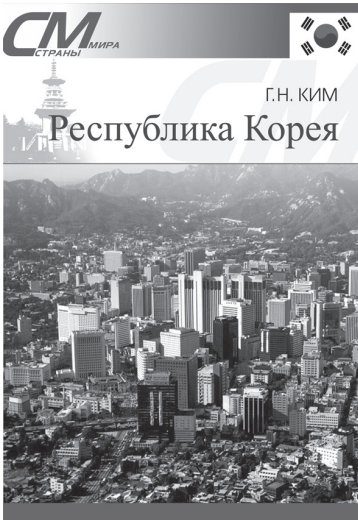
Миграции без границ. Эссе о свободном передвижении людей

Под редакцией Антуана Пеку и Поля де Гюштенера. Перевод на русский язык Александра Калинина. Редакторы русской версии: Жанна Зайончковская и Елена Тюрюканова. ISBN 978-5-86103-070-0 <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001557/155779R.pdf>

Международные миграции занимают важное место в общественно-политических дискуссиях, ведущихся во многих странах, поскольку передвижения людей, зачастую происходящие вопреки попыткам государства регулировать процесс, вызывают беспокойство. В этом контексте сценарий, предложенный в данной книге, бросает вызов традиционному мнению о необходимости контроля и ограничения миграционных потоков, вносит новую идею в идущие ныне споры. В книге анализируются проблемы, возникающие в связи с концепцией открытия границ. Они рассмотрены с позиций этики, прав человека, экономического развития, политики, социальной стабильности и социального обеспечения. Углубленно и на конкретных примерах анализируются теоретические подходы к свободному передвижению людей, управлению миграционными потоками в Европе, Северной Америке и Азии. Ставя вопрос о праве на свободу передвижения, и анализируя это право, авторы призывают не только открыть национальные границы, но и посмотреть свежим взглядом на будущее международных миграций в глобализирующемся мире.

Антуан Пеку получил степень доктора наук по социальной антропологии в Оксфордском университете и сотрудничает с несколькими исследовательскими центрами в Великобритании, Германии и Франции. В настоящее время он работает в секции международных миграций ЮНЕСКО.

Поль де Гюштенер руководитель секции международных миграций ЮНЕСКО. До этого он был директором Штейнметц-Архива по общественным наукам в Нидерландах и президентом Международной федерации организаций, занимающихся сбором и хранением данных (International Federation of Data Organizations).



Ким Герман Николаевич

Тарих ғылымдарының докторы, профессор, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің Кореятану орталығының директоры, Қазақстан Республикасының еңбек сіңірген қайраткері

Корея Республикасы

Республика Корея / Г. Н. Ким. – Алматы: Дайк-Пресс, 2010. – 584 с. ISBN 978-601-7170-98-1

«Дайк-Пресс» баспасының «Әлем елдері» сериясынан «Корея Республикасы» ғылыми-анықтамалық басылымы өзінің дамуының қарқындылығымен, экономикалық сәттіліктерімен және білім беру, ғылым, спорт, мәдениет салаларындағы жетістіктерімен таң қалдырған Азияның қазіргі заманғы мемлекеті туралы кең көлемді сипаттама беретін алғашқы орыс тілді кітап болып табылады.

Ғылыми-ақпараттық айналымға статистикалық мәліметтер түрінде, мерзімді басылымдардан, академиялық жарияланымдардан, ғаламтор сайттарындағы материалдардан алынған елтану мәліметтерінің кең көлемі жинақталған.

Кітап ғалымдар, журналистер, бизнесмендер, мемлекеттік қызметкерлер, студенттер, корей ассоциацияларының, қоғамдық ұйымдардың басшылары үшін қызықты әрі пайдалы, сонымен бірге, Қазақстанның стратегиялық серіктестігі болып табылатын Оңтүстік

Кореяға деген қызығушылығы бар оқырмандардың кең ауқымына арналған.

Kim German Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of Centre of Korean Studies of KazNU named after Al-Farabi, Honoured Science Worker of Republic of Kazakhstan

Republic of Korea

Republic of Korea / Kim German – Almaty: Daik-Press, 2010. – P. 584 ISBN 978-601-7170-98-1

Science and reference book «Republic of Korea» from the series of «World Countries» published by «Daik-Press» has been a first book in Russian which includes a large-scale description of modern country in Asia, which has amazed the world for its development dynamics, impressive economical progresses and achievements in education, culture, science and sport.

A massive value of country specific information extracted from a wide range of sources in the form of statistical data, from periodical press, academic published works and materials from numerous web-sites is introduced into science and informational circulation.

The book is dedicated to a wide section of readers, it shall be useful and interesting for scientists, journalists, businessmen, public officers, students, leaders of Korean associations, social organizations and for those who are interested in Southern Korea, which have been one of the strategic partners of Kazakhstan.

Ким Герман Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, директор Центра корееведения КазНУ им. аль-Фараби, заслуженный деятель Республики Казахстан

Республика Корея

Республика Корея / Г. Н. Ким. – Алматы: Дайк-Пресс, 2010. – 584 с. ISBN 978-601-7170-98-1

Научно-справочное издание «Республика Корея» из серии «Страны мира» издательства «Дайк-Пресс» стало первой русскоязычной книгой, содержащей широкоформатную характеристику современного государства Азии, поразившего весь мир динамизмом своего развития, впечатляющими экономическими успехами и достижениями в области образования, культуры, науки, спорта.

В научно-информационный оборот вводится массивный объем страноведческих сведений, извлеченных из широкого круга источников в виде статистических данных, периодической печати, академических публикаций, материалов из множества сайтов Интернета.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, она будет полезна и интересна для ученых, журналистов, бизнесменов, государственных служащих, студентов, руководителей корейских ассоциаций, общественных организаций и всем тем, кто интересуется Южной Кореей, ставшей одним из стратегических партнеров Казахстана.



Зайончковская Жанна Антоновна

География ғылымдарының кандидаты, Көші-қон зерттеулер орталығының директоры, РФА-ның Халық шаруашылығы институтының Көші-қонды талдау және болжау зертханасының басшысы

Витковская Галина Сигизмундовна

Экономика ғылымдарының кандидаты, Көші-қонды талдау және болжау зертханасының аға ғылыми қызметкері, Ресейдегі Көші-қон жөніндегі халықаралық ұйымның зерттеу бағдарламасының басшысы

Посткеңестік өзгерістер: көші-қонда көрініс табуы

«Посткеңестік өзгерістер: көші-қонда көрініс табуы»/ Ж.А. Зайончковская және Г.С. Витковская редакциясында / Көші-қон зерттеулер орталығы, РФА-ның Халық шаруашылығын болжау институты. – М.: ИТ «АдамантЪ». – 2009. – 412 б. Кітап Форд қоры мен Мак-Артур қорының қолдауымен басып шығарылған.

Кітап ТМД елдеріндегі халықтың қазіргі заманғы көші-қон мәселелеріне арналып, посткеңестік кезеңді қамтиды. Көші-қон аймақ бірігуі мен дамуының маңызды элементі ретінде көрсетілген. Сонымен бірге, көші-қонның негізгі

басымдықтары, көлемі, көші-қон ағындарының бағыттары мен түрлері, ТМД-ның әр түрлі елдеріндегі қоныс аударушылардың сипаттамалары қарастырылады. Елдер мен адамдар үшін көші-қонның әсері мен салдарына талдау жасалады. Көші-қон тәртібін жеңілдетуге бағытталған көші-қон саясатын өзгерту және ТМД аймағында бірыңғай көші-қон кеңістігін дамыту үшін жағдайлар жасау ұсынылып отыр. Мақала авторлары ТМД елдерінің көші-қон жөніндегі Тәуелсіз зерттеу кеңесінің сарапшылары болып табылады.

Zayonchkovskaya Zhanna Antonovna

Candidate of Geography, Director of Center of Migration Researches, Head of migration analyzing and forecasting laboratory of Institute of Forecasting of National Economy (IPN RAN)

Vitkovskaya Galina Sigizmundovna

Candidate of Economics, senior staff scientist of migration analyzing and forecasting laboratory, Head of Research Program of International Migration Organization in Russia

Former-soviet transformations: reflection in migration

Former-soviet transformations: reflection in migration / Edited by Z.A. Zayonchkovskaya and G.S. Vitkovskaya / Center of migration researches, Institute of Forecasting of National Economy RAN . – Moscow.: «Adamant». – 2009. – 412 pages. The book is published with the assistance of Ford’s Fund and Macarthur’s Fund

The book is devoted to problems of modern migration of population in CIS countries. The time horizon involve former-soviet period. The migration is presented as the most important element of integration and development of the region. The main determinants of migration, dynamics, scales, directions and kinds of migration flows, characteristics of migrants in different CIS countries are considered. Effects and results of migration for countries and people are analyzed. Changes in migration policy intended to facilitation of migration regime and creation of conditions for integrated migration area in region of CIS are offered. Authors of the article are experts of Independent Research Council on migration in CIS countries.

Зайончковская Жанна Антоновна

кандидат географических наук, директор Центра миграционных исследований, руководитель лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования (ИПН РАН)

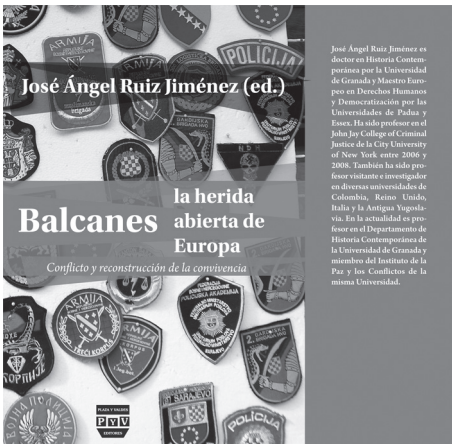
Витковская Галина Сигизмундовна

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции, Руководитель Исследовательской Программы Международной Организации по Миграции в России

Постсоветские трансформации: отражение в миграциях

Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской / Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М.: ИТ «АдамантЪ». – 2009. – 412 с. Книга издана при поддержке Фонда Форда и Фонда МакАртуров.

Книга посвящена вопросам современной миграции населения в странах СНГ. Временной горизонт охватывает постсоветский период. Миграция представлена как важнейший элемент интеграции и развития региона. Рассматриваются основные детерминанты миграции, динамика, масштабы, направления и виды миграционных потоков, характеристики мигрантов в разных странах СНГ. Анализируются эффекты и последствия миграции для стран и людей. Предлагаются изменения миграционной политики, направленные на облегчение миграционного режима и создание условий для развития единого миграционного пространства в регионе СНГ. Авторами статей являются эксперты Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ.



қайшылықтар арасында қалдырылған миллиондаған долларға қарамастан, Балқан жаңалықтардағы көптеген оқиғалардың негізі тақырыбына айналды. Осы мәселені зерттеудегі әділетсіз көзқарас Мария Тодорова, Весна Голдсворси және Эдвард Сэд сияқты басқаралмайды, сонымен бірге сипаттамаларына қарамастан, бұрынғы Югославияға жалпы қабылданған жағымсыз наным-сенімдерді күшейтті.

Румындар, арастан, сипатталмайтын, түріктер, немістер, НАТО мен тағы басқалардың көп ғасырлық сыртқы енуіне қарамастан жергілікті тұрғындар шетел интервенциясынан өз пайдасын табуды үйренді, мысалға, Франсиско Вейра La Trampa Balcánica (2002) өз еңбегінде бұл тенденцияны ашып көрсетті. Дегенмен Лондон, Бонн, Мәскеу, Вашингтон және басқа да халықаралық арена ойыншылары әлі де болса Балқан саясатына араласуға тырысады, себебі олардың пікірінше, ел тұрғындары дербес түрді аймақты басқара алмайды, сонымен бірге, осы аймақ мемлекеттері материалдық пайданы, саяси ықпалды және халықаралық атақты көздейді.

Балқан - Еуропаның ашық жарасы еңбегі Балканның халықаралық имиджин сипаттайтын кейбір бұрыс тұжырымдамалардың себептерін талдау жасайды және аймақ тарихы мен қазіргі ахуалына қызығушылық танытқан ғалымдар, журналисттер мен оқырмандар үшін пайдалы құрал болып табылады. Кітаптың басты мақсаты - Балқандағы қақтығыстарға жергілікті халықтың ешқандай қатысы жоқ екендігін, сондай-ақ ғасырлар бойы тоқтамай келе жатқан тартыстарға ел қарғысының еш қатысы жоқ екендігін түсіндіру болып табылады.

Керісінше, авторлар аймақтың тарихын түсіндіретін нақты әлеуметтік, саяси және экономикалық себептердің бар екендігін пайымдайды. Олардың пікірінше, жергілікті шиеленістерге Балқан туралы бұрыс пікір болған шет күштердің өздері үлкен әсерін тигізді. Сонымен бірге барлық пост-югославиялық мемлекеттер Еуроодаққа мүше емес, тұрақты мемлекеттер болып табылады. Олар біртіндеп Еуроодаққа қосылып, өздерінің өмір сүру деңгейлерін жақсаратынына сенуге негіз болатын себептер.

Осы кітап 2006 жылы, яғни соғыс біткеннен соң он жылдан кейін, әр түрлі елдерден келген және әр түрлі мамандық иелері пайдаланып мамандар Гранаданда Балқандағы ахуалға қатысты жаздық курс пен пікір-сайыстар өткізі, пікір жаңарту мен алмасу үшін жиналғаннан кейін жазылды. Осы аталмыш оқиға барысында олар оқырмандарға жан-жақты, бірақ түсінікті болу үшін еңбектерін жинақтайтын қысқаша кітап шығару үшін өздерінің жұмыстарын біріктіруге келісті. Ғалымдар, студенттер мен кез келген қызығушылық танытатын оқырманға жеңіл-желпі журналисттік талдау, соғыс пен саясатқа басым көңіл бөлетін сипаттағы және көп сөзді академиялық монография емес, бай мағлұмат беру мақсатын көздеген кітап негізгі нәтиже болды.

Кітап тарауларының басым көпшілігін жазушы және редакторлаушы Хосе Анхель Руис Хименес, өз мазмұндамасын Балқандармен жиі байланыстыратын және көп жылдар бойы осы сарында дамып келген аңыздар мен жалған сенімдердің пайда болуынан бастайды. Екінші тарауда, балқан саясаты бойынша ең танымал испан сарапшыларының бірі Карлос Тайбо, бұрынғы алты югославиялық республиканың тәуелсіздік күнінен бастап бүгінгі күнге дейінгі даму жолдарына талдау жасайды.

Үшінші тарауды, Босния мен Герцеговинада орын алған СООНО (1991) бастап Косово Күштеріне (1999) дейін әр түрлі халықаралық миссияларға қатысқан генерал Хосе Монастерио Рентерия жазды. Монастерио сол кездегі әскери енуе табиғатын суреттей отырып, өзінің шиеленіс туралы өзінің жеке дара құнды пайымдауларын ұсынады. Аталмыш тарау әскер қызмет ететін адамдардың сезімдерін, шиеленіске деген қатысы және олардың бағасын білу сирек мүмкіншілігін ұсынады, себебі оларда әрдайым әскери алаңдардағы оқиғаларға қатыса отырып, ешқашан өз тәжірибесімен бөлісу мүмкіншілігін иеленбейді. Төртінші тарауда Лондон университетінің серб тарихшысы Деджан Джокич, қалайша ұлттық идентификация Тито режимімен өткізіліп отырған идеологиялық еңдеудегі қарқынды саясаттың бөлігі болғанын зерттейді. Сербияда Слободан Милошевич және Хорватияда Франжо Тиджманның осы саясатты тиімді пайдаланып, жетекші ретінде әрі қарай өсуіне ықпал етті. Джокич ұлттық идентификация табиғаты бойынша қауіпті емес екендігін, бірақ әр түрлі қауымдастықтарда тарихи текіретер орын алған, әсіресе демократиялық емес елдерде қауіпті саяси қару екендігін түсіндіруге тырысады. Бесінші тарау шиеленісті зерттеуші көпшілік ғалымдармен ескерілмеген маңызды әлеуметтік және саяси факторлардың бірі - экономикаға арналған. Мадридтегі Комплетенсе халықаралық зерттеулер институтының Габриэль Флорес, бұрынғы югославиялық республикалардың, оның ішінде Косовоның да экономикалық құрылымдарын сипаттаған терең тәңсіздіктерге талдау жасайды, және осы тәңсіздіктің олардың егемендік алғаннан кейін бағыттарын қалай анықтағандығын көлтіреді.

Алтыншы тарау транзиттік соттың орындалу себептерін және Сербия, Босния-Герцеговина мен Хорватия құрбандарына қатысты өтем, әділдік пен шындық қағидаттарын зерттейді. Нью-Йорк қалалық университетінен - Марша Еспарза және Хосе Анхель Руиз Хименес осы аймақты халықаралық қоғамдастық орнатқан кең таралған мехнизмдерінің көңіл жетпес нәтижелеріне баға береді. Авторлар бұрынғы Югославияға қатысты Халықаралық қылмыстық трибуналға, оқиғалар туралы тарихи жадыға ерекше мән беруге тиісті әрекеттерді анықтау қиындығы мен шыншылдық комиссиясын құруға бағытталған талпыныстарға назар аударады. Руиз бен Еспарза барлық мемлекеттердің өздерін құрбан ретінде сезінетіндігін және олардың көршілері тарапынан жағымсыз қарым-қатынастар орын алғандығын кез келген әрі қарай жақсару мүмкіндігін жоққа шығарады. Хосе Анхель Руис Хименес және Неаполь Университетінен Косово бойынша сарапшы Симон Флорио жазған жетінші тарауда Сербияға қарсы 1991 жылдан Косовода өткізілген Косовоны азат ету әскері егемендік жолындағы 1997 жылғы күрес бастамасын өз қолына алғанға дейінгі зорлыққа негізделмеген әрекеттерді егжей-тегжейлі зерттейді. Руиз бен Флорио Ибрагим Ругов басқарған бейбіт кампаниян үлкен халықаралық назар аудатпады, ал Косовоны азат ету әскері бір жақты түрде Сербиядан Косовоны бөліп алу жағдайын туғызған НАТО әскери араласуына екіліп, халықаралық қауымдастықтың алаңдатушылығын тудырды. Сонымен бірге, Руговтың зорлықсыз стратегиясы шынайы емес, тек қана тиімді болғандығы туралы ой қорытады, себебі ол өзара тиімді статус құру үшін ешқашан сербтермен бейбіт келісімге тырысуға ұмытылмаған. Сірә оның мақсаты АҚШ пен Еуроодақты албандықтардың құрбан болғандығына, осылайша Югославиядан толық егемендік алу үшін Сербияны жазалау керектігіне сендіру болды.

Сегізінші және тоғызыншы тарау осы аймақтың үкіметтік емес ұйымдардың жұмысын сипаттайды. Біріншіден, Халықаралық Әскери Қарсыласудың президенті Говард Кларк тікелей және әділетті түрде сансыз қиыншылықтарды, сондай-ақ өзінің Хорватиядағы, Босния-Герцеговинадағы және Босниядағы он шақты жылдар ішінде жеткен құнды жетістіктерін сипаттайды. Өзінің көпжылдық қажырлы еңбегінен кейін Кларк, соғыс есерін сезінудің негізінен қарапайым адамдар екенін және осылайша біздің жауақершілігіміз біздің қаншалықты бір-бірімізге жақын екендігімізді түсінуді, бір-біріне көмек берудіміз біздің негізгі міндетіміз екендігін тұжырымдайды. Тоғызыншы тарауда Хилари Раминез бен Хосе Анхель Руис Хименес барлық ұлт студенттері үшін арнайы ашылған Босния-Герцеговинадағы ерекше әрі жалғыз университет болып табылатын Мостара Халықаралық университет орталықтың құрылуын сипаттайды. Қызметтер, құрал-жабдықтар, құжырлар екі жергілікті университет пен Гранда университеті арасында бөлінген. Басында, мұндай университет құру жергілікті университеттердің қарсыласуынан мүмкін емес болып көрінген. Сонымен бірге, кейбір үкіметтік емес ұйымдар мен еуропалық үкіметтік делегаттар тараптары татуластыру әрекеттерінде сәтсіздікке ұшырады, ал жоба ресурстардың жетіспеушілігінен тоқтап, оптимизм білдіруге деген сенбелер аз болды. Алайда, мұнда тартылған тараптардың қиялы, сабырлығы, шынайы ниеті, адами қатынасы Мостара Халықаралық Университет Орталығын шынайылық етті. Бұл зорлықсыз азаматтық дипломатиясының құнды тәжірибесі бастама көтерген барлық авторлармен жазылды. Соңғы тарауда Хосе Анхель Руис Хименес бұрын ешқашан алдыңғы қақтығысты қоғамдар талдауында қарастырылмаған аспектіге, яғни адамдардың күнделікті өмірі мен салтына көңіл аударады.

Елді мекеннің алуан түрлі ерекшелігіне орай, автор Мостарадағы ахуалды сипаттайды, өйткені ол шиеленіс әлі де орын алып жатқан орындардың бірі және оның тұрғындары шиеленіске қатысушылардың бірі болып табылады. Он жыл аралығында қалаға алап шеккеннен кейін Руиз адамдардың бүгін қалай қиын кешіп жатқандығы және соғыстың салдары олардың тұрмысына әлі де әсер етіп жатқанын сипаттау үшін өзінің жеке бақылауы, тұжырымдары, пікірлері, бейресми әңгімелер негізінде мазмұндайды.

Негізінен Балқан - Еуропаның ашық жарасы - әр түрлі салалардан академиялық ойлардың алуан түрлілігін үйлестірген балқан тарихының нақты аспектілері және ағымдағы ахуалы жөніндегі анықтамалық еңбек.

Хосе Анхель Руис Хименес

Балқан – Еуропаның ашық жарасы. Шиеленістер мен бірлесіп тірішілік етуді қайта құру

Балқан түбегі католиктер, яхудилер, православетер мен мұсылмандар біріктіре отырып, Шығыс пен Батысты байланыстырады, сонымен бірге мәдени және тарихи маңызы бар жер болып табылады. Аймақ Югославияның құлдырауына әкеліп соққан 1990 жылдардағы соғыстардан кейін қоғамдық қызығушылық ие болды. Аталмыш шиеленістер көп жылдар бұрын ұмытылып келген ортағасырлық өшпенділікті қайта тудырды. Қатыгез оқиғаларға толы соғысты тудырған түсіндіруші фактілер, есепсіз кітаптар мен құжаттар пайда болды.

Бүгінгі күнге дейін саясаткерлер, журналисттер мен ғалымдардың көпшілігі Балқан аймағы туралы өз талдауларын оның қатыгездік сипатын, яғни соғыс, өшпенділік, ұлтжандылық, геноцид, этникалық тазалау, Слободан Милошевич, Радован Карадзич, Франжо Туджман және Ратко Младич сияқты тұлғаларды бабышлыққа ала отырып, негіздеді. Қоғамдық пікірдің пайымдайынша, көптеген бейбітшілік миссиялар мен осы еңгіре инвестиция ретінде тартылған және

Бүгінгі күнге дейін саясаткерлер, журналисттер мен ғалымдардың көпшілігі Балқан аймағы туралы өз талдауларын оның қатыгездік сипатын, яғни соғыс, өшпенділік, ұлтжандылық, геноцид, этникалық тазалау, Слободан Милошевич, Радован Карадзич, Франжо Туджман және Ратко Младич сияқты тұлғаларды бабышлыққа ала отырып, негіздеді. Қоғамдық пікірдің пайымдайынша, көптеген бейбітшілік миссиялар мен осы еңгіре инвестиция ретінде тартылған және

Бүгінгі күнге дейін саясаткерлер, журналисттер мен ғалымдардың көпшілігі Балқан аймағы туралы өз талдауларын оның қатыгездік сипатын, яғни соғыс, өшпенділік, ұлтжандылық, геноцид, этникалық тазалау, Слободан Милошевич, Радован Карадзич, Франжо Туджман және Ратко Младич сияқты тұлғаларды бабышлыққа ала отырып, негіздеді. Қоғамдық пікірдің пайымдайынша, көптеген бейбітшілік миссиялар мен осы еңгіре инвестиция ретінде тартылған және

Бүгінгі күнге дейін саясаткерлер, журналисттер мен ғалымдардың көпшілігі Балқан аймағы туралы өз талдауларын оның қатыгездік сипатын, яғни соғыс, өшпенділік, ұлтжандылық, геноцид, этникалық тазалау, Слободан Милошевич, Радован Карадзич, Франжо Туджман және Ратко Младич сияқты тұлғаларды бабышлыққа ала отырып, негіздеді. Қоғамдық пікірдің пайымдайынша, көптеген бейбітшілік миссиялар мен осы еңгіре инвестиция ретінде тартылған және

Бүгінгі күнге дейін саясаткерлер, журналисттер мен ғалымдардың көпшілігі Балқан аймағы туралы өз талдауларын оның қатыгездік сипатын, яғни соғыс, өшпенділік, ұлтжандылық, геноцид, этникалық тазалау, Слободан Милошевич, Радован Карадзич, Франжо Туджман және Ратко Младич сияқты тұлғаларды бабышлыққа ала отырып, негіздеді. Қоғамдық пікірдің пайымдайынша, көптеген бейбітшілік миссиялар мен осы еңгіре инвестиция ретінде тартылған және

Бүгінгі күнге дейін саясаткерлер, журналисттер мен ғалымдардың көпшілігі Балқан аймағы туралы өз талдауларын оның қатыгездік сипатын, яғни соғыс, өшпенділік, ұлтжандылық, геноцид, этникалық тазалау, Слободан Милошевич, Радован Карадзич, Франжо Туджман және Ратко Младич сияқты тұлғаларды бабышлыққа ала отырып, негіздеді. Қоғамдық пікірдің пайымдайынша, көптеген бейбітшілік миссиялар мен осы еңгіре инвестиция ретінде тартылған және

Бүгінгі күнге дейін саясаткерлер, журналисттер мен ғалымдардың көпшілігі Балқан аймағы туралы өз талдауларын оның қатыгездік сипатын, яғни соғыс, өшпенділік, ұлтжандылық, геноцид, этникалық тазалау, Слободан Милошевич, Радован Карадзич, Франжо Туджман және Ратко Младич сияқты тұлғаларды бабышлыққа ала отырып, негіздеді. Қоғамдық пікірдің пайымдайынша, көптеген бейбітшілік миссиялар мен осы еңгіре инвестиция ретінде тартылған және

Бүгінгі күнге дейін саясаткерлер, журналисттер мен ғалымдардың көпшілігі Балқан аймағы туралы өз талдауларын оның қатыгездік сипатын, яғни соғыс, өшпенділік, ұлтжандылық, геноцид, этникалық тазалау, Слободан Милошевич, Радован Карадзич, Франжо Туджман және Ратко Младич сияқты тұлғаларды бабышлыққа ала отырып, негіздеді. Қоғамдық пікірдің пайымдайынша, көптеген бейбітшілік миссиялар мен осы еңгіре инвестиция ретінде тартылған және

Бүгінгі күнге дейін саясаткерлер, журналисттер мен ғалымдардың көпшілігі Балқан аймағы туралы өз талдауларын оның қатыгездік сипатын, яғни соғыс, өшпенділік, ұлтжандылық, геноцид, этникалық тазалау, Слободан Милошевич, Радован Карадзич, Франжо Туджман және Ратко Младич сияқты тұлғаларды бабышлыққа ала отырып, негіздеді. Қоғамдық пікірдің пайымдайынша, көптеген бейбітшілік миссиялар мен осы еңгіре инвестиция ретінде тартылған және

José Ángel Ruiz Jiménez

Balkans, Europe's Open Scar. Conflict and Reconstruction of Coexistence

The Balkan peninsula conjoins the East and the West, and gathers together Catholics, Jews, Orthodox and Muslims, being a land of unique cultural and historical interest. The region has gained remarkable public interest since the 1990s wars that led to the fall of Yugoslavia. Those conflicts brought back to life medieval enmities that seemed to be buried a long time ago, and innumerable books and documentaries appeared to explain the facts that unleashed a war full of extremely cruel episodes. So far, most politicians, journalists and scholars have focused their analysis of the Balkan region on its violent side: war, hatred, murderous nationalism, genocide, ethnic cleansing and malignant characters such as Slobodan Milosevic, Radovan Karadzic, Franjo Tudjman and Ratko Mladic. Public opinion tends to assume that despite the numerous peace missions deployed or the many millions of dollars invested in the region, remained enmeshed in conflicts, which became the focus of numerous news stories. Undoubtedly, that unfair approach has reinforced the negative prejudices that were already generally accepted concerning the former Yugoslavia, no matter how convincingly they have been dismantled by authors such as Maria Todorova, Vesna Goldsworthy and Edward Said. Curiously enough, after so many centuries of external penetration –Romans, Byzantines, Turkish, Nazi Germans, NATO, etc.- the locals have learned to manipulate foreign interventions to their own benefit, as Francisco Veiga demonstrates in *La Trampa Balcánica* (2002). Nevertheless, London, Bonn, Moscow, Washington and all major chancelleries still feel predisposed to intervene in Balkan politics, both because they consider that the locals are incapable of genuinely rule themselves and because they pursue material benefits, political influence and international prestige.

Balkans, Europe's Open Scar analyses the reasons behind the misconceptions that characterize the international image of the Balkans and is a useful tool for scholars, journalists and readers interested in the history and present state of affairs in the region. The book's overriding aim is to thoroughly explain that the Balkan conflicts are neither related to the violent character of the locals, nor to the secular nature of their apparently never ending squabbles, as if there was a curse put on the country. On the contrary, the authors argue that there are concrete social, political and economic reasons that explain the history of the region, that the local conflicts have been largely influenced by the same foreign powers that misjudge the Balkans, and that there are reasons to believe that all the post Yugoslav states still outside the EU are mostly stable and will be gradually joining it and improving their standards of living.

The book was conceived in 2006, a decade after the last Balkan war came to an end, when specialists from diverse countries and disciplines met in Granada to deliver a summer course and to debate, update and exchange views concerning the situation in the Balkans. During the event, they agreed to combine their expertise to write a concise volume that compiled their work in order to offer a comprehensive but accessible view to readers. The result is a book that aims to offer scholars, students and any interested reader a textbook beyond the abundant superficial journalistic analysis and the long winded and verbose academic monographs which only focus on war and politics.

José Ángel Ruiz Jiménez, who edits the volume and writes most of the chapters, opens the book exposing the origin of the myths and prejudices that are so often associated with the Balkans and how they have evolved over time. In the second chapter, Carlos Taibo, one of the most outstanding Spanish experts on Balkan politics, analyses the different paths the six former Yugoslav republics have taken since their respective independence processes to the present day.

The third chapter is written by General José Monasterio Rentería, who participated in various international missions deployed in Bosnia and Herzegovina, from UNPROFOR (1991) to KFOR (1999). Monasterio describes the nature of those military interventions and offers his valuable personal comments about the conflict. This chapter offers a rare chance to have knowledge of the army sentiments, attitudes and assessments towards the conflict, as they are present on the war grounds but hardly ever have the chance to share their experiences with the societies they represent and are said to fight for. In the fourth chapter, the Serb historian Dejan Djokic, from the University of London, examines how national identity was a fundamental part of the intense indoctrination policies carried out under Tito's regime and how it was again successfully manipulated by Slobodan Milosevic in Serbia and Franjo Tudjman in Croatia to favour their respective promotion as leaders. Djokic's text makes clear that national identity is not dangerous by nature, but can be a deadly political weapon, especially in non democratic countries whose different communities have had historical confrontations. The fifth chapter is devoted to one of the most influential social and political factors, whose importance is surprisingly left out or barely considered by most scholars dealing with conflicts: economy. Gabriel Flores, from the Complutense Institute of International Studies –Madrid-, makes a detailed analysis of the deep inequalities that characterised the economic structures of the former Yugoslav republics –plus Kosovo-, and how that element has determined much of their courses since they became independent.

The sixth chapter studies the challenge of implementing transitional justice and its principles of truth, justice and reparation to victims in Serbia, BiH and Croatia. Marcia Esparza –City University of New York- and José Ángel Ruiz Jiménez evaluate the disappointing results of the abundant mechanisms the international community set in the region. The authors pay special attention to the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, the failed attempts to establish truth commissions and the difficulties to agree on what the historical memory of the events should emphasize. Ruiz and Esparza conclude that all parties feel victimized and mistreated by their neighbours and the international community alike, which makes any significant improvement highly improbable over the coming years. The seventh chapter, written by José Ángel Ruiz Jiménez and the Italian expert on Kosovo from the University of Naples Simone Florio, scrutinizes the non-violent campaigns carried out in Kosovo against Serbia since 1991 until the Kosovo Liberation Army (KLA) took the lead in the fight for independence in 1997. Ruiz and Florio come to a demoralising conclusion: the peaceful campaigns led by Ibrahim Rugova did not attract much foreign attention to Kosovo, whereas the KLA's guns were able to stir up the international community and to provoke the military intervention by NATO which set the conditions for Kosovo to unilaterally secede from Serbia. Furthermore, the authors determine that Rugova's non-violent strategy was not genuine but merely expedient, as it never intended to come to terms with the Serbs to achieve a mutually beneficial status. Rather, the goal was to convince the US and the EU that the Albanians were the victims so they should punish Serbia and help them to achieve full independence from the still named Yugoslavia.

Chapter eight and nine give room to the work of NGOs in the field. Firstly, Howard Clark, president of International War Resisters, describes in a straightforward and truthful style the countless difficulties and also the valuable achievements of his many experiences in Croatia, BiH and Kosovo for nearly a decade. After his tireless years of work in the ground, Clark concludes that those who suffer the effects of wars are mostly average people like everybody else, so it is our responsibility to comprehend how close we all are to each other and to be aware of the duty we have of helping each other. In chapter nine, Hilario Ramirez and José Ángel Ruiz Jiménez describe the making of the International University Centre of Mostar (IUCM), which is the only university place in BiH genuinely open to students of all national identities. The facilities are shared by the two local Universities and the University of Granada. In the beginning, the idea of creating such a place seemed to be unrealistic due to the open resistance of the local universities' representatives to even share the same room or address each other in any way. In addition, some well founded NGOs and European governmental delegates had failed in their attempts to conciliate the parties, and the project suffered from a lack of resources, so there were few reasons to be optimistic. Nevertheless, imagination, patience, good faith, humility, and a person to person approach to the parties involved made the IUCM a reality. This valuable experience of nonviolent civil diplomacy experience is thoroughly described by the authors, who also led the initiative. In the last chapter, José Ángel Ruiz Jiménez focuses on an aspect that is hardly ever considered in the analysis of post conflict societies: people's day to day lives and routines. Due to the large variety of locations to be considered, the author describes the situation in Mostar because it is one of the places where the conflict is still more present and whose population represents most of the features that characterized the conflict. After visiting the city for a decade, Ruiz bases his text on his personal observations, notes, informal conversations, etc. to draw a vibrant picture of how people live today and how the aftermath of war still affect their very existence.

In essence, *Balkans, Europe's Open Scar* is a detailed guide to the most relevant aspects of Balkan history and present state of affairs that keenly combines an enriching variety of academic views from different fields.

Хосе Анхель Руис Хименес

Балканы, открытый шрам Европы. Конфликты и реконструкции сосуществования

Балканский полуостров соединяет Восток и Запад, объединяя католиков, евреев, православных и мусульман, и является землей с культурным и историческим значением. Регион приобрел заметный общественный интерес после войн 1990-х гг., которые привели к падению Югославии. Эти конфликты вновь оживили средневековую вражду, которая, казалось бы, уже давно

была забыта. Появились бесценные книги и документы, объясняющие факты, из-за которых была развязана война, полная чрезвычайно жестоких эпизодов.

До сих пор большинство политиков, журналистов и ученых фокусировали свой анализ Балканского региона на его жестокой стороне: войне, ненависти, кровавом национализме, геноциде, этнической чистке и таких личностях, как Слободан Милошевич, Радован Караджич, Франьо Туджман и Ратко Младич. Общественное мнение имеет тенденцию предполагать, что, несмотря на направленные многочисленные мирные миссии и многие миллиарды долларов, инвестированные в данный регион и оставленные в запутанных конфликтах, Балканы все же стали центральной темой многочисленных историй в новостях. Несомненно, несправедливый подход к изучению данной проблемы усилил негативные предрассудки, которые уже стали общепринятыми в отношении бывшей Югославии, независимо от того, как убедительно они были описаны такими авторами, как Мария Тодорова, Весна Голдсмори и Эдвард Сэд. Как ни странно, после столетий веков внешнего проникновения – румын, византийцев, турок, немцев, НАТО и т. д. – местное население научилось извлекать из иностранных интервенций пользу, так, например, Франциско Вейга демонстрирует это в своей работе *La Trampa Balcánica* (2002). Тем не менее, Лондон, Бонн, Москва, Вашингтон и все основные игроки международной арены все еще желают вмешаться в политику Балкан, потому что они считают, что население страны не может самостоятельно осуществлять руководство, а также потому, что эти страны в основном преследуют материальную выгоду, политическое влияние и международный престиж.

Книга «Балканы, открытый шрам Европы» анализирует причины неправильных концепций, которые характеризуют международный имидж Балкан, а также является полезным инструментом для ученых, журналистов и читателей, заинтересованных в истории и настоящем положении дел в регионе. Первостепенная цель книги – это объяснить, что конфликты на Балканах не имеют никакого отношения к вспыхнувшему характеру местного населения, также как и не относятся к их вековым непрекращающимся спорам, как если бы было наложено проклятие на данную страну. Наоборот, авторы утверждают, что существуют конкретные социальные, политические и экономические причины, которые объясняют историю региона. Они также считают, что на местные конфликты огромное влияние оказали те же самые иностранные силы, которые неправильно судили о Балканах. Кроме того, существуют причины, позволяющие верить в то, что все пост-югославские государства не имеют членства в Европейском союзе и являются, главным образом, стабильными государствами; они постепенно будут присоединяться к Евросоюзу, и тем самым улучшат свой уровень жизни.

Данная книга была завершена в 2006 г., десять лет спустя после того, как закончилась война, когда специалисты из различных стран и по различным дисциплинам встретились в Гранаде для проведения летнего курса и дебатов, для обновления и обмена взглядами в отношении ситуации на Балканах. Во время данного события они согласились объединиться для написания книги, которая суммировала бы их работу с целью презентации всестороннего, но доступного для всех читателей представления. Результатом явилась книга, основная цель которой предложить ученым, студентам и любому заинтересованному читателю учебник, который будет больше, чем поверхностный журналистский анализ и длинная многословная академическая монография, которые только сосредотачиваются на войне и политике.

Хосе Анхель Руис Хименес, который редактирует книгу и пишет большинство ее глав, начинает повествование с изложения происхождения мифов и предубеждений, которые часто ассоциируются с Балканами, и то, как они развивались с течением времени. Во второй главе Карлос Таибо, один из самых выдающихся испанских экспертов по политике на Балканах, анализирует различные пути, которые прошли шесть бывших югославских республик, начиная со дня их независимости и до настоящего времени.

Третья глава написана Гералером Хосе Монастеро Рентерия, который участвовал в различных международных миссиях, развернутых в Боснии и Герцеговине, от СООНО (1991) до Сил Косова (1999). Монастеро описывает природу тех военных вмешательств и предлагает свои личные комментарии по поводу конфликта. Данная глава предлагает редкий шанс узнать, что чувствуют люди, которые служат в армии; каково их отношение и какова их оценка конфликта. Ведь военные присутствуют на военных полигонах, но почти никогда не имеют шанс поделиться своим опытом с обществами, которые они представляют и за которые они борются. В четвертой главе сербский историк Деян Джекич из Лондонского Университета исследует, как национальная идентичность явилась фундаментальной частью интенсивной политики идеологической обработки, проводимой режимом Тито. Слободан Милошевич в Сербии и Франьо Туджман в Хорватии успешно манипулировали этой политикой, которая способствовала их продвижению как лидеров. В своей работе Джекич ясно дает понять, что национальная идентичность не опасна по своей природе, но может быть смертельным политическим оружием, особенно в не демократических странах, в которых имелась историческая конфронтация в различных сообщениях. Пятая глава посвящена одному из самых влиятельных социальных и политических факторов, важность которого до сих пор не учитывалась или принималась во внимание только учеными, имеющими дело с конфликтами, – экономике. Габриэль Флорес, из Института международных исследований Комплутенсе – Мадрид делает детальный анализ глубоких неравенств, которые характеризовали экономические структуры прежних югославских республик – плюс Косово, и как данный элемент определил курс большинства этих государств после обретения ими независимости.

Шестая глава изучает проблемы применения транзитного правосудия и его принципов истины, справедливости и компенсации жертвам в Сербии, Боснии-Герцеговине и Хорватии. Марсия Еспарза (Городской Университет Нью-Йорка) и Хосе Анхель Руис Хименес оценивают неутешительные результаты широко распространенных механизмов, установленных международным сообществом в этом регионе. Авторы обращают особое внимание на Международный уголовный трибунал для бывшей Югославии, неудавшиеся попытки установить комиссии правдивости и трудности договориться о том, чему историческая память событий должна придавать особое значение. Руис и Еспарза заключают, что все стороны чувствуют плохое обращение со стороны их соседей и международных сообществ и ощущают себя жертвами, что делает любое существенное улучшение невероятным в течение последующих лет. Седьмая глава была написана Хосе Анхель Руис Хименес и итальянским экспертом по Косову из Неапольского Университета Симоно Флорио, которые тщательно изучают ненасильственные кампании, проведенные в Косове против Сербии с 1991 г. до тех пор, пока Армия освобождения Косово (АОК) не взяла на себя инициативу в борьбе за независимость в 1997 г. Руис и Флорио приходят к заключению, что мирные кампании во главе с Ибрагимом Руговым не привлекали международное внимание к Косову, тогда как оружие АОК сумело взволновать международное сообщество и спровоцировать военное вмешательство НАТО, которое ввело условия для отделения Косово от Сербии в одностороннем порядке. Кроме того, авторы решают, что ненасильственная стратегия Ругова не была подлинной, а была просто целесообразной, поскольку она никогда не намеревалась достигнуть соглашения с сербами, чтобы достигнуть взаимно выгодного статуса. Скорее цель состояла в том, чтобы убедить США и ЕС в том, что албанцы были жертвами, поэтому они должны наказать Сербию и помочь им (албанцам) достигнуть полной независимости от все еще Югославии.

Главы восемь и девять описывают работу неправительственных организаций в данном регионе. Во-первых, Говард Кларк, президент Международного военного сопротивления, описывает в прямом и правдивом стиле бесценные трудности, а также свои ценные достижения в Хорватии, Боснии-Герцеговине и Косове в течение почти десятилетия. После его неустанных лет работы в местах событий, Кларк заключает, что те, кто страдают от войн, являются, главным образом, обычными людьми, как и все другие. Таким образом, это наша ответственность понять, насколько близки мы все друг к другу, и мы должны осознавать и выполнять нашу основную обязанность – оказание помощи друг другу. В девятой главе, Хиларио Рамирез и Хосе Анхель Руис Хименес описывают создание Международного университетского центра Мостара, который является единственным и уникальным университетом в Боснии-Герцеговине, открытым для студентов всех национальностей. Услуги, помещения и оборудование разделены между двумя местными университетами и университетом Гранады. В начале идея создать такой университет казалась нереальной из-за открытого сопротивления представитель местных университетов находиться в одной комнате, или даже общаться друг с другом. Кроме того, некоторые неправительственные организации и европейские правительственные делегаты потерпели неудачу в своих попытках примирить стороны, а проект пострадал от нехватки ресурсов, таким образом, было немного причин для проявления оптимизма. Однако воображение, терпение, вера в хорошее, смирение и человеческий подход к вовлеченным сторонам сделали Международный центр университета Мостара реальностью. Этот ценный опыт ненасильственной гражданской дипломатии полностью описан авторами, которые также проявили инициативу в этом процессе. В последней главе Хосе Анхель Руис Хименес сосредотачивается на аспекте, который почти никогда не рассматривался в анализе прошлых конфликтов обществ – повседневной жизни людей. Из-за того, что необходимо учитывать большое разнообразие местоположений, автор описывает ситуацию в Мостаре, потому что это одно из мест, где конфликт все еще присутствует, и чье население представляет собой большинство особенностей, которые характеризуют конфликт. После посещений и исследований города в течение десяти лет Руис основывает свое повествование на своих личных наблюдениях, заметках, неформальных беседах и т. д., для того чтобы получить яркую картину того, как люди живут сегодня и как последствия войны все еще затрагивают их существование.

В основном, «Балканы, открытый шрам Европы» – это детальный справочник по определенным аспектам балканской истории и текущему состоянию дел, который комбинирует разнообразие академических представлений из различных областей.



АҚПАРАТТЫҚ ХАТ

Қазақстан халқы Ассамблеясы ТМД қатысушы-мемлекеттердің Мемлекетаралық гуманитарлық әріптестік қорының қолдауымен және басшылығымен Қазақстан Республикасында «Болашақ үшін ұмытпау» атты жобаны жүзеге асырып отыр.

Гуманитарлық білім, тарихи мұра салаларының ықпалдастыру мүмкіндіктерін қолдану, Достастық елдерінің ортақ мәдени және гуманитарлық мұрасына, сан алуандылық тәжірибесіне қолжетімділікті қамтамасыз ете отырып, Еуразия кеңістігінің жаңа ұйыстырушы тұжырымдарын қалыптастыру жобаның жүзеге асырудағы басты мақсат болып табылады.

Қазақстан халқы Ассамблеясының мәдениетаралық диалог және толеранттылық саласындағы ауқымды тәжірибесін, сонымен қатар, мемлекетаралық өзара іс-қимыл және ықпалдасу тәжірибесін ескере отырып, ҚХА ұсынған жоба тарихи ғылымдарды, гуманизм мен Достастық елдерінің өткен ортақ тарихын әрі қарай дамытудағы әріптестікті нығайтуға негіз болады деп күтілуде.

Аталған жобаны жүзеге асыруда жастарды қоғамдық жұмыстарға белсенді түрде тарта отырып, олардың санасында өзара қарым-қатынас пен жаңаруға деген талпыныс қасиетін жетілдіру, әрбір жеке тұлғаның қабілеттері мен дарынын дамытуға үйлесімді жағдайлар жасауды қамтамасыз ету жоспарланған.

Аталған жоба аясында 2010 жылғы 27-30 мамыр аралығында ғалымдар мен зерттеушілердің, сонымен қатар, жас ғалымдар мен шығармашылық саласының жас өкілдері, мемлекеттік органдар, азаматтық қоғам институттарының қатысуымен Тарихшылар форумы – «Тарихтан – қазіргі заманға дейін» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция өтеді.

«1930-1950 жж. халықтарды Қазақстанға жер аудару» тақырыбындағы халықаралық әлеуметтік жоба конференцияның басты және ғылыми негізі болады деп күтілуде. Аталған әлеуметтік жобаның тұсаукесерін конференция барысында есеп беру және сұхбаттардан құралған деректі фильм түрінде өткізу жоспарланып отыр.

Конференцияда 5 секцияның жұмысы, сондай-ақ музей қызметкерлеріне арналған «Музей жандық сипатта: процесс және басымдықтар» атты семинар-тренинг ұйымдастырылады.

Секциялар жұмысы келесі бағыттар бойынша жүргізіледі:

- «Ортақ тарихи кеңістікте. ТМД елдерінің ғылыми мектептері аясындағы тарихи білімнің теоретикалық-әдістемелік мәселелері»;
- «Әлеуметтік сауалнамалар негізіндегі тарихтың ортақтығы»;
- «Қазақстанға мәжбүрлі түрде қоныс аудару: тарихи жадынама»;
- «Депортация тарихы: сан алуан халықтардың тағдыры»;
- «Тарихи және тағдыр ортақтығы еуразия кеңістігі халықтарын ұйыстыру факторы» атты дөңгелек үстел отырысы («АЛЖИР» музей-мемориалдық кешенінің негізінде) өтеді.

Тарихшылар форумы аясында әр түрлі іс-шаралар, белгілі тұлғалармен, қуғын-сүргінге ұшыраған азаматтардың ұрпақтарымен кездесулер өткізуді, журналдар мен кітаптардың тұсаукесерін, ауқымды мәдени бағдарламаны ұйымдастыру жоспарланып отыр.

Аталған бағыттар ұлттық мәдениеттер мен ТМД мемлекеттері-қатысушыларының жинақталған мүмкіндіктерін жетілдіру негізінде ғылыми мектептерді дамыту, ғылыми қауымдастықтың күшін біріктіру, сондай-ақ тарихи ғылымдар саласын зерттеу мен мәдениетаралық диалогты нығайтуға мүмкіндік береді.

Достастық елдерінен келген жастардың қатысуымен 2010 жылғы 13-15 тамыз аралығында өтетін «Ұмытуға болмайды» тақырыбындағы авторлық әндер фестивалі жас ұрпақ бойында мәдениетаралық диалог, патриотизм, гуманизм, толеранттылық және мәдениет негіздерін қалыптастыруға негіз болады.

Тарихшылар форумына қатысуға сұраным мен баяндама тақырыптарын (стандартты нысан) 2010 жылдың 1 мамырына дейін, авторлық әндер фестиваліне 2010 жылдың 25 шілдесіне дейін жіберу қажет.

e-mail: alzhir@bk.ru; s_group@mail.ru

Ұйымдастыру комитетінің координаттары:

- Астана қаласы,
- «Қазақстан халқы Ассамблеясының қоры» ҚҚ,
- тел. 8 (7172) 32-62-16; 39-05-65;
- «Жастар» сарайы,
- «АЛЖИР» музей-мемориалдық кешені,
- тел. 8 (7172) 32-01-01, ф: 32-67-13.
- Жобаның ұлттық үйлестірушісі - Хусаинова Априза Хусаиновна
- тел. 8 (701) 5278086, 8 (7172) 77-95-44, үт. 35-46-74

INFORMATION LETTER

The Assembly of People of Kazakhstan under the authority of and with the support of the Intergovernmental Foundation for Educational, Scientific and Cultural Cooperation in the Republic of Kazakhstan is carrying out the project «Memory for the Future».

The purpose of the project implementation is an active use of unique integrated potential of humanitarian knowledge, education, historical heritage, formation of new consolidating concepts of the Eurasian space through an effective application of experience and achievements in intellectual spheres ensuring access to a common cultural and humanitarian heritage and a variety of the Commonwealth states.

In a view of big experience of the Assembly of People of Kazakhstan in the sphere of intercultural dialogue and tolerance as well as practice of intergov-

ernmental interaction and integration, the APK project proposed serves to strengthen further cooperation for development of historical science, humanism and solicitous attitude to common historical past of the Commonwealth states.

The active engagement of the youth in the project implementation is supposed, that will promote development of conscious solidarity in the youth and aspiration to dialogue, transformation, maintenance of harmonious conditions for development of abilities and talents of each personality regardless the country of residence.

As part of the project the Forum of Historians – international scientific conference «From History to Modern Times» will be held May 27-30, 2010. Scholars and researchers, including young scientists and creative youth, representatives of state bodies, institutes of a civil society will be involved in the conference par-

icipation and attendance. The scientific basis for this conference will serve sociological project «Deportation of Peoples to Kazakhstan in 1930-1950: Community of History», which is planned to be presented at the conference in the format of report and documentary movie with video inserts from the interviews.

During the conference there will be 5 sections working, including a workshop for the museum officials – «Museums in Global Context: Process and Priorities».

The work of sections would be carried out in the following directions:

- «In Common Historical Space. Theoretical and methodological problems of historical knowledge within the framework of scientific schools of the CIS states»;
- «Community of History through a Prism of Sociological Polls»;
- «Forced Migration to Kazakhstan: Historical Retrospective»;
- «Deportation History: Destiny of Different Nations»;
- Visiting session (on the basis of the museum-memorial complex "ALZHIR"), round-table talk "Community of History and Destinies as a Factor for Consolidation of Peoples of the Eurasian Area".

Presentations of magazines and books, meetings with the representatives of academic elite, including descendants of the deported and repressed people, broad

cultural program are planned at the Forum of Historians.

It will allow to unite efforts of scientific community, research in the field of historical science, to strengthen intercultural dialogue on the basis of interenrichment of national cultures and potential saved in the CIS states - participants to develop academic schools.

The youth festival of the guitar poetry «Never to be forgotten» August 13-15, 2010 with participation of the youth from the Commonwealth states will promote creation of intercultural dialogue in the young generation, the youth education in the spirit of patriotism, humanism, tolerance and culture.

It's necessary to send the application forms for participation in the Forum of historians and the report texts (the form is standard) until May 1, 2010, for participation in the festival of the guitar poetry until July 25, 2010.

E-mail: alzhir@bk.ru; s_group@mail.ru

Organizing Committee:

Astana, BF «Fund of the Assembly of People of Kazakhstan», tel.: 8 (7172) 32-62-16; 39-05-65;

Museum-memorial complex «ALZHIR», tel.: 8 (7172) 48-43-91, 48-43-90, 49-94-55, 48-37-74, 20-44-95, tel./fax. 41-94-14

Palace of youth «Zhastar», Museum «ALZHIR» 32-01-01, tel./fax. 32-67-13

National coordinator of the project – Khussainova Aprisa Khussainovna

tel. 8 (701) 527-80-86, 8 (7172) 77-95-44, 35-46-74.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Ассамблея народа Казахстана под эгидой и при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ в Республике Казахстан реализует проект «Память во имя будущего».

Целью реализации проекта является активное использование уникального интеграционного потенциала сферы гуманитарного знания, образования, исторического наследия, формирование новых консолидирующих концептов Евразийского пространства через эффективное использование опыта и достижений в интеллектуальных сферах, обеспечивающих доступ к общему культурному и гуманитарному наследию и разнообразию стран Содружества.

С учетом обширного опыта Ассамблеи народа Казахстана в сфере межкультурного диалога и толерантности, а также практики межгосударственного взаимодействия и интеграции, предлагаемый АНК проект служит укреплению дальнейшего сотрудничества в развитии исторической науки, гуманизма и бережного отношения к общему историческому прошлому стран Содружества.

Предполагается активное включение молодого поколения в реализацию проекта, что будет способствовать формированию у молодежи сознательной солидарности и стремления к общению, преобразованию, обеспечению гармоничных условий для развития способностей и талантов каждой личности, независимо от страны проживания.

В рамках проекта 27-30 мая 2010г. состоится Форум историков – международная научно-практическая конференция «От истории – к современности» с широким привлечением ученых и исследователей, в том числе молодых ученых и творческой молодежи, представителей государственных органов, институтов гражданского общества. Базовой и научной основой конференции послужит международный социологический проект «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории», который планируется презентовать на конференции в формате отчета и документального фильма с видеовставками из интервью.

На конференции предполагается работа 5-ти секций, в том числе проведение семинара-тренинга для музейных работников – «Музеи в глобальном контексте: процесс и приоритеты».

Работа секций будет осуществлена по следующим направлениям:

- «В общем историческом пространстве. Теоретико-методологические проблемы исторического знания в рамках научных школ стран СНГ»;
- «Общность истории через призму социологических опросов»;
- «Вынужденная миграция в Казахстан: историческая ретроспектива»;
- «История депортации: судьбы разных народов»;
- выездное (на базе музейно-мемориального комплекса «АЛЖИР») заседание круглого стола «Общность истории и судеб как фактор консолидации народов евразийского пространства».

В рамках Форума историков запланированы презентации журналов и книг, встречи с представителями научной элиты, в том числе с потомками депортированных и репрессированных, обширная культурная программа.

Это позволит на основе взаимообогащения национальных культур и накопленного в государствах-участниках СНГ потенциала в развитии научных школ объединить усилия научного сообщества, исследования в области исторической науки, укрепить межкультурное общение и диалог.

Молодежный фестиваль авторской песни «Забвению не подлежит» – 13-15 августа 2010г. с участием молодежи стран Содружества будет способствовать формированию у молодого поколения межкультурного диалога, просвещения и воспитанию молодежи в духе патриотизма, гуманизма, толерантности и культуры.

Заявки на участие в Форуме историков и тексты докладов [форма - стандартная] необходимо направить до 1 мая 2010г., в фестивале авторской песни - до 25 июля 2010г.

e-mail: alzhir@bk.ru; s_group@mail.ru

Координаты Оргкомитета:

Астана, ОФ «Фонд Ассамблеи народа Казахстана», тел.: 8 (7172) 32-62-16; 39-05-65;

Музейно-мемориальный комплекс «АЛЖИР», тел. 8 (7172) 48-43-91, 48-43-90, 49-94-55, 48-37-74, 20-44-95, тел/факс 41-94-14.

Дворец молодежи «Жастар», музей «АЛЖИР» 32-01-01, 32-67-13

Национальный координатор проекта – Хусаинова Априза Хусаиновна

тел. моб.: 8 (701) 527-80-86, 8 (7172) 77-95-44, д.т. 35-46-74

АВТОРЛАР ҮШІН АҚПАРАТ

Журнал редакциясы жариялауға мақалалар қабылдайды. Мақаланы жазған кезінде келесі талаптарды ұстануыңызды сұраймыз:

1. Қазақ, орыс немесе ағылшын тілдеріндегі 10-15 беттік мән 14 кегілмен, бір интервалда «Times New Roman» қаріпімен теріліп, Word for Windows пішімінде сақталуға тиіс.
2. Мақаланы жазған кезде мынатурғыдағы талаптарды ұстану қажет:
 - *Автордың аты-жөні*
 - *Жұмыс орны, лауазымы*
 - *Ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы*
 - *Мақаланың аты (жол ортасында, нүктесіз жазылады)*
 - *Мақаланың мәтіні*
 - *Байланыс телефондары, факс, электрондық адрес*
3. Пайдаланған әдебиеттерге сілтемені әр бетте тікбұрышты жақшада көрсетілуі тиіс. Автор өз мақаласында қолданған дәйексөздер, сан немесе басқа да қолданған ақпараттарға сілтеме көрсетуі керек. Аббревиатуралар түсіндіріледі.
4. Мақала электронды түрде және қағазға басылған түрінде қабылданады. Мақалаларға орыс және ағылшын тілдерінде түйіндемелер болуы қажет. Түйіндеменің көлемі 250-300 сөзден жазылады.
5. Редакцияның мақалаларды іріктеп алуға және авторға ескерте отырып редакторлық түзету енгізуге құқы бар.

Мақалалар журналдың электронды адресіне **ispr@ispr.kz** жиберіледі.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала принимает статьи для публикации. При оформлении статьи просим соблюдать следующие правила:

1. Текст объемом 10-12 страниц на казахском, русском или английском языках должен быть набран 14 кеглем, одинарным интервалом, шрифт «Times New Roman» и сохранен в формате Word for Windows.
2. При написании статьи необходимо придерживаться следующих правил:
 - *Ф.И.О. автора;*
 - *Официальное место работы и должность;*
 - *Ученая степень, ученое звание;*
 - *Название статьи (прописными буквами в середине строки, без точки);*
 - *Текст статьи;*
 - *Номера контактных телефонов, факса, адрес электронной почты*
3. Сноски на литературные источники должны указываться в квадратных скобках постранично. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.
4. Статьи предоставляются в электронной версии и в распечатанном виде.
5. Необходимо наличие резюме статьи на русском и английском языках. Количество слов в резюме 250-300.
6. Редакция оставляет за собой право отбора статей и внесения редакторских правок с обязательным информированием об этом автора.

Статьи высылаются на электронный адрес редакции журнала: **ir@ispr.kz**

INFORMATION FOR FUTURE AUTHORS

The magazine staff calls for articles to publish. The articles should meet the following requirements:

1. Text should not be more than 10-15 pages; languages are Kazakh, Russian and English, 14th font, one space interval, Times New Roman, Word for Windows.
2. Articles should contain the following information:
 - *Author's full name;*
 - *Employment information, including position;*
 - *Academic degrees and titles;*
 - *Article's title (in capital letters, in the center, without period);*
 - *Text of the article;*
 - *Contact information (telephone, fax, email)*
3. Sources should be cited in square brackets at each page. Authors must indicate all sources of quotations, figures and other information cited in an article. All abbreviations should be explained.
4. Articles should be submitted in electronic and paper-based forms.
5. Articles should have an abstract in Russian and English limited by 250-300 words.
6. The publisher reserves the right to select and edit articles and would inform authors about corrections made.

Articles should be sent to the magazine email: **ispr@ispr.kz**

ҚҰРМЕТТІ ОҚЫРМАН!

Журналға жазылу жөнінде ақпаратты мына
www.ispr.kz
сайтынан немесе
+7 (7172) 457 003, 457 002, 466 234
телефондары бойынша алуға болады.

DEAR READERS!

The subscription information can be found on the website:
www.ispr.kz
or by phone
+7 (7172) 457 003, 457 002, 466 234

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ

Информацию по подписке на журнал можно получить на сайте
www.ispr.kz
или по телефонам.:
+7 (7172) 457 003, 457 002, 466 234.

ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦЕССИ-КАЗАХСТАН

Изучение общественного
мнения и маркетинговые
исследования
в Казахстане и странах
Центральной Азии

Ракишева Ботагоз Ислямовна –
директор Института сравнительных
социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан,
кандидат социологических наук

Республика Казахстан
010000 г. Астана
пр. Абая 86 (30), офис 1
Тел/факс: +7 (7172) 32-78-52
e-mail: cessi_kazakhstan@cessi.kz
<http://www.cessi.kz>



Әлеуметтік-Саяси Зерттеулер Институты
Institute for Socio-Political Research
Институт Социально-Политических Исследований

Institute for Socio-Political Research (ISPR-Kazakhstan)

ISPR is a dynamically developing research company which focuses on quality analysis of the socio-political processes in Kazakhstan and abroad. The main activities are based on fundamental scientific and applied studies, analytical and expert work.

ISPR Key Areas of Work

- Comprehensive analysis of interethnic and interconfessional situation
- International comparative studies
- Cross studies
- Integrated sociological research
- System analysis of political situation
- Electoral studies, exit-pool
- Rating of political leaders and parties
- Studying and creating image of politicians

The Institute for Socio-Political Research publishes a research magazine «INTERNATIONAL RESEARCH. Society. Politics. Economics». The magazine priority is to highlight current social issues. The magazine focuses on results of the research projects conducted in the CIS countries as well as all over the world.

Consulting support for the magazine is provided by famous and outstanding scientists and experts from Bulgaria, United Kingdom, Germany, India, Kazakhstan, China, Lithuania, Poland, Russia, U.S.A., Tajikistan, Turkey, Finland, South Korea, Japan – they are the members of the magazine Editorial Board.

Subscription index: 74270

Editor-in-Chief – Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences

Email: svetlana.kozhirova@ispr.kz

Contact information

010000
Astana, Kazakhstan
Tel./fax:
+7(7172) 466 234,
457 002, 457 003

Email:

bota.rakisheva@ispr.kz
Botagoz Rakisheva –
Program Director
Candidate of Sociological
Sciences

marina.pak@ispr.kz
Marina Pak –
Executive Director
Master of Psychology

www.ispr.kz
ispr@ispr.kz